ОЧЕРКИ

ВЕРХНЕЙ ТАТАРІИ, ЯРКАНДА

и

КАШГАРА

(ПРЕЖНЕЙ КИТАЙСКОЙ ТАТАРІИ)

СОЧИНЕНІЕ

РОБЕРТА ША

Великобританскаго комисара въ Ладакѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Хана, Графскій переулокъ, д. № 5

1872

ОЧЕРКИ

ВЕРХНЕЙ ТАТАРІИ, ЯРКАНДА

И

КАШГАРА

(ПРЕЖНЕЙ КИТАЙСКОЙ ТАТАРІИ)

СОЧИНЕНІЕ

РОБЕРТА ША

Великобританскаго комисара въ Ладакѣ

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

Типографія М. Хана, Графскій переулокъ, д. № 5

1872

СОДЕРЖАНІЕ.

ГЛАВА I.

Въ видѣ введенія.

Поселеніе автора въ Гималайскихъ горахъ. — Любопытство притягиваетъ его въ страны, лежащія за гималайскими горами. — Общія физическія отношенія между Тибетомъ и Гималаями. — Страны за Тибетомъ, недоступныя до тѣхъ поръ. — Убіеніе А. Шлагинтвейта. — Посѣщеніе Хотена Джонсономъ. — Предварительное посѣщеніе Ладака авторомъ. — Тибетская плоская возвышенность; холодный вѣтеръ, дующій здѣсь; деревни тибетскія и ихъ жители. — Ламы. — Городъ Ле (Ладакъ). — Встрѣча съ туркестанскими купцами.—Благодарность ихъ за выгодныя условія, достигнутыя чрезъ посредство доктора Кэлэ. — Возвращенія въ Кангру изъ Ладака.— Лишенія, вынесенныя въ проходѣ Бара-Лаха. — Приготовленія къ поѣздкѣ въ Восточный Туркестанъ.—Путешественники принимаютъ на себя характеръ купцовъ.—Мунши Диванъ-Бахшъ избирается конфиденціальнымъ агентомъ и вѣстовымъ путешественниковъ . . 1

ГЛАВА II.

Племена, населяющія Туркестанъ и Татарію.

Характеристика народа Восточнаго Туркестана. — „Татарскіе арійцы.“—Вѣроятіе арійскаго происхожденія первоначальныхъ жителей страны.—Послѣдніе остатки ихъ въ Сарикольѣ.—Тюрки и таджики; Киргизы и сарты.—Народъ Бадахшана и Вахана.—Узбеки, Кипчаки, Туркменцы, Казаки, Кара-Калпаки, Киргизы. — Магометанское вѣроисповѣданіе ихъ.—Поселенцы въ Восточномъ Туркестанѣ; Кашмирцы; Балты; Бадахшане.—Тіанъ-Шанъ; Калмыки. — Великая пустыня; Дуланы.—Зунгарія.—Тунгане; предполагаемое словопроизведеніе этого названія и происхожденіе народа.—Таранчи; Канзу, Чарчандъ.—Что говоритъ о немъ Марко Поло.—Цильмъ—его положеніе.—Талки 22

ГЛАВА III.

Позднѣйшая исторія Восточнаго Туркестана.

Дѣла въ Коканскомъ Ханствѣ; изгнаніе начальника Худа-Яръ-Хана.—Ходжа-Вале-Ханъ; его нашествіе на Восточный Туркестанъ. — Убіеніе имъ А. Шлагинтвейта.—Худа-Яръ-Ханъ возвращается на коканскій престолъ.—Безпорядки въ Кашгарѣ и Яркандѣ.—Движеніе русскихъ въ Западномъ Туркестанѣ.—Разсказъ о возмущеніи тунгановъ противъ китайцевъ.—Набѣгъ киргизовъ на Кашгаръ.—Жестокости, производимыя ими.—Новое нашествіе изъ Андиджана.—Владычество тунгановъ въ Яркандѣ.—Магометъ-Якубъ овладѣваетъ Кашгаромъ и Яркандомъ.—Онъ беретъ титулъ Аталыка-Хази; покоряетъ Хотенъ и убиваетъ Хана-Хабибулла.—Онъ принимаетъ русскаго посланника.—Завоеваніе и обезселеніе Сарыколя.—Хронологическая таблица современной исторіи 40

ГЛАВА IV.

Путешествіе изъ Кангры въ Ладакъ.

Долина Ку-лу.—Яркандскій сирота.—Бара-Лахскій проходъ.—Перемѣна физическихъ свойствъ.—Характеристика сухой полосы.—Равнина Инда.—Обходъ, сдѣланный на Востокъ отъ Ладака въ поискахъ новаго пути.—Выписки изъ дневника.—Хаджи по возвращеніи въ Центральную Азію.—Ихъ взглядъ на христіанъ.—Плосская возвышонность Рупшу. — Китайскія черты народонаселеній. — Озеро Шангонгъ.—Изслѣдованія доктора Кэлэ.—Авторъ присоединяется къ нему и отправляется въ Ле.—Свиданіе съ яркандскимъ посломъ.—Приготовленія для отправки съ посломъ муншн. — Господинъ Дугласъ Форсптъ въ Ле.—Заботы приготовленій.—Аргуны и ихъ подлости.—Предложеніе г. Торпа присоединиться къ автору.—Отъѣздъ изъ Ладака 59

ГЛАВА V.

Путешествіе изъ Ладака къ р. Каракашъ.

Дургу.—Цѣна за шалевую шерсть.—Танксе.—Трудности, сопряженныя съ лошадьми (пони).—Наемъ яковъ.—Входъ въ равнины Чангъ-Ченмо.—Охота на дикихъ яковъ. Ovis Ammon.—Гейвардъ предполагаетъ присоединиться къ намъ.—Извѣстія о странѣ, лежащей на востокъ. — Встрѣча съ Гейвардомъ; его планы. — Доводы противъ

совмѣстнаго путешествія.—Оба путешественника разъѣзжаются.—Странное положеніе, совѣтуемое во время сна на холодѣ.—Равнина Лингзи-Тангъ.—Растеніе „Ловедула“.—Прислуга гудди (изъ Кангры).—Антилопы съ лирообразными рогами.—Лакъ-Цунгъ.—Дикіе яки.—Тибетская діэта.—Леденое озеро.—Видъ Куэнъ-Лунъ.—Рѣка Каракашъ.—Путешествіе вдоль береговъ ея.—Теплые источники.—Каменоломни нефти.—„Кіанги“ или дикіе ослы 74

ГЛАВА VI.

Задержка въ Шакидуллѣ.

Письмо изъ крѣпости Шахидуллы Ходжа.—Тюрки, ихъ одежда и обычаи.—Употребленіе ими имени Тибета.—Еще о путешествіи по берегамъ Каракаша.—Первое зрѣлище киргизской юрты.—Ея обитатели.—Прибытіе тюркскихъ солдатъ.—Путешественникъ посылаетъ съ ними письмо къ царю (Аталыку-Хази).—Пріѣздъ въ Шахидуллу и ожиданіе тамъ приказаній.—Пріѣздъ михмандара отъ кашгарскаго правительства.—Затрудненія вслѣдствія приближенія Гейварда.—Продолженіе выжиданія въ Шахидуллѣ.—Прибытіе посланнаго отъ мунши. — Путешественникъ принимаетъ тюркскую одежду. — Прибытіе Гейварда въ Шахидуллу.—Сообщенія съ нимъ.—Отъѣздъ изъ Шахидуллы 96

ГЛАВА VII.

Отъ Шахидуллы до Ярканда.

Шествіе внизъ по рѣкѣ Каракашу и поворотъ къ проходу Санджу.—Удобства киргизской юрты.—Лошадиное мясо.—Видъ издали туркестантскихъ равнинъ.—Встрѣча съ юзбаши.—Тюркскій образъ сидѣнія.—Дастаръ-ханъ (скатерть или приношеніе пищи). — Посѣщеніе юзбаши.—Остатки скиѳской одежды.—Охота на куропатокъ и другія тюркскія удовольствія. — Туркестантскій домъ. — Письменный этикетъ.—Санджускій бегъ.—Тюркскія сѣдла.—Гудскіе купцы. . 124

ГЛАВА VIII.

Продолженіе путешествія въ Яркандъ.

Пустыня.—Городъ Каргалыкъ.—Характеръ обработанной страны.—Орошеніе и мельницы.—Благосостояніе народа.—Висѣлицы —Беркутъ или охотничій орелъ.—Бактріанскій верблюдъ.—Араба или тюркская телѣга. — Починка дороги въ честь путешественника. — Способъ путешествія.—Юзбаши: его дружелюбіе, живость и хорошія

манеры.—Разговоръ о Коканѣ.—Игра, называемая Ухлакъ.—Бухарскіе хаджи.—Чайная торговля.—Деревня Бора.—Лиророгая антилопа.—Дикіе верблюды.—Вечернія забавы.—Почести, оказанныя путешественнику.—Заготовленіе припасовъ.—Переходъ черезъ рѣку Яркандъ.—Приближеніе къ городу.—Эшафотъ.—Городъ Яркандъ.—Янгъ-Шаръ (новый городъ)! или Китайскій кварталъ. — Отведеніе квартиръ и пріемъ въ Яркандѣ. 148

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ Яркандѣ.

Шахавалъ дадъ-хва; его высокое общественное положеніе. — Посѣщеніе его и хорошій пріемъ, оказанный имъ.—Помѣщеніе путешественника.—Присланная мебель и другіе подарки.—Другое свиданіе съ шахаваломъ. — Убіеніе Шлагинтвейта. — Что сообщаютъ слуги путешественника о городѣ.—Путешественникъ остается дома.—Рамазанъ. — Снова о шахавалѣ. — Разговоръ о китайцахъ и пр.—Гейвардъ 169

ГЛАВА X.

Продолженіе пребыванія въ Яркандѣ.

Юзбаши.—Провинція Сариколь.—Разговоръ съ мунши о дѣтоубійствѣ въ Индіи.—Подарки шахавалу; разговоръ съ нимъ.—Тюркскій взглядъ на этнологію. — Старыя книги. — Распространенность забавъ.—Рождественскіе праздники и подарки. — Путешественникъ даетъ обѣдъ.—Магометанская прислуга. — Подарокъ шахавала. — Случай съ пистолетомъ. — Газель-сайкикъ. — Музыканты. — Новый годъ. — Мороженый виноградъ. — Кашмирскіе злоумышленники. — Анекдотъ про Аталыка.—Снабженіе путешественника деньгами.—Шахавалъ, его историческія познанія. — Распоряженія по поводу продолженія путешествія къ Кашгару 188

ГЛАВА XI.

Отъ Ярканда до Кашгара.

Укрѣпленія яркандскаго Янгъ-Шара. — Исторія Тимура. — Рукавъ рѣки Яркандъ.—Песчаные холмы.—Памирскія горы.—Кизиль Тахъ.—Царскій загородный дворецъ.—Ученость шахавала.—Тюркскія женщины.—Преданіе о Чингисѣ.—Разговоръ объ Индіи.—Деревня Кизиль.—Добываніе желѣза.—Устройство деревенскаго дома.—Способъ плавленія желѣза.—Опять песчаные холмы.—Прекрасно обработан-

ная мѣстность —Городъ Янгъ-Хиссаръ.—Убіеніе Шлагинтвейта.—Разговоръ объ англійскихъ правителяхъ Индіи.—Переходъ чрезъ рѣку Кузунъ.—Необыкновенная быстрота юзбаши.—Махрамбаши. . 215

ГЛАВА XII.

Пріѣздъ въ Кашгаръ.

Переходъ черезъ четыре рѣки.—Янгъ-Шаръ или кашгарская крѣпость.—Подарки для Аталыка.—Процессія ко двору.—Калмыцкіе стрѣлки —Аталыкъ.—Милостивый пріемъ.—Разговоръ съ нимъ.—Пренебреженіе со стороны подчиненныхъ; намекъ объ этомъ и полученное удовлетвореніе. — Русское ружье. — Шпіоны. — Заключеніе путешественника въ домѣ, отведенномъ для него.—Ложные слухи.—Сальныя свѣчи. — Сѣрныя спички. — Пріѣздъ шахавала. — Гимнастика. — Преданіе объ Александрѣ Македонскомъ. — Легенды изъ исторіи тюрковъ.—Сказаніе о русскихъ и о китайцахъ . . . 233

ГЛАВА XIII.

Задержка въ Кашгарѣ.

Китайскія женщины и ихъ ноги.—Невѣденье относительно англійскихъ владѣній въ Индіи.—Плѣнные изъ Сариколя.—Балтскія пѣсни.—Приготовленіе пороха.—Разсказы о прежнихъ англійскихъ посѣтителяхъ.—Сарикольскій народъ.—Чувства индійскихъ туземцевъ относительно англичанъ изъ Индіи.—Истребленіе чая.—Казни.—Мнѣніе махрамбаши о грѣхахъ.—Мирза.—Индійское возмущеніе.—Церемонія по поводу новолунія. — Признанная милость Аталыка къ путешественнику. — Хотенскій бегъ. — Ложъ мунши. — Восточныя сказки 248

ГЛАВА XIV.

Пребываніе въ Кашгарѣ (продолженіе).

Горы близъ Кашгара.—Недавнее сооруженіе крѣпости для охраненія проходовъ. — Русскіе. — Царская храбрость и отвращеніе махрамбаши къ войнѣ.—Китайскія наказанія.—Сирота Рози.—Пуританскія ограниченія прежнихъ увеселеній.—Прибытіе Гейварда . 269

ГЛАВА XV.

Задержаніе въ Кашгарѣ (продолженіе).

Красота китайскихъ женщинъ.—Праздникъ Курбанъ Идъ.—Бѣлые

муравьи въ Кашгарѣ.—Пляска дервишей.—Цѣны на чай.—Уничтоженіе торговли невольниками.—Калмыцкій лукъ и стрѣлы.—Книжныя лавки въ Кашгарѣ.—Англичане и французы.—Нетерпѣніе путешественника подвергается осужденію.—Мумія.—Свиданіе съ Аталыкомъ.—Его свѣденія объ Англіи и королевѣ.—Прощальные подарки.—Третій визитъ Аталыку.—Его отъѣздъ въ Янгъ-Хиссаръ. . . 282

ГЛАВА XVI.

Изъ Кашгара обратно въ Яркандъ.

Видъ горъ. — Тюркская араба. — Прощальное свиданіе съ Аталыкомъ. — Подарки для королевы. — Народонаселеніе Ярканда. — Наказаніе за воровство. — Конина. — Золото Хотена. — Наказаніе за невѣрные вѣсы. — Казнь. — Приготовленіе къ отъѣзду. — Отъѣздъ въ Тибетъ вмѣстѣ съ Гейвардомъ 318

ГЛАВА XVII.

Очеркъ характеристики Туркестана.

Мостъ святаго въ Кашгарѣ. — Рѣки и потоки. — Величина города Ярканда.—Обороны Ярканда и Кашгара.—Улицы и базары.—Дичь.—Поваренное искуство. — Покупка и продажа. — Монета. — Воспитаніе.—Судопроизводство. — Способы наказанія.—Военноплѣнные. — Ремесленники и работники.—Армія.—Цѣна съѣстнымъ припасамъ.—Цѣна земли.—Подати.—Климатъ.—Песчаныя бури. — Землетрясеніе. — Минеральные продукты: нефритъ, мѣдь, свинецъ, желѣзо и золото.—Мѣры разстоянія 330

ГЛАВА XVIII.

Женскіе наряды.

Головный уборъ.—Рогъ. — Тюника. — Капотъ. — Обувь. — Косы.—Украшенія.—Краска для щекъ 342

ОЧЕРКИ

ВЕРХНЕЙ ТАТАРІИ, ЯРКАНДА

И

КАШГАРА.

ГЛАВА I.

Въ видѣ введенія.

Поселеніе автора въ Гималайскихъ горахъ. — Любопытство притягиваетъ его въ страны, лежащія за Гималайскими горами. — Общія физическія отношенія между Тибетомъ и Гималаями. — Страны за Тибетомъ, недоступныя до тѣхъ поръ. — Убіеніе А. Шлангинтвейта. —-Посѣщеніе Хотена Джонсономъ. — Предварительное посѣщеніе Ладака авторомъ. — Тибетская плоская возвышенность; холодный вѣтеръ, дующій здѣсь; деревни тибетскія и ихъ жители. — Ламы. — Городъ Ле (Ладакъ). — Встрѣча съ туркестанскими купцами. — Благодарность ихъ за выгодныя условія, достигнутыя чрезъ посредство доктора Кэлей. — Возвращеніе въ Кангру изъ Ладака. — Лишенія, вынесенныя въ проходѣ Бара-Лаха. — Приготовленія къ поѣздкѣ въ восточный Туркестанъ. — Путешественники принимаютъ на себя характеръ купцовъ. — Мунши-Диванъ-Бахшъ избирается конфиденціальнымъ агентомъ и вѣстовымъ путешественниковъ.

Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ я жилъ въ долинѣ Кангра, у подошвы снѣжныхъ горъ Гималая. Частыя охотничьи экспедиціи въ горы, достигавшія Кашмира, посвятили меня въ тайны азіятскихъ путешествій. Здѣсь, на самомъ краю Индіи, вниманіе естественно устремляется на таинственныя страны, лежащія за горной стѣной, окаймляющей всю сѣ-

верную границу Индійской Имперіи. Согласно съ показаніями изслѣдователей, вся эта горная граница, съ южной стороны ея, представляетъ сначала обширную гористую полосу, состоящую изъ паралельныхъ горныхъ цѣпей, которыя раздѣляются большими рѣками (и цѣпи, и рѣки идутъ по тому же направленію, какъ и главная цѣпь); за этой гористой полосой разстилается высокая, совершенно обнаженная возвышенность, упираяющаяся на внѣшніе кряжи, какъ на стѣны. Эта высокая, плоская возвышенность и есть Тибетъ, распространяющійся на всемъ протяженіи сзади Гималайскихъ горъ и подпираемый ими. Онъ, естественно, раздѣляется на восточный и западный Тибетъ, орошаемый рѣками Сампу [1]) и Индомъ. Эти рѣки текутъ сначала въ близкомъ разстояніи другъ отъ друга, но потомъ расходятся въ противоположныя направленія, и между тѣмъ какъ одна течетъ къ востоку на протяженіи сотни миль, другая направляется къ западу. Пробившись на югъ сквозь горную цѣпь, они стремятся въ море, заключая между собою всю сѣверную Индію. Это общее описаніе оправдывается тождественностію рѣкъ Сампу и Брамапутра, какъ кажется достаточно подтвержденной.

Представьте себѣ стѣну, на которую упирается сзади высокая, песчаная тераса; средина этой терасы покатая, вслѣдствіе чего рѣки, находящія здѣсь свои источники, разбѣгаются вправо и влѣво, пока не находятъ низкаго мѣста въ стѣнѣ, и отсюда прорываются далѣе. Вотъ въ какомъ

---

[1]) Подъ этимъ названіемъ извѣстна намъ рѣка восточнаго Тибета, но, собственно говоря, „Сампу“ значитъ „рѣка“ на тибетскомъ нарѣчіи, т. е. Индъ можно было бы также называть Сампу.

отношеніи стоитъ Тибетъ со своими рѣками къ Гималайской цѣпи. Но что находится дальше, на отдаленной сторонѣ песчаной терасы? Подпираютъ ли ее и съ той стороны горные кряжи, или она опускается до общаго уровня, или же простирается еще на большемъ протяженіи, сохраняя то же возвышеніе и ту же скудную обстановку?

Такія предположенія становились удивительно заманчивы по мѣрѣ того, какъ глазъ останавливался на могучей стѣнѣ, за которой скрывалась разгадка таинственности. Любопытство подстрекается еще появленіемъ туземцевъ изъ Ладака, Занскара и проч., тѣхъ странствующихъ и бездомныхъ людей, появляющихся ежегодно въ долинѣ Кангра изъ ближайшихъ частей западнаго Тибета. Каждую зиму, въ извѣстное время, появляются на порожнихъ мѣстахъ, подлѣ дороги, черныя палатки особеннаго устройства, которыя въ продолженіи нѣсколькихъ дней укрываютъ неопрятныя семейства узкоглазыхъ тибетцевъ, мелкихъ торговцевъ, прибывающихъ со своимъ товаромъ. Наружность ихъ далеко не привлекательная; у нихъ выдающіяся скулы; они очень грязны и носятъ косички. Но за то они добрѣйшіе люди на свѣтѣ, и всегда встрѣчаютъ васъ съ улыбкой.

Кромѣ того англійскіе охотники, проникавшіе въ дикія мѣстности Ладака, много разсказывали про удивительныхъ звѣрей, находящихся тамъ, и о любопытныхъ обычаяхъ буддистскихъ жителей.

Охотники находятъ здѣсь, при большихъ стараніяхъ, дикихъ барановъ, величиной съ лошаковъ (пони); дикій рогатый скотъ съ пушистыми хвостами, какъ у лошадей, и длинной шерстью на бокахъ, висящей до земли, антилопъ и газелей; для путешественниковъ не охотниковъ главный инте-

ресъ заключается въ любопытныхъ монастыряхъ, выстроенныхъ на высотахъ едва доступныхъ скалъ, гдѣ исполинскіе образа и древніе манускрипты составляютъ богатый интересъ для изслѣдованій.

Но между тѣмъ какъ Ладакъ былъ нѣсколько извѣстенъ, не смотря на дальнее разстояніе его (путешествіе туда требуетъ почти мѣсячнаго перехода черезъ горы), страна, лежавшая за нимъ, представляла всю заманчивость таинственности и отдаленности. Немногіе мѣстные купцы проникали до отдаленныхъ мѣстъ Ярканда и даже Кашгара и приносили оттуда страшныя воспоминанія о вынесенныхъ бѣдствіяхъ и опасностяхъ, которыхъ имъ удалось избѣгнуть. Они разсказывали, что человѣческая жизнь цѣнится въ этихъ странахъ не выше жизни барановъ; немногіе купцы отваживались потомъ на подобныя экспедиціи. До Индіи доходили также слухи о происходящихъ тамъ возмущеніяхъ. Говорили, что подчиненное племя монголовъ, принадлежавшихъ къ мусульманской расѣ, возстало противъ господствующаго племени китайцевъ, перерѣзало ихъ и установило независимость такъ называемой «Страны шести городовъ», той самой страны, которая на картѣ изображена какъ Китайская Татарія. Если мы обратимся къ европейской литературѣ за свѣденіями объ этой мѣстности, то мы найдемъ въ ней большую долю поэзіи, нежели исторіи. Это страна, извѣстная подъ именемъ Малой Бухаріи; монархъ ея пріобрѣлъ себѣ вѣчную память въ поэмѣ Мура, воспѣвающей сватовство его на красавицѣ Лала Рукъ. Братья Митчель, въ своемъ сочиненіи: «Русскіе въ центральной Азіи», говорятъ о ней слѣдующее:

«Насъ часто упрекали за наше невѣжество въ отношеніи

къ вышеозначенной странѣ, и наши свѣденія, «преимущественно основанныя на догадкахъ», называли недостойными науки, «по причинѣ ихъ значительныхъ недостатковъ». Люди, легко обвиняющіе энергію, принесшую въ жертву уже столько дорогихъ жизней въ этой самой странѣ, призадумались бы, вѣроятно, еслибъ мы просили ихъ указать средства, которыя открыли бы англо-саксонской предпріимчивости страну, гдѣ каждый человѣкъ долженъ самъ постоять за свою жизнь. Для того, чтобы доказать храбрость или выдержку, требуется что нибудь дѣйствительнѣе, нежели восклицанія: «дуракъ!» «трусъ!», брошенныя въ лицо каждаго путешественника, по мѣрѣ того, какъ онъ обращается вспять, увидѣвъ предъ собою всѣ трудности и опасности, сопряженныя съ путешествіемъ по Малой Бухарѣ».

Обитатели долины Кангра сдѣлались свидѣтелями одного грустнаго примѣра такой беззащитности человѣческой жизни. Въ 1857 г. великій германскій путешественникъ, Адольфъ Шлагинтвейтъ, проходя по этому пути къ Восточному Туркестану (какъ я буду теперь всегда называть упомянутую страну), былъ убитъ начальникомъ Вали-Ханомъ, осаждавшимъ въ то время китайскую крѣпость Кашгаръ. Шлагинтвейта сопровождали нѣсколько человѣкъ, взятыхъ имъ изъ долины Кангра, которые и вернулись домой съ грустнымъ извѣстіемъ о его смерти.

Все это увеличивало конечно любопытство, съ которымъ всѣ смотрѣли на громадную снѣжную стѣну, представляющую первую преграду между нами и той таинственной страной, которую посѣтилъ нѣкогда Марко Поль, почти единственный въ этомъ отношеніи между европейскими путешественниками.

Чувствуя влеченіе къ этой странѣ, я, въ 1867 году, распространилъ свою обычно раннюю поѣздку до Ладака. Моему товарищу и мнѣ очень хотѣлось встрѣтить караваны изъ центральной Азіи, ежегодно приходящіе въ западный Тибетъ, намъ хотѣлось познакомиться съ купцами и мы готовы были, если представится случай, продлить наше путешествіе до Хотена, маленькой мусульманской области, служащей предмѣстьемъ Туркестану, и расположенной у подошвы горъ, окаймляющихъ Ладакъ съ сѣвера. Начальникъ Хотена очень гостепріимно принималъ въ 1865 году г-на Джонсона—англійскаго чиновника, занимавшаго въ то время постъ въ сосѣднихъ горахъ. Мы надѣялись встрѣтить такой же пріемъ, если удастся заручиться рекомендаціей какого нибудь значительнаго купца.

Но наши надежды разсѣялись при полученномъ на дорогѣ извѣстіи о завоеваніи маленькой области Хотена и убіеніи ея начальника Якубомъ Бегомъ, новымъ правителемъ Кашгара и Ярканда.

Это извѣстіе о происшествіяхъ, случившихся въ теченіе прошедшей зимы, было принесено изъ за горъ первой партіей, которой удалось перейти послѣ того зимніе снѣга и весенніе потоки, освободившіе горы отъ своихъ оковъ. Мы однако не измѣнили намѣренія посѣтить Ладакъ, и новизна зрѣлища вполнѣ вознаградила насъ. Оставивъ за собою узкія ущелья, увѣнчанныя еловымъ лѣсомъ, крутыя скалы и ледяные проходы настоящихъ Гималай, мы достигли обширной Тибетской плоской возвышенности, въ области извѣстной подъ именемъ Рупшу.

Находясь на высотѣ, равной Монъ-Блану, эта возвышенность представляетъ широкія безводныя долины, которыя, судя

глазомѣромъ, заключаютъ въ себѣ какія нибудь сотни сажень, а въ сущности тянутся на многія мили. По обѣимъ сторонамъ возвышаются горы всевозможнокныхъ оттѣнковъ краснаго, желтаго и чернаго цвѣта; мѣстами на вершинахъ пробиваются скалы, нарушая однообразіе длинныхъ шероховатыхъ покатостей. И горы, и долины состоятъ исключительно изъ песчанника. Нигдѣ нѣтъ ни малѣйшаго проблеска свѣжей зелени; только на далекомъ разстояніи глазу представляется слабый желтоватый отблескъ на землѣ, который, при близкомъ изслѣдованіи, оказывается, происходитъ отъ нѣсколькихъ разбросанныхъ кустиковъ крѣпкой, колючей травы, пробивающейся сквозь песчанникъ наподобіе полинявшихъ иглъ дикообраза. Когда вами начинаетъ овладѣвать отчаяніе найти необходимые для путешествинника предметы—воду и лѣсъ, проводникъ указываетъ вамъ углубленіе въ горахъ, гдѣ почву орошаетъ небольшой ручей, стекающій съ горныхъ вершинъ, изъ подъ какихъ нибудь далекихъ снѣжныхъ сугробовъ, и дальше снова теряющійся въ пескѣ; вслѣдствіе этой влажности здѣсь произрастаетъ мелкій кустарникъ, фута въ два—три вышиной; и группы неглубокихъ ямъ, окруженныхъ неровно наваленнымъ камнемъ съ грубой печкой по срединѣ каждой ямы, указываютъ путешественнику мѣста, гдѣ на время разбиваютъ свои палатки кочующія тибетскія племена. Желающимъ себѣ добра, мы совѣтуемъ воспользоваться убѣжищемъ, которое представляютъ эти каменныя стѣны, какъ бы они ни были низки и пробиты, потому что послѣ полудня внезапно поднимается такой вихрь холоднаго вѣтра, отъ котораго, если онъ коснется человѣка, не смотря на дюжину одѣялъ, всѣ члены коченѣютъ. Тибетцы не заботятся о кровѣ въ этомъ случаѣ; они довольствуются, если

могутъ укрыться отъ вѣтра за трехъ футовой стѣной. Вотъ отчего здѣсь такъ часто попадаются многочисленныя каменныя ограды, скученныя наподобіе улья, и всегда съ одной стѣнкой выше другихъ, обращенной къ подвѣтренной сторонѣ. Путешественнику, укрывающемуся отъ холода послѣ полудня, трудно вѣрится, что онъ находится тамъ же, гдѣ только утромъ онъ старался уберечь себя отъ солнечнаго удара и былъ ослѣпленъ нестерпимо яркимъ свѣтомъ 1).

Вообще это крайне неудобная страна для путешествій. Среди безконечныхъ долинъ ея, кажется будто никогда никуда не дойдешь. Можно цѣлые часы идти къ одной точкѣ, направляясь по компасу, и все также передъ глазами будутъ одни и тѣ же предметы. Если вы вдали откроете другую партію путешественниковъ, идущую къ вамъ на встрѣчу, то вы можете пройти полъ дня, прежде чѣмъ вамъ удастся съ ними встрѣтиться. Воздухъ до того чистъ, что перспективы нѣтъ никакой и все представляется глазу на одномъ планѣ, въ самомъ близкомъ разстояніи. Когда выходишь изъ этихъ нескончаемыхъ равнинъ, и снова начнешь спускаться къ заселеннымъ мѣстамъ Ладака, то первые признаки обработанной почвы, открывающіеся передъ глазами на противоположномъ склонѣ, производятъ самое странное впечатлѣніе. Они бросаются въ глаза. Вся сцена представляется рѣзко выступающей на

---

1) Этотъ фактъ подтверждаетъ замѣчаніе, сдѣланное Раулинсономъ въ его „Геродотѣ“, гдѣ приводятся разныя доказательства въ пользу идеи древняго историка, говорившаго, что въ восточныхъ странахъ утра бываютъ жарче, нежели полуденные часы. Геродотъ полагалъ, что это происходитъ отъ того, что солнце когда встаетъ, ближе къ востоку и наоборотъ, вечеромъ ближе къ западнымъ странамъ, но разумѣется причины этого явленія, въ сущности, чисто мѣстныя.

фонѣ окружающей пустыни и выдѣляется съ поразительною отчетливостью. Представьте себѣ, что среди спаленной гористой пустыни, какъ можно себѣ вообразить ее на Атласскихъ горахъ или какую мы дѣйствительно видимъ въ Аденѣ, разбросаны поля въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ наилучшихъ, воздѣланныхъ частяхъ Англіи, и надъ этимъ пейзажемъ разстилается италіянское небо, а воздухъ дѣйствуетъ какъ телескопъ, приближая самые отдаленные и мелкіе предметы. Разныхъ тоновъ зелени здѣсь вовсе нѣтъ; каждое воздѣланное мѣстечко отдѣляется отъ окружающей пустынной обстановки такъ отчетливо, какъ будто въ самомъ дѣлѣ его по мѣркѣ вырѣзали изъ какой нибудь другой страны и нечаянно бросили тутъ.

Приближаясь къ деревнѣ, приходится проходить мимо длинной, низкой, широкой стѣны, покрытой плоскими каменьями, на которыхъ высѣчены священныя цитаты двумя писменами тибетскаго нарѣчія. Это такъ называемыя «Мане» и ихъ можно найти нѣсколько въ каждой деревни. Въ обоихъ концахъ «Мане» возвышается квадратный пьедесталъ, на которомъ стоитъ огромный, опрокинутый чайникъ (вѣроятно такъ называемый Хортенъ); все это выбѣлено, а зданіе увѣнчано маленькимъ деревяннымъ глобусомъ или полу-луніемъ, лежащимъ на чемъ то въ родѣ обелиска.

Эти постройки, имѣющія отъ 10 до 20 футовъ вышины, скрываютъ, какъ предполагаютъ, священные останки ламъ, которыхъ здѣсь хоронили стоя. Въ боковыхъ гнѣздахъ наклеены многочисленные, маленькіе медальоны, похожіе съ виду на украшенія, дѣлаемыя изъ лавы. Медальоны эти изображаютъ удивительныя, сторукія божества, которыхъ почитаетъ здѣшняя секта буддистовъ. Они сдѣланы изъ глины,

смѣшанной съ пепломъ отъ труповъ ламъ, которыя вслѣдствіе этого матеріяльно принимаютъ послѣ смерти наружность своихъ божествъ. Когда благочестивый тибетскій житель доходитъ до подобной постройки, то онъ ее неизмѣнно обходитъ съ правой стороны, вслѣдствіе чего въ такихъ мѣстахъ дорога расходится, чтобы доставить одинаковое удобство для приходящихъ и уходящихъ. Разбросанные дома деревни имѣютъ плоскія крыши; они состоятъ изъ двухъ этажей и выстроены изъ огромныхъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ; стѣны этихъ домовъ значительно нагнуты внутрь, а двери и окна отдѣланы блестящей бѣлой и красной штукатуркой. Крыши обыкновенно уставлены рядами роговъ (отъ дикихъ звѣрей или отъ домашнихъ барановъ и козъ), въ которые воткнуты маленькіе флаги и тряпки изъ разноцвѣтной бумажной матеріи. Свирѣпо глядящіе черные «яки» (скотъ тибетцовъ) съ мохнатыми хвостами и длинной шерстью, висящей ниже колѣнъ, вслѣдствіе которой они представляются точно въ юбкахъ, пасутся на поляхъ или недовольно ворчатъ, когда ихъ за носъ ведутъ для переноски клади путешественниковъ. Ихъ обыкновенно ведутъ женщины, которыя носятъ полосатыя, красныя съ голубымъ юбки, суконные сапоги до колѣнъ и плотно охватывающія талію куртки съ барашковымъ капюшономъ (шерстью внутрь), иногда подбитымъ краснымъ сукномъ; головы у нихъ не покрыты и только уши защищены отъ рѣзкаго вѣтра странными суконными наушниками. Самое дорогое украшеніе ихъ состоитъ изъ такъ называемаго «перакъ», т. е. широкаго куска кожи, висящаго съ головы вдоль по спинѣ, и усѣяннаго рядами крупной фальшивой бирюзы.

Мужчины всѣ безбородые; они носятъ такіе же сапоги,

толстые шерстяные кафтаны, перевязанные у пояса и спускающіеся у икръ; прическа ихъ состоитъ изъ одной косы, а шляпы ихъ похожи на фригійскія шапки, висячій конецъ которыхъ служитъ для разныхъ цѣлей, въ защиту глазъ отъ солнечныхъ лучей, или же ушей — противъ холоднаго полуденнаго вѣтра.

Въ толпѣ любопытныхъ, окружающихъ путешественника, обыкновенно бываетъ лама, одѣтый въ красный плащь, оставляющій одну руку и одно плечо голыми также какъ и голову. Въ рукахъ онъ держитъ молитвенную рукопись, намотанную на цилиндрическую палку; онъ даетъ рукописи вращательное движеніе почти незамѣтнымъ прикосновеніемъ руки къ веревочкѣ съ небольшой тяжестью, привѣшанной къ цилиндру. Монастырь Ламы обыкновенно возвышается на какой нибудь сосѣдней вершинѣ или лѣпится по вертикальному склону скалы. Въ тибетской деревнѣ нѣтъ ни одного деревца кромѣ нѣсколькихъ приземистыхъ ракитъ, растущихъ подлѣ живительныхъ ручьевъ; а дальше, до самаго горизонта тянется непрерывная песчаная пустыня, безъ малѣйшаго слѣда человѣческаго пребыванія.

Въ широкой долинѣ верхняго Инда, занимаемой Ладакомъ, иныя деревни тянутся на протяженіи нѣсколькихъ миль. Урожаи здѣсь бываютъ удивительные по своему богатству, а климатъ гораздо мягче, вслѣдствіе меньшей возвышенности почвы, доходящей только до 11,000 футовъ. Городъ Ле пріютился у подошвы горъ, на отлогомъ песчаномъ склонѣ, въ разстояніи 4-хъ миль отъ рѣки.

Когда я пріѣхалъ сюда, я приготовился нѣсколько изучить тибетскіе нравы и обычаи: послѣ первой моей прогулки по городу, отчасти презрительное вниманіе, которое во мнѣ

сначала возбудили жители мѣстности, замѣнилось болѣе серь-
езнымъ интересомъ. Между прохожими на улицахъ и въ нѣ-
мыхъ рядахъ, сидящихъ на базарѣ, попадались люди совер-
шенно не похожіе на окружающихъ. Ихъ большіе, бѣлые
турбаны, длинныя бороды, широкія платья до земли, рас-
крытыя спереди, гдѣ виднѣется другое, короткое одѣванье,
подпоясанное кушакомъ, тяжелые сапоги изъ черной ко-
жи,—все это придавало имъ особенно важный видъ, меж-
ду тѣмъ какъ ихъ обращеніе, исполненное достоинства,—
почтительное, но совершенно лишенное индійскаго заиски-
ванія или тибетскаго плутовства, придавало имъ видъ людей
среди толпы обезьянъ.

Интересъ, возбуждаемый этими тюркскими купцами, вѣро-
ятно проистекалъ отчасти изъ той таинственности, которая
сопряжена съ ихъ родиной. Эти пришельцы изъ странъ до
селѣ недоступныхъ для иноземцевъ, можетъ быть, сами своими
глазами видали страшную рѣзню, подобную сицилiянскимъ
вечернямъ, въ которой погибло 50,000 завоевателей. Может
быть они сами принимали участіе въ избіеніи китайских
идолопоклонниковъ. Ихъ глаза привыкли къ казнямъ гур
томъ, которыя по разсказамъ случаются ежедневно въ этой
безпорядочной странѣ; ихъ предки, до самаго Тамерлана и
Чингисъ Хана, участвовали въ переворотахъ Средней Азіи
отзывавшихся даже на далекомъ западѣ.

Когда мы съ ними познакомились, то не нашли въ них
признаковъ грознаго характера, приписываемаго ихъ со
отечественникамъ. Они посѣтили насъ въ нашихъ палаткахъ
вели съ нами дружественную бесѣду черезъ посредство пе
реводчика, прихлебывая все время съ удовольствіемъ наш

чай, не смотря на ужасъ нашихъ индійскихъ мусульманъ, считавшихъ это нарушеніемъ кастовыхъ правилъ.

Гости наши были, что называется, «хорошіе малые», понимающіе шутку и умѣющіе пошутить, говорящіе непринужденно, но никогда не переступающіе границъ приличія. Изъ ихъ обращенія видно было, что они уважали самихъ себя и тѣхъ, съ которыми говорили; прощаясъ съ нами они поклонились такъ, какъ любой придворный могъ бы поклониться. Цвѣтъ кожи ихъ только немного темнѣе европейской; губы у нихъ алыя и лица свѣжія. Тотчасъ по нашемъ прибытіи ко мнѣ подошелъ человѣкъ въ войлочной шапкѣ, въ длинномъ, цвѣтномъ халатѣ и высокихъ сапогахъ. У него была свѣтло-русая борода и усы, и совершенно бѣлое лицо; онъ поглядѣлъ мнѣ прямо въ глаза, какъ сдѣлалъ бы англичанинъ. Я только что хотѣлъ къ нему обратиться какъ къ таковому, но онъ отвернулся и сѣлъ подлѣ моей мусульманской прислуги. Это оказалось былъ яркандскій «хаджи» или пилигримъ.

Тюркскіе купцы тотчасъ привязались къ англичанамъ, но сердца ихъ были окончательно побѣждены, когда докторъ Клей, новый британскій консулъ въ Ле, объявилъ имъ значительное пониженіе пошлинъ. Нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, Махараджа Кашмира, въ предѣлахъ котораго находится Ладакъ, заключилъ съ верховной властью, т. е. великобританскимъ правительствомъ, условіе, по которому онъ долженъ былъ сбавитъ свои огромныя пошлины до 5 процентовъ со стоимости товара, для купцовъ, ведущихъ торговлю между Индіей и центральной Азіей. Какъ обыкновенно случается, это условіе нигдѣ не было приведено въ дѣйствіе, и наконецъ, послѣ многихъ замѣчаній со стороны нашего правительства,

оно должно было отправить въ Ладакъ особаго чиновника, для наблюденія за исполненіемъ заключеннаго условія. Докторъ Келей былъ первымъ изъ этихъ чиновниковъ; онъ тотчасъ донесъ нашему правительству, что кашмирскіе чиновники нигдѣ не признаютъ сбавленной пошлины. Когда подробности дѣла были доведены до свѣденія Махараджи, въ Ладакъ были посланы приказанія о прекращеніи такого порядка вещей; на этотъ разъ приказанія были исполнены, благодаря присмотру англійскаго чиновника. Мнѣ случилось какъ разъ въ это время быть въ городѣ Ле; и я первый испыталъ, въ качествѣ англичанина, благодарность яркандскихъ купцовъ. Они устроили мнѣ настоящую овацію, но мнѣ удалось собрать всѣхъ моихъ новыхъ друзей и довести ихъ процесію до дома англійскаго консула, находившагося за городомъ, которому они дѣйствительно были обязаны благодарностью.

Мы провели здѣсь около мѣсяца, изучая нравы тюрковъ, собирая всевозможныя свѣденія о ихъ странѣ и правителяхъ, и подготовляя путь къ экспедиціи на будущій годъ. Наконецъ, въ исходѣ октября, мы выѣхали изъ Ладака и только вслѣдствіе ускореннаго путешествія поспѣли перебраться за Бара-Лахскій проходъ прежде нежели снѣгъ заперъ его на весь зимній сезонъ. Въ этомъ мѣстѣ мы имѣли несчастіе потерять двухъ индійцевъ изъ своей прислуги; они остались назади и обезсиленные холодомъ сѣли съ свойственнымъ имъ равнодушіемъ, ожидая смерти. Наша партія разсыпалась и въ разныхъ мѣстахъ расположилась бивуаками на нихъ, вслѣдствіе чего мы не могли догадаться объ исчезновеніи нашихъ людей до тѣхъ поръ, когда уже было поздно заботиться о ихъ

спасеніи. Ихъ тѣла были найдены вмѣстѣ, прострѣленныя пулями тибетскихъ погонщиковъ скота.

Никогда я не забуду этой ночи, проведенной на снѣгу. Когда подъѣхала лошадь, на которой былъ навьюченъ валежникъ для топлива (ужъ было за полночь), мы, два англичанина, принялись разводить огонь подъ защитой скалы, расчистивъ предварительно снѣгъ. Привлеченный огнемъ сихскій купецъ, попавшій вмѣстѣ съ нами въ проходъ, подошелъ къ намъ и сѣлъ съ нами. На концѣ его длинной черной бороды и усахъ образовались тяжелыя висячія льдинки; лицо его выражало совершенное утомленіе и единственная мысль его, казалось, была какъ бы погрѣться у огня. Я нашелъ въ багажѣ бутылку рома и принялся ее откупоривать; въ это время новый пришлецъ повернулся къ намъ, положилъ мнѣ руку на плечо, и очень серьезно сказалъ: «Я въ этомъ дѣлѣ вашъ товарищъ».

Я засмѣялся и тотчасъ же угостилъ его ромомъ, послѣ котораго онъ какъ будто сталъ оживать, потому что началъ жаловаться на свою судьбу. Онъ разсказалъ намъ, что скоро ѣхалъ, везя съ собой все свое богатство въ движимой формѣ, навьюченное на пяти лошадяхъ. Одну изъ этихъ лошадей съ главными драгоцѣнностями онъ самъ держалъ подъ уздцы. Но чувствуя, что рука его мерзнетъ, онъ опустилъ веревку и драгоцѣнная его лошадь пропала неизвѣстно куда. На собственную лошадь онъ навьючилъ тюкъ хорошихъ шелковыхъ тканей, который упалъ недалеко отсюда; сойти же съ лошади и поднять его, у него не хватило энергіи. Люди, знакомые съ характеромъ индійскаго купца, поймутъ изъ этого факта крайность, до которой онъ былъ доведенъ. Я совѣтовалъ ему на будущее время слѣдовать нашей пѣшеходной системѣ

путешествія, благодаря которой мы все время сохраняли въ себѣ пріятную теплоту. Впрочемъ я долженъ прибавить, что въ этомъ отношеніи не мало способствовалъ и образъ одежды нашей. На дорогѣ мы носили по четыре экземпляра каждаго обыкновеннаго предмета одѣванія, и сверхъ всѣхъ этихъ платьевъ надѣвали еще большія шубы и бараньи шапки съ наушниками.

Нашъ другъ Тара-Сингъ, сихскій купецъ, получилъ однако обратно всѣ свои утраченныя драгоцѣнности; одинъ изъ моихъ слугъ, горецъ, шедшій позади насъ, встрѣтилъ въ проходѣ блуждавшую лошадь и привелъ ее къ намъ.

Послѣ сильнаго, вышеописаннаго мороза и длинныхъ пустынь безъ единаго деревца, по которымъ мы такъ долго шли, можно себѣ представить съ какимъ наслажденіемъ мы спустились въ послѣдній горный проходъ Ротангъ и увидѣли передъ собою великолѣпные лѣса и зеленую долину Кулу, одну изъ горныхъ участковъ, принадлежащихъ къ области Кангра. Когда мы вошли въ лѣсъ, въ тѣнистой чащѣ котораго живописно вьется хорошая, проѣзжая дорога, пересѣкающая прелестнѣйшіе ручьи чистой воды, черезъ которые переброшены грубые деревянные мостики, когда мы впервые вдохнули воздухъ, показавшійся намъ весеннимъ послѣ испытанной нами стужи, мы расположились на опушкѣ лѣса, чтобы лучше насладиться первыми впечатлѣніями всей этой прелести природы. Въ этомъ положеніи насъ засталъ англійскій офицеръ, вышедшій изъ долины Кангра на охотничью экспедицію. Онъ не хотѣлъ сперва признать насъ за соотечественниковъ, и только послѣ нѣсколькихъ фразъ, сказанныхъ нами по-англійски, онъ убѣдился въ томъ, что мы не яркандскіе купцы. Взглянувъ на себя послѣ въ зеркало мы не удиви-

лись его недовѣрію; наши черныя лица, длинныя шубы и тибетскіе сапоги вполнѣ могли оправдать его предположеніе.

Возвратившись въ долину Кангра, я серьезно сталъ готовиться къ экспедиціи будущаго года. По несчастію мой товарищъ не могъ на этотъ разъ присоединиться ко мнѣ, т. е. я одинъ занимался своими приготовленіями. Судя по всѣмъ собраннымъ свѣденіямъ, единственное средство проникнуть въ желанную страну, казалось, заключалось въ принятіи на себя роли купца. Азіатцы, предпринимающіе какія нибудь путешествія, всегда руководствуются одной изъ слѣдующихъ трехъ причинъ: цѣль ихъ путешествія бываетъ или религіозная, или торговая, или политическая. Чтобы поклониться святынѣ, они готовы пройти чрезъ весь континентъ: они рискуютъ жизнью на торговыхъ предпріятіяхъ, а послы отправляются въ самые отдаленные края отъ одного начальника къ другому. Первая и вторая изъ этихъ цѣлей были для меня недоступны. Я не хотѣлъ отказываться отъ своей національности, слѣдовательно, для меня не могло существовать религіознаго интереса въ Центральной Азіи; точно также я не могъ получить отъ нашего правительства официальнаго порученія.

Но я былъ убѣжденъ, что теперь именно настала благопріятная минута для открытія сношеній съ восточнымъ Туркестаномъ. Излишне будетъ излагать здѣсь причины, на которыхъ я основывалъ свое убѣжденіе; онѣ выяснятся далѣе.

Итакъ, я рѣшился принять на себя характеръ купца, тѣмъ болѣе, что я такимъ образомъ могъ отлично ознакомиться съ положеніемъ торговаго рынка Центральной Азіи и съ тѣми

выгодами, которыя онъ представлялъ для англійской торговли, въ особенности относительно одной статьи—индійскаго чая, въ которой я имѣлъ свой личный интересъ. Если бы мнѣ удалось достигнуть этихъ торговыхъ свѣденій, результатъ моего путешествія былъ бы крайне успѣшенъ, потому что съ полудикими народами торговля представляетъ единственныя средства къ союзу. Я могъ такимъ образомъ надѣяться основать постоянныя сношенія съ Центральной Азіей, которыя не могли установиться только вслѣдствіе отдѣльныхъ посѣщеній англійскихъ путешественниковъ.

Слѣдующій затѣмъ вопросъ заключался въ томъ, внести ли мнѣ въ программу этихъ занятій и географическое обозрѣніе страны. Восточный Туркестанъ, основательно говоря, представляетъ пробѣлъ на нашихъ картахъ. Всѣ подробности его чисто гадательнаго свойства [1]).

И такъ было бы очень важно составить порядочную карту этой страны. Но я сомнѣвался въ успѣхѣ столькихъ предпріятій. По общимъ отзывамъ, противъ подобной экспедиціи и успѣха было гораздо болѣе шансовъ, нежели за нее. Зачѣмъ же прибавлять ко всѣмъ трудностямъ еще и такую значительную? Географическое изслѣдованіе страны особенно пугаетъ варварскій народъ. Впрочемъ страхъ этотъ и недовѣріе не ограничиваются только варварскими народами. Самыя образованныя націи Европы отнеслись бы съ неудовольствіемъ къ попыткѣ тайнаго изслѣдованія ихъ странъ со стороны чужаго правительства.

---

[1]) Исключая, конечно, труды маіора Монтгомери, который со своими туземными сыщиками проникалъ до самаго Ярканда.

Если мое предпріятіе не удастся вслѣдствіе такого обстоятельства, разсуждалъ я самъ съ собою, доступъ къ Центральной Азіи останется еще на многіе годы закрытымъ. Англичане навлекутъ на себя подозрѣніе, не существовавшее до сихъ поръ; такимъ образомъ пропадутъ планы изслѣдовать страну въ будущее время; другія же цѣли моего путешествія останутся также недостигнутыми.

Съ другой стороны, если эта первая трудная экспедиція удастся, если первый англичанинъ, который появится въ новой странѣ, не выкажетъ никакого опаснаго любопытства, и его появленіе принесетъ такъ же мало вреда жителямъ этой страны, какъ появленіе какого нибудь азіатскаго купца, то можно надѣяться, что подозрительность ихъ уменьшится и что въ будущее время доступъ иностранцамъ въ ихъ землю не будетъ сопряженъ съ такими трудностями. Когда они узнаютъ, что мы не имѣемъ противъ нихъ никакихъ враждебныхъ намѣреній, тогда настанетъ время дѣлать географическія изслѣдованія и исправлять наши ошибочныя карты.

Въ сущности не для того узнаютъ страну, чтобы нанести ее на карту, а наносятъ ее на карту обыкновенно для того, чтобы ознакомиться съ нею. Я бы принесъ въ жертву средствамъ самую цѣль, еслибъ сталъ заботиться о точности нашихъ географическихъ картъ въ ущербъ будущихъ сношеній, или такъ бы повелъ свои изслѣдованія Восточнаго Туркестана, чтобы закрыть намъ на будущее время доступъ къ нему. Вслѣдствіе этихъ соображеній я рѣшился ограничиться въ своихъ наблюденіяхъ однимъ призматическимъ компасомъ, употребленіе котораго, даже въ случаѣ открытія его ту-

земцами, не могло возбудить серьезныхъ подозрѣній съ ихъ стороны.

Согласно съ выбранною мною ролью купца, я вошелъ въ соглашеніе съ одной фирмой въ Калькутѣ для пересылки такихъ товаровъ, которые казались наиболѣе пригодными для яркандскаго рынка.

Кромѣ того нужно было позаботиться о подаркахъ, преимущественно въ видѣ огнестрѣльнаго оружія, потому что въ Азіи ничего нельзя сдѣлать безъ обмѣна приношеній. Я именно на это и возлагалъ главныя надежды успѣха; мой планъ заключался въ томъ, что я пошлю впередъ повѣреннаго, который поднесетъ отъ моего имени королю и главнымъ сановникамъ мои подарки, извѣщая ихъ въ то же время о моемъ скоромъ прибытіи съ болѣе драгоцѣнными дарами, которые я надѣюсь лично представить имъ. Мнѣ казалось, что можно достигнуть успѣха, польстивъ ихъ корыстолюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ уничтоживъ ихъ подозрѣніе заблаговременнымъ предупрежденіемъ о моемъ прибытіи. Я выбралъ себѣ въ повѣренные мусульманина, служившаго мнѣ прежде въ качествѣ мунши, т. е. писца, и занимавшаго въ настоящее время какое-то мелкое правительственное мѣсто. Его звали Диванъ-Бахшъ. Семейство его всегда служило мусульманскимъ Раджамъ въ Раджари; но во время безпорядковъ, послѣдовавшихъ послѣ нашихъ сихскихъ войнъ, кашмирскій Махараджа присоединилъ къ своимъ владѣніямъ Раджари, причемъ англійское правительство дало пенсію свергнутому Раджѣ. Онъ долженъ былъ постепенно отказаться отъ всего своего штата. Въ числѣ другихъ и Диванъ-Бахшъ съ своими братьями принуждены были искать себѣ средства къ существованію. Вслѣдствіе своего происхожденія, Диванъ-Бахшъ

получилъ лучшее воспитаніе, нежели большинство изъ его собратій муншевъ; онъ зналъ хорошо персидскій языкъ и отчасти арабскій. Къ тому же онъ былъ знакомъ съ этикетами и обычаями восточной придворной жизни, вслѣдствіе чего онъ являлся особенно пригоднымъ человѣкомъ для моего предпріятія. Ручательствомъ же въ его вѣрности, когда я буду въ его власти среди его единовѣрцевъ, служило то обстоятельство, что онъ оставлялъ въ долинѣ Кангра свою жену и дѣтей, существованіе которыхъ зависѣло отъ его возвращенія.

И такъ, послѣ долгихъ сомнѣній съ его стороны, я снарядилъ его для проложенія мнѣ дороги въ Яркандъ. Сначала, впрочемъ, Диванъ-Бахшъ долженъ былъ мнѣ сопутствовать.

ГЛАВА II.

Племена, населяющія Туркестанъ и Татарію.

Характеристика народа Восточнаго Туркестана. — „Татарскіе арійцы.“—Вѣроятіе арійскаго происхожденія первоначальныхъ жителей страны.—Послѣдніе остатки ихъ въ Сариколѣ.—Тюрки и таджики; Киргизы и сарты.—Народъ Бадахшана и Вахана. — Узбеки, Кипчаки, Туркменцы, Казаки, Кара-Калпаки, Киргизы. — Магометанское вѣроисповѣданіе ихъ.—Поселенцы въ Восточномъ Туркестанѣ; Кашмирцы; Балты; Бадахшане.—Тіанъ-Шанъ; Калмыки.—Великая пустыня; Дуланы.—Зунгарія.—Тунгане; предполагаемое словопроизведеніе этого названія и происхожденіе народа. — Таранчи; Канзу, Чарчандъ.—Что говоритъ о немъ Марко Поло.—Цильмъ—его положеніе. — Талки.

Жители Восточнаго Туркестана не принадлежатъ къ чисто татарской расѣ. Если сравнить яркандцевъ съ кочующими племенами киргизовъ и даже съ болѣе образованнымъ и смѣшаннымъ племенемъ узбековъ, то мы найдемъ въ первыхъ рѣзшительныя черты арійскаго типа [1]). Они высоки ростомъ,

---

[1]) Этому факту не противорѣчатъ свѣденія, почерпнутыя нами изъ древнихъ авторовъ. По видимому эту страну обитали саки („Геродотъ“ Раулинсона, см. приб. кн. VII, Essay I; параграфъ VIII) и Геродотъ всегда упоминаетъ о нихъ вмѣстѣ съ бактрами, арійскимъ народомъ, а Страбонъ (кн. XI, гл. VI, пар. 2; гл. VIII, пар. 2 и 8) съ масаджетами, другимъ арійскимъ племенемъ.

Изъ того, что саки причисляются къ скиѳскимъ племенамъ, не слѣдуетъ, что они туранскаго происхожденія; доказано, что другое скифское племя (обитатели нынѣшней южной Россіи), по своему нарѣчію, принадлежитъ къ арійской расѣ (Раулинсонъ „Геродотъ“).

нѣсколько худощавы и угловаты (похожи на американскій типъ, какъ его изображаютъ на карикатурахъ, и даже на портретъ покойнаго президента Линкольна). Лица у нихъ продолговатыя, носы правильные и всѣ они носятъ большія бороды. Вотъ внѣшній видъ обыкновеннаго деревенскаго жителя Ярканда.

Киргизы, напротивъ, приземисты, съ узкими глазами, выдающимися скулами, сплюснутыми носами; съ такими же безбородыми лицами какъ и китайцы. Между узбеками также рѣдко встрѣчаются люди съ бородами; обыкновенно у нихъ пробиваются рѣдкіе волосы около угловъ рта и на подбородкѣ. Если у нѣкоторыхъ и растутъ усы и бороды, то они этимъ обязаны примѣси таджикской крови, вслѣдствіе долгаго пребыванія въ Бухарѣ и Коканѣ между людьми таджикскаго племени.

Эти факты доказываютъ, по моему, что современные ярканд-цы не принадлежатъ къ чисто татарской расѣ какъ киргизы [1]), или какъ нѣкоторые узбеки къ татарамъ, испытавшимъ арійское вліяніе, а скорѣе къ «отатарившимся арійцамъ», если можно такъ выразиться. Это могло только произойти вслѣдствіе того, что первоначальное населеніе было арійское, потому что намъ извѣстно, что переселенцевъ этой расы не было со временъ татарскаго завоеванія. Въ пользу такого предположенія служитъ еще арійское происхожденіе имени Хотенъ (также какъ и многихъ другихъ названій).

Изъ китайскихъ лѣтописей мы видимъ, что около половины втораго столѣтія до Р. Х., татарское племя ючи, тѣс-

---

[1]) Я полагаю, что киргизы татарскаго происхожденія, но трудно опредѣлить къ какой именно вѣтви этой расы они принадлежатъ.

нимое съ с. запада другими татарскими племенами, двинулось въ Яркандъ и Кашгаръ, вытѣсняя оттуда въ свою очередь туземныхъ обитателей.

Что они не были окончательно вытѣснены видно изъ сильной примѣси арійской крови, видной еще до сихъ поръ, какъ я говорилъ выше, въ населеніи помянутыхъ странъ. Арійцы, которые выселились еще до нашествія татаръ, вѣроятно должны были сначала подвинуться къ Памирскимъ горамъ и степямъ, могущественной стѣнѣ, идущей на сѣверъ и на югъ, и отдѣляющей эту мѣстность отъ странъ, лежащихъ къ западу; потомъ они вѣрно перешли эту границу и распространились по долинамъ Оксуса и Бухары, найдя тамъ по всей вѣроятности родственное себѣ племя.

Но небольшая часть ихъ не рѣшилась перейти горы, осталась въ долинахъ Сарикольской области къ востоку отъ Памира и въ мѣстности, отдѣляющей Памиръ отъ Мустакской цѣпи; они оставались здѣсь до настоящаго времени. Въ теченіе послѣднихъ двухъ лѣтъ однако, эти остатки транспамирскихъ арійцевъ были выселены изъ своего убѣжища; Аталыкъ-Хази, по примѣру восточныхъ побѣдителей, переселилъ все племя (состоявшее не болѣе какъ изъ 1000 или 1500 человѣкъ), на томъ основаніи, что оно причиняло ему безпрестанное безпокойство. Я видѣлъ въ Кашгарѣ нѣкоторыхъ изъ этихъ плѣнныхъ, и узналъ съ тѣхъ поръ, что ихъ больше не осталось ни одного человѣка въ Сариколѣ, гдѣ киргизскіе эмигранты съ сѣвера замѣнили древнее арійское племя. Они говорятъ персидскимъ нарѣчіемъ, съ примѣсью тюркскихъ словъ.

За Сариколемъ и Памирской цѣпью, въ высокой Ваханской долинѣ, у истоковъ Оксуса, поселилась другая часть

тѣснимыхъ арійцевъ. Остальныя горныя долины, которыми Памирское плато оканчивается на западѣ, заселены отчасти потомками этого народа и отчасти кочующими киргизами съ ихъ скотомъ.

Конечно, трудно съ тѣмъ запасомъ свѣденій, которымъ мы владѣемъ, опредѣлить, гдѣ исчезаютъ среди этихъ долинъ слѣды восточной эмиграціи; и гдѣ начинается другое населеніе, пришедшее сюда еще задолго передъ тѣмъ съ запада, такъ какъ и тѣ и другіе народы принадлежатъ къ одной и той же расѣ. Довольно съ насъ и того, что намъ удалось прослѣдить за бѣглецами отъ Ярканда до Памира и за предѣлы его [1]).

Арійцы, оставшіеся на своей родинѣ, должны были постепенно слиться со своими татарскими побѣдителями, передавая имъ свои черты и перенимая у нихъ языкъ. Этому не нужно удивляться. На востокѣ какой нибудь народъ легко замѣняетъ свое нарѣчіе—другимъ. Въ этомъ отношеніи замѣчательнымъ доказательствомъ могутъ служить хазары на сѣверѣ отъ Афганистана. Ихъ можно считать за типы татарской расы, судя по ихъ наружности, и не смотря на то они въ настоящее время говорятъ по персидски. Если чистые татары говорятъ на персидскомъ нарѣчіи, мы можемъ безъ сомнѣнія признать, что въ Яркандѣ течетъ большая доля арійской крови, не смотря на ихъ тюркское нарѣчіе.

---

[1]) Говорятъ, что нарѣчіе Вахана отличается отъ нарѣчій Бадахшана и бухарскихъ таджиковъ, которыя подходятъ къ чисто персидскому—присутствіемъ многихъ словъ, похожихъ на санскритскія Если это правда, то ваханское нарѣчіе получило бы особый интересъ, какъ послѣдній остатокъ совершенно отдѣльной и очень древней вѣтви индо-германскаго нарѣчія, которымъ говорило арійское племя, когда оно впервые вышло изъ Арія-Веджи, или даже до его распаденія на двѣ главныя вѣтви ведовъ и зендовъ.

Завоеватели татары, побѣдивъ арійцевъ на Востокѣ отъ Памира, заставили ихъ слиться съ собою, но на Западѣ имъ это не удалось. Между тѣмъ какъ народъ Ярканда и Кашгара представляетъ по видимому совершенно туземное селеніе, бухарцы и коканцы раздѣляются на подвластныхъ таджиковъ и господствующихъ тюрковъ. Конечно въ большіе комерческіе города, и съ той и съ другой стороны, стекались люди всѣхъ племенъ, а многіе поселились тамъ со своими семействами. Но на Востокѣ масса народа не представляетъ различной характеристики. Въ ней нѣтъ разныхъ племенныхъ названій. Всѣ называютъ себя просто яркандцами или кашгарцами. Восточный Туркестанъ похожъ на резервуаръ, въ который стекались различные потоки татарскихъ завоевателей. Когда онъ переполнялся, то вытѣсненныя толпы наводняли западныя долины. Но здѣсь они раздѣлялись, и каждое племя сохраняло свою индивидуальность. Въ Западномъ Туркестанѣ, каждый человѣкъ, кромѣ того, что онъ бухарецъ или коканецъ, непремѣнно или таджикъ, или узбекъ, или туркестанецъ.

Всѣ эти мелкія племенныя отличія сливаются въ двухъ перекрещивающихся подраздѣленіяхъ. Въ одномъ подраздѣленіи являются тюрки и таджики—люди татарскаго и арійскаго происхожденія; въ другомъ—киргизы и сарты [1])—ко-

---

[1]) Русскіе ошибочно смѣшиваютъ это подраздѣленіе съ другимъ, вслѣдствіе котораго сарты являются тождественными съ таджиками (вѣроятно потому, что первые сарты, попавшіеся имъ, оказались случайно таджиками). Но они рѣшительно ошибаются: всѣ коканцы, которыхъ имъ приходилось встрѣчать въ Восточномъ Туркестанѣ, единодушно говорили, что Сартъ есть только имя, подъ которымъ киргизы подразумѣвали всякаго неkочующаго,—будь онъ таджикъ или узбекъ.

чующее и осѣдлое племена. Первое подраздѣленіе (по моему, оно исключительно состоитъ изъ татаръ) заключаетъ въ себѣ много различныхъ племенъ — казаковъ, кипчаковъ, каракалпаковъ и пр., кромѣ настоящихъ киргизовъ, которые въ свою очередь подраздѣляются на разныя орды. Сарты или осѣдлый народъ включаютъ арійскихъ таджиковъ, татарскихъ узбековъ и др. На всемъ протяженіи Бухары и, я думаю, до самой Сыръ-Дарьи (Яксартъ) таджики составляютъ массу населенія. Они—земледѣльцы, лавочники, купцы, писцы, иногда даже солдаты и правители. За Сыръ-Дарьей, въ коканскомъ Ханствѣ, они не могли устоять противъ татарскаго наплыва (здѣсь онъ былъ ясно сильнѣе); тутъ они встрѣчаются рѣже между купцами, писцами и въ высшихъ должностяхъ, но гораздо менѣе между хлѣбопашцами и деревенскими жителями. Вотъ, по крайней мѣрѣ, свѣденія, собранныя мною у андиджановъ и коканцевъ, находящихся въ услуженіи у Аталыкъ-Хази въ Кашгарѣ и Яркандѣ.

Таджики очень красивое плéмя. У нихъ высокіе лбы, большіе, выразительные глаза, осѣненные темными рѣсницами, тонкіе правильные носы, короткая верхняя губа и свѣжій цвѣтъ лица. Бороды у нихъ, обыкновенно, очень большія и густыя, русыя, а иногда съ рыжимъ оттѣнкомъ; они отличаются отъ высшихъ кастъ Сѣверной Индіи только тѣмъ, что шире и сильнѣе сложены и лица имѣютъ болѣе полныя.

Родственное имъ племя, жители бадахшане, еще болѣе похожи на сѣверныхъ индѣйцевъ. Одинъ изъ нихъ пришелъ навѣстить меня въ Яркандъ. Мой мунши и я приняли его за кашмирца по наружности, и, чтобы узнать его національность, мы, черезъ одного изъ слугъ, сдѣлали ему нѣсколько

вопросовъ на кашмирскомъ нарѣчіи, но видно было, что онъ ничего не понималъ. Онъ сказалъ намъ по персидски, что онъ бадахшанинъ, въ чемъ мы потомъ убѣдились; его наружность была очень занимательна, представляла сродность его націи съ арійскимъ типомъ. Типъ кашмирцевъ также рѣзко очерченъ, какъ и еврейскій. Кто разъ видѣлъ ихъ, подъ присягой призналъ бы на судѣ національность кашмирца. Другіе бадахшанс, которыхъ я видалъ, также представляли много сходства съ ними, но ни одинъ изъ нихъ не обладалъ такимъ поразительнымъ сходствомъ какъ упомянутый мною бадахшанинъ; безъ малѣйшаго съ его стороны старанія онъ обманулъ моего муншн, который самъ родился и воспитывался между кашмирцами.

Вахане (маленькое племя, поселившееся въ Киліянской Долинѣ, подлѣ Санджу) представляютъ тѣ же характеристическія черты; у нихъ тоже свѣтло-каріе глаза, также, какъ и у сарикольцевъ, которыхъ я видалъ въ Кашгарѣ. Но грубая жизнь, среди горныхъ долинъ, оставила на лицахъ ихъ извѣстный отпечатокъ суровости и придала характерамъ рѣзкость, составляющую ровную противоположность съ добродушіемъ ихъ сосѣдей киргизовъ.

Всѣ эти племена говорятъ различными персидскими нарѣчіями, начиная отъ бухарскаго таджика, хвастающагося живостію и чистотою своего персидскаго нарѣчія и кончая сарикольцами и ваханами, усвоившими себѣ непонятный образъ выраженій; въ составъ этого нарѣчія входятъ слова, похожія на санскритскія и персидскія, почему можно заключить, что оно происходитъ отъ древняго, кореннаго нарѣчія. Вотъ что мнѣ удалось узнать насчетъ чистой арійской расы въ Центральной Азіи.

Между татарскими или тюркскими [1]) племенами узбеки самый образованный народъ. Они теперь составляютъ господствующую или военную касту въ трехъ ханствахъ—хивинскомъ, бухарскомъ и коканскомъ. Узбеки, вѣроятно, пришли съ Востока въ позднѣйшую эпоху вторженій. Мы имѣемъ о нихъ извѣстіе къ концу четырнадцатаго столѣтія. Тимуръ-Лангъ говоритъ о нихъ, въ началѣ своей автобіографіи, какъ о языческомъ (не мусульманскомъ) племени, обитавшемъ вмѣстѣ съ другимъ племенемъ — Джата [2]), къ сѣверу отъ Яксарта (т. е. при самомъ выходѣ изъ Восточнаго Туркестана) и дѣлавшемъ частыя вторженія въ инородную провинцію Маваръ-Унь-Нахръ (королевство Бухарское), которой они владѣютъ въ настоящее время (съ позволенія русскихъ) и гдѣ они сдѣлались фанатическими поклонниками Ислама.

Наружность ихъ представляетъ (по крайней мѣрѣ они таковы въ Коканѣ, гдѣ они вѣрно сохранили болѣе чистый типъ, нежели ихъ братья, живущіе между бухарскими таджиками) киргизскій типъ въ измѣненной формѣ, а именно ростъ выше киргизскаго, борода и усы нѣсколько лучше, чѣмъ у первыхъ, болѣе длинныя лица, и вообще не столь некрасивый окладъ лица. Происходитъ ли это оттого, что татары, будучи настоящимъ кочующимъ народомъ, утрачиваютъ съ осѣдлостью свои типическія черты, или же вслѣдствіе извѣстной примѣси таджикской крови; но узбеки, безъ

---

[1]) Я употребляю попеременно эти два названія по примѣру центральныхъ азіятцевъ. Ихъ слово „тюркъ“ соотвѣтствуетъ нашему „татаринъ“ или „монголецъ“, въ смыслѣ общаго генерическаго названія.

[2]) Вѣроятно родственны съ массагетами, упоминаемыми въ этой мѣстности другими писателями.

сомнѣнія, менѣе похожи на татаръ, нежели киргизы. Что первая причина имѣетъ нѣкоторое значеніе—видно изъ того различія, которое замѣтно между кочующими тибетцами провинціи Рупшу и ихъ осѣдлыми братьями въ Ладакѣ, не смотря на то, что обѣ вѣтви принадлежатъ несомнѣнно къ одной отрасли. Первые, безъ исключенія, безобразны, между тѣмъ, какъ тибетцы-земледѣльцы отличаются болѣе правильными чертами, хотя они также очень некрасивы. Что касается второй причины измѣненія первоначальнаго типа, т. е. примѣси таджикской крови, она тоже возможна, въ виду того, что многіе, называющіе себя таджиками, носятъ въ себѣ несомнѣнныя черты узбекскаго типа. Примѣромъ въ этомъ отношеніи можетъ служить Аталыкъ-Хази Махометъ-Якубъ-Бегъ. У него скулы выдаются болѣе, нежели у настоящаго таджика, и черты лица грубѣе, а борода слишкомъ густа для истаго тюрка.

Есть еще одинъ типъ узбековъ. Онъ отличается мясистымъ лицомъ, длинными глазами, сѣрымъ цвѣтомъ кожи, составляющимъ рѣзкую противоположность съ обычнымъ здоровымъ, кирпичнымъ цвѣтомъ лица узбековъ. Этотъ типъ произошелъ, какъ полагаютъ, отъ примѣси китайской крови. Вообще, въ Центральной Азіи трудно прослѣдить различные типы, извѣстные подъ однимъ именемъ ихъ первоначальнаго происхожденія. Когда какое нибудь племя, какъ и узбеки, достигло извѣстной степени преобладанія надъ другими, то совершенно различныя съ нимъ племена добиваются чести принадлежать къ нему, тѣмъ болѣе, что здѣсь сліянію не мѣшаютъ, какъ въ Индіи, различія кастъ и религіи. Въ началѣ еще замѣтно племенное отличіе кастъ двухъ-трехъ поколѣній; это первоначальное отличіе сглаживается, забывается и со

временемъ вырабатывается для будущаго этнолога живая загадка, которую также трудно разгадать, какъ геологу трудно опредѣлить, какъ попала окаменѣлая кость позднѣйшаго періода въ извѣстную формацію.

Такимъ образомъ, нѣкоторыя изъ лучшихъ семействъ въ Кашгарѣ начинаютъ называть себя узбеками, выражая притязанія на родственныя связи, которыхъ не признаютъ узбеки.

Есть еще нѣсколько второстепенныхъ племенъ осѣдлыхъ тюрковъ.

Кипчаки составляютъ соединительное звено между кочующими и осѣдлыми тюрками. У нихъ есть обработанныя поля въ Коканѣ, но они также кочуютъ со своими стадами верблюдовъ и барановъ, начиная съ весны и до времени уборки жатвы. Они пользуются большимъ почетомъ, нежели настоящіе киргизы; имѣя бо́льшой запасъ храбрости, они годятся въ хорошіе солдаты. Нѣсколько тысячъ ихъ находятся на службѣ у Аталыка-Хази въ Кашгарѣ; наружностью они не походятъ на киргизовъ, но они говорятъ тюркскимъ нарѣчіемъ, которое отличается отъ киргизскаго, а также и отъ нарѣчія осѣдлыхъ тюрковъ.

Туркменцы Урганджа (Хивы) составляютъ также кочующее племя, живущее въ войлоковыхъ палаткахъ, называемыхъ «кара-уи» (черный домъ), между тѣмъ какъ палатки киргизовъ называются «акъ-уи» (бѣлый домъ). Они говорятъ между собою нарѣчіемъ въ родѣ персидскаго, но понимаютъ и по тюркски. Коканецъ, жившій долго между ними, много мнѣ разсказывалъ про удивительную сносливость туркменскихъ лошадей, про ихъ умѣнье прыгать черезъ всякія препятствія, воду и пр. Этихъ лошадей такъ высоко цѣнятъ, что часто покупаютъ жеребенка еще до его рожденія, если

порода извѣстная. Но ограничусь простымъ названіемъ туркменцевъ въ исчисленіи всѣхъ племенъ Туркестана, такъ какъ мнѣ ни разу не пришлось ихъ встрѣтить, да къ тому они подробно описаны въ сочиненіи господина Вамбери.

Казаки принадлежатъ къ другому племени, кочующему на западѣ и сѣверѣ отъ Ташкента. Они извѣстны, хотя и неправильно, подъ общимъ названіемъ киргизовъ.

Относительно еще одного племени, кара-калпаковъ, я не могъ узнать ничего опредѣлительнаго, кромѣ того, что они изобрѣли извѣстнаго рода войлоковую шапку противъ солнца, получившую ихъ названія и часто употребляемую въ Восточномъ Туркестанѣ подъ именемъ калпака. Но, можетъ быть, племя заимствовало свое имя отъ шапки, а не шапка отъ племени. «Кара-калпакъ» значитъ черная шапка.

Но главную массу кочующаго населенія составляютъ киргизскія орды. Киргизы, живущіе къ сѣверу отъ Кашгара отличаются отъ коканскихъ киргизовъ, извѣстныхъ подъ именемъ алаи-киргизовъ, отъ имени той равнины, гдѣ пасутся ихъ стада. Къ этой большой ордѣ принадлежатъ и киргизы, кочующіе въ долинахъ по обѣ стороны Памира и въ степяхъ памирскихъ. Вся наружность была уже описана. Кажущаяся косвенность ихъ глазъ происходитъ отъ того, что они морщатъ лицо въ защиту зрѣнія отъ блеска, отражаемаго голой почвой; подлѣ наружнаго угла ихъ глазъ собирается складка, вслѣдствіе чего нижняя сторона глаза образуетъ косвенную линію. Но линія верхнихъ вѣковъ горизонтальна, и на обоихъ глазахъ составляетъ прямую линію. Я это особенно замѣтилъ на старикахъ, у которыхъ глаза едва замѣтны днемъ и кажутся приподнятыми у наружныхъ угловъ; но когда стемнѣетъ или когда они сидятъ у костровъ въ

своихъ палаткахъ, нижнія вѣки опускаются въ свое естественное положеніе, и глаза принимаютъ обычный горизонтальный видъ.

Всѣ описанныя мною племена, какъ таджики, такъ и тюрки—мусульмане, сунитскаго исповѣданія. Они всѣ, болѣе или менѣе, смотрятъ на бухарскій дворъ съ религіознымъ почтеніемъ, считая его (послѣ велнкаго Султана-Рума, или турецкаго султана, главы ислама) «великимъ вмѣстилищемъ вѣры». Мѣры, употребляемыя въ Бухарѣ къ усиленію религіозныхъ обрядовъ и преслѣдованію индійцевъ и жидовъ, повторяются почти во всѣхъ другихъ государствахъ Центральной Азіи. Аталыкъ-Хази, владѣтель Ярканда и Кашгара, получилъ свой титутъ (означающій «покровитель защитниковъ вѣры») отъ бухарскаго эмира, въ качествѣ духовнаго главы своего народа.

Узбеки забыли почти всѣ свои традиціи, принявъ исламъ; они обыкновенно берутъ магометанскія имена, происшедшія отъ аравійскихъ корней. Но между киргизами уже не встрѣчаются старыя татарскія имена, какъ н. п. Токтамышъ, и пр.

Туземцевъ Восточнаго Туркестана нельзя распредѣлять по племенамъ, какъ я уже говорилъ прежде. Не смотря на то, всѣ вышеисчисленныя племена Западнаго Туркестана имѣютъ своихъ представителей въ Кашгарѣ и Яркандѣ, которые отправляются туда съ цѣлію постояннаго или только временнаго жительства (особенно послѣ изгнанія китайцевъ), для комерческихъ цѣлей или на службу къ Аталыку-Хази. Въ войскѣ Аталыка-Хази можно также найти многихъ афганцевъ, которые считаются хорошими солдатами; кашмирцы, между тѣмъ, имѣютъ свой особенный кварталъ въ Яркандѣ, представляющій настоящее гнѣздо преступленій, обмана и разврата.

Тюрки и, въ особенности, воинственные узбеки, нынѣ господствующее племя въ странѣ, относятся съ крайнимъ презрѣніемъ къ кашмирцамъ.

Кругомъ Ярканда поселилось племя балтовъ (мусульманскихъ тибетцевъ), воздѣлывающее клочокъ земли, на которомъ преимущественно произрастаютъ табакъ и дыни. Среди садовниковъ, занимающихся разведеніемъ цвѣтовъ и овощей, а также въ рядахъ войска, встрѣчается много обращенныхъ китайцевъ. Въ числѣ жителей этой страны не слѣдуетъ также забывать бадахшанскихъ поселенцевъ.

Я не исчислилъ всѣхъ племенъ, составляющихъ разнообразную массу народонаселенія центрально-азіатскаго города. Восточныя племена присылаютъ сюда также многихъ представителей.

Но здѣсь слѣдуетъ упомянуть о положеніи страны. Двѣ большія полосы обитаемой земли тянутся, включая между собою пустыню Гоби (Такла-Маканъ по тюркски), вдоль подошвъ сѣверной и южной цѣпей Тіань-Шана и Куэнь-Луна.

Черезъ сѣверную цѣпь пролегала большая дорога въ Китай, но такъ какъ ее мало употребляли подвластные тюрки, то весьма трудно имѣть о ней какія бы то ни было свѣденія. Я начну съ сѣверной полосы, лежащей у подошвы горъ Тіань-Шана или Мустага; полоса эта обнимаетъ провинціи Ак-Су, Куче, Карашаръ и пр. На нѣкоторомъ протяженіи горы заселены киргизами, а далѣе на востокъ племенами, нѣсколько схожими съ киргизами, но исповѣдующими будистскую вѣру; ихъ сосѣди, мусульмане, называютъ ихъ калмыками. На сколько я собралъ свѣденій, калмыцкія селенія начинаются въ окрестностяхъ Карашара. Въ горахъ они ведутъ такую же кочующую жизнь, какъ и киргизы, но они

отчасти составляютъ и городское осѣдлое населеніе. Многіе калмыки служатъ въ войскѣ Аталыка-Хази; они еще до сихъ поръ употребляютъ, въ видѣ оружія, лукъ и стрѣлы, и выѣзжаютъ на поле битвы преимущественно верхомъ.

Окраины пустынь заселены дуланами, мусульманскимъ полукочующимъ племенемъ, ведущимъ разбойничью жизнь. Говорятъ, что они живутъ въ ямахъ или въ мазанкахъ, сдѣланныхъ изъ грязи. Посреди пустыни, подлѣ такъ называемой области Курдамъ-Какъ, соединенныя воды восточнаго Туркестана, исчезая въ пескѣ, образуютъ систему лагунъ и маленькихъ озеръ, изъ которыхъ главное называется Лопъ-Норъ. Носятся слухи, что въ этой мѣстности живетъ дикое племя, которое питается рыбой и одѣвается древесной корой; но я не встрѣчалъ ни одного человѣка, видѣвшаго это племя.

За Тіань-Шаномъ или Небесными Горами тянется обширная страна, называвшаяся прежде Дзюнгаріей. Масса народонаселенія, полагаютъ, калмыцкаго происхожденія. Кромѣ того, здѣсь находятся два племени: тунгане и таранчи.

Преданіе говоритъ, что тунгане—племя смѣшанное, происшедшее отъ скрещиванія татарскихъ завоевателей съ китаянками. Эти татары, согласно преданію, поселились въ западной части Китая съ своими женами. Имя ихъ обыкновенно производится отъ тюркскаго корня «трунгъ» («оставаться»), вслѣдствіе чего ихъ часто называютъ трунганами. Они строгіе мусульмане, но говорятъ китайскимъ нарѣчіемъ. Тѣ изъ нихъ, которыхъ мнѣ удалось видѣть, были большіе, крѣпко сложенные люди съ чисто монгольскими чертами лица и рѣдкими волосами. Отъ одного изъ лучшихъ авторитетовъ по этому дѣлу, живущему по эту сторону Китая, я узналъ, что

имя тунгане происходитъ отъ китайскихъ словъ «тэнь-джень», что означаетъ «военные поселенцы».

Оба толкованія до того согласуются съ свѣденіями объ этомъ племени, что трудно рѣшить, которое изъ нихъ вѣрнѣе. За китайскимъ именемъ, однако, остается болѣе вѣроятія, такъ какъ нарѣчіе этого племени—китайское. Но на дальнемъ востокѣ рѣдко случается, чтобы народы были извѣстны иностранцамъ подъ ихъ настоящимъ именемъ [1]). Западные тибетцы называютъ себя «ботъ»; племя, называемое мусульманами, калмыками, извѣстно у тибетцевъ подъ именемъ сакпо, а китайцевъ не иначе называютъ въ Центральной Азіи, какъ «катаи». Поэтому, очень возможно, что тунгане [2]), говорящіе по китайски, получили тюркское названіе.

Таранчи тоже колонисты, только позднѣйшаго времени. Историки согласны въ томъ, что это племя было переселено сюда съ запада Туркестана, вслѣдствіе возстанія его противъ китайскихъ завоевателей; такъ асирійскіе цари переселили сыновъ Израиля.

Населеніе Дзюнгаріи не чуждо китайской примѣси, потому что туда ссылались политическіе и простые преступники. Далѣе, къ востоку отъ Дзюнгаріи, лежитъ провинція Канзу, заселенная большею частью мусульманами. На сѣверъ тя-

---

[1]) Этотъ фактъ замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что происхожденіе имени, подъ которымъ извѣстенъ какой нибудь народъ своимъ сосѣдямъ, не имѣетъ этнологическаго значенія. Такъ, кара-катаи не тюркское племя, не смотря на то, что слово „кара“ (черный)—слово тюркское; точно также кизиль-баши не тюрки, хотя названіе ихъ тюркское (кизиль-башъ: красныя головы).

[2]) Профессоръ Вамбери говоритъ, что слово „тунгане“ происходитъ отъ тюркскаго слова, означающаго „обращенный“. См. Yule's „Marco Polo“, i. 255.

нутся монгольскія степи. Прослѣдивъ длинную полосу обитаемой земли вдоль сѣверной окрайны Гоби, обратимся теперь къ южной границѣ этой обширной пустыни.

Если наши свѣденія, относительно первой изъ этихъ странъ, были смутны, то про вторую мы знаемъ еще менѣе достовѣрное; только два пункта въ этой мѣстности намъ болѣе извѣстны.

Чарчандъ отстоитъ отъ Хотена на мѣсяцъ ѣзды; къ нему идетъ дорога вдоль подошвы горной цѣпи (извѣстной у китайцевъ и европейскихъ географовъ подъ именемъ Куэнь-Лунь) и между этой цѣпью и великой пустыней Гоби или Такла-Маканъ. Черезъ эту цѣпь нѣтъ дороги восточнѣе Полу; по ней путешественникъ достигаетъ озера Пангонга въ западномъ Тибетѣ; но есть еще путь, ведущій въ Китай, который, однако, не былъ въ употребленіи у китайцевъ, во время ихъ владычества въ этой странѣ. Чарчандъ независимъ отъ китайцевъ, а также отъ Аталыка; хотя Марко Поло утверждаетъ противное, но весьма вѣроятно, что эта страна заселена не мусульманскимъ племенемъ. Въ настоящее время туда не ходятъ караваны изъ Хотена. Другая вышеупомянутая мною мѣстность была, я думаю, до сихъ поръ мало извѣстна западнымъ географамъ.

Я узналъ слѣдующимъ образомъ о ея существованіи: въ Яркандѣ я встрѣтилъ двухъ калмыковъ, принадлежавшихъ къ свитѣ китайскаго амбана (губернатора); онъ занималъ прежде высокую должность въ Льяссѣ, откуда былъ переведенъ губернаторомъ въ Восточный Туркестанъ. Калмыки поступили къ нему на службу въ Льяссѣ и послѣдовали за нимъ въ Яркандъ. Когда вспыхнуло возмущеніе, и всѣхъ китайцевъ вырѣзали, этихъ калмыковъ пощадили ради ихъ пре-

клонныхъ лѣтъ, съ условіемъ, чтобы они приняли исламъ. Они говорили, что они родомъ изъ Цильма, страны, въ разстояніи 1½ мѣсяца ѣзды отъ Ак-су и Хотена и въ такомъ же разстояніи отъ Льяссы, отъ которой ее отдѣляетъ горная страна.

Къ сѣверу тянется великая пустыня.

Калмыки говорили, что тюрки называютъ ихъ калмыками, а тибетцы—сокпо. Въ Цильмѣ занимаются производствомъ ковровъ, конской сбруи и пр. Онъ ведетъ караванную торговлю съ Льяссой, также какъ Ладакъ съ Яркандомъ. Свѣденія эти подтверждаются тѣмъ, что въ Ладакѣ вышеупомянутые предметы извѣстны подъ именемъ «цильмскихъ» или «цирмскихъ» [1]).

Предположивъ, что Цильмъ отстоитъ отъ Льяссы или отъ Ак-су на шесть недѣль ѣзды, можно приблизительно опредѣлить его положеніе. Отъ Цильма въ Льяссу дорога идетъ черезъ горы и высокія плато, а отъ Цильма въ Ак-су—почти исключительно по ровной мѣстности. Итакъ, разстояніе между Цильмомъ и Льяссой можно сравнить съ разстояніемъ отъ Кашмира до Ярканда; между тѣмъ, какъ отъ Цильма до Ак-су можно предположить 600 миль. Такимъ образомъ можно приблизительно опредѣлить географическое положеніе Цильма: 38° с. ш. и 90° в. д. Другими словами, Цильмъ находится на югъ отъ Лопъ-Нора и на востокъ отъ Чарханда.

Я также узналъ отъ калмыковъ, что западные сокпо (калмыки), включая и цильмскихъ жителей, исповѣдуютъ чистую

---

[1]) Кажется не можетъ быть сомнѣнія, что Цильмъ (Цилинъ?) или Цилингъ соотвѣтствуетъ городу Синингфу, на тибетской границѣ Шензи. См. Yule's „Marco Polo", i. 243.

будистскую вѣру; жители Льяссы называютъ ихъ «нанг-па», что значитъ: «нашей вѣры», между тѣмъ, какъ восточныхъ сокпо называютъ «чи-па», или «другой вѣры» и относятся къ нимъ съ презрѣніемъ. Даже въ пустыняхъ татарскихъ существуетъ своя правая вѣра и свой расколъ! Между восточными и западными сокпо существуетъ различіе нарѣчій, кромѣ различія вѣры, но письмена у нихъ одинаковыя, похожія на китайскія; они изображаютъ вертикальные ряды, читаемые сверху внизъ.

За этими племенами живутъ еще калка сокпо (можетъ быть, это племя тождественно съ восточною вѣтвью предыдущихъ двухъ). Они поклоняются великому Ламѣ, подъ именемъ «Езунъ-Дампа», который, подобно льясскому Далай-Ламѣ, считается безсмертнымъ, но переходящимъ въ различныя тѣла.

Эти калки, должно быть, то самое монгольское племя, которое извѣстно подъ этимъ именемъ русскимъ и китайцамъ; а «Езунъ-Дампа», очевидно, то же самое, что «гвизонъ-тамба»[1]), т. е. лама, владѣтель Курены или Урги, подлѣ границъ Сибири. Говорятъ, что послы этого Ламы являются въ Льяссу для поклоненія Далай-Ламѣ. Представивъ неполное обозрѣніе племенъ, живущихъ вокругъ пустыни Гоби, мы приближаемся къ странамъ, о которыхъ мы имѣемъ болѣе подробныя свѣденія.

---

[1]) Huc's „Travels".

ГЛАВА III.

Позднѣйшая исторія Восточнаго Туркестана.

Дѣла въ Коканскомъ Ханствѣ; изгнаніе Начальника Худа-Яръ-Хана.— Ходжа-Вале-Ханъ; его нашествіе на Восточный Туркестанъ. — Убіеніе имъ А. Шлагинтвейта. — Худа-Яръ-Ханъ возвращается на коканскій престолъ. — Безпорядки въ Кашгарѣ и Яркандѣ. — Движеніе русскихъ въ Западномъ Туркестанѣ. — Разсказъ о возмущеніи тунгановъ противъ китайцевъ. — Набѣгъ киргизовъ на Кашгаръ.—Жестокости, производимыя ими. — Новое нашествіе изъ Андиджана. — Владычество тунгановъ въ Яркандѣ. — Махометъ-Якубъ овладѣваетъ Кашгаромъ и Яркандомъ. — Онъ беретъ титулъ Аталыка-Хази; покоряетъ Хотенъ и убиваетъ Хана Хабибулла. — Онъ принимаетъ русскаго посланника. — Завоеваніе и обезселеніе Сариколя. — Хронологическая таблица современной исторіи.

Чтобы понять происшествія послѣдняго времени въ Кашгарѣ и Яркандѣ, нужно возвратиться за нѣсколько лѣтъ къ исторіи Коканскаго Ханства, расположеннаго на западномъ склонѣ горъ.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ Коканское Ханство заключало въ себѣ плодородныя земли, орошаемыя р. Яксартомъ (или Сыръ-Дарьей, прежде называвшейся Сихунъ) и его притоками. Верхняя часть Кокана, ближайшая къ Кашгару, представляетъ гористую мѣстность, составляющую древнюю область Фаргана, родину Бабера, основателя индѣйской династіи Великихъ Моголовъ. Въ настоящее время, эта область извѣ-

стна подъ именемъ Андиджана, отъ названія ея прежней столицы. Оставляя за собою горы, въ своемъ западномъ теченіи, Сыръ-Дарья затѣмъ направляется къ сѣверо-западу; на пути въ нее впадаетъ много притоковъ, имѣющихъ свои истоки въ горной цѣпи Кара-Тагъ (черныя горы), которая идетъ на сѣверъ. Мѣстность здѣсь очень плодородная и усѣянная многими городами; по южную сторону рѣки простирается большая степь Кизиль-Кумъ (красный песокъ), отдѣляющая ее отъ Бухары. Вся эта страна принадлежала Кокану.

Въ то время царствовалъ Худа-Яръ-Ханъ, а братъ его Мала-Ханъ былъ губернаторомъ въ Ташкентѣ, одномъ изъ самыхъ значительныхъ городовъ Центральной Азіи. Худа-Яръ-Ханъ не пользовался популярностію, вслѣдствіе чего братъ его нашелъ случай къ собственному возвышенію. Онъ началъ интригу и, составивъ себѣ партію между кочующими племенами кипчаковъ, киргизовъ и др., прибѣгнулъ къ возстанію съ помощью своей партіи. Вооруженные сторонники шли къ нему изъ Уша, Марджилана, Андиджана и другихъ городовъ; когда онъ убѣдился въ своей силѣ, онъ пошелъ на брата своего. Это было въ 1857 г. Почти всѣ войска Худа-Яра покинули его, причемъ онъ сказалъ «Богъ-великъ» и удалился въ Бухару.

Незадолго до этого происшествія, Кашгаръ и Яркандъ потерпѣли нашествіе изъ Андиджана, предводительствуемое Ходжа-Вале-Ханомъ Тура [1]); этотъ Вале-Ханъ принадлежалъ къ семейству, царствовавшему прежде въ Восточномъ Турке-

---

[1]) См. въ прибавл. „Исторія Восточнаго Туркестана“ (History of Eastern Tourkistan), взятая изъ „Торговаго отчета“ (Trade report) Дэвиса.

станѣ, и жившему въ послѣднее столѣтіе въ изгнаніи въ Андиджанѣ, откуда оно предпринимало періодическія нападенія на китайскихъ владыкъ, занявшихъ его древнее наслѣдіе. На этотъ разъ Вале-Ханъ и его военачальникъ Тиле-Ханъ овладѣли всей страной до Гума, за исключеніемъ Кашгара и Ярканда. Въ это самое время появился на сцену борьбы путешественникъ Шлагинтвейтъ. Купецъ, бывшій въ Ярканді свидѣтелемъ этихъ происшествій и разсказывавшій мнѣ о нихъ, говорилъ, что изъ Ярканда видѣли приближеніе европейца съ слугами и багажемъ, но прежде чѣмъ ему удалось достигнуть городскихъ воротъ, солдаты Тиле-Хана схватили его и со всякимъ почетомъ отвели въ окрестность Кашгара. Кашмирскій акскалъ или консулъ, сидѣвшій на городской стѣнѣ, послалъ оповѣстить китайскаго амбана, въ новомъ городѣ, о прибытіи европейскаго путешественника, но Шлагинтвейта между тѣмъ уже успѣли увлечь въ Кашгаръ андиджаны. Тамъ онъ и былъ казненъ Вале-Ханомъ. Про этого начальника говорятъ, что онъ былъ настоящій «джинъ», т. е. діяволъ, упивавшійся ежедневно «бангомъ». Придворные обязаны были сидѣть въ его присутствіи съ опущенными глазами и распростертыми руками, какъ будто углубляясь въ молитву. Если кто нибудь подымалъ глаза, его тотчасъ же казнили. Если выходя Вале-Ханъ слышалъ голосъ «муэзина», зовущаго изъ мечети народъ на молитву, онъ посылалъ за нимъ и говорилъ: — «Какъ смѣетъ раздаваться твой голосъ? развѣ ты не зналъ, что Вале-Ханъ вышелъ на улицу?» Затѣмъ, несчастному отрубали голову тутъ же и безъ отлагательства. Вале-Ханъ творилъ еще многія другія жестокости. Старый андиджанинъ, бывшій при немъ, разсказывалъ мнѣ, что каждый день казнили трехъ-четы-

рехъ человѣкъ, преимущественно «бе-гуна», какъ онъ выражался, т. е. безвинно. Такова была и судьба Шлагинтвейта, котораго мой разскащикъ хорошо помнилъ.

Когда Худа-Яръ-Ханъ удалился изъ Кокана, какъ я говорилъ выше, онъ былъ очень хорошо принятъ бухарскимъ эмиромъ, Бахадуръ-Ханомъ, который обошелся съ нимъ согласно его званію и далъ ему въ жены дѣвушку изъ своего семейства.

Между тѣмъ нѣкто Аламъ-Кулъ, кипчакскій начальникъ, бывшій зачинщикомъ во время послѣдней революціи, пріобрелъ большую силу и вліяніе у своего господина Мала-Хана, новаго правителя Кокана. По прошествіи трехъ лѣтъ, однако, пять человѣкъ киргизскихъ начальниковъ составили между собою заговоръ, и, пользуясь временнымъ отсутствіемъ Аламъ-Кула, ворвались ночью во дворецъ и умертвили Мала-Хана въ его постели. Послѣ недолговременныхъ смутъ, Аламъ-Кулъ прибѣгнулъ къ Coup d'état, схватилъ и казнилъ киргизскихъ начальниковъ и началъ править страной за малолѣтствомъ Султанъ-Хана, сына бывшаго его господина. Его управленіе процвѣтало. Онъ покорилъ своей власти весь Коканъ и даже противился Бухарѣ, заступившейся за изгнаннаго Худа-Яра; казалось, что онъ былъ предназначенъ для великихъ дѣлъ, но противъ него выступила новая и гораздо болѣе значительная сила. Русскіе напали на Коканъ, подвигаясь по Сыръ-Дарьѣ; въ битвѣ съ ними въ 1865 году, гдѣ онъ былъ убитъ, Аламъ-Кулъ нашелъ конецъ своей блестящей карьеры. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, бухарскій эмиръ пошелъ противъ Кокана и посадилъ снова Худа-Яръ-Хана на коканскій престолъ. Кипчаки и другія племена, принимавшія участіе въ возстаніи противъ него, попробовали

сопротивляться, но безуспѣшно, и бѣжали, уводя съ собою въ Кашгаръ племянника Худа-Яра, сына Мала-Хана. Аталыкъ-Хази съ удовольствіемъ взялъ бѣглецовъ къ себѣ на службу, оказывая всякій почетъ Султанъ-Хану, которому онъ назначилъ дворецъ, прислугу и обстановку, достойную его званія. Нѣкоторые изъ моихъ людей видали его въ Кашгарѣ.

Во время регентства Алама-Кула въ Коканѣ, слухи о новыхъ безпорядкахъ въ Кашгарѣ и Яркандѣ повели къ другому походу изгнанныхъ хаджей изъ Андиджана. На этотъ разъ предводителемъ явился Ходжа Бузургъ Ханъ, а къ нему присоединился съ отрядомъ туземныхъ коканцевъ Кушъ-Беги Махомедъ Якубъ-Бегъ, уроженецъ Пишпека, находящагося теперь во владѣніи русскихъ. Якубъ-Бегъ занималъ губернаторскій постъ въ Акъ-Масджидѣ, расположенный у нижнихъ частей Яксарта или Сыръ-Дарьи. Ему удалось разъ отбить русскихъ обороной, названной послѣдними «геройской». Однако ходили слухи, что Якубъ-Бегъ передъ тѣмъ или послѣ того имѣлъ сношенія съ ними по поводу продажи земель. Въ настоящее время единственные слѣды его знакомства съ русскими заключаются въ пяти ранахъ, полученныхъ имъ въ борьбѣ съ ними. Такимъ образомъ, Бузургъ-Ханъ и Мухомедъ-Якубъ направились съ своими небольшими силами искать счастья на востокъ, въ Кашгаръ. Пять мѣсяцевъ спустя Шагавалъ-Мухомедъ-Юнасъ (бывшій прежде главнымъ секретаремъ у Малка-Хана и затѣмъ служившій въ той же должности у Аламъ-Кула) былъ посланъ въ Кашгаръ. Исполнивъ свое порученіе, онъ приготовился къ возвращенію, но въ это время до него дошло свѣденіе о смерти Алама-Кулы. Предвидя, что ему неудобно будетъ оставаться въ Коканѣ, онъ поступилъ на службу къ Кушъ-Беги

Мухомедъ-Якубу (У котораго онъ уже прежде бывалъ) и съ тѣхъ поръ сдѣланъ вторымъ человѣкомъ въ странѣ и ярканднскимъ Дадъ-хва.

Прежде, чѣмъ приступлю къ описанію экспедиціи, предпринятой Бузургъ-Ханомъ вмѣстѣ съ Кушъ-Беги, я окончу свое повѣтствованіе о происшествіяхъ въ Коканѣ. Бухарскій эмиръ пошелъ на Коканъ и водворилъ тамъ своего protégé Худа-Яра. Коканцы были крайне удивлены приведенными имъ двумя слонами, которые составили предметъ зависти всѣхъ другихъ владѣльцевъ. Мнѣ совершенно серьезно разсказывали, что одинъ изъ этихъ слоновъ, освободившись, отправился обратно по дорогѣ въ Бухару. Напрасно старались остановить его, и довели наконецъ дѣло до свѣденія эмира. Эмиръ снялъ съ руки перстень, символъ власти, и послалъ его съ гонцомъ, наказавъ ему положить перстень передъ слономъ, когда онъ его догонитъ, и отъ имени эмира приказать ему возвратиться въ Коканъ. Посланный исполнилъ все, какъ было сказано, причемъ слонъ остановился, повернулся и тихими шагами отправился назадъ въ городъ.

Русскіе, послѣ одного изъ своихъ періодическихъ отдыховъ, снова стали подвигаться вверхъ по Сыръ-Дарьѣ. Бухарскій эмиръ, разбитый въ сраженіи при Ирджарѣ, отступилъ съ своимъ войскомъ отъ пограничнаго города Ходженда, принадлежащаго собственно Кокану. Прежде чѣмъ коканскія войска успѣли занять крѣпость, русскіе уже осадили ее. Горожане быстро приготовились къ оборонѣ. Одинъ изъ бывшихъ въ дѣлѣ таджи, разсказывавшій мнѣ въ Ярканднѣ всѣ эти происшествія, говорилъ, что всѣ годныя орудія были увезены отступившимъ бухарскимъ гарнизономъ, и въ крѣпости во время осады осталась одна попорченная пушка.

Оборона длилась двѣнадцать дней: два послѣднихъ дня происходила уличная схватка. Послѣ взятія города русскіе госпитали открылись для раненыхъ ходжендцевъ. Таджикъ, разсказывавшій мнѣ все это, или одинъ изъ друзей его, насчиталъ 370 раненыхъ русскихъ въ госпиталѣ, изъ которыхъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней послѣ битвы умирало ежедневно по 4—5 человѣкъ. Онъ сознался, что потери между городскимъ населеніемъ были очень велики, но, по его словамъ, русскіе хирурги оказывали раненымъ самый заботливый уходъ.

До сихъ поръ русскіе не проникали вверхъ по Сыръ-Дарьѣ дальше Ходженда; оттуда они направились на югъ до Самарканда, огибая, такимъ образомъ, великую пустыню Кизиль-Кушъ, простирающуюся между нижнимъ теченіемъ Сыръ-Дарьи и Бухарской территоріей; верхняя часть рѣки образуетъ гористую мѣстность Кокана-Андиджанъ, остающійся еще въ полунезависимомъ положеніи въ рукахъ Худа-Яръ-Хана.

Обращаясь теперь къ Восточному Туркестану, мы прослѣдимъ дѣйствія Бузургъ-Хана и Кушъ-Беги. Но сперва слѣдуетъ взять въ соображеніе положеніе дѣла въ Восточномъ Туркестанѣ во время ихъ нашествія:—Я слышалъ слѣдующій разсказъ отъ Марамъ-Баши Алла-Акунда, отецъ котораго былъ губернаторомъ въ Кашгарѣ во время китайскаго владычества, между тѣмъ какъ самъ онъ служилъ переводчикомъ у китайскаго амбана. Онъ имѣлъ случай собрать вѣрныя свѣденія, къ тому же его разсказъ подтверждается другими свидѣтелями:—Вслѣдствіе возмущенія тунганскихъ солдатъ, находившихся на службѣ у китайцевъ, въ Акъ-Су и Кучи, кашгарскіе китайцы старались разрушить планы тунганъ, находившихся въ кашгарской крѣпости; ихъ всѣхъ

пригласили на праздникъ и перерѣзали; такимъ образомъ, кашгарскій амбанъ избавился отъ этой опасности. Не таково было положеніе дѣлъ въ Ярканде и Хотенѣ, гдѣ тунгане одержали побѣду. Вслѣдствіе смутъ, охватившихъ всю страну, киргизы со всѣхъ сосѣднихъ горъ съ юга, запада и сѣвера, устремились, подобно коршунамъ, на Кашгаръ въ надеждѣ на добычу. Ими предводительствовалъ Садикъ.

Въ продолженіи года и четырехъ мѣсяцевъ (согласно съ разсказомъ таджика), китайцы и ихъ тюркскіе союзники защищали городъ Кашгаръ, пока, наконецъ, не были доведены до послѣдней крайности. Сначала они стали ѣсть своихъ лошадей, потомъ собакъ и кошекъ и наконецъ дошли до сапогъ, ремней, сѣделъ, тетевы. Въ этой крайности они иногда собирались маленькими шайками и отправлялись на поиски; когда ихъ алчнымъ взорамъ представлялся одинокій товарищъ, на которомъ еще оставалось мясо на костяхъ, то они увлекали его въ сторону и убивали, потомъ раздѣливъ его мясо уносили каждый свою часть. 30—40 человѣкъ ежедневно умирали съ голоду. Наконецъ, когда у городскихъ стѣнъ и воротъ не осталось болѣе защитниковъ, киргизы вошли въ городъ.

Трудно описать жестокость ихъ. Марамбаши и его отецъ (тюркскій губернаторъ города) брошены были, вмѣстѣ съ женой и матерью перваго, и съ другими важными плѣнными, въ такую маленькую тюрьму, гдѣ они съ трудомъ могли сѣсть или лечь. Въ продолженіи 20 дней ихъ содержали въ этой тюрьмѣ, давая имъ по одному сухарю и по блюдечку воды въ день. Послѣ этого отцу Марамбаши объявили, что если онъ не представитъ 100 ямбу (1600—1700 ф. ст.), то онъ будетъ казненъ. Но они не ограничились одной угро-

зой: онъ и сынъ его были повѣшаны за косы, которыя они носили въ угоду своимъ китайскимъ властителямъ; женщины также были подвергнуты пыткѣ. Съ продажи домовъ и садовъ (пошедшихъ за безцѣнокъ) выручено было 90 ямбу. Въ замѣнъ недостающихъ 10-ти ямбу, киргизы угрожали увести Марамбаши и его брата въ плѣнъ. Не помню какими именно средствами была пополнена требуемая сумма, но, наконецъ, разоренное семейство было отпущено на волю. Отецъ и мать ушли въ Мекку [1]), гдѣ они надѣются умереть, между тѣмъ какъ сынъ занимаетъ должность при новомъ дворѣ. Киргизы опустошили всю мѣстность, безнаказанно совершая убійства и грабежи. Они даже сдирали ковры съ половъ, и когда бѣдныя тюркскія дѣти, брошенныя на голый полъ, начинали плакать, ихъ хватали за ноги и разбивали имъ головы.

Среди этихъ безчинствъ и еще худшихъ жестокостей, киргизовъ настигло нашествіе изъ Андиджана, предводительствуемое Бузургъ-Ханомъ и Мухамедъ-Якубомъ. Они были разбиты; многіе изъ ихъ начальниковъ были взяты въ плѣнъ и казнены, въ томъ числѣ и Садикъ. Между тѣмъ крѣпость Кашгара (Янгимеръ), расположеннаго въ пяти миляхъ на западъ отъ города, все еще держалась противъ непріятеля съ

---

[1]) Марамбаши сказалъ мнѣ, что отецъ его не живетъ въ Меккѣ, но въ одномъ изъ маленькихъ окрестныхъ городовъ. Они отправлялись въ Мекку только для поклоненія. Причина того, что онъ не поселился въ Меккѣ, заключается въ томъ, что по ихъ вѣрованіямъ всякое дѣйствіе, хорошее или дурное, совершенное въ Меккѣ, получаетъ въ девять разъ большее возмездіе. Поэтому люди предпочитаютъ не жить въ Меккѣ, а посѣщать ее только съ религіозной цѣлью.

своимъ китайскимъ гарнизономъ. Народонаселеніе Кашгара буйное, но искренно преданное своимъ прежнимъ владѣтелямъ, священному роду Ходжа, присоединилось къ Бузургъ-Хану и его энергическому сподвижнику, которые, говорятъ, прибыли изъ Андиджана съ отрядомъ, состоявшимъ только изъ восьмидесяти человѣкъ.

Коноводомъ, душою предпріятія былъ Кушъ-Беги Мухамедъ-Якубъ, между тѣмъ какъ Бузургъ-Ханъ лѣниво довольствовался поклоненіемъ своихъ послѣдователей и подданныхъ.

Кушъ-Беги собралъ войско изъ окрестныхъ мѣстностей и, подкрѣпивъ еще 500 человѣкъ изъ Кокана, осадилъ крѣпость. Въ продолженіе осады ежедневно прибывали изъ Андиджана новыя подкрѣпленія. Каждый день войско Якуба увеличивалось десятью—двадцатью новыми рекрутами, но, не смотря на то, ему удалось взять крѣпость только послѣ четырнадцатимѣсячной осады. Къ концу осады амбанъ (китайскій губернаторъ) собралъ совѣтъ изъ своихъ офицеровъ и предложилъ имъ взойти въ переговоры съ Мухамедъ-Якубомъ. Офицеры выразили свое согласіе и тотчасъ каждый изъ нихъ внесъ свою часть для составленія суммы, требуемой для приношенія побѣдителю. Амбанъ въ это время сидѣлъ окруженный своимъ семействомъ (дочери сидѣли позади его, а сыновья разносили чай гостямъ, сидѣвшимъ вокругъ комнаты), ожидая извѣстія о сдачѣ города. Вдругъ послышались крики «Аллахо-Акберъ!», которыми мусульмане сопровождали свое вступленіе. Амбанъ, услышавъ эти крики, вынулъ трубку изо рта и стряхнулъ пепелъ на одну точку пола, сообщавшуюся съ миной, проведенною имъ предварительно подъ домомъ. Въ то время какъ офицеры, не сознавая опасности, разсуждали о

сдачѣ, домъ взлетѣлъ на воздухъ и всѣ были погребены подъ его развалинами.

Но еще до успѣшнаго окончанія осады Кашгара, Кушъ-Беги Мухамедъ-Якубъ ходилъ нѣсколько разъ на Яркандъ, находившійся тогда въ рукахъ тунганъ, вслѣдствіе слѣдующихъ обстоятельствъ:

Весною 1863 тунгане старались захватить въ свои руки управленіе Яркандомъ, а китайцы предложили имъ двѣ трети всего, кромѣ управленія. Тунгане отвергли это предложеніе, и въ этомъ положеніи дѣла оставались въ продолженіе мѣсяца. Однажды они убили 60 быковъ и накормили главныхъ мусульманъ города. Ровно черезъ недѣлю, въ полночь, тунганская часть гарнизона подожгла всѣ дома китайцевъ, какъ въ новомъ, такъ и въ старомъ городѣ. Когда китайцы бросились изъ домовъ, ища спасенія отъ огня, тунгане ихъ перерѣзали.

Остальная часть китайскаго гарнизона укрылась за внутреннею стѣною Янгъ-Шара. Тунгане стали уговаривать горожанъ воспользоваться настоящимъ единственнымъ случаемъ къ освобожденію. Дѣйствительно, горожане присоединились къ тунганамъ. Джума разсказывалъ мнѣ, что онъ прибылъ съ Акскаломъ Ахмедомъ-Ходжа, главнымъ кашмирскимъ купцомъ, и такъ какъ было очень жарко, слуги Акскала принесли ему чаю; когда они приближались къ стѣнамъ города, китайцы начали стрѣлять по нимъ, а между горожанами произошло общее смятеніе. Такъ какъ Акскалъ былъ очень тученъ, то двое изъ его людей помогли ему спастись бѣгствомъ. Послѣ этого, китайцы, пользуясь своимъ успѣхомъ, незамѣтно подкрались къ воротамъ и овладѣли ими. Такимъ образомъ, мусульмане, остававшіеся во внѣшней части Янгъ-Шара, попали

въ западню и до 800 человѣкъ изъ нихъ были убиты. Послѣ этого осаждающіе въ продолженіи мѣсяца вели траншеи, изъ которыхъ подъ городскую стѣну были проведены мины, вслѣдствіе чего часть этой стѣны (отъ 40—50 саженъ длиною) была взорвана.

Но и тогда китайцы продолжали сопротивляться, пока наконецъ все мусульманское населеніе не поднялось поголовно, нападая на нихъ со всѣхъ сторонъ. Число китайцевъ до того уменьшилось (ихъ оставалось менѣе 1000 человѣкъ), что ихъ не хватало на защиту всего протяженія городскихъ стѣнъ; а потому, когда всѣ мусульмане (городскіе и деревенскіе жители) напали на нихъ всѣми соединенными силами, они должны были отступить отъ стѣны. Мусульмане, опасаясь минъ, не вошли въ городъ; ихъ осторожность вполнѣ оправдалась, когда вскорѣ затѣмъ раздался страшный взрывъ, отъ котораго земля потряслась на нѣсколько миль въ окружности. Клочки труповъ были заброшены даже въ старый городъ, а пыль была до того густа, что затмѣвала воздухъ цѣлый часъ послѣ взрыва. Послѣ этого, мусульмане вторглись въ городъ и перерѣзали немногихъ оставшихся живыми осажденныхъ. Амбанъ и большая часть гарнизона погибли во время взрыва.

Въ продолженіе почти цѣлаго года послѣ этого происшествія, тунгане управляли Яркандомъ; они сдѣлали безуспѣшное нападеніе на Хотенъ (гдѣ мусульмане одержали верхъ надъ китайскимъ гарнизономъ, поставивъ въ главѣ управленія Хаджи-Хабибула). Они потерпѣли пораженіе при Санджу, потерявъ всѣ свои пушки, послѣ чего они соединились съ владѣтелями Кучи и Акъ-Су, успѣшными предводителями возстанія противъ китайцевъ.

Около этого времени Мухамедъ-Якубъ, оставивъ большую

часть своего андиджанскаго войска въ осадѣ кашгарскаго форта, взялъ по дорогѣ Янгъ-Гиссаръ и оттуда выступилъ противъ Ярканда съ небольшимъ отрядомъ. Отрядъ этотъ дрался съ яркандцами отъ утренней до вечерней молитвы (дѣло было въ пятницу), но Якубъ потерпѣлъ пораженіе. Первымъ натискомъ удалось смять непріятеля, но лошади его устали вслѣдствіе мокрой почвы, и онъ принужденъ былъ укрыться въ Янгъ-Гиссаръ. Онъ былъ окруженъ здѣсь непріятелемъ и ему съ трудомъ удалось бѣжать въ Кашгаръ. Послѣ этого тунгане, соединившись съ кучарами и получивъ еще подкрѣпленіе въ 40,000 человѣкъ (?), подъ предводительствомъ Хана-Ходжа, выступили противъ Кашгара, но Мухамедъ-Якубъ поджидалъ ихъ въ лѣсу подлѣ Кизиля и, захвативъ ихъ въ расплохъ, разбилъ ихъ совершенно. Разногласія, происшедшія въ его лагерѣ между кипчаками и андиджанами помѣшали ему воспользоваться этимъ успѣхомъ и онъ долженъ былъ во второй разъ отступить отъ Ярканда.

Прошло ужъ четырнадцать мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Бузургъ-Ханъ осаждалъ кашгарскую крѣпость, и единственный успѣхъ, достигнутый имъ въ это время, заключался во взятіи Янгъ-Гиссара его ловкимъ полководцемъ Мухамедомъ-Якубомъ. Но дѣло приняло внезапно другой оборотъ. Якубъ окончательно овладѣлъ крѣпостью Кашгара, какъ я уже описывалъ выше, послѣ чего онъ осадилъ и взялъ Маралбаши, отрѣзавъ, такимъ образомъ, армію Кучи въ Яркандѣ отъ ея родины. Затѣмъ онъ снова наступилъ на Яркандъ.

Ніазъ-Бегъ, губернаторъ Хотена, предупредилъ его о предполагаемомъ ночномъ нападеніи непріятеля на него, вслѣдствіе чего ему удалось разбить послѣдняго, причинивъ ему огромный вредъ. Послѣ осады, длившейся мѣсяцъ, остатокъ

яркандскаго гарнизона сдался на капитуляцію и былъ уведенъ плѣннымъ въ Кашгаръ.

Все это происходило весною 1865 года, а первое нападеніе на Яркандъ было сдѣлано Мухамедомъ-Якубомъ въ предъидущую зиму.

Кашгаръ былъ, слѣдовательно, взятъ въ этотъ промежутокъ времени, приблизительно въ началѣ 1865 года.

Овладѣвъ Кашгаромъ и Яркандомъ, Мухамедъ-Якубъ захватилъ не только дѣйствительную власть, но и титулъ. Владѣтельный номинальный правитель, Бузургъ-Ханъ-Ходжа, утопалъ въ нѣгѣ и развратѣ, между тѣмъ какъ другіе пожинали для него лавры побѣдъ.

Успѣхи Якуба стяжали ему популярность между солдатами; кромѣ того онъ заручился ихъ расположеніемъ, великодушно распредѣляя между ними военную добычу, когда таковая доставалась ему. Бузургъ-Ханъ потерялъ всякое значеніе, а Мухамедъ-Якубъ, который сталъ посылать своихъ пословъ въ сосѣднія государства, былъ привѣтствуемъ бухарскимъ эмиромъ, какъ Аталыкъ-Хази. Подъ этимъ титуломъ онъ царствуетъ и до сихъ поръ. Нѣкоторые члены изъ семейства Ходжа, возвращеные послѣ столь продолжительнаго изгнанія на свою прежнюю родину, воспротивились возвышенію простаго искателя приключеній на мѣсто, принадлежавшее по праву имъ. Но они не успѣли смирить Якуба. По его приказанію Ходжу-Вале-Хана (убійцу Шлагинтвейта) схватили и казнили, а Бузургъ-Ханъ подвергся почетному заточенію, изъ котораго ему позволено было выдти въ 1868 году только подъ тѣмъ условіемъ, что онъ пойдетъ на поклоненіе въ Мекку. Въ настоящее время онъ возвратился чрезъ Бухару въ свое прежнее мѣсто изгнанія—въ Андиджанъ, гдѣ онъ

потерялъ послѣднюю надежду возвратиться на престолъ своихъ предковъ.

Другіе «Ходжа» получили высокія мѣста у Мухамеда-Якуба, и, несмотря на свое неудовольствіе, хранятъ молчаніе, сознавая высокій умъ, съ которымъ они имѣютъ дѣло. Вліяніе этого священнаго семейства все болѣе и болѣе пропадаетъ, даже между фанатическими послѣдователями въ Кашгарѣ. Присутствіе ихъ разсѣяло ореолъ святости, которымъ народное воображеніе украшало ихъ издали.

Укрѣпивъ въ теченіе двухъ лѣтъ свою власть внутри государства, Аталыкъ-Хази обратилъ свое вниманіе на сосѣднія земли. Хотеномъ управлялъ старый Хаджи-Хабибула-Ханъ, избранный своими соотечественниками послѣ избіенія китайцевъ. Мухамедъ-Якубъ написалъ къ нему, какъ любящій сынъ къ отцу, приглашая его на конференцію на границу. Увлекаемый слѣпою судьбою, которая на востокѣ заводитъ сотни жертвъ въ ту же западню, Хабибула-Ханъ отправился въ станъ Аталыка. Сначала его угостили роскошнымъ пиромъ, а потомъ схватили и ввергли въ заточеніе. Его перстнемъ заманили въ лагерь всѣхъ его высшихъ сановниковъ и вельможъ. Сначала ихъ пощадили, но, когда ихъ жены, которыхъ по восточному обычаю раздѣлили между побѣдителями, сговорившись, убили своихъ новыхъ властителей, Ханъ и его вельможи сдѣлались жертвами кроваваго мщенія.

Между тѣмъ какъ главныя личности Хотена отправились въ лагерь Аталыка, часть войска послѣдняго сдѣлала обходъ и вошла въ Хотенъ съ другой стороны. Жители долго сопротивлялись, и, говорятъ, что до 3000 людей было убито. Городъ со всей областью все-таки наконецъ перешелъ въ руки Мухамеда-Якуба. Онъ выѣхалъ въ Гума, пограничный городъ,

гдѣ происходила конференція, въ началѣ Рамазана (мѣсяцъ поста) и возвратился въ Яркандъ въ концѣ того же мѣсяца, овладѣвъ новою областью. Дѣла эти происходили въ январѣ 1867 года. Послѣ этого Мухамедъ-Якубъ обратился къ востоку. Онъ сдѣлалъ съ Ак-Су, Кучи, Пан и другими городами и землями Алтишара тоже, что и съ Хотеномъ. Онъ вездѣ разбилъ тунгановъ, овладѣвшихъ этимъ краемъ послѣ изгнанья китайцевъ.

Во время похода, Якубъ потерялъ молодаго сына, по имени Худа-Кулъ-Беги, принимавшаго самое дѣятельное участіе во взятіи Кучи. Онъ провелъ отрядъ, ввѣренный его командѣ, кругомъ, по гористой дорогѣ, избѣгая, такимъ образомъ, узкій проходъ (обыкновенная дорога) между горами и рѣкою, гдѣ непріятель окружилъ его отца. Благодаря этой диверсіи побѣда осталась за Якубомъ, но Худа-Кулъ-Беги заболѣлъ и умеръ.

Мухамедъ-Якубъ готовился продолжать свои завоеванія далѣе, за калмыцкія и тунганскія земли, когда до него дошли извѣстія о томъ, что русскіе строятъ крѣпость на рѣкѣ Наринъ, въ разстояніи 6 дней путешествія отъ Кашгара, отъ котораго вышеупомянутая крѣпость отдѣляется цѣпью Карантаго или Какшала. А потому онъ удовольствовался номинальнымъ признаніемъ своей верховной власти со стороны начальниковъ Карашара, Урумчи, Илы и Кумола.

Возвращаясь, онъ описалъ кругъ и напалъ на Унъ-Турфанъ, который до тѣхъ подъ избѣгалъ его владычества. Взявъ эту крѣпость онъ пошелъ въ горы, откуда онъ вышелъ послѣ длиннаго обхода на Арташъ, выше Кашгара.

Въ 1868 году Аталыкъ принималъ русскаго офицера, капитана Рейнталя, адъютанта губернатора русскаго Туркеста-

на. Вскорѣ послѣ этого, посланный Аталыка, Мирза-Шади, отправился въ Россію, въ С.-Петербургъ. Въ то же время Мухамедъ-Якубъ принялся за укрѣпленіе своей сѣверной границы; онъ построилъ крѣпость у нѣсколькихъ горныхъ проходовъ, и между прочимъ сильное укрѣпленіе въ горахъ выше Арташа, въ трехъ дняхъ путешествія отъ Кашгара.

Зимою того же года, во время моего пребыванія въ Яркандѣ, въ маленькой горной области Сариколѣ произошло возмущеніе.

Бабашъ-Бегъ, владѣтель Сариколя, умеръ и ему наслѣдовалъ одинъ изъ его сыновей. Другой сынъ его Алафъ-Шахъ, требовавшій себѣ власти, бѣжалъ въ Яркандъ, гдѣ онъ былъ хорошо принятъ Аталыкомъ, который послалъ его назадъ въ качествѣ своего вассала; это происходило въ 1866 году.

Возвратившись въ Сариколь, Алафъ-Шахъ нашелъ случай, подъ предлогомъ дружбы, умертвить брата своего и послѣ этого злодѣйства правилъ Сариколемъ, признавая верховную власть Аталыка.

Въ это время случилось столкновеніе между Шигнанскимъ народомъ по ту сторону Памира и киргизскими номадами, посѣщавшими Шигнанъ. Послѣдніе потерпѣли пораженіе и были вытѣснены изъ степей. Въ продолженіе этихъ смутъ, Алафъ-Шахъ не призналъ больше верховной власти Аталыка и отказался явиться въ Яркандъ, когда его туда потребовали.

Киргизы донесли, что онъ дѣлаетъ разныя военныя приготовленія. Противъ него были тотчасъ приняты строгія мѣры. Изъ Ярканда было послано на него войско, а изъ Кашгара—нѣсколько пушекъ и кавалерія. Я встрѣтилъ ихъ возвращаясь изъ Янгъ-Гиссара въ Кашгаръ. Алафъ-Шахъ бѣжалъ

въ Бадахшанъ; послѣ непродолжительной борьбы, его братья и жены всѣ попались въ руки войска Аталыка.

Большая шайка плѣнныхъ была приведена въ Яркандъ, но большинство ихъ было отправлено въ Кашгаръ, гдѣ я видѣлъ нѣкоторыхъ дѣтей ихъ.

Брата Алафа-Шаха казнили, но съ другими обходились хорошо. Позднѣе, весною 1868 года, въ Сарыколь были посланы новыя войска, вѣрно вслѣдствіе новаго возстанія; все народонаселеніе Сарыколя (небольшое) переселили въ равнины. Люди, бывшіе тамъ послѣ всѣхъ этихъ происшествій, разсказывали, что въ настоящее время въ Сарыколѣ нѣтъ никого кромѣ киргизовъ и яркандцевъ; послѣдніе поселились тамъ по приглашенію Аталыка-Хази. Слѣдующая таблица можетъ служить хронологическимъ указателемъ всѣхъ вышеописанныхъ происшествій.

Весна 1863.—Возстаніе тунгановъ въ Яркандѣ; избіеніе тунгановъ въ Кашгарѣ.

Осень 1863.—Взятіе Ярканда тунганами; киргизы въ Кашгарѣ.

Январь 1864.—Осада Кашгара, начатая андиджанами.

Осень 1864.—Первая экспедиція Мухамеда-Якуба противъ Ярканда.

Зима 1864—65.—Пораженіе арміи кучаровъ Мхамедомъ-Якубомъ при Кизелѣ.

Зима 1864—65.—Взятіе Кашгарской крѣпости Мухамедомъ-Якубомъ.

Зима 1864—65.—Взятіе Марамбаши Мухамедомъ-Якубомъ.

Весна 1865.—Взятіе Ярканда Мухамедомъ-Якубомъ.

Январь 1867.—Завоеваніе Хотена Мухамедомъ-Якубомъ.

Лѣто и Осень } 1867.—Покореніе Ак-Су, Кучи, и пр.

Осень 1868.—Прибытіе рускаго посланнаго и сооруженіе Мустагской крѣпости въ горномъ проходѣ, выше Арташа.

Январь 1869.—Покореніе Сариколя.

ГЛАВА IV.

Путешествіе изъ Кангры въ Ладакъ.

Долина Ку-Лу.—Яркандскій сирота.—Бара-Лахскій проходъ.—Перемѣна физическихъ свойствъ.—Характеристика сухой полосы.—Равнина Инда.—Обходъ, сдѣланный на Востокъ отъ Ладака въ поискахъ новаго пути.—Выписки изъ дневника.—Хаджи по возвращеніи въ Центральную Азію.—Ихъ взглядъ на христіанъ.—Плоская возвышенность Рушу.—Китайскія черты народонаселеній.—Озеро Пангонгъ.—Изслѣдованія доктора Кэлэ.—Авторъ присоединяется къ нему и отправляется въ Ле.—Свиданіе съ яркандскимъ посломъ.—Приготовленія для отправки съ посломъ мунши.—Господинъ Дугласъ Форситъ въ Ле.—Заботы приготовленій.—Аргуны и ихъ подлости.—Предложеніе г. Торпа присоединиться къ автору.—Отъѣздъ изъ Ладака.

Шестаго мая 1868 года я выѣхалъ во своему прошлогоднему пути въ Ладакъ. Въ началѣ путешествіе мое совершалось чрезвычайно медленно. Нужно было приготовиться къ перевозкѣ товаровъ, т. е. намъ самимъ приходилось ѣхать впередъ и готовить подставы—мулы или кули (носильщикъ), мѣнявшіяся каждые семь или восемь дней. Къ тому же нашъ старый врагъ Бара-Лахскій проходъ еще не очистился, такъ что оставалось много времени для охоты, для которой настоящій сезонъ былъ самый благопріятный. До Ку-Лу, прелестной долины, отстоящей отъ Кангры въ 7

днях путешествія, я ѣхалъ съ англійскимъ чиновникомъ, назначеннымъ туда на этотъ годъ. Это отличное мѣсто выпадаетъ обыкновенно на долю какого нибудь молодого гражданскаго чиновника, который въ продолженіе шести мѣсяцевъ управляетъ въ величественномъ уединеніи участкомъ, не меньше швейцарскаго кантона. Когда мы прибыли на главную квартиру этого маленькаго царька, первый человѣкъ, представившійся нашимъ взорамъ, былъ туземный докторъ (содержимый сдѣсь англійскимъ правительствомъ); онъ пришелъ сказать намъ, что у него на рукахъ остался маленькій яркандскій мальчикъ, мать котораго недавно умерла въ мѣстной больницѣ. Родители его вышли два или три года тому назадъ изъ Туркестана на поклоненіе въ Мекку; съ ними были двое дѣтей, старшая дочка и этотъ мальчикъ. Ихъ постигла участь, выпадающая ежегодно на долю сотенъ бѣдныхъ неакклиматизированныхъ тюркскихъ пилигримовъ, отправляющихся въ Индію. Отецъ и дочь умерли первые, мать, на обратномъ пути домой, дотащилась до Ку-Лу и умерла почти въ виду своей родины. Мальчику оставили небольшую сумму денегъ, которой онъ самъ не могъ распорядиться. Мы послали за нимъ; передъ нами вскорѣ явился вовсе не застѣнчивый, съ виду счастливый мальчикъ, съ розовыми толстыми щеками, выдающимися скулами и узкими глазами, — мальчикъ чисто монгольскаго типа; одежда его представляла странное смѣшеніе стилей—индійскаго съ туркестанскимъ и съ мекккскимъ. На немъ была красная шапка, какую носятъ въ Меккѣ, индійская бѣлая, бумажная рубашка и пара крѣпкихъ яркандскихъ сапогъ до колѣнъ. Я спросилъ его, поѣдешь ли со мной къ себѣ домой, и онъ тотчасъ отвѣчалъ—«да». Мы скоро обдѣлали это дѣло, и англійскій

чиновникъ передалъ мнѣ мальчика изъ рукъ въ руки. Я не сдѣлалъ никакого особеннаго благодѣянія, взявъ на себя попеченіе объ этомъ мальчикѣ. Безъ сомнѣнія я спасъ отъ разграбленія его имущество, но признаюсь я, главнымъ образомъ, имѣлъ въ виду собственную выгоду: Даже дикари благосклоннѣе примутъ чужестранца, спасшаго въ дальней странѣ сироту изъ ихъ племени. Не могутъ они зарѣзать человѣка, пріѣзжающаго въ ихъ страну съ такою цѣлью! И такъ я передалъ мальчика Рози моему мунши, приказавъ послѣднему хорошенько кормить его и, насколько возможно при характерѣ ребенка, беречь отъ всякаго вреда.

Мы прошли черезъ Бара-Лахскій проходъ только 2-го іюля; до того времени мы, охотясь въ горахъ, ожидали прибытія моего каравана и открытія горнаго прохода.

Бара-Лахъ служитъ границею между двумя странами, совершенно противоположными по своимъ физическимъ свойствамъ. Мѣстность, пройденную нами, можно назвать настоящими Гималаями. Громадныя вершины, покрытыя здѣсь вѣчными снѣгами, пересѣченными глетчерами, выступаютъ изъ густой чащи лѣсовъ, окаймляющихъ горные склоны до извѣстной высоты. Вершины эти отдѣляются глубокими ущельями, на днѣ которыхъ струятся большія рѣки. За Бара-Лахскимъ проходомъ (или за какимъ либо другимъ проходомъ въ этой цѣпи) глазамъ представляется совершенно иной ландшафтъ; здѣсь всѣ ущелья и горныя долины засыпаны на сотни футъ пескомъ, такъ что горы здѣсь не раздѣлены столь неизмѣримо глубокими пропастями. Вся эта мѣстность представляетъ высокое плоскогорье, среди котораго слегка выдаются вершины горъ. Вообще, мы замѣчаемъ здѣсь преобладаніе горизонтальныхъ линій, тогда какъ въ Гималаѣ

преобладаютъ вертикальныя. Впечатлѣніе это можно сравнить съ тѣмъ, которое мы испытываемъ, когда мы входимъ въ Парѳенонъ послѣ готическаго собора.

Къ тому же вся страна отличается сухостью почвы: Нѣтъ большихъ снѣжныхъ пространствъ, а потому нѣтъ и воды— ничего не поддерживаетъ зелени. Мы можемъ себѣ представлять въ такомъ видѣ лунные ландшафты.

Совершенное отсутствіе дождя наводитъ на предположеніе, не былъ ли бы дождь въ состояніи (конечно въ безконечно долгій періодъ времени) привести всю эту страну въ положеніе, сходное съ сосѣдней страной, гдѣ существуютъ обильные дожди и глубокія пропасти.

Но въ дѣйствительности передъ нами простирается пустынная Тибетская страна, гдѣ деревья и трава также рѣдки, какъ острова въ океанѣ, и надъ всѣмъ преобладаетъ песокъ.

Страну эту, однако, раздѣляетъ одна глубокая и широкая долина, идущая вдоль, т. е. (общими словами) съ ЮВ. на СВ. Эта долина верхняго Инда или Ладакъ, о которомъ я уже говорилъ выше. Долина эта, впрочемъ, не опускается ниже 10—11000 ф. Не доѣзжая до Ле, столицы этой области, гдѣ я такъ долго жилъ въ прошломъ году, я рѣшился обойти Ладакъ съ восточной стороны, придерживаясь границъ китайскаго Тибета, съ цѣлью отыскать ближайшій путь въ Туркестанъ, не заходя въ городъ, а переходя Индъ выше и выходя на другую дорогу. Объ этой дорогѣ мнѣ еще придется многое сказать. Слѣдующія выписки изъ писемъ, написанныхъ мною въ то время, будутъ служить лучшимъ описаніемъ этой части моего путешествія. Первое письмо писано изъ лагеря Рукшинъ 9 іюля 1868 года. Въ этомъ

пунктѣ я свернулъ съ главной ладакской дороги, съ цѣлью вышеупомянутаго обхода.

«Достигнувъ мѣста, въ родѣ оазиса, т. е. временнаго лагеря татаръ перваго обитаемаго мѣстечка, послѣ девятидневнаго путешествія въ пустынѣ, хочу написать вамъ маленькій отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, прежде чѣмъ снова пущусь въ путь. Я готовлюсь отправлять своего мусульманскаго агента въ Яркандъ.

«Съ нами путешествуютъ нѣсколько хаджи (пилигримовъ), возвращающихся на свою родину въ Центральную Азію. Интересно видѣть церемонію, съ которою они, какъ пилигримы, совершаютъ свои молитвы. Они пять разъ въ день умываютъ голову, лице и руки; затѣмъ они громко кричатъ «Ла илахи ил аллахъ, Мухамедъ ар разулъ ула-а-а-ахъ!» (послѣднее слово протягивается очень долго). По данному знаку цѣлый рядъ изъ нихъ простирается на землю ничкомъ; потомъ подымаются на колѣни, и, складывая руки, молятся въ тихомолку. Всѣ гладятъ заодно свои бороды и слѣдуя знаку своего предводителя разомъ поворачиваютъ головы на право и на лѣво, привѣтствуя за каждымъ плечомъ невидимаго ангела.

«Я, кажется, говорилъ вамъ о своемъ маленькомъ protégé, родители котораго умерли на возвратномъ пути изъ Мекки. Мнѣ хочется довезти его на сколько можно будетъ до его мѣстопребыванія въ Яркандѣ. Онъ очень острый мальчикъ и разсказываетъ намъ про свою родину на ломанномъ индійскомъ нарѣчіи. Онъ увѣряетъ меня, что пришлетъ мнѣ груды золота изъ Хотена, гдѣ много золотыхъ рудъ. Вчера, сидя у огня, мой пастухъ, который съ нимъ подружился, спросилъ его, возьметъ ли онъ его съ собою въ Яркандъ.

Рози отвѣчалъ: — «Нѣтъ, ты индіецъ; они убьютъ тебя, а потомъ и меня за то, что я знаюсь съ «кафиромъ» (язычникомъ!)

«Я много говорилъ съ мусульманами о ихъ религіи и о Коранѣ. Христіанъ (или какъ они ихъ называютъ «Назари», Назарини) они не считаютъ ниже мусульманъ, т. к. христіане приняли писанія Моисея, Давида и Іисуса и главный пророкъ ихъ уступаетъ только одному Мухамету. Но они совершенно иначе глядятъ на индійцевъ и другихъ язычниковъ. Въ настоящую минуту мою палатку окружило большое сборище татаръ, сбѣжавшихся изъ сосѣднихъ низенькихъ, закопченныхъ палатокъ, такъ что не даютъ мнѣ писать».

Лагерь Сіуль, 12 іюля 1868 г.

«Это первая деревня, которую вижу послѣ двѣнадцати дней путешествія, и даже въ этой только одинъ домъ, такъ что я началъ отвыкать отъ людей и становлюсь настоящимъ татариномъ. Послѣдніе 10 дней я находился на высокомъ плато Рупшу, которое возвышается среднимъ числомъ надъ морскимъ уровнемъ на 15,000 футовъ, а вершины ея достигаютъ 18,000 и 20,000 футовъ. Теперь я сошелъ съ этого плато на возвышеніе не выше 14,000 футовъ. На склонахъ округленныхъ горъ, идущихъ по обѣимъ сторонамъ, не видать ни малѣйшаго признака земли. Подлѣ деревни эти склоны испещрены разбѣгающимися полосками, похожими на слѣды гребня; тутъ слѣды овецъ, которыя отправляются далеко для пріисканія себѣ корма.

«Мы тутъ не далеко отъ китайской границы и жители очень похожи на китайцевъ въ своихъ мандаринскихъ шапкахъ и съ косичками. Одинъ изъ погонщиковъ яковъ (весь

багажъ нашъ переносится на якахъ, извѣстномъ длинношерстомъ скотѣ) напоминаетъ мнѣ портреты Чанга, китайскаго великана, недавно показываемаго въ Англіи. Это очень добродушное, глупо улыбающееся племя. Слѣдующій переходъ «Чангъ-Ла» ведетъ насъ къ озеру «Пангонгъ» и къ долинѣ «Чангъ-ченмо». Снѣгу нѣтъ почти нигдѣ, даже на высочайшихъ вершинахъ, потому что всякая частичка влажности, которая могла бы пасть въ видѣ снѣга, воспринимается пятью наружными цѣпями горъ. Но за то тутъ очень холодно и вѣтренно.

«Надѣюсь вы примите участіе въ моей попыткѣ проникнуть въ Яркандъ. Меня туда особенно манитъ то, что эта страна (извѣстная одинаково подъ именами Китайской Татаріи или Восточнаго Туркестана) почти совершенно незнакома европейцамъ. Она давно свергла съ себя китайское иго и начала новую самостоятельную жизнь мусульманскаго государства. Памиръ ее отдѣляютъ отъ Бухары или Западнаго Туркестана (часть Центральной Азіи, изслѣдованная Вамбери и другими). Восточный Туркестанъ должна быть великолѣпная страна. Даже изъ офиціальнаго отчета русскихъ видно, что они не столь цѣнятъ свои пріобрѣтенія въ западномъ Туркестанѣ, сколько возможность проникнуть въ восточный Туркестанъ. Яркандъ—нѣчто въ родѣ Эльдорадо, до сихъ поръ неизвѣстнаго европейцамъ. Шлагинтвейтъ отправился туда во время возмущенія и былъ убитъ. Мнѣ кажется теперь, по изгнаніи китайцевъ, возможно будетъ завести съ Яркандомъ сношеніе. Во всякомъ случаѣя хочу убѣдиться: сами ли яркандцы представляютъ препятствія въ возможности сношеній съ ними. Я посылаю письмо и подарки Якубъ-Бегу, владѣтелю этой страны, испрашивая у него позволенія посѣтить его. Мнѣ

кажется, что стоитъ только попытаться, чтобы достигнуть успѣха. Сотни яркандцевъ приходятъ ежегодно въ Индію. Зачѣмъ же они станутъ запирать другимъ доступъ въ ихъ земли».

Іюля 20-го. Озеро Пангонгъ.

«Такъ какъ я еще не отправилъ къ вамъ моего письма (до сихъ поръ не было случая), то я опишу вамъ свое дальнѣйшее путешествіе. Представьте тебѣ Женевское озеро, идя изъ Лозань въ Вевэ съ высокимъ хребтомъ снѣжной горы за озеромъ и вамъ, такимъ образомъ, удастся себѣ вообразить видъ, открывшійся сегодня прямо передъ мною.

«Если же вы себя вообразите на люцернскомъ пароходѣ, ѣдущемъ къ бухтѣ Ури, то вы узнаете какой у меня видъ на востокъ. т. е. на право. Озеро Пангонгъ начинается на сѣверо-западѣ, а противъ палатокъ, въ которыхъ мы ночевали, оно сворачиваетъ на востокъ, и на протяженіи нѣсколькихъ дней ѣзды тянется въ китайскихъ владѣніяхъ. Въ немъ около осьмидесяти миль въ длину, но за то въ ширину всего четыре или пять милей. На берегахъ Пангонга нѣтъ ни травинки зелени! Въ отдаленномъ, гористомъ пейзажѣ это вовсе не замѣтно. Лиловые и голубые оттѣнки остаются тѣ же. Но вблизи это различіе въ глаза бросается. Вмѣсто зеленыхъ виноградниковъ и прелестныхъ деревьевъ Лозанны и Вевэ, передъ вами тянется большая наклонная равнина крупнаго, бѣлаго песка, безъ малѣйшаго слѣда зелени. На лѣво за равниной возвышается невысокая снѣговая цѣпь (невысокая только оттого, что она поднимается надъ такимъ возвышеннымъ уровнемъ), глетчеры которой сходятъ до самыхъ краевъ равнины.

«Четыре или пять дней назадъ мы перешли Верхній Индъ (на сѣверо-востокъ).

«Я чуть было не перемочилъ своего платья; люди же всѣ были по шеи въ водѣ при переходѣ: къ тому же здѣсь теченіе очень сильное.

«Я устроилъ носилки на высокихъ жердяхъ, для переноски клади; четыре человѣка несли ихъ на плечахъ и имъ помогали еще четыре человѣка; въ четыре или пять часовъ намъ удалось выбраться на сушь. Мнѣ пришлось идти вбродъ и вплавь; снявъ платье, я отправилъ его на носилки съ кладью. Замѣтили вы какое странное теченіе у этой рѣки? Она истекаетъ изъ таинственнаго, священнаго озера Мансараваръ, подлѣ истоковъ Брамапутры. На протяженіи нѣсколькихъ сотъ миль она течетъ на сѣверо-западъ и совершенно неизвѣстна; слѣдуя тому же направленію она протекаетъ чрезъ Ладакъ и Балтистанъ, послѣ чего она входитъ въ таинственную неизслѣдованную землю, гдѣ мѣняетъ направленіе и у Атока поворачиваетъ на юго-западъ, орошая на этомъ пути Пенджабъ и Синдъ. Странно знать рѣку только мѣстами, между тѣмъ какъ другія части ея совершенно неизвѣстны».

30 іюля. «Третьяго дня я присоединился къ доктору Кэлэ, британскому резиденту въ Ладакѣ. Онъ отправился изслѣдовать мѣстность по направленію къ Ярканду. Онъ дошелъ до р. Каракашъ. Мы вмѣстѣ возвратимся въ Ладакъ, откуда я долженъ послать своего эмисара въ Яркандъ».

Ле.—6-го августа 1868.

«Вчера я имѣлъ счастіе получить большую пачку писемъ. Вы не можете себѣ представить какое испытываешь удовольствіе во время прихода почты, когда письма изъ дома переносятъ

далеко изъ окружающей васъ среды, скрывая отъ васъ на время все что передъ вами—калмыковъ и татаръ, турбаны и мусульманъ.

«Кажется мнѣ удалось достигнуть нѣкотораго успѣха относительно моей цѣли. Десять дней тому назадъ я присоединился къ доктору Кэлэ въ то время, когда онъ возвратился съ высокаго пустыннаго плато между Ле и Туркестаномъ. Я возвратился съ нимъ въ Ле, гдѣ я имѣлъ нѣсколько свиданій съ яркандскимъ посломъ, возвращавшимся изъ Кашмира. Ему я сообщилъ свое намѣреніе дойти до р. Каракашъ, гдѣ только что былъ докторъ Кэлэ. Посолъ мнѣ сказалъ:—«Если вы зайдете такъ далеко, то вы должны продолжать свое путешествіе до Ярканда; какъ же я сообщу своему государю, что я оставилъ на дорогѣ англичанина такъ близко отъ его владѣній?» Я отвѣчалъ ему, что много слыхалъ про справедливость и величіе его государя, вслѣдствіе чего я сгоралъ нетерпѣніемъ самъ увидать его, и что я буду радъ присоединиться къ нему (послу), если онъ позволитъ. Онъ тогда выразилъ свое согласіе. Черезъ нѣкоторое время я опять имѣлъ съ нимъ свиданіе, и я выразилъ ему, что, по моему, лучше, чтобы испросить сперва, чрезъ моего посланнаго, позволенія у его государя посѣтить его. Онъ отвѣчалъ:—«Хубъ-Астъ» (Хорошо), обѣщая прислать мнѣ отвѣтъ въ Ле черезъ 40 дней. Напоивъ его и свиту его чаемъ, я сказалъ ему, что считаю это дѣло рѣшеннымъ, т. е. что мой агентъ будетъ сопровождать его до Ярканда. Онъ повернулся къ Дивану-Бахшъ (мой эмисаръ) и, потрепавъ его по плечу, отвѣчалъ:—«Конечно, я совершенно согласенъ, онъ будетъ мнѣ братомъ», и велѣлъ ему готовиться къ отъѣзду съ нимъ. Наконецъ, такимъ образомъ, дѣло устроилось. Я хочу послать съ нимъ подарки вла-

дѣтелю Ярканда, и разнымъ высшимъ сановникамъ, съ цѣлью выхлопотать у нихъ разрѣшеніе въѣзда въ страну. Я слышалъ, что посолъ только что отправилъ письмо къ своему государю, въ которомъ онъ ему сообщаетъ, что одинъ англичанинъ (я), встрѣченный имъ въ Лахорѣ во время посѣщенія имъ Лорда-Сагиба (губернатора Пенджаба), прибылъ въ Ладакъ и просилъ у него позволенія сопровождать его въ Ярканд, но что онъ отказался дать какой либо отвѣтъ, пока онъ не узнаетъ о томъ воли своего государя! Онъ немного измѣнилъ факты, потому что я самъ предложилъ обождать позволенья владѣтеля. Но они ужасно опасаются малѣйшей отвѣтственности.

«Я готовлю подарки послу (его зовутъ Магометъ-Назаръ)».

Ладакъ, августа 30-го 1868.

«Я все еще въ Ле, хотя дѣла мои подвинулись съ тѣхъ поръ, какъ я вамъ писалъ: Г. Форситъ пріѣхалъ и былъ принятъ съ большимъ почетомъ; въ крѣпости стрѣляли изъ пушекъ, а губернаторъ выѣхалъ къ нему на встрѣчу. Вы вѣрно знаете, что г. Форситу принадлежитъ инициатива настоящаго движенія въ пользу сношеній съ Центральной Азіей. Чтобы притянуть яркандскихъ купцовъ, онъ учредилъ ежегодную ярмарку въ Паламурѣ, въ долинѣ Кангра, куда могутъ сходиться купцы изъ индійскихъ равнинъ и изъ Центральной Азіи. Онъ увлекается этими проектами и меня онъ вдохновилъ своимъ энтузіазмомъ. Впрочемъ, онъ теперь старается меня отговорить отъ моей предполагаемой экспедиціи, связанной съ возможными опасностями. Но люди часто за другихъ боятся тамъ, гдѣ сами готовы рисковать собою; я думаю г. Форситъ, безъ околичностей, поѣхалъ бы въ Яркандъ,

еслибъ могъ получить на то разрѣшеніе отъ правительства. Вчера яркандскій посолъ отправился въ обратный путь. Мой агентъ, Диванъ-Бахшъ, выѣхалъ сегодня, онъ нынче вечеромъ нагонитъ поѣздъ посла. Я поручилъ ему письмо и подарки для владѣтеля Ярканда. Если удастся, согласно моимъ ожиданіямъ, я стяжу себѣ славу открытія сношеній съ Центральной Азіей.

«Мои гуркскіе сипаи (солдаты нашихъ собственныхъ войскъ, находившіеся въ отпуску, нанятые мною для путешествія) подружились съ однимъ здѣшнимъ афганцомъ (въ Ле можно встрѣтить людей всѣхъ народностей). Оказалось, что въ послѣднюю пограничную войну этотъ афганецъ дрался противъ англичанъ при Умбейлѣ, а въ англійскихъ рядахъ были эти самые гуркцы. Между ними завязалась тѣсная дружба. Гуркцы — веселые ребята, чрезвычайно храбрые — настоящіе солдаты. Вы вѣрно слышали, что недавно опять открылась небольшая война на границѣ Хазара. Извѣстіе это дошло до Ле вмѣстѣ съ извѣстіемъ объ отправкѣ на мѣсто военныхъ дѣйствій полка этихъ солдатъ. Они тотчасъ простились со мною, и, не ожидая приказанія, отправились въ свой полкъ. Они мнѣ сказали, что оружіе ихъ и мундиръ въ Кангрѣ, что когда они дойдутъ до своего полка, въ немъ будетъ ужъ вѣрно много убитыхъ, оружіе которыхъ послужитъ имъ. И такъ они пустились въ путь совершенно счастливые, въ ожиданіи хорошаго сраженія, съ надеждою на награду и повышеніе, или во всякомъ случаѣ съ вѣроятностію тяжелой борьбы, особенно для нихъ заманчивой.

«Я учусь прививать оспу, чтобы ввести это средство въ Яркандѣ. Я уже практиковался съ докторомъ Кэлэ на южномъ населеніи нѣсколькихъ окрестныхъ деревень».

«Ладакъ наводненъ разбойничьимъ племенемъ, подъ именемъ аргуновъ; они происходятъ отъ туркестанскихъ отцовъ и ладакскихъ матерей. Какъ большинство смѣшанныхъ племенъ, они наслѣдуютъ только дурныя качества обѣихъ коренныхъ расъ, монополизируютъ перевозку кладей въ Ладакѣ. Такъ какъ они имѣютъ только нѣсколько несчастныхъ пони, то, заключивъ условіе съ какимъ нибудь купцомъ о перевозкѣ его товаровъ и получивъ большую сумму денегъ впередъ, они скупаютъ у своего же собрата замореннный скотъ, который только что вернулся съ путешестія, кормятъ нѣсколько дней, залечиваютъ раны и снова нагружаютъ на него кладь, которая уморила бы здоровую лондонскую, ломовую лошадь.

«Это я вривожу еще умѣренный примѣръ поступка аргуновъ; иной разъ они требуютъ всей суммы впередъ, а послѣ полученія ея попадаютъ въ руки кредиторовъ, не отпускающихъ иначе какъ за выкупъ, который вы также должны заплатить. Мое положеніе тамъ было еще хуже; потому что кромѣ ихъ обычнаго корыстолюбія, я вселялъ въ нихъ страхъ отвѣтственности. Имѣя семейства въ Яркандѣ и въ Ле они одинаково боятся правителей обѣихъ мѣстностей. Меня подираетъ морозъ по кожѣ, когда я вспомню все что мнѣ пришлось вынести съ этими людьми. Я сталъ наконецъ опасаться, что никогда не выѣду; владѣльцы хорошихъ лошадей, заставившіе меня принять свои условія не смотря на ихъ неумѣренность, внезапно скрылись съ другимъ наемщикомъ, не представивъ никакого объясненія,— однимъ словомъ поставили меня въ крайне затруднительное положеніе; тѣ же, у которыхъ лошади были настоящія клячи, или не было вовсе лошадей, кормили меня обѣщаніями, всѣ прибѣгали къ цѣлой системѣ обмановъ, чтобы не показать

мнѣ предлагаемыхъ лошадей, безъ чего я никакъ не могъ заключать условія. Какъ я въ это время завидовалъ яркандскимъ купцамъ, перевозящимъ кладь на собственныхъ, сильныхъ, хорошихъ лошадяхъ! Я старался купить у нихъ для себя лошадей, но разстался съ этою мыслью, увидѣвъ, что одинъ аргунъ залечилъ одну изъ нихъ до смерти! Не буду, однако, останавливаться на всѣхъ этихъ неудачахъ. Я выѣхалъ изъ Ладака не прежде 20 сентября, и долженъ былъ довѣрить большую часть своихъ товаровъ сомнительному попечительству аргуна по имени «Моминъ» (=«Вѣрный»), который обѣщалъ выѣхать послѣ меня спустя 8—10 дней, какъ только лошади будутъ въ готовности. Туземный губернаторъ Ладака обѣщался дать проводника этому человѣку, который бы провелъ его по новому пути, испробованному мною. Губернаторъ выдалъ мнѣ подорожную, въ силу которой деревни, около озера Пангонга, должны были, согласно мѣстному обычаю, давать мнѣ лошадей по означенной таксѣ. Я рѣшился путешествовать такимъ образомъ, вслѣдствіе невозможности нанять у аргуновъ достаточное количество лошадей, для перевозки моихъ товаровъ и моего собственнаго багажа; мнѣ казалось болѣе удобнымъ нанимать лошадей, нежели предоставить это человѣку, ѣхавшему съ товаромъ. Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ одинъ англичанинъ выразилъ желаніе присоединиться ко мнѣ. Г. Торпъ, служившій прежде въ 98 полку, и путешествовавшій недавно по Тибету, пожелалъ ѣхать со мной вмѣстѣ въ Яркандъ. Сначала я согласился на его предложеніе, но, посовѣтовавшись съ компетентными друзьями, я пришелъ къ заключенію, что сдѣлаю крайнюю неосторожность, взявъ съ собою товарища. Я говорилъ яркандскому послу только о себѣ и въ письмѣ къ

Якубъ-Бегу упоминалъ только о себѣ; появленіе втораго англичанина въ предѣлахъ Ярканда тотчасъ могло возбудить недовѣріе въ яркандцахъ. Г. Торпъ прелюбезно вошелъ въ мое соображеніе и отказался отъ своего намѣренія сопровождать меня, не желая чѣмъ бы то ни было помѣшать успѣху моего предпріятія.

Замѣчу кстати, что, по возвращеніи моемъ въ Индію, меня поразило извѣстіе о внезапной смерти Г. Торпа, послѣдовавшей во время моего отсутствія, вслѣдствіе болѣзни сердца.

Передъ отъѣздомъ до меня дошли еще слухи, что другой англичанинъ, Гейвардъ, ѣхалъ сюда съ намѣреніемъ проникнуть въ Яркандъ. Я написалъ ему письмо, надѣясь, что оно застанетъ его въ Кашмирѣ и изложилъ ему тѣ причины, которыя убѣдили Г. Торпа.

20-го сентября я наконецъ распростился съ докторомъ Кэлэ и выѣхалъ изъ Ладака.

ГЛАВА V.

Путешествіе изъ Ладака къ р. Каракашъ.

Дургу.—Цѣна на шалевую шерсть —Танксе.—Трудности, сопряженныя съ лошадьми (пони).—Наемъ яковъ.—Входъ въ равнины Чангъ-Ченмо.—Охота на дикихъ яковъ. Ovis Ammon.—Г. Гейвардъ предлагаетъ присоединиться къ намъ. — Извѣстія о странѣ, лежащей на востокъ.—Встрѣча съ Гейвардомъ; его планы.—Доводы противъ совмѣстнаго путешествія.—Оба путешественника разъѣзжаются.—Странное положеніе, совѣтуемое во время сна на холодѣ.—Равнина Лингзи-Тангъ.—Растеніе „Лавендула“.—Прислуга Гудди (изъ Кангры).—Антилопы съ лирообразными рогами. — Лакъ-Цунгъ. — Дикіе яки.—Тибетская діэта. — Леденое озеро.—Видъ Куэнъ-Лунъ.—Рѣка Каракашъ.—Путешествіе вдоль береговъ ея.—Теплые источники.—Каменоломни нефти.—„Кіанги“ или дикіе ослы.

Выписки изъ журнала:—«Сентября 23-го.—Мы перешли «Чангъ-Ла», одинъ изъ самыхъ мелкихъ проходовъ, слѣдующихъ изъ долины Инда. На протяженіи мили отъ вершины, склонъ представляетъ каменистую почву; дальше тянется хорошая дорога и не крутая. Спускаясь сначала по вереницѣ терасъ, въ родѣ громадной лѣстницы, дорога идетъ вдоль оврага (гдѣ находятся старыя золотыя розсыпи). Оврагъ опускается гораздо круче нежели дорога, которая, наконецъ, сворачиваетъ на плоскую, небольшую долину, а оттуда опус-

кается въ деревню Дургу. Эта плоская долина представляетъ треугольникъ, образовавшійся изъ озернаго осадка, между двумя сходящимися рѣками; точно такія же плоскія терасы тянутся съ противуположной стороны, доказывая, что вѣроятно рѣка Дургу была когда-то запружена, чтобы образовать озеро. Я спросилъ у своего новаго тибетскаго слуги и проводника что стоитъ «пашмъ» или шалевая матерія (производимая здѣсь). Онъ сказалъ мнѣ, что въ послѣднее время она подешевѣла. На мой вопросъ почему? онъ отвѣчалъ, что купцы больше не покупаютъ ея. «Да отчего же? спросилъ я.—«Потому что пашмъ вздорожалъ!» Иначе сказать: пашмъ оттого сталъ дешевъ, что вздорожалъ.

Сентября 24-го. Отъ Дургу до Танксе.—Мы поѣхали завтракать въ Танксе. Я представилъ начальнику свою подорожную для полученія лошадей. Онъ изъ ненджабскихъ индійцевъ и служитъ кашмирскому Махараджѣ собирателемъ податей съ туземныхъ тибетцевъ. Я здѣсь окончилъ всѣ свои приготовленія къ путешествію: купилъ муки, сушеннаго ячменя и пр. для прислуги и лошадей, маленькое стадо овецъ, однимъ словомъ провизію на два мѣсяца. Послѣ обѣда время ушло на пріисканіе лошадокъ. Начальникъ Танксе очень любезный человѣкъ, но совершенно безполезный. Мнѣ привели на выборъ всѣхъ мѣстныхъ хромыхъ, негодныхъ лошадей. Изъ этихъ я оставилъ себѣ только четыре и послалъ за другими лошадьми въ сосѣднія деревни. Пасивность жителей представляла страшныя препятствія. Я оставилъ ихъ съ угрозой взяться за свою палку на другое утро!

Сентября 25-го. Нынче утромъ мнѣ привели отъ 8 до 10 лошадей; всѣ они были малы ростомъ и молоды. Я рѣшилъ, наконецъ, взять всѣ двѣнадцать лошадей для моихъ

девяти вьюковъ. Въ часъ пополудни я выбрался окончательно и скоро настигнулъ свой обозъ; пони останавливались и падали на каждомъ шагу, изнемогая подъ тяжестью тюковъ, не смотря на то что ихъ облегчили. Эти лошади похожи на крысъ. Я долженъ былъ остановиться въ Муглибѣ на ночь, сдѣлавъ 7 миль въ продолженіи дня. До сихъ поръ путешествіе мое въ Центральную Азію мало обѣщаетъ успѣха».

Сентября 26-го. Я нанялъ еще пяти яковъ въ поддержку лошадямъ; прибывъ въ Чагру, у верхней стороны озера Пангонга, я нашелъ тамошняго начальника, ожидавшаго меня въ татарскомъ лагерѣ, съ новыми пони, также очень маленькими. Сынъ тибетскаго начальника (или «Гоба») только что вернулся съ р. Каракашъ, куда онъ ѣздилъ съ караваномъ Магомета Назара, яркандскаго посла. Онъ сообщилъ мнѣ, что двѣ лошади пали въ поѣздѣ Джума, аргуна, сопровождавшаго моего повѣреннаго Дивана Бахша. Зять Джума тоже умеръ дорогой.

Я согласился остаться здѣсь два дня, для окончательнаго снаряженія въ путь. Отъ своего мунши, Дивана Бахша, я получилъ извѣщеніе, что долженъ поспѣть ровно черезъ мѣсяцъ въ Шахидулла (на яркандской границѣ). Уже прошло 10 дней, отстается всего 20; сомнительно, чтобы я поспѣлъ.

Сентября 27-го. Воскресенье. Отдыхъ; я писалъ письма, а лошадей ковали. Я заклеймилъ своей печатью лошадей мною выбранныхъ, во избѣжаніе невыгоднаго для меня подмѣна, что̀ казалось возможнымъ. Мука и зерно были также запечатаны въ мѣшкахъ, и распоряженіе сдѣлано о выдачѣ по воскресеньямъ провизіи на всю недѣлю. Я велѣлъ каждый разъ снова запечатывать мѣшки моей пе-

чатью, чтобы предотвратить возможное воровство и ненужную трату, послѣдствія которой могли сдѣлаться опасными въ обширной пустынѣ, куда мы вступали.

Прерываю свой дневникъ, чтобы замѣтить, что я въ этомъ мѣстѣ снова попалъ на прямую дрогу изъ Индіи въ Туркестанъ. Здѣсь я встрѣтилъ доктора Кэлэ, возвращавшагося съ своихъ изслѣдованій новой дороги, дѣланныхъ имъ, между тѣмъ какъ я проходилъ ту часть дороги, которая ведетъ прямо въ великобританскую Индію, не заходя въ Ладакъ. Въ Ладакъ я заѣзжалъ только для необходимыхъ дорожныхъ приготовленій.

Итакъ, съ этого мѣста, мы снова попадаемъ на новый прямой путь изъ Индіи въ Яркандъ; нужно надѣяться, что онъ сдѣлается вскорѣ общеизвѣстнымъ, и замѣнитъ старый путь на Ладакъ и Каракорамскій проходъ, употребляемый до сихъ поръ купцами.

Оставивъ Чагру, послѣднюю тибетскую стоянку, 28 сентября, мы перешли 30-го высокій, но не смотря на то, удобный проходъ Мазимикскій, и вошли въ область Чангъ-Ченмо [1]). Она состоитъ изъ открытыхъ долинъ и равнинъ, лежащихъ на возвышеніи 14,000 или 15,000 футовъ надъ уровнемъ моря. Маленькая рѣка, орошающая эту мѣстность, течетъ на западъ и впадаетъ въ большую рѣку Шайокъ, одинъ изъ источниковъ Инда. У истоковъ р. Шайока находится Каракорамскій проходъ (старая дорога въ Яркандъ), отъ котораго насъ отдѣляютъ огромныя вершины горъ. Изъ Каракорамскаго прохода, р. Шайокъ направляется почти прямо на югъ къ Ладаку, но, встрѣтивъ на своемъ пути большую гор-

---

1) Чангъ-Ченмо значитъ „Великая Сѣверная (Рѣка).

ную цѣпь (одну изъ окраинъ Ладакской долины), она быстро сворачиваетъ на западъ и течетъ на протяженіе 12 переходовъ паралельно Инду, отъ котораго ее отдѣляетъ только вышеозначенная цѣпь. Пробиваясь наконецъ сквозь нее она окончательно присоединяется къ Инду въ Балдистанѣ.

Прослѣдивъ теченіе р. Чангъ-Ченмо до ея впаденія въ р. Шайокъ, и теченіе Шайока до сліянія съ Индомъ, мы возвратимся къ нашему путешествію, причемъ мы должны подняться по р. Чангъ-Ченмо. Я остался въ долинѣ Чангъ-Ченмо до 16-го октября, выжидая безсовѣстнаго аргуна съ остаткомъ моихъ вещей изъ Ладака, между тѣмъ какъ мой мунши, Диванъ-Бахшъ, былъ занятъ въ Яркандѣ своимъ дипломатическимъ порученіемъ. Охота на дикихъ яковъ была моимъ занятіемъ въ это время; эта отличная порода дикаго рогатаго скота вдвое больше ручныхъ яковъ, употребляемыхъ въ Тибетѣ. Долина Чангъ-Ченмо представляетъ гладкое, широкое русло, среди котораго извилисто струится рѣкой. Ее окружаютъ небольшія глинистыя скалы, возвышающіяся въ иныхъ мѣстахъ однѣ надъ другими въ видѣ лѣстницы, ступени которой отдѣляются терасами. Надъ этими скалами виднѣются обнаженные склоны горъ. Почва совершенно пустынная.

Октября 9-го. Чангъ-Ченмо.—Возвращаясь по долинѣ, я видѣлъ вдали какіе-то предметы. Когда я могъ разглядѣть ихъ, то увидѣлъ шесть великолѣпныхъ самцевъ Oves Ammon (дикихъ барановъ) съ огромными рогами; они шли къ намъ на встрѣчу вдоль югозападнаго горнаго склона. Мы спрятались за выступъ скалы и прослѣдили ихъ до сосѣдняго оврага, но мы не видѣли какъ они оттуда вышли; обернувшись, я съ ужасомъ увидалъ среди смежной долины

ясное очертаніе человѣка; я все-таки проползъ дальше въ надеждѣ настигнуть барановъ, но увы! они уже отступили. Я подошелъ къ человѣку въ злобномъ настроеніи. Оказалось, что это былъ посланный съ запиской отъ господина Гейварда, желающаго ѣхать въ Яркандъ. Онъ предлагаетъ мнѣ присоединиться ко мнѣ, если я подожду его. Посланный говоритъ, что въ Мазимикскомъ проходѣ снѣгу теперь на сажень глубины (Въ эту минуту чернила мерзнутъ на моемъ перѣ. Я пишу, сидя подлѣ костра, разведеннаго передъ моей палаткой).

Я разспрашивалъ посланнаго о его родинѣ, лежащей въ растояніи 20 переходовъ на востокъ отъ Рудока (маленкій городъ подлѣ озера Пангонга). Мы разговаривали чрезъ посредство переводчиковъ, потому что у него совсѣмъ другое нарѣчіе. По его словамъ, его племя зимой живетъ въ долинахъ среди восточныхъ склоновъ горъ. На лѣто они переходятъ къ сѣверу отъ этихъ долинъ, за снѣжные проходы, въ страну, опускающуюся къ сѣверо-востоку, гдѣ ручьи теряются среди песковъ (вѣроятно здѣсь рѣчная система такая же какъ и въ Восточномъ Туркестанѣ). Лѣтнее пребываніе отстоитъ отъ зимняго въ 30 дняхъ ходьбы. Онъ разсказываетъ, что на востокъ отъ его родины находятся золотые рудники (подземныя ямы, галлереи и пр.), гдѣ юкъ рису стоитъ восемь толъ золота (?), что̀ равняется нашимъ 12 фунтамъ стерлинговъ! За рудниками живетъ, по его же разсказамъ, разбойничье племя, получающее отъ Великаго Ламы Льясскаго такія чары, которыя дѣлаютъ его непобѣдимымъ. Десять или двѣнадцать семействъ этихъ разбойниковъ, выгнанныя своими товарищами, теперь поселились въ Рудокѣ (близъ озера Пангонга). Они подкупаютъ начальство Рудока. Мой разсказчикъ

говорилъ еще про одно мѣсто поклоненія, по сю сторону Мансораварскаго озера (одинъ изъ источниковъ Инда). Надъ проходомъ возвышается горная вершина, представляющая снизу до половины крутую скалу, а сверху покрытую льдомъ, которую пилигримы обходятъ съ молитвами въ теченіе $1^1/_2$ дней. Каковъ образчикъ сплетень, которыя приходится слышать, отдыхая передъ костромъ!

Октября 13-го.—Получилъ письмо отъ Гейварда, который пишетъ мнѣ, что онъ посланъ Географическимъ Обществомъ и долженъ продолжать свое путешествіе, но что онъ не желаетъ меня вводить въ непріятное положеніе.

Октября 14-го.—Я ѣздилъ въ стоянку Гейварда. Мы обѣдали вмѣстѣ и переговорили о нашихъ планахъ. Онъ мнѣ сообщилъ, что Географическое Общество поручило ему изслѣдовать дорогу, ведущую чрезъ Читраль (далеко на западъ, на границѣ Кабула) и попробовать достигнуть Памирскихъ Степей. Пограничная война, недавно начавшаяся, побудила его выбрать болѣе восточный путь, пролегающій чрезъ Ладакъ, причемъ онъ надѣялся получить въ Яркандѣ позволеніе посѣтить Памирскія Степи. Онъ хотѣлъ явиться въ Яркандѣ въ качествѣ афганца и привезъ съ собой полный костюмъ афганскій, отказавшись отъ большей части привычекъ европейца, отъ палатокъ и пр. Поговоривъ со мной, и видя, что я рѣшился не покидать своего національнаго характера, онъ пришелъ къ тому же убѣжденію. Для того, чтобы въ самомъ дѣлѣ прослыть за афганца въ мусульманской странѣ, гдѣ послѣднихъ очень много между купцами и солдатами, нужно совершенно ознакомиться съ афганскимъ нарѣчіемъ (Пушту), а также и съ обрядами магометанскаго вѣроиспо-

вѣданія, что достижимо только послѣ многихъ лѣтъ добровольнаго изгнанія.

Оставалось только рѣшить поѣдемъ ли мы вмѣстѣ. Послѣ зрѣлыхъ обсужденій, мы рѣшили, что мнѣ лучше будетъ явиться одному на границѣ, согласно моему предупрежденію, потому что появленіе двухъ англичанъ вмѣсто одного можетъ возбудить подозрѣніе и лишить насъ возможности проникнуть въ Яркандъ. Итакъ, было рѣшено, что я поѣду впередъ, полагаясь на впечатлѣніе, которое произведутъ мои подарки и письма, а Гейвардъ послѣдуетъ за мной. Мы надѣялись, что его не оттолкнутъ послѣ того, какъ меня примутъ. Къ тому же, я употреблю всѣ старанія, чтобы выхлопотать ему позволеніе о въѣздѣ.

Между тѣмъ Гейвардъ намѣренъ былъ изслѣдовать верхъ долины Чангъ-Ченмо, и попробовать отыскать лучшій путь по этому направленію.

Октября 16-го.—Гейвардъ выѣхалъ въ свою сторону, а я отправился вверхъ по оврагу Горячій ручей. Пройдя нѣсколько миль, мы дошли до высокой терасы, образуемой скалами. Здѣсь, бѣдный Шлагинтвейтъ, на пути въ Яркандъ, въ 1857 году, проложилъ нѣчто въ родѣ наклонной дороги, но она все-таки очень крута, и лошади съ трудомъ поднимались, безпрестанно спотыкаясь и падая назадъ.

Переходя ручей (намъ пришлось переходить его нѣсколько разъ), одинъ изъ пони провалился сквозь ледъ, окаймлявшій ручей; и его едва вытащили оттуда.

Октября 17-го.—Нѣсколько времени спустя послѣ восхода солнца, когда мы, готовясь снова въ путь, укладывали палатки, мы вдругъ услыхали шумъ, подобный грому, который летѣлъ внизъ по ручью. Оказалось, что вода подня-

лась подъ льдомъ, образовавшимся за ночь, и ломала его. Обломки льда неслись по теченію, которое разбрасывало ихъ по обѣимъ сторонамъ, по мѣрѣ того какъ рѣка приходила въ свое обычное положеніе. Мы прежде видали кучи такого льда, нагроможденныя на шесть или на семь футовъ выши-ны по берегамъ рѣкъ, но не знали причины такого явленія.

Мы шли по слѣдамъ яркандскаго посла и его свиты. Къ вечеру намъ попались люди и лошади, сопровождавшіе его и возвращавшіеся домой. Они передали мнѣ письмо отъ моего мунши, писанное на индійскомъ нарѣчіи, безъ числа, въ которомъ онъ мнѣ говоритъ, что ровно черезъ мѣсяцъ отъ означеннаго въ письмѣ числа онъ вышлетъ кого ни-будь ко мнѣ на встрѣчу въ Шахидуллу. Я спросилъ у этихъ людей гдѣ можно будетъ ночевать. Они сказали, что немно-го дальше будетъ высокая трава и достаточно кустарника. Я одинъ поѣхалъ, чтобы выбрать удобное мѣсто для ночлега, но оказалось, что они, по обыкновенію всѣхъ тибетцевъ, со-лгали. Я поѣхалъ назадъ и успѣлъ еще остановить свой ка-раванъ нѣсколько миль ниже того мѣста, гдѣ встрѣтились съ нами тибетцы; тамъ еще росла высокая трава, а это было важно, потому что впродолженіи нѣсколькихъ дней послѣ то-го, невозможно было найти травы для скота.

Октября 18-го.—Слѣды посла и его свиты привели насъ на берегъ рѣки, текущей съ сѣвера. На югъ видъ прости-рается на горы съ глетчарами. На сѣверъ, напротивъ, тянет-ся плоская страна, почти на одномъ уровнѣ съ нашимъ про-ходомъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лежитъ снѣгъ, мы нахо-димся теперь на 19,000 фут. надъ поверхностью моря. Таши и я шли впередъ, чтобы согрѣться, но послѣ заката солнца намъ пришлось остановиться и мерзнуть нѣсколько часовъ,

пока не пришли наши вещи. Въ такомъ случаѣ лучшее средство согрѣться, это—прижаться на колѣняхъ къ краю скалы, прислонивъ голову къ скалѣ и держа ее почти между колѣнями. Затѣмъ, нужно плотно запахнуться съ головой въ верхнее теплое платье; если вѣтеръ не слишкомъ силенъ, то можно дышать подъ покрываломъ, и воздухъ будетъ гораздо теплѣе, чѣмъ снаружи. При этомъ, ноги всегда всего болѣе зябнутъ, но въ путешествіи такого рода скоро привыкаешь съеживаться въ клубокъ, сводя какъ можно ближе всѣ оконечности тѣла. Мнѣ приходилось проводить цѣлыя ночи въ такомъ видѣ и я могъ хорошо спать, между тѣмъ какъ я бы ни на минуту не заснулъ, еслибъ просто вытянулся подъ такимъ малымъ покрываломъ, какъ шуба. Наконецъ прибыли мои вещи. Съ нами было топливо; мы пили распущенный ледъ. Для скота нѣтъ ни травинки.

Октября 19-го.—По обыкновенію мы позавтракали пока собирали палатки, а потомъ ѣхали по высокимъ равнинамъ до маленькой долины, окаймленной съ отдаленной стороны своей песчанными холмами. Эту долину мы прошли, направляясь къ сѣверу. Разрѣженность воздуха совсѣмъ обезсилила Кабира, моего лакея мусульманина; я отдалъ ему своего пони. Взойдя на песчанную возвышенность (достигавшую около 100 футовъ), мы увидали у ногъ своихъ другую, огромную долину, лежавшую на 400 футовъ ниже нашего прежняго уровня. Тибетцы, проходившіе ее, назвали эту долину «Лингзи-Тангъ». На горизонтѣ съ востока и запада видны снѣжныя окраины горъ, похожія на паруса кораблей среди океана. Прямо передъ нами, на сѣверѣ, долину окаймляетъ длинная цѣпь песчанныхъ холмовъ, надъ которыми виднѣются вершины другихъ горъ. Мы сошли въ эту долину, и

пройдя около пяти миль разбили свои палатки, подъ прикрытіемъ не высокаго глинистаго холма. Почва вся состоитъ изъ глины, съ примѣсью кремня и грубаго агата. Нигдѣ ни малѣйшей травинки, но для топлива есть растеніе, въ родѣ Лавендулы. Оно имѣетъ видъ кустарниковъ въ три или четыре дюйма вышиной, наподобіе Лавендулы эти кустарнички разбросаны на порядочномъ разстояніи другъ отъ друга. Корень у нихъ дервянистый и гораздо существеннѣе, нежели можно предполагать, судя по незначительному виду внѣшней части этого растенія; корни этого растенія—настоящее благодѣяніе для путешественниковъ. Ихъ выкапываютъ изъ земли, но, чтобы развести ими порядочный огонь, нужно впродолженіи нѣсколькихъ часовъ собирать ихъ. Голодныя лошади иногда ѣдятъ листья этого растенія, которыя до извѣстной степени утоляютъ имъ голодъ тамъ, гдѣ нѣтъ другой травы. Не смотря на позднее время года, мы не нашли воды на всемъ пространствѣ равнины, но намъ попадались въ нѣсколькихъ мѣстахъ кучки снѣга, и намъ хватало его для приготовленія пищи и для питья. Лошади должны были довольствоваться для утоленія жажды нерастаяннымъ снѣгомъ, за недостаткомъ топлива.

Октября 20-го. Лингзи-Тангъ.—Для перехода черезъ равнину открылось прелестное утро. Мы направились прямо къ проходу, виднѣвшемуся намъ между двумя горами. Кабиръ, по вчерашнему, отставалъ отъ насъ и ложился на землю. Я остановилъ для него весь караванъ; онъ объяснилъ мнѣ въ видѣ оправданія, что ни отецъ, ни дѣдъ его не бывали въ подобной странѣ. Дѣйствительной причины къ усталости не было; дорога была хороша, а холодъ самый незначительный. Конечно, возвышенное положеніе мѣста имѣетъ

вліяніе на человѣческій организмъ. Но остальные мои слуги (принадлежавшіе къ крѣпкому, первобытному горному племени гуди, живущему въ горахъ Кангра; изъ нихъ выходятъ отличные слуги) возставали противъ плоскости равнины и вздыхали по своимъ горамъ. На каждомъ шагу мы видѣли миражи, но нигдѣ не попадалось дѣйствительныхъ признаковъ воды. Послѣ нѣсколькихъ часовъ ходьбы, мы дошли до мѣста, гдѣ почва поднимается на 100 фут. Поверхность этого возвышенія представляетъ снова площадь, а дальше опять начинается спускъ къ группѣ долинъ, окруженныхъ скалами. Войдя въ горный проходъ мы взяли на право и раскинули свои палатки въ одной милѣ отъ входа у скалы. Здѣсь дулъ ужасно холодный вѣтеръ, наплу давшій намъ установить палатки; это былъ настоящій ураганъ. Намъ удалось приготовить себѣ пищу и ночлегъ. Для скота не было травы уже третью ночь. Мы кормимъ лошадей ячменемъ, но яки не ѣдятъ его.

Октября 21-го. Лакъ-Цунгъ. — Такъ называется любопытная группа долинъ, ведущая съ высокой равнины Лингзи-Тангъ (которую мы только что перешли) въ болѣе низменную, лежащую на сѣверъ (обѣ равнины превышаются 16000 ф. надъ уровнемъ моря, т. е. на 1000 ф. выше Монблана). Мы видѣли тибетскую антилопу, самца, казавшуюся издали совершенно бѣлою и съ красивыми лирообразными рогами. Мы спустились въ широкую долину, пересѣкаемую цѣпью странныхъ гранитныхъ скалъ, которыя казались снятыми съ горныхъ вершинъ и ошибкой попавшими въ эту открытую долину. На главной изъ этихъ скалъ издавна пріютилось орлиное гнѣздо, кругомъ котораго земля была усѣяна костями и рогами антилопъ, служившими прошедшимъ поколѣніямъ этихъ

птицъ пищею для ихъ птенцовъ. Нѣкоторые изъ нашего каравана видѣли другихъ антилопъ по горнымъ склонамъ, но пальцы у меня до того окоченѣли отъ холоднаго вѣтра, что я счелъ безполезнымъ ихъ преслѣдовать, такъ какъ не могъ бы взвести курка. Кажется, будто двѣ противорѣчивыя воли создали эту страну. Съ сѣверо-запада на юго-востокъ тянутся паралельныя цѣпи горъ съ соотвѣтствующими долинами (въ числѣ этихъ цѣпей находятся и гранитныя скалы); а эти горы пересѣкаются подъ прямыми углами вереницей долинъ, посреди которыхъ остаются гранитныя скалы. Стремившись въ одну изъ такихъ долинъ, мы повернули направо, гдѣ яки паслись среди густой травы (такой травы, какъ бываетъ въ Тибетѣ) и гдѣ дулъ сильный холодный вѣтеръ. Мы расположились здѣсь, и скоро подошли наши лошади.

Октября 22-го. — Мы пробыли въ этой мѣстности (называется она Лакъ-Цунгъ или Орлиное гнѣздо), для кормленія скота. День былъ холодный съ рѣзкимъ вѣтромъ. Кабиръ рѣшительно неспособенъ болѣе перемогать свой недугъ. Онъ горько жалуется на свою судьбу!

Я пробовалъ писать, но чернила по обыкновенію замерзли у меня въ перѣ.

Я увѣренъ, что мы сбились съ настоящей дороги также, какъ и поѣздъ посла. Мы свернули на западъ отъ горячихъ источниковъ и пройдя горный проходъ должны были снова забирать на востокъ въ продолженіи цѣлаго дня [1]).

Вмѣсто того намъ слѣдовало продолжать путь нашъ прямо.

Октября 23-го. — Мы все еще въ Лакъ-Цунгѣ; погода

---

[1]) Я пришелъ потомъ къ заключенію, что насъ нарочно сбили наши проводники.

сегодня была лучше: вѣтеръ былъ слабѣе, солнце больше грѣло и въ палаткѣ ртуть термометра поднялась почти до точки замерзанія въ полдень. Я убилъ еще одного хорошаго, стараго дикаго яка. Въ немъ было десять футовъ длины, и пять съ половиною вышины.

Октября 24-го.—Мы продолжаемъ стоять здѣсь и охотимся. День былъ холодный. Я возвратился въ лагерь когда стемнѣло, въ самую холодную вѣтренную погоду. Кабиръ находится въ безнадежномъ положеніи. Настоящей болѣзни у него кажется нѣтъ никакой, но онъ не можетъ ничего дѣлать, а только сидитъ у огня, отогрѣваетъ себѣ руки и стонетъ. Другіе слуги ожесточены противъ него.

Октября 25-го. — Тибетецъ Таши произведенъ въ повара, намѣсто Кабира. Онъ подковалъ лошадей, пришедшихъ съ пастбища, и помазалъ топленнымъ жиромъ растрескавшіяся копыта ихъ. Тибетцы (или какъ они сами себя называютъ, боты), разсказывали мнѣ, что они готовятъ консервы изъ мяса, засушеннаго на солнцѣ и мелко истолченаго, или смолотаго. Изъ этого порошка дѣлаютъ густой супъ съ примѣсью молотаго «сотту» или сушеннаго ячменя. Такой образъ приготовленія пищи единственно возможенъ въ этой холодной, сухой странѣ.

Октября 26-го. Изъ Лакъ-Цунга въ Тарлдатъ.—Я отправилъ вещи впередъ и самъ выѣхалъ вслѣдъ за ними, но мнѣ удалось достигнуть стоянки не прежде десяти часовъ вечера, потому что меня на дорогѣ задержало преслѣдованіе тибетской антилопы, которую мнѣ посчастливилось наконецъ убить. Съ трудомъ могъ я найти стоянку среди открытой равнины, куда привела насъ теперь дорога.

Кабиръ отсталъ гдѣ-то на пути; я послалъ отыскивать его, обѣщавъ награду тѣмъ, кто приведетъ его.

Октября 27-го.—Ночью принесли Кабира, котораго нашли лежащимъ на краю дороги. Онъ слышалъ какъ я проходилъ мимо его съ Таши, но у него не хватило энергіи позвать насъ, въ страхѣ, что ему придется встать и идти съ нами къ стоянкѣ. Таковы индійцы; онъ непремѣнно умеръ бы въ эту холодную ночь, еслибъ я не выслалъ за нимъ сыщиковъ.

Подлѣ стоянки находится странное ледяное озеро. Неправильная масса льда, толщиной въ два или три фута, покрываетъ извѣстное пространство земли; въ срединѣ подъ льдомъ струятся теплые источники; ниже, какъ мнѣ говорили, ледъ ужъ плыветъ на поверхности воды, которая еще дальше совсѣмъ освобождается отъ него и образуетъ настоящее маленькое озеро.

Октября 28-го. — Мы все направляемся къ сѣверу. Слѣдуя сзади нашего каравана, мы нашли на дорогѣ оставленный имъ якъ, совершенно изнеможенный и освирѣпѣвшій. Впрочемъ, здѣсь нѣтъ недостатка въ травѣ. По незамѣтному склону длинной долины, мы вошли въ углубленіе, составлявшее прежде дно озера; слѣды воды были видны на окружающихъ холмахъ, на высотѣ двухъ сотъ футовъ. На всемъ пространствѣ этой равнины встрѣчается одинъ или два маленькихъ замерзшихъ пруда; вся она состоитъ изъ сплошной содовой почвы «фулли». На поверхности лежитъ тонкій слой земли, а надъ ней нога утопаетъ въ отличномъ содовомъ порошкѣ, чистѣйшей бѣлизны, имѣющемъ отъ четырехъ до пяти вершковъ глубины. Подъ содой находится слой простой неочищенной соли или селитры, которая трещитъ подъ но-

гами, какъ тонкій ледъ изъ-подъ снѣга. Во многихъ мѣстахъ нѣтъ вовсе землянаго слоя, а сода является на поверхности въ твердомъ видѣ и неправильной формѣ. Намъ пришлось въ продолженіи пяти часовъ съ трудомъ подвигаться по этой неудобной почвѣ; хотя мы съ самаго начала видѣли свою стоянку вдали, но казалось будто мы вовсе не подвигаемся къ ней. Яки очень отстали; ночь была чудесная, лунная; было довольно холодно, но по счастью безъ вѣтра. Наконецъ мы нашли небольшой сухой оврагъ, достаточно большой, чтобы служить намъ убѣжищемъ. Вблизи есть трава и ледъ; мы раскинули въ оврагѣ свои палатки, благодаря судьбу и за то; у одного изъ слугъ отмерзъ палецъ на ногѣ. О Кабирѣ ничего неизвѣстно, ни о якахъ. Ташп постоянно въ дѣлѣ и крайне полезенъ.

Октября 29-го. — Мы отдыхаемъ сегодня. Утромъ прибылъ Кабиръ съ извѣстіемъ о томъ, что всѣ яки стали на дорогѣ въ изнеможеніи. Я послалъ къ нимъ людей на помощь. Около полудня два яка прибыли. Люди говорятъ, что два другихъ окончательно не годны больше.

Октября 30-го. — Нынче утромъ мы дождались наконецъ остальныхъ людей и яковъ съ тюками. Мы поднялись, но не долго шли, потому что лошади ужасно устали.

Содовая равнина (нѣсколько поднимаясь) съуживается на сѣверѣ, образуя долину. Эта долина сворачиваетъ на сѣверо-западъ, а изъ нея тянется на сѣверо-востокъ низкая гранитная цѣпь. За этой цѣпью течетъ р. Каракашъ (которую мы конечно не можемъ еще видѣть), а за нею возвышается высокая, крутая горная цѣпь, съ мѣстными вершинами, составлявшая часть горной цѣпи, извѣстной европейскимъ географамъ подъ именемъ Куэнъ-Луна. Дуетъ холодный, рѣзкій

вѣтеръ. Мы остановились для ночлега въ послѣднемъ травяномъ мѣстѣ долины. Вмѣсто воды, мы по обыкновенію употребляли снѣгъ и для топлива нашли небольшое количество лавендуловыхъ кустовъ; яки не подходили.

Октября 31-го. — Мы продолжали путь нашъ на С.-З. вдоль долины, которая опускалась до самой рѣки Каракаша черезъ скалистыя ущелья въ 30—40 саженъ ширины. Должно предполагать, что озеро содовой равнины когда нибудь излилось черезъ это ущелье въ рѣку Каракашъ. Рѣка была покрыта тонкимъ льдомъ; она течетъ въ маленькую круглую долину, заключенную съ сѣвера древнею мореной. На С.-В. тянутся высокія снѣжныя горы и глетчеры. Рѣка въ своемъ теченіи круто спускается съ горъ; я полагаю, что источники рѣки находятся неподалеку. Ниже по теченію рѣки мы увидѣли двухъ черныхъ звѣрей; мы не знали, дикіе-ли это или ручные яки. Оказалось, что это были вьючные яки, брошенные по дорогѣ караваномъ посланника.

Для насъ это была настоящая находка; мы могли снять часть клажи, навьюченной на бѣдныхъ, изнуренныхъ лошадокъ. Весь скотъ съ жадностію пилъ, ломая ледъ ногами. Имъ въ первый разъ, послѣ 16-го, удавалось вполнѣ утолить свою жажду, потому что до тѣхъ поръ они должны были довольствоваться однимъ снѣгомъ.

Никто изъ моихъ слугъ не бывалъ дальше достигнутаго нами мѣста. И такъ, мы были въ совершенномъ невѣдѣніи, гдѣ будетъ трава и топливо, а слѣдовательно какіе промежутки можно класть между остановками. Часто, сообразно съ разстояніемъ слѣдующаго годнаго пастбища, приходится останавливаться черезъ нѣсколько часовъ или же продолжать путешествіе. Это зависитъ отъ усталости скота. Теперь

намъ нужно было идти на угадъ. Я поѣхалъ развѣдчикомъ впередъ, а къ вечеру, достигнувъ возвышенія, могъ обозрѣть лежащую передъ нами дорогу. Въ этомъ мѣстѣ р. Каракашъ течетъ въ совершенно плоской долинѣ, въ полъ-мили ширины. Посреди долины иногда протекаетъ ручей, который въ другое время высыхаетъ; съ обѣихъ сторонъ почва возвышается небольшими терасами, а на сѣверѣ и югѣ долина окаймляетъ обнаженныя горы; сама долина распространяется на западъ. Съ безпокойствомъ глядѣлъ я на всякую новую мѣстность, тщательно осматривалъ всякую боковую долину. Вообразите себѣ мой ужасъ, когда я открылъ въ теченіе дня, что на этой скудной почвѣ не было даже лавендуловыхъ кустовъ для топлива, что до сихъ поръ не случалось. На траву не было никакой надежды, а русло ручья высохло. Недоставало трехъ главныхъ предметовъ въ жизни путешественника,—топлива, пищи для скота и питья. Вечеромъ уже мнѣ удалось въ возвышеніи разсмотрѣть въ концѣ одной небольшой долины черную полоску земли. Надежда стала возвращаться ко мнѣ, но мнѣ не вѣрилось, чтобы у меня передъ глазами были кусты. Однако я могъ ихъ ясно различить въ зрительную трубку, и между ними виднѣлся бѣлый ледъ. Я направился къ нимъ и, проѣхавъ полосу долины, казавшуюся мнѣ нескончаемой, я наконецъ увидалъ первый кустикъ послѣ цѣлаго мѣсяца. Дулъ страшный вѣтеръ, но я выбралъ мѣстечко подъ защитою холма, набралъ сухихъ вѣтвей, развелъ огонь (какъ часто я о немъ вздыхалъ въ холодныхъ равнинахъ, съ которыхъ мы спустились) и сѣлъ въ ожиданіи каравана. Прождавъ часъ, я сталъ опасаться, что онъ пройдетъ мимо меня въ окружающей темнотѣ и началъ громко окликать его. Но отвѣта не было. Наконецъ лошадь моя стала

навострывать уши на противоположную сторону, я поѣхалъ туда и скоро дѣйствительно услыхалъ голоса. Караванъ прошелъ мимо меня, какъ я того ожидалъ, но по счастью дѣло было поправлено. Я провелъ всѣхъ къ своему убѣжищу, всѣ окружили чудесный огонь, и мы забыли всѣ свои невзгоды. Ледъ, который я видѣлъ издали, оказался разбросаннымъ по берегамъ ручья, вытекавшаго изъ узкаго ущелья съ лѣвой или южной стороны долины и наполнявшаго доселѣ сухое русло главной долины [1]). Я хотѣлъ на другой день изслѣдовать этотъ ручей, но нужно было искать другаго, травянистаго мѣста для скота.

Ноября 1-го. — Такъ какъ зерно съ яками еще не поспѣло, мы не могли дать корма лошадямъ. По счастію мы нашли немного травы у теплаго источника, протекавшаго направо. Осмотрѣвъ кругомъ долину, и не найдя ничего кромѣ кустарника, мы раскинули свои палатки возлѣ источника. Вода источника намъ не годилась, а потому мы сварили чай и пр. на оттаенномъ льдѣ. Источникъ въ этомъ мѣстѣ течетъ безпрепятственно между ледяными берегами. Глубины въ немъ нѣсколько вершковъ, а ширины — отъ пяти до шести саженей. Тутъ топлива вдоволь, отъ лѣса кустарника. Я пробовалъ лудить посуду, которая становится опасною, но только обжогъ себѣ всѣ пальцы. На сѣверныхъ склонахъ горъ много снѣгу; онъ доходилъ почти до самаго уровня долины.

---

[1]) Г. Гейвардъ открылъ позднѣе начало этого ручья, около семидесяти миль выше, и прослѣдилъ его до того мѣста, гдѣ мы были. Онъ доказалъ, что этотъ ручей—настоящій источникъ р. Каракашъ, и дорога вдоль него гораздо лучше, нежели выбранная мною, пролегающая чрезъ высокія равнины.

Яки пріѣхали послѣ полудня; одинъ изъ новопріобрѣтенныхъ яковъ палъ на дорогѣ.

Въ температурѣ произошла удивительная перемѣна. Въ 10 часовъ утра было 40° ф., а на зарѣ было 9° ф.

Ноября 2-го. — Мы спускались берегомъ р. Каракаша, который здѣсь течетъ совершенно свободно, и только берега покрыты льдомъ. Въ нее впадаютъ многочисленные теплые ключи, вслѣдствіе чего она не замерзаетъ, но вода получаетъ солоноватый вкусъ. Въ 2 — 3 миляхъ отъ нашей послѣдней стоянки мы перешли небольшую равнину, усѣянную маленькими ямами; въ каждой изъ нихъ не болѣе 4—5 саженъ въ поперечникѣ, и отъ 2—3 футовъ глубины. На днѣ этихъ углубленій лежитъ садокъ простой соли. Мои слуги набрали ее для ежедневнаго употребленія, такъ какъ ихъ запасы приходили къ концу. Мы шли теперь по широкой, плоской долинѣ, на которой кругозоръ прерывался только легкими выступами, образовавшимися изъ обломковъ, скатившихся изъ сосѣднихъ ущелій, особенно съ сѣверной стороны. Впродолженіе всего сегодняшняго перехода мы находили траву и кустарникъ. На сѣверѣ гранитныя скалы выступаютъ прямо изъ долины, гранитъ такой же разсыпчатый, какъ и въ Ладакѣ. Намъ попадались стада кіанговъ (тибетскіе дикіе ослы). Передъ нами возвышаются снѣжныя вершины, вблизи которыхъ не растетъ больше ни трава, ни кустарникъ.

Ноября 3-го.—Не успѣли мы подняться сегодня въ путь, какъ одна изъ лошадей занемогла. Таши взялся вылечить ее такимъ образомъ: онъ хотѣлъ извлечь у нея изъ каждой ноздри кусокъ хряща, сдѣлавъ надрѣзъ, и привязать къ отрѣзанной части хряща волосъ изъ хвоста самой лошади, такъ что лошадь, дѣлая попытки встать, должна была бы сама вытащить

изъ себя отрѣзанную часть носоваго хряща. Я не видалъ самъ этой операціи, но знаю, что двое носильщиковъ понесли вьюкъ съ больно́й лошади. Съ южной стороны мы нашли слѣды дороги съ остатками стѣны, а вчера мы проходили мимо цѣлой группы каменныхъ хижинъ — все это свидѣтельствуетъ, что нѣкогда эта дорога была въ употребленіи [1]).

Ноября 4-го. — Вчера поздно вечеремъ пришли люди съ извѣстіемъ о смерти больной лошади. Если это правда, то я полагаю, что причиною смерти была операція, которая должна была вылечить ее. Сегодня на зарѣ былъ 1° ф. Вечеромъ мы раскинули палатки на прекрасномъ травянистомъ лугу, занимающемъ долину во всю ея ширину на нѣсколько миль. По дорогѣ мы еще поймали двухъ отсталыхъ яковъ.

Ноября 5-го.—Передъ нами тянется рядъ хорошихъ луговыхъ равнинъ, усѣянныхъ солянымѝ крошками, по величинѣ превосходящими выше описанныя. Нѣкоторые изъ нихъ были наполнены концентрированнымъ разсоломъ, по большей части не замерзшимъ, который испаряясь даетъ обычный соляной осадокъ. Въ этой долинѣ вся растительность солончаковая. Переходя замерзшее болото, я спугнулъ одинокаго кулика и птицу, которую и принялъ за скворца. Въ кустарникѣ я убилъ двухъ зайцевъ (голубей тибетской породы, съ чисто-бѣлыми пушистыми хвостами). Располагаясь на ночлегъ мы

---

[1]) Мы впослѣдствіи открыли, что эта долина была посѣщена китайцами, вывозившими отсюда нефриты. Въ настоящее время промышленность эта совершенно упала, потому что туркестанскіе мусульмане не любятъ украшеній изъ этого камня. Въ китайскомъ сочиненіи „Тысяча характерныхъ классиковъ“ есть перечень разныхъ произведеній промышленности и между прочимъ говорится, „Нефритъ добывается изъ Куэнлуньскихъ горъ.“ Я обязанъ г. Астону за эту цитату.

нашли мѣсто, занятое стадомъ около ста кіанговъ (дикихъословъ); они остановились въ 200 саженяхъ и слѣдили за нашими движеніями покуда стемнѣло.

Впереди опять видны снѣжныя горы. По сю сторону ихъ видно отверстіе въ сѣверной цѣпи. По картѣ Джонсона должно полагать, что это отверстіе обозначаетъ теченіе р. Каракашъ, поворачивающей по направленію къ Туркестану. Мы подобрали еще двухъ яковъ, такъ что теперь у насъ ихъ всѣхъ девять.

Ноября 6-го. — Сегодня намъ попадалось мало травы, но стоянка наша не далеко отъ густой, роскошной травы; это ужъ не прежнія рѣдкія, разбросанныя былинки, а настоящая трава, изъ которой можно выбрать чудесный дернъ. Подлѣ нашей стоянки находятся также нефритовыя каменоломни, въ настоящее время заброшенныя.

ГЛАВА VI.

Задержка въ Шахидуллѣ.

Письмо изъ крѣпости Шахидуллы Ходжа.—Тюрки, ихъ одежда и обычаи.—Употребленіе ими имени Тибета.—Еще о путешествіи по берегамъ Каракаша. — Первое зрѣлище киргизской юрты. — Ея обитатели.—Прибрежіе тюркскихъ солдатъ. — Путешественникъ посылаетъ съ ними письмо къ царю (Аталыку-Хази).—Пріѣздъ въ Шахидуллу и ожиданіе тамъ приказаній. — Пріѣздъ Михмандера отъ кашгарскаго правительства. — Затрудненія вслѣдствіе приближенія Гейварда.—Продолженіе выжиданія въ Шахидуллѣ. — Прибытіе посланнаго отъ мунши. — Путешественникъ принимаетъ тюркскую одежду.—Прибытіе Гейварда въ Шахидуллу.—Сообщенія съ нимъ.—Отъѣздъ изъ Шахидуллы.

Привожу здѣсь выдержки изъ письма, начатаго 10-го ноября 1868 г. и продолжавшагося съ тѣхъ поръ каждый день.

Шахидулла Ходжа, Ноября 10-го 1868 года. Надѣясь скоро отправить письма съ ладакцами, привезшими сюда мой караванъ, я принимаюсь писать, чтобы не спѣшить въ послѣднюю минуту. Вѣрная доставка моихъ писемъ зависитъ теперь отъ добраго усердія кашмирскаго губернатора, такъ какъ докторъ Кэлэ въ настоящее время вѣрно ужъ выѣхалъ изъ Ладака.

Я пишу въ палаткѣ, разскинутой на плоской крышѣ маленькой крѣпости, стоящей на р. Каракашъ. Крѣпость эта состоитъ изъ множества кропечныхъ комнатъ, окружающихъ дворъ, на который онѣ всѣ выходятъ. Небольшая стѣнка, выстроенная изъ жаренныхъ кирпичей (съ окошечками для дула ружей) идетъ вдоль наружнаго края плоской крыши, а на четырехъ углахъ возвышаются маленькія, круглыя башни, также съ окошечками. Эта первобытная крѣпостца стоитъ въ срединѣ небольшой долины. Въ нѣсколькихъ стахъ саженяхъ отъ крѣпости протекаетъ р. Каракашъ, не большая въ этомъ мѣстѣ, но обильная рыбой, окруженная мелкимъ кустарникомъ, а кругомъ всей долины поднимаются обнаженныя, скалистыя горы. Внутри крѣпости картина становится веселѣе. Кучка тюркскихъ солдатъ окружила костеръ, разведенный въ одной сторонѣ двора, имѣющаго не болѣе двѣнадцати сажень въ длину. На стѣнѣ за спиной солдатъ развѣшаны ихъ длинныя ружья (всѣхъ двѣнадцать), а надъ ружьями видны три или четыре сѣдла.

Одежда солдатъ состоитъ изъ длиннаго платья, подпоясаннаго въ тальѣ, и очень широкихъ шароваръ, надѣтыхъ подъ верхнимъ платьемъ. Платья офицеровъ сшиты изъ шелковой матеріи, пополамъ съ бумагой, украшенной крупнымъ узоромъ цвѣтовъ. Между солдатами нѣкоторые носятъ темно-красное яркандское сукно, а другіе—англійскіе ситцы или же бѣлыя войлоковыя матеріи. Одни носятъ шаровары сверхъ длиннаго платья, а другіе накидываютъ на все остальное еще второе платье, которое не подпоясывается и впереди распахивается. Начальники отличаются конусообразными шапками, кругомъ которыхъ повязаны турбаны. У солдатъ большею частью барашковыя шапки. Въ эту минуту одинъ изъ

офицеровъ заряжаетъ свое ружье, другіе смотрятъ на него, а нѣкоторые стряпаютъ себѣ пищу въ одной изъ комнатъ. Въ ихъ разговорѣ раздаются безпрестанно гортанные и рѣзкіе звуки перемѣшанныхъ согласныхъ. Мои «боты» изъ Ладака сидятъ почтительно въ отдаленіи, и чистятъ шкуры барановъ, убитыхъ нами по дорогѣ. Тюрки обходятся съ ними добродушно, но относятся къ нимъ какъ къ нѣкотораго рода животнымъ, напр. какъ къ обезьянамъ. Они называютъ ихъ тибетцами, именемъ, которое я до сихъ поръ слыхалъ только отъ европейцевъ. Моя индійская прислуга держится совсѣмъ въ сторонѣ отъ нашихъ хозяевъ, которыхъ она видимо боится. Что касается меня самого, мы сдѣлались уже величайшими друзьями. Я скоро пойду чай пить и бесѣдовать съ офицерами. Мы садимся около моего костра, выпиваемъ вмѣстѣ безконечное число чашекъ чая съ моими бисквитами, и стараемся вести разговоръ. Такъ какъ мое знаніе тюркскаго нарѣчія ограничивалось три дня тому назадъ словомъ «іокъ», т. е. «нѣтъ», вычитаннымъ мною изъ книгъ Аткинсона, а они не понимаютъ ни по персидски, ни по индійски, то намъ приходится пополнять недостатокъ словъ улыбками и знаками. По несчастію мы истощили уже весь запасъ, занимавшій насъ сначала, все переговорили о ружьяхъ, часахъ, компасѣ, револьверѣ, такъ что приходится пускаться въ бесѣду о настоящихъ дѣлахъ. Я уже успѣлъ набраться отъ нихъ тюркскихъ словъ (нѣтъ лучшаго учителя какого нибудь языка, какъ отсутствіе переводчика), и мы бесѣдуемъ о мирѣ и войнѣ, о географіи, исторіи; чего еще нужно самому искусному лингвисту? Я тотчасъ разскажу вамъ какія новости я услышалъ отъ нихъ. Сначала ихъ особенно радовало смотрѣть какъ я стрѣляю изъ своего ружья. Они ставили цѣль въ

тридцати шагахъ отъ меня и очень удивлялись постоянной мѣткости моихъ выстрѣловъ. Они совершенно похожи на школьниковъ, живыхъ, но благовоспитанныхъ. Они фамильярно хлопаютъ меня по плечу, когда я посылаю за прибавкой сахара для ихъ чая, называя меня хорошимъ малымъ, что не мѣшаетъ имъ всѣмъ вставать и прикладывать руку къ сердцу, когда я прохожу мимо ихъ костра (это ихъ привѣтствіе). Хлопнувшій меня по плечу, къ моему крайнему удивленію, въ слѣдующую минуту сталъ гладить свою бороду обѣими руками, восклицая при этомъ:—«Аминъ, Аллахъ-Акберъ» (Аминь, Богъ-великъ). Все общество подхватило это восклицаніе, торжественно гладя себѣ бороды. Это была благодарственная молитва послѣ обѣда.

На зарѣ, я постоянно слышу одного изъ нихъ, провозглашающаго на распѣвъ: «встаньте, молитесь, встаньте молитесь, молитва лучше сна». Вчера я видѣлъ двухъ изъ солдатъ, съ завязанными впередъ руками и обнаженными плечами; офицеръ жестоко билъ ихъ кнутомъ, пока они не покрылись кровью. На вопросъ одного изъ слугъ моихъ, за что такое наказаніе? ему отвѣтили, что эти солдаты не встали рано на молитву. Въ тотъ же вечеръ одинъ изъ наказанныхъ распѣвалъ тюркскія пѣсни, подъ акомпанементъ которыхъ двое другихъ танцовали передъ огнемъ. Я подошелъ къ нимъ, и одинъ изъ офицеровъ угощалъ меня яркандскими орѣхами. Танцующіе топали въ тактъ, выдѣлывали шассе и тихо махали руками. Когда они устали, они поклонились всему обществу и сѣли.

Но я вамъ не сказалъ еще какъ я сюда попалъ, и вы можете думать, что я взятъ въ плѣнъ солдатами Якуба-Бега, не понимая зачѣмъ я сижу съ двѣнадцатью изъ нихъ въ

крѣпости. Итакъ, я возвращусь къ прерванному мѣсту моего разсказа.

Послѣ скучнаго шестидневнаго путешествія, въ той же долинѣ, въ продолженіи котораго не случилось ничего замѣчательнаго, мы пришли на шестое утро къ одному мѣсту, гдѣ оставались слѣды большаго стада овецъ. Мы встрепенулись при видѣ этихъ слѣдовъ человѣческаго присутствія, находясь въ полномъ невѣденіи, какой пріемъ мы встрѣтимъ со стороны кочующихъ поселянъ пастуховъ, посѣщающихъ эти горы. Мы знали только то, что нѣкоторые кочевники, называющіе себя киргизами, наводили страхъ разбоемъ, производимымъ ими на болѣе западномъ пути въ Яркандъ, и что племена того же названія приводили свои стада въ долину р. Каракашъ. Впрочемъ слѣды, которые были у насъ теперь передъ глазами, походили на прошлогодніе, но почти въ тотъ же день, подвигаясь верхомъ передъ Каракашемъ, я замѣтилъ вдругъ свѣжій слѣдъ человѣческихъ шаговъ; этотъ слѣдъ остался на клочкѣ мягкой почвы, а дальше тянулась крѣпкая каменистая дорога, т. е. я не могъ провѣрить свои наблюденія. Однако, немного дальше, снова появился тотъ же слѣдъ рядомъ съ лошадиной тропой. Я улыбнулся, вспомнивъ невольно Робинсона Крузое и его слѣды. Хотя мои слѣды не были столь многозначительны, но ихъ довольно было, чтобы возбудить всю мою осторожность; весьма возможно было, что киргизы находятся гдѣ нибудь по близости въ значительномъ числѣ, и что они нападутъ на мой караванъ. На моихъ слугъ надежда была плохая; во всякомъ случаѣ, можно ожидать препятствія путешествія. А потому, когда мы подошли къ концу открытой равнины, которая въ этомъ мѣстѣ переходила въ узкую долину, закрытую отъ насъ выступомъ скалы, я оста-

новилъ караванъ и отправился пѣшкомъ впередъ, оглядѣть мѣстность. Карабкаясь по холмамъ я дошелъ до возвышенсти, откуда открывался видъ на всю долину. Осторожно поднявъ голову, какъ на охотѣ за дичью, я сталъ смотрѣть въ зрительную трубу. Одного взгляда довольно было, чтобы увидать травянистую равнину, усѣянную кустарникомъ, а посреди ея киргизскую «юрту». Въ послѣдней ошибаться нельзя было, послѣ описанія ея въ сочиненіи Аткинсона; это была круглая постройка съ низкой крышей въ видѣ купола, покрытой грязно-бѣлымъ матеріаломъ — войлокомъ вѣроятно. Кругомъ юрты виднѣлись лошади и яки, а въ трубку можно было разглядѣть человѣка въ длинномъ тюникѣ и высокихъ сапогахъ, занятаго присмотромъ за скотомъ. Изъ центра крыши струился дымокъ. Я не могу вамъ описать своихъ ощущеній при видѣ этой картины. Я чувствовалъ, что теперь-то начались въ самомъ дѣлѣ мои похожденія. Наконецъ осуществились мои мечты о тюркахъ и киргизахъ; я приходилъ въ соприкосновеніе съ племенами, доселѣ отрѣзанными отъ европейцевъ. Осторожно сойдя съ моей обсерваторіи я возвратился къ своему каравану. Послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили дойти до юрты и расположиться рядомъ съ ней; мы сообразили, что намъ во всякомъ случаѣ придется пройти мимо киргизовъ и что если мы не подойдемъ къ нимъ, оставаясь такъ близко отъ нихъ, они могутъ, открывъ наше убѣжище, приписать такое дѣйствіе страху съ нашей стороны. Зарядивъ всѣ ружья (у насъ ихъ было четыре), мы тронулись по направленію къ горамъ. Меня очень насмѣшилъ мой слуга индіецъ, Кабиръ, который такъ много доставлялъ намъ хлопотъ до сихъ поръ, постоянно отставая; онъ прижался съ испуганнымъ лицомъ къ хвосту моей лошади, между тѣмъ какъ я ѣхалъ передъ

караваномъ. Киргизъ былъ такъ занятъ своимъ дѣломъ, что онъ не замѣтилъ меня, пока я совсѣмъ не приблизился къ юртѣ. Услыхавъ мой голосъ, онъ обернулся, и по видимому нисколько не удивляясь пошелъ ко мнѣ на встрѣчу. Другой человѣкъ вышелъ изъ юрты.

Съ начала мы только съ улыбкой сказали другъ другу «салямъ»; но онъ объяснилъ мнѣ, что онъ киргизъ и мы поняли изъ его словъ, что отрядъ солдатъ Аталыка-Хази ожидаетъ меня въ Шахидуллѣ. Если это вѣрно, то равнодушіе киргиза, при нашемъ неожиданномъ появленіи около юрты, понятно. Оба киргиза были еще совершенные юноши, по видимому братья. Цвѣтъ лица у нихъ былъ свѣжій, здоровый—немного темнѣе загорѣвшаго англичанина. Вскорѣ появилась женщина, но она остановилась позади. Она была довольно хорошенькая, голова ея была повязана узкой бумажной матеріей, обмотанной нѣсколько разъ, наподобіе широкой тесьмы; длинный конецъ той же матеріи, украшенный цвѣтнымъ узоромъ, висѣлъ у нея вдоль спины. Платье ея состояло изъ длинной туники, подпоясанной также какъ у мужчинъ, и доходящей до щиколотокъ, ниже которой виднѣлись красные кожанные сапоги. У мужчинъ платье было короче, а головной уборъ состоялъ изъ мѣховой шапки съ наушниками.

Я расположился здѣсь съ своимъ караваномъ; киргизы добродушно помогали мнѣ разбивать палатки, разводили огонь и проч. Нѣсколько времени спустя прошло большое стадо овецъ, которое велъ другой киргизъ въ длинной одеждѣ изъ бараньей шкуры. Мои слуги, гуди, природные пастухи, заключили, что въ этомъ стадѣ болѣе тысячи головъ. Овцы эти похожи на афганистанскихъ—съ широкими плоскими хвостами. Когда ягнятъ вынесли матерямъ, всѣ три киргиза

удалились въ юрту. Они снова вышли оттуда, неся въ рукахъ большую кринку масла и овцу; это были ихъ приношенія мнѣ. Я принялъ съ благодарностью, и тотчасъ же велѣлъ овцу заколоть; масло было отличное. Въ благодарность я подарилъ имъ англійскаго пороху и зеркало для молодой женщины, чему они крайне обрадовались.

Рано утромъ на слѣдующій день я послалъ двухъ изъ своихъ ладакцевъ въ Шахидуллу, которая, по словамъ киргизовъ, отстояла недалеко отъ ихъ юртъ. Тамъ должно было ожидать меня письмо отъ Дивана-Бахши (мусульманинъ, котораго я послалъ впередъ, для испрошенія позволенія у Атталыка-Хази). Шахидулла не деревня, а просто обычное мѣсто отдыха путешествующихъ по большой дорогѣ между Ладакомъ и Яркандомъ; въ этомъ-то мѣстѣ я долженъ былъ выѣхать на большую дорогу. Четыре года тому назадъ, во время службы въ Туркестанѣ, махараджа кашмирскій послалъ отрядъ солдатъ и рабочихъ за Каракорамскую цѣпь (границу его владѣній), и выстроилъ маленькую крѣпость въ Шахидуллѣ. Въ продолженіи двухъ лѣтъ его гарнизонъ занималъ эту крѣпость, но она очистилась въ прошломъ году, когда владѣтель Ярканда соединилъ въ рукахъ своихъ всю окрестную страну. Въ сущности, махараджа не имѣетъ никакого права на Шахидуллу; онъ никогда не пользовался никакими правами на рѣкахъ, протекающихъ Туркестанъ по направленію къ С., никогда не владѣлъ пастбищами киргизовъ, платящихъ подати Ярканду. Странно, что на нашихъ новѣйшихъ картахъ въ границы кашмирскаго государства включается полоса земли, которою махараджа не только нисколько не владѣетъ, но жители ея платятъ дань другому государству.

Однако, возвращаюсь къ своему разсказу. Я сидѣлъ за зав-

тракомъ, когда двое тюркскихъ солдатъ пришли изъ Шахидуллы. Разговаривать мы не могли, но я осмотрѣлъ ихъ ружья и угостилъ ихъ чаемъ, послѣ чего они уѣхали. Послѣ обѣда появилось еще три всадника, одѣтые болѣе изысканно; одѣяніе ихъ состояло изъ длинныхъ халатовъ яркаго цвѣта, надѣтыхъ одинъ на другой, широкихъ шароваръ и турбановъ, повязанныхъ поверхъ остроконечныхъ шелковыхъ ермолокъ. Я пригласилъ ихъ сѣсть и угостилъ чаемъ (необходимая церемонія). Киргизы (съ которыми мы были знакомы нѣсколькими часами болѣе) служили намъ переводчиками. Они заставили меня показать имъ всѣ привезенныя мною рѣдкости—штуцера, заряжающіеся съ казенной части, револьверы, подзорную трубу, часы и пр. Когда истощился должный запасъ удивленія, при видѣ этихъ необыкновенныхъ вещей, они объяснили мнѣ, что одинъ изъ нихъ тотчасъ отправляется въ Яркандъ, чтобы доложить Аталыку о моемъ пріѣздѣ, причемъ просили меня написать письмо къ Аталыку-Хази. Я написалъ ему коротенькую записку по англійски (не довѣряя своимъ познаніямъ въ персидскомъ языкѣ), и, вложивъ письмо въ розовый конвертъ, запечаталъ его своимъ перстнемъ (на которомъ все мое имя было написано по персидски). Взявъ это письмо, посланные тотчасъ ускакали, унося мои пожеланія о скоромъ совершеніи ихъ путешествія. Это происходило въ воскресенье 8 ноября. На слѣдующій день я снова остановился, чтобы дать якамъ время догнать насъ. На якахъ везли весь нашъ запасъ муки, вслѣдствіе чего они, по обыкновенію, отстали на два дня, а людямъ надо было раздать недѣльный паекъ. Послѣ обѣда прибыли яки, и я раздалъ муку, а во вторникъ утромъ мы направились къ Шахидуллѣ. Здѣсь мы были приняты двумя изъ видѣну

ныхъ нами офицеровъ, командывавшими отрядомъ въ двѣнадцать солдатъ. Съ нами обошлись очень вѣжливо и помѣстили въ лучшія комнаты крѣпости (не воображайте, что мы попали въ роскошныя восточныя хоромы; крѣпость болѣе похожа на англійскій хлѣвъ, чѣмъ на что нибудь другое). Я узналъ, что этотъ гарнизонъ былъ присланъ сюда почти мѣсяцъ тому назадъ для моего пріема, и ему данъ былъ приказъ оказывать мнѣ всякій почетъ. Но прежде чѣмъ я могъ продолжать путешествіе, мнѣ нужно подождать приказаніе Аталыка-Хази, въ отвѣтъ на извѣстіе о моемъ прибытіи. Мнѣ сказали, что посланный съ моимъ письмомъ къ Аталыку употребитъ три дня, чтобы доѣхать до Ярканда и столько же на обратное путешествіе, слѣдовательно мнѣ нужно будетъ ждать цѣлую недѣлю въ Шахидуллѣ.

Я покорился своей судьбѣ, и старался въ продолженіи слѣдующихъ дней воспользоваться даннымъ случаемъ, чтобы выучить множество тюркскихъ словъ. Очень было забавно добиваться значенія словъ и составлять потомъ цѣлую рѣчь. Солдаты и офицеры съ одинаковымъ усердіемъ помогали мнѣ, пытаясь понять меня и дать мнѣ понять ихъ слова, причемъ они оказывали много смѣтливости и я дѣлалъ быстрые успѣхи.

На четвертый день, однако, мнѣ стало невыносимо скучно и я предложилъ охоту на дикихъ яковъ, которые, какъ мнѣ разсказывали, находились въ разстояніи одного дня отъ Шахидуллы. Положивъ еще день на охоту, я разсчитывалъ, что мы вернемся, однако, къ пріѣзду посланнаго изъ Ярканда. На слѣдующее утро я выѣхалъ въ сопровожденіи обоихъ офицеровъ и трехъ-четырехъ солдатъ, намѣреваясь подняться по одной изъ боковыхъ долинъ. Позавтракавъ въ полдень всѣ вмѣстѣ (завтракъ нашъ состоялъ изъ яркандскихъ

бисквитовъ), мы отправились на поиски и вскорѣ настигли стадо, состоявшее изъ 16 дикихъ яковъ. Мы слѣзли съ лошадей и стали готовиться къ охотѣ, но въ эту минуту увидали всадника, скачущаго къ намъ на встрѣчу. Въ зрительную трубу можно было разглядѣть, что это тюркскій солдатъ, и когда онъ приблизился мы услыхали, что онъ окликаетъ насъ. Оказалось, что онъ пріѣхалъ оповѣстить насъ о прибытіи какого-то великаго сановника изъ Ярканда, посланнаго за мною. Обрадованный этимъ извѣстіемъ я тотчасъ сѣлъ на своего коня и поскакалъ въ Шахидуллу. У воротъ я увидѣлъ солдата, стоящаго въ парадной формѣ на часахъ (чего ни прежде, ни послѣ не бывало). Когда я вошелъ во дворъ, моимъ глазамъ представился величественный образъ тюрка въ длинномъ шелковомъ одѣяніи, въ сабли съ серебрянной рукояткой; онъ сидѣлъ въ торжественномъ уединеніи, на коврѣ, подлѣ огня. Онъ не всталъ мнѣ на встрѣчу, а только пригласилъ меня сѣсть подлѣ него. Я послѣдовалъ его приглашенію и попробовалъ съ нимъ говорить по персидски. Онъ покачалъ головой и послѣ этого не обращалъ болѣе никакого вниманія на меня, продолжая громко разговаривать съ другими, которымъ теперь было позволено сѣсть по другую сторону огня. Меня нѣсколько поразило такое обращеніе; я всталъ и ушелъ въ другой конецъ двора, гдѣ велѣлъ себѣ тоже развести огонь. Когда я поднялся, высокопоставленное лицо встало тоже и дало мнѣ знакомъ понять, что онъ будетъ молиться (они при этомъ кладутъ руки за уши, что часто повторяется во время ихъ моленій). Въ теченіе слѣдующаго часа пріѣзжій раза три читалъ свои молитвы, изъ чего я заключилъ, что онъ дорогой вѣрно не успѣлъ помолиться должное количество разъ.

Мои прежніе знакомые, увидавъ мое неудовольствіе, пошептались и прислали мнѣ депутата для объясненія дѣла. Послѣдній сказалъ мнѣ, что пріѣзжій—важный сановникъ, который всегда сидитъ, даже при Аталыкѣ. Онъ пріѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу въ качествѣ михмандара (привѣтствующій гостей), для оказанія мнѣ почестей и удовлетворенія всѣмъ нуждамъ моимъ. Мы открыли вскорѣ, что старикъ, сопровождавшій михмандара изъ Санджу (одного пограничнаго города), понималъ и говорилъ немного по тибетски; благодаря этому обстоятельству между нами тотчасъ установился разговоръ, такъ какъ при мнѣ былъ тибетскій переводчикъ, Таши, очень полезный человѣкъ. Важный сановникъ прислалъ мнѣ сказать, что онъ желаетъ имѣть со мной личное свиданіе, если я велю разостлать коверъ въ своей комнатѣ, что и было сдѣлано, и свѣчи зажжены; послѣ чего михмандаръ вошелъ въ мою комнату. Въ этотъ вечеръ и на слѣдующее утро, когда онъ снова явился ко мнѣ съ визитомъ, еще болѣе торжественнымъ, нежели первый, онъ оказалъ мнѣ всякія восточныя любезности, поднесъ около дюжины подносовъ съ разными фруктами (гранатами, изюмомъ, фисташками и пр.) и голову русскаго сахара, между тѣмъ какъ въ дверь впихнуты были силой головы двухъ овецъ, приносимыхъ тоже мнѣ въ подарокъ. Затѣмъ, послѣдовали многія любезныя рѣчи отъ имени Аталыка. Михмандаръ просилъ меня не безпокойться ни о чемъ, обѣщая, что по моемъ востребованіи явится все что мнѣ будетъ нужно. Онъ предлагалъ въ мое полное распоряженіе всѣхъ своихъ людей и лошадей. Отвѣчая ему, я старался, главнымъ образомъ, выразить какъ меня трогаетъ снисхожденіе яркандскаго владѣтеля, пославшаго ко мнѣ такое важное лицо и какъ меня безпокоитъ мысль о всѣхъ неудоб-

ствахъ, которымъ онъ подвергается въ такомъ пустынномъ мѣстѣ, ради меня. На востокѣ очень любятъ любезности; чѣмъ болѣе рѣчь приправляется любезностями, тѣмъ лучше. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ вопросовъ: купецъ ли я, или военный, сколько тюковъ товаровъ ѣдутъ за мной, скоро ли они прибудутъ, сколько я привезъ тюковъ съ собою, изъ какого они состоятъ товара и пр., и пр. Иногда вопросы прерывались увѣреніями отъ имени Аталыка въ полной моей безопасности, кто бы я не былъ по своему положенію. При этомъ я думалъ о наивности моего собесѣдника, полагавшаго, что я попаду въ такую ловушку. Неужели онъ надѣялся подобными увѣреніями заставить меня высказаться, если бы я вздумалъ укрыть свое настоящее имя подъ какой нибудь маскою. Но такъ какъ мнѣ утаивать нечего было, я только боялся какъ бы моя индійская прислуга, изъ природной ненависти къ правдѣ, не налгала въ моемъ отсутствіи, потому что я былъ увѣренъ, что ее подвергнутъ усердному допросу. Итакъ, когда важный чиновникъ простился со мной (на этотъ разъ онъ вѣжливо просилъ меня не вставать съ мѣста), я созвалъ всѣхъ своихъ слугъ и объявилъ имъ, что наша судьба тѣсно связана, и что успѣхъ нашего предпріятія, наша безопасность вполнѣ зависятъ отъ нашего образа дѣйствій. Я совѣтывалъ имъ не говорить лишняго про наши дѣла, но просилъ ихъ никогда ничего не лгать. Это было единственное средство не разойтись въ нашихъ разсказахъ при допросахъ. Я меньше боюсь прислугу гуди, но другіе и по рожденію, и по воспитанію своему большіе лгуны. Они всегда ищутъ спасенія въ неправдѣ, когда смутно боятся чего нибудь или сомнѣваются въ намѣреніяхъ собесѣдника. Это самое простое, безъискуственное средство обо-

роны, но, въ настоящемъ случаѣ, особенно вредное. Тюрки до крайности подозрительны. Прибытіе къ ихъ границамъ англичанина кажется совсѣмъ привело ихъ въ смятеніе. Каждый день новые всадники пріѣзжаютъ и уѣзжаютъ. Никогда еще не было такой ѣзды на этой дорогѣ, и крѣпость Шахидуллы въ первый разъ оживлялась такимъ образомъ.

Все это, однако, усиливаетъ во мнѣ главную заботу и наполняетъ меня опасеніями. Если *одинъ* англичанинъ, задолго объявившій о своемъ прибытіи, можетъ до такой степени возбудить подозрительность тюрковъ, то что же они подумаютъ, когда явится второй англичанинъ, безъ видимой цѣли къ своему путешествію, но съ замѣтнымъ желаніемъ изучить ихъ страну? А подобное происшествіе я ожидаю каждый день.

Меня долго задержало на дорогѣ дурное положеніе моего вьючнаго скота, а теперь я день за днемъ сижу въ Шахидуллѣ. Гейварда вѣроятно тоже что нибудь остановило на пути, иначе онъ бы уже настигъ меня. Его внезапное появленіе подѣйствуетъ самымъ вреднымъ образомъ на умы тюрковъ, и на меня падетъ часть ихъ подозрѣній. Какъ говорятъ нѣкоторые изъ моихъ слугъ (гуди), первая мысль будетъ: «Сколько еще скрывается феринговъ (франки) въ нашихъ долинахъ?» Одновременное прибытіе двухъ англичанъ въ Яркандъ (доселѣ непосѣщаемый англичанами) будетъ принято ими за сигналъ завоевательнаго наступленія.

Обдумавъ все дѣло и посовѣтовавшись съ моими провожатыми, я пришелъ къ тому заключенію, что нужно предупредить тюрковъ о приближеніи другаго англичанина. Такимъ образомъ я избѣгну подозрѣнія въ обманѣ, потому что они безъ сомнѣнія узнаютъ впослѣдствіи чрезъ переводчика Гейварда о нашей предварительной встрѣчѣ. Согласно съ

этими разсужденіями я позвалъ Таши и поручилъ ему найти удобный случай во время разговора съ старикомъ изъ Санджу, чтобы упомянуть о нашей встрѣчѣ съ однимъ англичаниномъ, который охотился на дикихъ яковъ въ разстояніи 20 дней отъ Шахидуллы, недоѣзжая этой крѣпости. Моему переводчику не понравилось такое порученіе; онъ никакъ не могъ понять, что въ настоящемъ случаѣ безопаснѣе говорить всю правду. Однако мой авторитетъ превозмогъ его сомнѣнія и разъ согласившись онъ съ удовольствіемъ взялся за исполненіе дипломатической задачи. Я предоставилъ ему полную свободу въ разговорѣ съ тюркомъ и онъ отлично исполнилъ свое порученіе. Говоря объ охотѣ и перечисливъ дичь, убитую мною по дорогѣ, онъ заговорилъ о страсти англичанъ къ охотѣ, и къ слову упомянулъ о томъ, что намъ встрѣтился въ нѣсколькихъ дняхъ дальше Ладака одинъ англичанинъ, пріѣхавшій съ цѣлію охоты. Какъ я и ожидалъ, тюрки были поражены этимъ извѣстіемъ. Они стали спрашивать Таши, ѣдетъ ли также сахибъ въ ихъ страну, и Таши выказалъ совершенное незнаніе дальнѣйшихъ намѣреній путешественника.

Когда я посѣтилъ пополудни михмандара, онъ ничѣмъ не намекнулъ мнѣ на этотъ предметъ, но два всадника были посланы для собранія свѣденій объ упомянутомъ англичанинѣ, если они найдутъ его, и вмѣстѣ съ тѣмъ имъ поручено было поторопить мой караванъ, въ случаѣ если онъ имъ встрѣтится. Я подозрѣваю въ нихъ одно желаніе провѣрить мои показанія о моемъ караванѣ, хотя они утверждаютъ, что они дѣйствуютъ лишь изъ опасенія заслужить неудовольствіе Аталыка-Хази, недоставивъ мнѣ всего моего имущества.

Мнѣ удалось наконецъ расположить къ себѣ михмандара. Мы сидѣли съ нимъ на крышѣ, обозрѣвая окрестныя горы въ мою подзорную трубу (старикъ изъ Санджу пресерьезно спросилъ меня: не покажетъ ли ему это стекло его сыновей, находившихся въ разстояніи десятидневной ходьбы отъ Шахидуллы, на возвратномъ пути изъ Ладака); я отвинтилъ одно изъ стеколъ подзорной трубы, и зажегъ имъ, при помощи сильнаго солнечнаго жара, кусокъ дерева. Туземцы сочли это за огромное чудо. Среди восклицаній «Тоба! Тоба!» (раскаяніе! раскаяніе!) михмандаръ самъ научился производить это чудо. Онъ тотчасъ сталъ сзывать весь гарнизонъ. Слѣдующая попытка его по несчастію не удалась, но вскорѣ однако онъ прожегъ порядочную дыру въ своемъ платьѣ; это доставило всѣмъ большое удовольствіе. Меня тотчасъ пригласили принять участіе въ стрѣльбѣ въ цѣль. Мы сдѣлали большое количество выстрѣловъ въ мишень, поставленную въ разстояніи какихъ нибудь ста сажень, и только мнѣ да моимъ гудскимъ слугамъ удалось попасть въ цѣль. Михмандаръ стрѣлялъ нѣсколько разъ изъ моего ружья; а его собственное съ фитилемъ осѣклось два раза.

Нынче утромъ онъ потѣшался тѣмъ, что обстригъ усы половинѣ гарнизона моими ножницами. Всѣ настоящіе мусульмане отпускаютъ усы только у угловъ рта, пробрѣвая средину губы; они также брѣютъ всю голову. Мой камердинеръ, индіецъ, еретически отпустившій длинные волосы, наподобіе всѣхъ индійскихъ мусульманъ, былъ обритъ самимъ михмандаромъ. Я засталъ его сидящимъ съ грустнымъ лицомъ у крѣпостнаго вала, между тѣмъ какъ тюркскій солдатъ по приказанію михмандара обрѣзывалъ его длинные локоны. Смѣхъ и одобреніе раздавались со всѣхъ сторонъ; я

искренно принялъ въ нихъ участіе, находя рѣшительное улучшеніе въ фигурѣ моего камердинера. Сегодня прибылъ въ крѣпость мой пріятель киргизъ верхомъ на якѣ. Онъ подковалъ моего пони, причемъ послѣдняго нужно было повалить на землю; михмандаръ усердно помогалъ. Всѣ они отлично знакомы со всѣми подробностями ухода за лошадьми.

Время идетъ, а отвѣта изъ Ярканда все еще нѣтъ. Сегодня понедѣльникъ 16-е, восьмой день какъ уѣхалъ посланный и мы можемъ навѣрное ожидать его завтра.

Вторникъ. Ноября 17-го. Ожиданія мои сбылись, но, увы, возвратившійся посланный не привезъ мнѣ ожидаемаго мною приказанія. Его сопровождали два товарища. Когда они пріѣхали, я продолжалъ спокойно читать, не выказывая ни малѣйшаго знака нетерпѣнія, пока они совѣщались съ михмандаромъ. По окончаніи совѣщанія двое изъ нихъ взошли ко мнѣ на крышу; въ одномъ я узналъ съ нѣкоторымъ трудомъ слугу изъ моего каравана, сопровождавшаго мунши Дивана-Бахша съ первымъ транспортомъ вещей въ Яркандъ. На немъ было надѣто нѣсколько драгоцѣнныхъ платьевъ, полученныхъ имъ въ подарокъ отъ Аталыка. Такъ какъ онъ говорилъ по индійски, я могъ легко съ нимъ объясняться. Я узналъ отъ него, что Абдуръ-Рахманъ (возвратившійся посланный) ѣздилъ въ Яркандъ, откуда мое письмо было отослано къ Аталыку, который въ это время находится на границѣ своихъ владѣній, въ горахъ, въ четырехъ дняхъ разстоянія отъ Кашгара. Посланный не дождался отвѣта и возвратился везя съ собой цѣлый обозъ разныхъ вещей, которыя остались еще позади; кладь состояла изъ муки, ячменя и пр. Отвѣтъ отъ Аталыка долженъ былъ привезти посланный, тотчасъ по полученіи его въ Яркандѣ, такъ что я могъ

ожидать его уже черезъ день, другой. Кромѣ вышеозначенныхъ вещей, мнѣ привезли русскаго сахара и два пестрыхъ, шелковыхъ халата, которые, какъ потомъ оказалось, были посланы мнѣ моимъ мунши для раздачи въ видѣ подарковъ. При этомъ было два письма: одно—отъ мунши, состоявшее изъ четырехъ исписанныхъ страницъ, а другое коротенькое—отъ посла Махмуда Назара. Я не могъ ничего въ нихъ разобрать, такъ какъ они были написаны на персидскомъ нарѣчіи и перепутаннымп персидскими письменами; но это не особенно меня огорчило, потому что письма, какъ мнѣ сказали, прошли предварительно, до отсылки, чрезъ руки ярканд-скаго губернатора и, слѣдовательно, не могли заключать въ себѣ важныхъ для меня свѣденій. Я условился, въ самомъ началѣ, съ Диваномъ-Бахшомъ, что онъ для разборчивости будетъ строго отдѣлять въ своихъ письмахъ ко мнѣ одно слово отъ другаго, что никогда на востокѣ не соблюдается; но вмѣсто того, онъ прислалъ мнѣ длинную рукопись, въ которой не было ни одного промежутка. Не смотря на это я спокоенъ, потому что нѣтъ условленнаго сигнала о грозящей опасности—отрѣзаннаго уголка въ письмѣ.

Отъ своего слуги, Джума, я узналъ, что по своемъ прибытіи въ Яркандъ, Диванъ-Бахшъ и его спутники содержались подъ строгимъ присмотромъ, не смотря на всевозможный почетъ, оказываемый имъ; такъ напр. каждому человѣку ежедневно отпускалось по одному барану, по четыре рупіи кромѣ обильной пищи, а Дивану-Бахшу приносили каждое утро новое платье. Онъ еще не успѣлъ передать моихъ писемъ и подарковъ Аталыку, который находится въ отсутствіи. Мнѣ разсказывали, что вскорѣ по пріѣздѣ Дивана-Бахша, изъ Ладака возвратился одинъ хаджи (пилигримъ), который

сообщилъ, что встрѣтилъ по дорогѣ въ Яркандъ 50 англичанъ! Это извѣстіе возбудило сильныя подозрѣнія въ средѣ Ярканда и навлекло на моего мунши обвиненіе въ обманѣ. Однако прибывшій Абдуръ-Рахманъ совершенно подтвердилъ разсказъ Дивана-Бахши о приближеніи одного «сахиба» съ четырьмя или пятью слугами. Яркандскій губернаторъ отправилъ, въ присутствіи Джумы, мое письмо къ Аталыку, приложилъ собственное описаніе, согласное съ моими словами. Тотъ же Джума слыхалъ разговоръ, въ которомъ говорившіе выражали полную увѣренность въ томъ, что меня допустятъ до Аталыка, но вѣроятно предварительно продержатъ нѣкоторое время подъ присмотромъ. Изъ словъ Джумы я могъ заключить, что въ Яркандѣ опасаются для меня участи бѣднаго Шлагинтвейта, но вслѣдствіе ли внѣшнихъ или внутреннихъ волненій, мнѣ не удалось разобрать. Я увѣренъ, что это однѣ отговорки; меня терзаетъ мысль о возможности заключенія въ Шахидуллѣ, да еще мѣсяца на два, по словамъ Джумы.

Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній я пришелъ къ слѣдующему заключенію: если я не получу въ означенный срокъ (черезъ два дня) приказанія изъ Ярканда о выступленіи, то я постараюсь снова отправить въ Яркандъ Абдуръ-Рахмана съ извѣщеніемъ губернатора о томъ, что у меня есть нѣчто важное сообщить Аталыку. Можетъ быть мнѣ удастся написать то же самое Дивану-Бахшу. Что касается до послѣдующаго оправданія такого извѣстія, то я надѣялся на успѣхъ своихъ переговоровъ съ Аталыкомъ, если мнѣ только удастся увидѣть его.

Середа. Ноября 18-го. Сегодня прибылъ изъ Ладака караванъ въ 30 лошадей. Главный купецъ вошелъ въ крѣ-

пость и мой михмандаръ угостилъ его чаемъ и пр. Черезъ нѣсколько времени я сошелъ внизъ и велѣлъ Джумѣ разспросить насчетъ моего каравана. Оказалось, что купецъ уже говорилъ михмандару про мой караванъ, вышедшій 20-ю днями раньше его, и спрашивалъ не проходилъ ли онъ уже черезъ Шахидуллу. Онъ же сообщилъ намъ о возвращеніи Гейварда черезъ Ладакъ и о томъ, что аргунскій переводчикъ, бывшій при немъ, находится на пути въ Яркандъ вмѣстѣ съ сыновьями старика изъ Санджу. Я съ удовольствіемъ увидѣлъ, какъ весь этотъ разсказъ убѣдилъ тюрка въ правдивости моихъ прежнихъ показаній. Я забылъ сказать, что по совѣту моего мунши я роздалъ подарки главнымъ лицамъ крѣпости; но мнѣ не хотѣлось отдавать платьевъ, присланныхъ изъ Ярканда, такъ какъ это были подарки самого Аталыка. Итакъ, я поднесъ михмандару и Абдуръ-Рахману по красивому турбану. Я не забылъ также и старшаго офицера, принимавшаго меня въ крѣпости: ему я подарилъ длинный кусокъ тонкой кисеи, съ золотой каймой, на два турбана.

Вечеромъ михмандаръ пришелъ ко мнѣ и сѣлъ около костра. Во время разговора я изложилъ ему сущность моего дѣла къ Аталыку-Хази, разсудивъ что благоразумнѣе говорить объ этомъ до полученія приказанія изъ Ярканда, иначе могутъ меня заподозрить въ скрытности. Когда михмандаръ понялъ въ чемъ дѣло, онъ обѣщалъ мнѣ послать на другое утро человѣка прямо къ Аталыку. Надѣюсь, что поступилъ благоразумно.

Я имѣлъ еще нѣсколько разговоровъ съ Джумою. Сегодня, по его совѣту, я облекся въ полный тюркскій костюмъ—высокіе черные сапоги, кафтанъ изъ бумажной матеріи попо-

ламъ съ шелкомъ (подаренный мнѣ въ Ладакѣ афганскими чайными торговцами), подпоясанный длиннымъ кушакомъ, верхній свѣтлокоричневый, суконный, широкій халатъ, открытый спереди, и турбанъ изъ красной кашмирской шали. Я льщу себя надеждою, что придалъ себѣ почтенный видъ настоящаго тюрка; на михмандара я произвожу замѣтное впечатлѣніе; сегодня онъ сдѣлался гораздо вѣжливѣе прежняго. Джума говоритъ, что Аталыкъ обыкновенно путешествуетъ безъ всякой свиты, вродѣ того, какъ дѣлалъ Гарунъ-аль-Рашидъ. Случалось ужъ нѣсколько разъ, что его собственная полиція задерживала его, какъ бѣглаго. Въ подобныхъ случаяхъ онъ испытываетъ честность полиціи, пробуя подкупать ее. Тѣхъ, которыхъ ему удается подкупить, на другой день приводятъ къ нему и подвергаютъ не легкимъ наказаніямъ. Напротивъ честныхъ и безкорыстныхъ служителей отличаютъ всякими почестями.

Четвергъ. Ноября 19-го. Дѣло мое принимаетъ серьезный оборотъ. Сегодня поутру Таши вошелъ ко мнѣ съ извѣстіемъ о моемъ караванѣ, который завтра долженъ придти. Я обрадовался хорошимъ вѣстямъ. Но черезъ нѣсколько минутъ я узналъ, что приближавшійся караванъ оказался караваномъ Гейварда, а не моимъ. Дальнѣйшіе разспросы показали мнѣ, что Гейвардъ объявилъ себя состоящимъ у меня въ услуженіи.

Это крайне неутѣшительное обстоятельство!

Михмандаръ уже собрался вернуть чиновника, посланнаго имъ, согласно его обѣщанію, къ Аталыку. Но Джума поручился за то, что я не имѣлъ никакихъ сношеній съ другимъ англичаниномъ, а только встрѣтился съ нимъ на охотѣ.

Такое поручительство вселяетъ довѣріе въ странѣ, гдѣ

каждый поручитель отвѣчаетъ собственной своей головой. Итакъ, посланнаго не вернули; онъ продолжалъ свое путешествіе, не имѣя никакого понятія о приближеніи втораго сахиба. Мнѣ кажется, что моей стражѣ (какъ я теперь буду называть окружающихъ меня яркандцевъ) очень уже надоѣло пребываніе въ Шахидуллѣ, и что они ожидаютъ съ такимъ же нетерпѣніемъ какъ и я устраненія всякихъ препятствій къ продолженію нашего путешествія. Михмандаръ пришелъ въ мою палатку на крышѣ и вступилъ со мною въ бесѣду. Я пробовалъ узнать его мнѣніе о Гейвардѣ, причемъ я ему сказалъ всю правду, чего я еще не успѣлъ до сихъ поръ сдѣлать. Онъ выразилъ мнѣ надежду, что я не взыщу съ него, если онъ помѣститъ другаго англичанина отдѣльно отъ меня, что онъ готовитъ ему комнату въ старой крѣпости (въ 400-хъ саженяхъ отъ меня), и что такое распоряженіе будетъ безопаснѣе какъ для меня, такъ и для михмандара. Я согласился на его предложеніе, не имѣя впрочемъ возможности возражать. Абдуръ-Рахмана послали подвергнуть вторичному допросу прислугу Гейварда; если они будутъ говорить правду, то все обойдется благополучно, но на это нельзя положиться въ странѣ, гдѣ процвѣтаетъ ложь.

По поводу лжи я слыхалъ, что хаджи, объявившій о приближеніи 50-ти англичанъ, подвергнутъ заключенію, а купца, сказавшаго вчера, что Гейвардъ отправился назадъ, готовятся схватить, какъ только онъ прибудетъ въ Яркандъ. Тяжело имъ придется. Сипаи, встрѣтившіе Гейварда, говорили, что мой караванъ и прислуга опередили послѣдняго девятью днями. Изъ этого можно вывести одно заключеніе по поводу ихъ долгаго отсутствія, что они сбились съ пути и отправились въ Хотенъ, по дорогѣ Джонсона. Мы послали

одного изъ ботовъ, сопровождавшихъ меня, и киргиза на поиски. Имъ данъ былъ весь остатокъ нашей муки и обѣщана была награда, если они привезутъ благопріятныя извѣстія о караванѣ. Джума считаетъ болѣе осторожнымъ держаться поодаль отъ меня, чтобы не возбудить подозрѣній со стороны тюрковъ. Я съ нимъ согласенъ и надѣюсь, что онъ останется мнѣ вѣренъ. Впрочемъ, его собственная безопасность связана съ моими интересами. Согласно съ политикой уединенія, я отказалъ въ свиданіи одному купцу, пріѣхавшему съ караваномъ изъ долины Кангра и желавшему видѣть меня. Я очень радъ былъ, что онъ не ѣхалъ обратно въ Индію, а то онъ непремѣнно распустилъ бы слухъ о томъ, что меня заперли въ уединенный замокъ, среди горъ, и содержатъ подъ такимъ строгимъ присмотромъ, что онъ не могъ до меня дойти. Я видѣлъ его съ крыши, но онъ не узналъ меня въ моемъ тюркскомъ костюмѣ.

Немного позднѣе пріѣхали 8 вьюковъ съ провизіей изъ Ярканда и 15 барановъ; въ то же время возвратились изъ Ладака оба сына старика изъ Санджу, но они не рѣшились меня видѣть, хотя и успѣли тайно вручить Джумѣ пакетъ для меня; въ немъ были 2 старыя газеты «Mail» (половины августа) и любезная записка отъ Кэлэ, написанная 2-го ноября. Это письмо доставило мнѣ муки Тантала: Кэлэ пишетъ, что онъ послалъ мнѣ съ моимъ караваномъ цѣлый пакетъ писемъ.

Михмандаръ становится съ каждымъ днемъ болѣе дружелюбнымъ; онъ часто приходитъ ко мнѣ, садится и разговариваетъ, или, вѣрнѣе, слушаетъ разговоръ. Онъ увѣряетъ меня въ своей готовности исполнить всѣ мои желанья. Мнѣ

кажется, имъ просто овладѣлъ страхъ, поглотившій его высокомѣріе.

Пятница, 20-го. Михмандаръ выдалъ моей прислугѣ муку, барановъ и другую провизію. Я осторожно оставался въ своей палаткѣ, пока онъ надѣвалъ свой шелковый халатъ, саблю съ серебрянною рукояткою и ружье, собираясь посѣтить Гейварда, только что прибывшаго въ старую крѣпость. Онъ выпросилъ у меня предварительно Джума въ качествѣ переводчика, такъ какъ аргуникъ Гайварда исчезъ. Передъ самымъ уходомъ своимъ онъ пришелъ ко мнѣ, видимо встревоженный, съ извѣстіемъ, что сахибъ настаиваетъ на свиданіи со мной.

— Возьмите Джуму, идите скорѣе и объясните ему дѣло, сказалъ я; онъ согласился со мною, принимая мой совѣтъ за приказаніе. По возвращеніи отъ Гейварда, онъ сообщилъ мнѣ, что насилу уговорилъ сахиба не имѣть со мной свиданій, пригрозивъ послѣднему немедленнымъ выступленіемъ изъ крѣпости, если онъ вздумаетъ посѣтить меня. Нѣсколько разъ михмандаръ повторялъ мнѣ, что мнѣ нечего болѣе опасаться, и что все будетъ улажено. Джума мнѣ передалъ подробно весь разговоръ съ Гейвардомъ; послѣдній началъ съ того, что объявилъ себя моимъ товарищемъ, а на вопросъ о родѣ его занятій, отвѣчалъ, что онъ купецъ, и что часть нашихъ товаровъ была послана впередъ, между тѣмъ какъ остальная еще осталась позади. Но такъ какъ Джума былъ переводчикомъ, то онъ скрылъ все это отъ михмандара и совѣтовалъ Гейварду бросить систему лжи на переговорахъ, съ чѣмъ тотъ и согласился.

Послѣ этого свиданія, неизбѣжный Абдуръ-Рахманъ былъ посланъ въ Яркандъ съ новѣйшимъ донесеніемъ. Джума,

присутствовавшій при томъ какъ михмандаръ писалъ, говорилъ мнѣ, что онъ далъ всему дѣлу самое выгодное для меня объясненіе, но я надѣюсь, что мы получимъ приказаніе о выступленіи прежде, нежели это письмо дойдетъ до рукъ Аталыка. Во всякомъ случаѣ опасность мнѣ грозитъ не малая, такъ какъ я буду совершенно въ ихъ власти. Вечеромъ я написалъ къ Гейварду, объяснивъ ему всѣ обстоятельства и упрашивая его отказаться отъ своего намѣренія. Я не думаю, впрочемъ, чтобы его пропустили дальше, потому что онъ пріѣхалъ безъ всякаго опредѣленнаго характера. Джума передастъ ему тайно мое письмо.

Суббота. Ноября 21-го. Сегодня пришли хорошія вѣсти: офицеръ, посланный въ четвергъ, вернулся съ письмомъ отъ Аталыка, который встрѣтился съ нимъ у прохода Санджу.

Въ письмѣ Аталыкъ поручаетъ михмандару, подъ страхомъ смерти, оказывать мнѣ всевозможное вниманіе до пріѣзда брата яркандскаго губернатора, который посланъ для того, чтобы сопровождать меня на пути въ Туркестанъ.

Трудно описать нашу радость при близкой перспективѣ вырваться отсюда. Всѣхъ лошадей подковали, а четырехъ отправили въ киргизскій лагерь за провизіею для важнаго сановника и его свиты. Вечеромъ михмандаръ съ Джумою навѣстили Гейварда. Когда они возвратились, большая часть моей стражи вышла изъ крѣпости и расположилась около палатки Гейварда. Я не могу понять что это значитъ, такъ какъ и Джума находится между ними.

Я получилъ отвѣтъ отъ Гейварда, который объясняетъ мнѣ свое намѣреніе во всякомъ случаѣ попытаться проникнуть вслѣдъ за мной. Ему очень хочется меня видѣть. Я отвѣ-

чалъ ему, еще разъ совѣтуя лучше не видаться со мною, но если ужъ этого нельзя, то чтобъ онъ сказалъ михмандару, что ему нужно передать мнѣ письмо къ Аталыку.

Воскресенье. Ноября 22-го. Прежде чѣмъ мое письмо достигло Гейварда, онъ обратился къ михмандару съ просьбой меня видѣть. Михмандаръ пришелъ ко мнѣ поутру и говоритъ:

— Другой сахибъ хочетъ съ вами говорить; что вы прикажете ему отвѣчать?

Я отвѣчалъ, что не вижу необходимости намъ видѣться; но спросилъ его совѣта.

— Я здѣсь нахожусь для того, чтобы исполнять ваши приказанія, а не для того, чтобы учить васъ, возразилъ онъ.

— Но я прошу у васъ дружескаго совѣта, продолжалъ я. Тогда онъ сказалъ:—«Я думаю, что вы совершенно правы».

Наконецъ я просилъ его узнать у другаго сахиба, какое у него до меня дѣло, и если оно въ самомъ дѣлѣ важное, то я прошу его на пять минутъ, въ присутствіи михмандара. Я нарочно такъ дѣйствовалъ, чтобы дать Гейварду возможность послушаться моего совѣта, не просить свиданія со мной или въ крайнемъ случаѣ употребить предлогъ, мною упомянутый. Я надѣялся, что такимъ образомъ огорожу себя отъ подозрѣній въ сношеніяхъ съ нимъ, и ему не принесу никакого вреда, потому что съ его стороны можетъ быть совершенно естественно желаніе передать черезъ меня письмо Аталыку. Вообще, я отношусь недовѣрчиво къ готовности, съ которой тюрки хотятъ насъ свести; тутъ должна быть какая нибудь ловушка,—желаніе уличить насъ въ неправдѣ.

Понедѣльникъ. Ноября 23-го. Сегодня я ходилъ съ михмандаромъ на охоту. Стая рябчиковъ выпорхнула прямо

изъ подъ нашихъ ногъ, причемъ я трехъ убилъ съ одного выстрѣла, къ величайшему удивленію и удовольствію михмандара.

Вторникъ. Ноября 24-го. Ужасно мнѣ надоѣла наша теперешняя жизнь. Я призвалъ михмандара и объявилъ ему, что у меня нѣтъ больше терпѣнія выжидать, а что я отправлюсь на охоту или уйду въ ближайшую киргизскую стоянку. Онъ старался успокоить меня и согласился, наконецъ, выступить въ дальнѣйшій путь, если въ теченіе двухъ дней не будетъ никакихъ извѣстій о братѣ яркандскаго губернатора. Вскорѣ послѣ этого онъ снова явился, неся разные фрукты для моего умиротворенія. Въ эту минуту кто-то пріѣхалъ. Михмандаръ выбѣжалъ и тотчасъ вернулся съ радостными криками:—«Мубаракъ, Мубаракъ! Хорошія извѣстія. Завтра мы выѣзжаемъ на встрѣчу великому михмандару, который дожидается со своей свитой у прохода Санджу» [1])! Немедленно поднялась всеобщая тревога пригото-

---

[1]) Впослѣдствіи я узналъ слѣдующій фактъ: Когда въ Яркандѣ были получены первыя извѣстія о моемъ приближеніи, отрядъ солдатъ былъ посланъ въ Шахидуллу, чтобъ остановить меня. Когда я подошелъ ближе, Рози-Ходжа, мой первый михмандаръ, былъ посланъ съ той же цѣлью, хотя онъ утѣшалъ меня обѣщаньями скораго позволенья продолжать мое путешествіе. Въ третьихъ, наконецъ, на встрѣчу мнѣ высланъ былъ Джума, съ большимъ количествомъ провизіи и съ письмомъ отъ мунши (въ которомъ, какъ потомъ оказалось, было извѣщенье мнѣ о томъ, что я долженъ возвратиться въ Ладакъ). Джума долженъ былъ проводить меня назадъ, а провизія была послана для того, чтобъ у меня не было предлога ѣхать дальше. Въ Яркандѣ надѣялись, что проволочки выведутъ меня наконецъ изъ терпѣнья и что я самъ поѣду назадъ. Вотъ къ чему клонились намеки Джумы о томъ, что меня можетъ быть продержутъ два или три мѣсяца въ Шахидуллѣ.

вленій. Вся прислуга моя была не менѣе моего довольна отъѣзду изъ этого скучнаго мѣста.

Изъ этого я заключаю, что: пріѣзжай англичанинъ на границу Туркестана безъ предварительныхъ переговоровъ, его просто не пустили бы, что̀ въ началѣ и случилось со мной

ГЛАВА VII.

Отъ Шахидуллы до Ярканда.

Шествіе внизъ по рѣкѣ Каракаша и поворотъ къ проходу Санджу.—Удобства киргизской юрты.—Лошадиное мясо.—Видъ издали туркестанскихъ равнинъ.—Встрѣча съ юзбаши. — Тюркскій образъ сидѣнія.—Дастаръ-Ханъ (скатерть или приношеніе пищи).—Посѣщеніе юзбаши.—Остатки скиѳской одежды. — Охота на куропатокъ и другія тюркскія удовольствія.— Туркестанскій домъ.— Письменный этикетъ.—Санджускій бегъ.—Тюркскія сѣдла.—Гудскіе купцы.

Ярканд̀ъ. Декабря 9-го. Порадуйтесь тому, что я пишу вамъ письмо изъ Ярканда, куда мы прибыли вчера безъ всякихъ дальнѣйшихъ приключеній. Зная какъ я мечталъ объ этомъ мгновеніи, вы можете себѣ представить мою радость при входѣ въ городскія ворота, чрезъ которыя не проходилъ еще ни одинъ англичанинъ. Пріемъ, встрѣтившій меня, еще болѣе увеличилъ мою радость. Я не входилъ въ городъ переодѣтымъ или по милости, но по приглашенію правителя, въ сопровожденіи двухъ высокихъ сановниковъ и свиты изъ пятидесяти всадниковъ. Однако я долженъ возвратиться къ моему отъѣзду изъ Шахидуллы и разсказать всѣ подробности этого интереснаго моего путешествія.

Въ среду 25-го ноября мы сдѣлали длинный переходъ внизъ по берегамъ Каракаша, представляющимъ пустынную долину, наподобіе той, которая тянется выше Шахидуллы, но уже и съ большими утесами. Мы увидали начало двухъ долинъ, которыя ведутъ къ проходамъ въ Туркестанъ; второй изъ этихъ проходовъ называется Киліанъ, лѣтняя дорога купцовъ.

У входа въ эту долину стоитъ разрушенная крѣпость на уединенной скалѣ, выростающей изъ долины. Кругомъ нея почва носитъ слѣды обработки. Я узналъ, что лѣтъ сорокъ тому назадъ здѣсь поселился начальникъ разбойничьей шайки—по имени Али-Назаръ. Онъ содержалъ здѣсь жену и нѣсколько человѣкъ прислуги въ избушкѣ, прилѣпленной къ скалѣ, и оберегаемой злой собакой татарской породы. Китайскимъ лазутчикамъ изъ Ярканда удалось отравить эту собаку и затѣмъ схватитъ Али-Назара, оставшагося безъ защиты съ своей женою. Такимъ образомъ избавились отъ него послѣ неудачныхъ попытокъ овладѣть крѣпостью. Развалины крѣпости и до сихъ поръ называются «Курганъ—Али-Назаръ», т. е. «Крѣпость Али-Назара». Къ вечеру мнѣ показали еще долину или скорѣе ущеліе, ведущее къ проходу Санджу. Дойдя до него мы увидѣли цѣлую группу киргизскихъ войлочныхъ палатокъ («акуи»), пріютившихся въ защищенномъ мѣстѣ долины.

Дальше тянулись засѣянныя поля. Такое зрѣлище было по истинѣ пріятно для глазъ, видѣвшихъ такъ долго одну пустыню. Меня ввели въ одну изъ палатокъ и усадили передъ огнемъ, разведеннымъ посреди ея. Двѣ киргизскія женщины вошли и заварили намъ чаю, который мы съ михмандаромъ пили изъ деревянныхъ чашекъ, закусывая яркандскими сухарями.

Въ это время мнѣ готовили большую палатку для ночлега. Когда я остался въ ней, мнѣ удалось на свободѣ и въ подробности разглядѣть эту странную постройку. Есть игрушки, въ видѣ складныхъ рѣшетокъ, которыя удлиняются когда ихъ развертываютъ и сокращаются когда сдвигаютъ. Рядъ такихъ рѣшетокъ, на половину раздвинутыхъ и поставленныхъ на ребро въ кружокъ, составляютъ боковыя стѣны палатки, возвышаясь на четыре фута. Къ верхнему краю этихъ рѣшетокъ прикрѣплены, на разстояніи полуаршина другъ отъ друга, согнутыя жерди. Послѣднія загибаются отступя на два фута отъ основанія, и такимъ образомъ всѣ направляются внутрь, къ центру палатки, образуя нѣчто въ родѣ скелета низкаго купола. Но они не сходятся, а внутренніе концы ихъ прикрѣпляются къ большому обручу, имѣющему около трехъ футовъ въ поперечникѣ, вслѣдствіе чего остается большое отверстіе среди крыши палатки. Обручь поддерживается жердями на разстояніи 10 или 12 футовъ отъ земли. Вся рѣшетчатая постройка обтянута прикроенными кусками войлока, привязанными веревками къ краямъ рѣшетокъ, причемъ открытымъ остается только среднее отверстіе для прохода дыма. Въ отверстіе боковой стѣны вставленъ оставъ двери, завѣшанный войлоковой занавѣской. Трудно себѣ представить болѣе удобное помѣщеніе. Съ радостію видишь свободно вылетающій дымъ, послѣ испытанной непріятности костра, разведеннаго передъ палаткой, въ которую непремѣнно врывается дымъ и наполняетъ ее. Киргизы приспособили всѣ удобства настоящаго дома къ этому подвижному жилищу. Мебель палатки составляетъ вьюкъ на одного яка, между тѣмъ какъ вся палатка поднимается двумя яками. На землю разстилается войлоковый коверъ, а вокругъ стѣнъ устроены

лежанки для обитателей палатки и собраны въ кучи вся деревянная и мѣдная посуда, кули съ мукой, сѣдла и попоны. Съ рѣшетчатыхъ стѣнъ висятъ ружья, сабли и большіе мѣшки изъ вышитой кожи, въ которые кладутся мелкія принадлежности хозяйства.

Ночью, когда огонь потухаетъ, отверстіе въ крышѣ затягивается войлочнымъ клапаномъ, и въ палаткѣ становится очень уютно; кромѣ того ничего нельзя сравнить съ опрятностью такой палатки.

Таково было жилище, въ которомъ я теперь поселился. Подъ войлокомъ я отыскалъ нѣсколько кусковъ мяса страннаго вида. Оказалось, что это была конина; это открытіе познакомило меня съ самаго начала съ обращикомъ мѣстныхъ обычаевъ. Я удобно пообѣдалъ, сидя на войлочномъ коврѣ, и въ первый разъ въ жизни легъ спать въ киргизской «акуи».

На слѣдующее утро мы снова пустились въ путь; предстоявшая намъ дорога вела черезъ узкое, извилистое ущелье по направленію къ сѣверу; съ обѣихъ сторонъ поднимались страшные вертикальные утесы. Лошадиные трупы часто попадались намъ, свидѣтельствуя о трудностяхъ перехода по этой мѣстности. Во избѣжаніе замедленія, сопряженнаго съ раскидкой палатокъ, мы выбрали для ночлега нѣчто въ родѣ пещеры. На другой день мы направились къ проходу, ведущему въ Туркестанъ. Ущелье становилось все круче и круче, мертвые люди все чаще намъ попадались. Рѣка была покрыта крѣпкимъ слоемъ льда. Мы вскорѣ увидѣли дальнія горы, выглядывавшія изъ-за ближайшихъ вершинъ. Наконецъ ущелье кончилось, и мы очутились на открытомъ горномъ склонѣ, ведущемъ къ горнымъ кряжамъ. До сихъ поръ,

изъ снисхожденія къ михмандару, ѣхавшему на якѣ, я тоже ѣхалъ верхомъ. Но я не могъ больше выносить этой ѣзды и пошелъ пѣшкомъ. Какъ я и опасался, мой михмандаръ, послѣ неудачной попытки уговорить меня ѣхать на его собственномъ якѣ, слѣзъ и попробовалъ идти пѣшкомъ. Пятидесяти саженъ было достаточно для того, чтобы его совершенно утомить; я сталъ его уговаривать снова ѣхать, и онъ съ радостью согласился. Вѣжливость уступила мѣсто усталости. Я скоро обогналъ съ двумя человѣками своей прислуги всю остальную часть каравана, хотя я шелъ довольно медленно. По утру мой ладакскій переводчикъ Таши предупреждалъ другую прислугу, что они никогда не дойдутъ до конца горнаго прохода, и что тутъ-то они только извѣдаютъ что такое настоящія горы. Какъ всѣ невѣжественные народы, тибетцы воображаютъ, что нѣтъ страны, которую бы можно было сравнить съ ихъ родиной. Смѣшно было видѣть, какъ они старались просвѣтить природныхъ горцевъ насчетъ горныхъ проходовъ!

Кончилось тѣмъ, что Таши остался позади, между тѣмъ какъ я и мои спутники (гуди) достигли вершины прохода (это былъ уже одиннадцатый проходъ, съ тѣхъ поръ какъ я выѣхалъ изъ Индіи). Первое, что открылось нашимъ глазамъ, былъ цѣлый хаосъ меньшихъ горъ, между тѣмъ какъ на сѣверъ простирался горизонтъ, который, казалось, сливался съ чѣмъ-то похожимъ на далекое море. Это была равнина восточнаго Туркестана; въ голубой ея мглѣ скрывались города и провинціи, которые я—первый изъ своихъ соотечественниковъ—собирался посѣтить. Немного дальше отъ того мѣста, гдѣ мы остановились, начинался спускъ по снѣжному склону къ большой котловинѣ, окруженной съ трехъ сто-

ронъ глетчерами. Котловина эта представляетъ намъ волнистую низменность, покрытую травою (весьма пріятное зрѣлище), гдѣ паслись стада яковъ.

Мы отдохнули здѣсь, разведя огонь и вскипятивъ воды для опредѣленія высоты прохода. Стадо яковъ, подъ управленіемъ киргизовъ, шло къ намъ на помощь для перевозки нашихъ вещей. Мы ждали три четверти часа, но не видя михмандара начали спускаться. Дорога вилась по стоптанному, обледенѣвшему снѣгу. Мою лошадь вели два человѣка: одинъ за уздцы, а другой за хвостъ. Не мало лошадей въ послѣднее время скользили здѣсь и падали внизъ, гдѣ стая воронов̀ъ на нашихъ глазахъ пировала среди падали. Нѣсколько сотъ футовъ ниже—снѣгу больше не было, но крутизна была также велика еще на нѣсколько милей извилистой дороги. Пройдя ихъ, мы остановились на верхнемъ уступѣ зеленой низменности, гдѣ партія тюрковъ ждала нашего прибытія. Каждый изъ нихъ подошелъ ко мнѣ и, взявъ мою руку въ обѣ свои руки, погладилъ себѣ затѣмъ свою бороду. Они помогли мнѣ слѣзть съ лошади и провели къ мѣсту, гдѣ былъ разостланъ коверъ изъ войлока. Покуда дѣлали чай, они приблизились ко мнѣ цѣлой процессіей; первый положилъ передъ мною кусокъ сукна, на которое потомъ всѣ поставили свои приношенія, состоявшія изъ фруктовъ. У насъ глаза съ удовольствіемъ разбѣжались при видѣ розовыхъ яблоковъ, грушъ и проч., кромѣ другихъ, видѣнныхъ уже нами плодовъ. Послѣ этого хозяева наши объявили намъ, что они слуги юзбаши [1]), брата визиря,

---

[1]) Слово это происходитъ отъ „юзъ“—сто и „баши“—офицеръ, что̀ означаетъ сотникъ.

посланные встрѣтить меня у подошвы горнаго прохода, и что господинъ ихъ остановился недалеко отсюда въ долинѣ, куда имъ и велѣно тотчасъ меня провести. Въ это время появился и михмандаръ, нѣсколько отставшій по дорогѣ; двухъ сипаевъ отправили въ лагерь юзбаши объявить о нашемъ пріѣздѣ, а я между тѣмъ позавтракалъ. Вскорѣ послѣ этого мы выѣхали въ сопровожденіи акскала [1]) или старшаго киргиза. Быстро опускаясь по зеленымъ склонамъ, мы достигли до ущелья, по которому и продолжали свое путешествіе. Становилось поздно, а еще не видно было признаковъ стоянки юзбаши; такъ какъ вещи наши отстали, то было рѣшено остановиться. Развели огонь, и послѣ двухъ-трехъ часовъ ожиданія прибыли наши палатки. Ущелье представляло голую, песчаную мѣстность, съ маленькой рѣчкой, окаймленной у береговъ льдомъ и кустарникомъ.

Въ суботу 28-го, послѣ завтрака, мы продолжали свое путешествіе; намъ пришлось нѣсколько разъ переходить рѣку въ бродъ. Вся прислуга была снабжена для ѣзды лошадьми или яками, а когда михмандаръ увидалъ нѣсколькихъ изъ моихъ ладакцевъ идущими пѣшкомъ, то онъ велѣлъ нѣкоторымъ киргизамъ спѣшиться и уступить своихъ яковъ моимъ людямъ. Прошедши около пяти миль, мы встрѣтили, взойдя на крутой берегъ рѣки, кучку всадниковъ. Передній изъ нихъ приблизился ко мнѣ и взялъ мою руку въ обѣ свои, и не выпуская моей руки, онъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ самымъ добродушнымъ голосомъ; мнѣ не нужно было переводчика, чтобы понять ихъ смыслъ; ясно было, что

---

[1]) Отъ слова „акъ“ бѣлый и „скалъ“ борода (по тюркски).

они выражали сочувственное ко мнѣ вниманіе. Затѣмъ мой собесѣдникъ повернулъ свою лошадь и вѣжливо просилъ меня слѣдовать за нимъ. Одинъ изъ его спутниковъ пустился впередъ во всю прыть, разрядивъ при этомъ свое ружье, и взмахнувъ имъ нѣсколько разъ кругомъ головы съ громкимъ крикомъ. Это оказалось салютомъ въ мою честь.

Я принялся разглядывать юзбаши; это былъ молодой человѣкъ, не старше тридцати лѣтъ, съ веселымъ, умнымъ лицомъ, съ живостью и энергіей обращенія. На головѣ у него былъ зеленый турбанъ. Темное верхнее платье покрывало богатую одежду и было подпоясано двумя отдѣльными голубыми кушаками, украшенными большими серебряными бляхами и пряжками. На этихъ кушакахъ висѣли—сабля съ серебрянымъ эфесомъ и цѣлая вереница невѣдомыхъ предметовъ, въ числѣ которыхъ находились: кожаные вышитые кисеты, фляжки особаго фасона и пр. Изъ подъ верхняго одѣянія виднѣлись широкія шаровары изъ мягкой желтой кожи съ шитьемъ, а на ногахъ были сапоги изъ такой же кожи, подбитые серебряными гвоздями. Ѣхалъ онъ на небольшой, но красивой сѣрой лошади почти чисто арабской крови, но съ болѣе толстой шеей, и сидѣлъ онъ на сѣдлѣ безукоризненно.

Проѣхавъ около мили мы достигли маленькой площадки, съ небольшими деревьями. Здѣсь расположились лагеремъ киргизы и свита юзбаши съ лошадьми. Меня повели въ палатку, приготовленную для меня и посадили на почетное мѣсто, т. е. на коверъ, разостланный сверхъ войлока противъ двери. Юзбаши помѣстился возлѣ меня, но на отдѣльномъ боковомъ коврѣ, а мой прежній михмандаръ сѣлъ ниже его; двое изъ главныхъ спутниковъ юзбаши остались у две-

ри, между тѣмъ какъ всѣ остальные, вооруженные ружьями, составили почетную стражу. Я долженъ объяснить вамъ какъ тюрки сидятъ при торжественныхъ случаяхъ; это, можно сказать, пытка, неизвѣстная западнымъ народамъ. Туземцы въ Индіи садятся на корточки, упираясь колѣнями въ подборок; другіе садятся скрестивъ ноги передъ собою, какъ портные. Но въ Туркестанѣ, въ торжественныхъ случаяхъ, сначала становятся на колѣни, подобравъ хорошенько платье, и садятся упираясь на пятки. Когда пальцы ногъ совершенно устанутъ, тогда позволяется ихъ загибать во внутрь ноги, вслѣдствіе чего усталость изъ пальцевъ переходитъ въ щиколки и колѣни. При этомъ образѣ сидѣнія сабля представляетъ не малое затрудненіе; если въ началѣ забудешь перевести ее впередъ, такъ чтобы положить ее на колѣни, то потомъ уже не возможно высвободить ее, и она остается позади васъ, неловко упираясь въ лѣвую сторону кушака. Я долженъ прибавить, что сабли носятся здѣсь на короткихъ портупеяхъ, а не висятъ на длинныхъ ремняхъ, какъ у англійскихъ офицеровъ. Разъ какъ вы сѣли, вы должны протянуть обѣ руки и торжественно гладить ими бороду (если у васъ есть таковая), приговаривая: «Аллахо акберъ», что значитъ «Богъ великъ».

Когда мы сѣли такимъ образомъ, между нами, черезъ переводчика Джуму, начался разговоръ. Юзбаши спрашивалъ меня, не подвергся ли я какимъ либо непріятностямъ въ дорогѣ, и извинялся, что меня такъ долго задержали въ Шахидуллѣ, объясняя эту задержку пріѣздомъ другаго англичанина, по поводу котораго они должны были ожидать приказанія отъ Аталыка-Хази. Онъ спрашивалъ что нужно этому англичанину и кто онъ такой. Я разсказалъ ему о Гейвардѣ

все что уже было говорено, послѣ чего юзбаши простился со мною, вручивъ мнѣ небольшую записку отъ Аталыка. Вскорѣ послѣ этого появилась процессія тюрковъ, подъ предводительствомъ моего прежняго михмандара, котораго я теперь выучился называть пенджа-баши (начальникомъ пятидесяти). Процессія разостлала передъ мною сукно, а на него поставили подносы съ фруктами всѣхъ сортовъ, яйцами, сахаромъ, хлѣбомъ и пр. Оказалось, что это приношеніе принадлежитъ къ числу мѣстныхъ обычаевъ и извѣстно подъ названіемъ дастаръ-хана; съ этихъ поръ до окончанія путешествія такая церемонія повторялась со стороны юзбаши ежедневно утромъ и вечеромъ. Обыкновенно я съѣдалъ нѣсколько плодовъ, а остальнымъ угощалъ того, кто мнѣ подносилъ; жертвователи никогда сами не появлялись, но посылали своего старшаго подчиненнаго. Между прочимъ мнѣ поднесли барана и холодное жаркое на блюдѣ. Съ тѣхъ поръ у меня ежедневно появляется новый баранъ, и хотя вся моя прислуга исключительно питается бараниной, стадо мое все увеличивается.

До сихъ поръ мои ладакцы ѣхали съ нами вмѣстѣ, хотя ихъ давно уже можно было бы отослать назадъ; но пенджа-баши утверждалъ, что имъ нужно доѣхать до мѣста назначенія, гдѣ, вѣроятно, наградятъ ихъ подарками наравнѣ съ другими. Въ сущности же онъ просто боялся, чтобы они не отвезли отъ меня въ Ладакъ тайныхъ извѣстій о моемъ путешествіи. Что собственно я могъ написать о пустынной странѣ, которую я до сихъ поръ видѣлъ—я право не знаю! Къ тому же въ Ладакѣ не было какой нибудь экспедиціи, выжидающей отъ меня свѣденій. Но невѣжество этого наро-

да, привыкшаго къ вѣковому уединенію, представляетъ имъ богъ знаетъ какія опасности въ запискѣ ферінги.

Прибывъ въ лагерь юзбаши, чтобы выхлопотать себѣ позволеніе вернуться назадъ, ладакцы употребляли всевозможныя усилія, чтобы достигнуть своей цѣли, и старанія ихъ наконецъ увѣнчались успѣхомъ. Во все это время я тщательно держался въ сторонѣ, боясь возбудить подозрительность моихъ хозяевъ малѣйшимъ видомъ участія. Пенджа-баши пришелъ мнѣ объявить, что ладакцевъ отпускаютъ назадъ, и что кромѣ того ихъ снабжаютъ яками и всякаго рода провизіей на обратный путь до рѣки Каракаша. Послѣдняя любезность относилась собственно ко мнѣ, такъ какъ ладакцы признались мнѣ, что если бы они были одни, то ихъ, въ качествѣ язычниковъ, вмѣсто подарковъ наградили бы побоями.

Въ тотъ же день послѣ обѣда я сдѣлалъ торжественный визитъ юзбаши въ его палаткѣ; меня сопровождали мои спутники, гуди (они были одѣты въ пестрыя бумажныя одежды (халаты) пополамъ съ шелкомъ, присланныя отъ мунши изъ Ярканда), а впереди шелъ пенджа-баши. Когда я вошелъ, юзбаши посадилъ меня на почетный коверъ и велѣлъ подать дастаръ-ханъ и чай. На немъ не было больше верхняго темнаго одѣянія, а просторный шелковый яркандскій халатъ, а подъ нимъ было надѣто нижнее платье изъ англійской кисеи (камзолъ), подпоясанное кушакомъ. На головѣ вмѣсто турбана у него была шапка изъ темнозеленаго бархата съ мѣховымъ околышемъ. Мнѣ все хочется отыскать слѣды скиѳовъ въ Туркестанѣ, такъ какъ существуетъ почти общее мнѣніе о томъ, что азіятскіе скиѳы были предками современныхъ татаръ, куда принадлежатъ и тюрки. Серъ Г.

Раулинсонъ полагаетъ, что древніе саки или скиѳы, упоминаемые Геродотомъ, обитали Яркандъ и Кашгаръ. Отличительные ихъ признаки были: высокая остроконечная шапка и шаровары. И вотъ они передо мною на первомъ сановникѣ тюркѣ, котораго мнѣ пришлось увидать! Противъ юзбаши сидѣлъ его мулла или секретарь, знающій нѣсколько словъ по персидски и заправляющій всею кореспонденціей своего господина. Тутъ же находился и «аламъ» изъ Санджу, главный священнослужитель, носящій, въ этомъ качествѣ, особаго рода круглую шапку съ мѣховымъ околышемъ, сверхъ которой акуратно повязанъ большой бѣлый турбанъ оригинальнаго фасона. Юзбаши сталъ увѣрять меня въ благоволеніи ко мнѣ Аталыка, въ знакъ котораго онъ былъ посланъ ко мнѣ. При прощаніи мнѣ накинули на плечи шелковое одѣяніе, причемъ юзбаши извинялся за бѣдность своего подарка, присовокупивъ, что онъ, если бы не находился въ лѣсу долженъ былъ бы мнѣ поднести лошадь со збруей и пр. Я отвѣчалъ на это, что встрѣча съ нимъ составляетъ сама по себѣ большое удовольствіе, и что мнѣ отъ него не нужно никакихъ подарковъ, послѣ чего пенджа-баши довелъ меня до моей палатки. Вскорѣ послѣ этого юзбаши отдалъ мнѣ визитъ; при этомъ случаѣ я подарилъ ему желтый шелковый кашмирскій турбанъ, который онъ и надѣлъ вмѣсто своей скиѳской шапки. Тогда онъ всталъ и совершилъ обычную церемонію глаженья бороды съ произнесеніемъ необходимыхъ словъ «Аллахо акберъ». Эта церемонія повторяется вездѣ: при полученіи подарковъ, при входѣ въ домъ, при окончаніи ѣды и пр. Тюрки произносятъ букву *a* очень открыто, какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ словахъ.

Такъ какъ Джума взялся тайно передать ладакцамъ пись-

мо отъ меня, то я просидѣлъ всю ночь за писаніемъ. Одну записку я написалъ по персидски къ ладакскому губернатору, прося его переслать прилагаемыя при этомъ письма къ доктору Кэлэ. Надѣясь, что вы получите съ тою же оказіей письмо, зашитое въ подкладку суконнаго сапога одного изъ ладакцевъ. Поутру я расплатился съ ними въ присутствіи пенджа-баши, тайно обѣщавъ имъ хорошую награду, если моя посылка дойдетъ до своего назначенія.

Послѣ завтрака мы пустились внизъ по горному ущелью. Въ продолженіи двухъ дней намъ приходилось то переходить въ бродъ рѣку, наполненную льдомъ, то поднимать облака пыли на песчаныхъ ея берегахъ. Я былъ обманутъ въ своихъ ожиданіяхъ найти растительности и лѣса по мѣрѣ того какъ мы опускались на болѣе низкій уровень.

Нѣсколько маленькихъ деревьевъ да рѣдкая трава по берегамъ рѣки, вотъ все что нарушало однообразіе песчаной долины. Склоны горъ были покрыты тонкимъ слоемъ земли, сквозь который проглядывали скалы. Еслибъ здѣсь были когда нибудь сильные дожди или даже глубокій снѣгъ, то при крутизнѣ этихъ горъ, непремѣнно бы смыло всю землю.

Услуга моего переводчика была постоянно нужна, такъ какъ юзбаши отличался добродушіемъ и разговорчивостью. Между прочимъ онъ спросилъ: «почему у сахиба Ша не черное лице, такъ какъ онъ живетъ въ Индіи?» Я объяснилъ ему, что родина англичанъ находится въ холодномъ климатѣ, и выразилъ ему удовольствіе, съ которымъ я достигнулъ страны, гдѣ народъ по цвѣту своей кожи подходитъ къ моимъ соотечественникамъ; дѣйствительно, какъ у него, такъ и у спутниковъ его, цвѣтъ лица былъ не темнѣе кожи загорѣвшаго англичанина, какъ я напримѣръ. Онъ показалъ мнѣ

пистолетъ, висѣвшій у него за поясомъ, по видимому англійской работы и дорого имъ цѣнимый. Когда онъ увидѣлъ мой револьверъ, восхищенію его не было предѣловъ, онъ захотѣлъ разрядить всѣ шесть зарядовъ на воздухъ.

На ночлегѣ я показалъ ему мой штуцеръ фабрики Дугала, заряжающійся съ казенной части. Ему тоже хотѣлось изъ него выстрѣлить, и онъ прицѣлился въ большой камень, находившійся за оврагомъ. Онъ промахнулся изъ обоихъ стволовъ. Тогда выстрѣлилъ я. Первый выстрѣлъ хотя и не попалъ, но далъ мнѣ узнать разстояніе, а изъ втораго я имѣлъ счастье попасть. Онъ спросилъ: «Сколько саженъ до цѣли?» Я отвѣчалъ, что должно быть около 150: но онъ воскликнулъ: нѣтъ, это не ближе 500 саженъ. Онъ былъ очень пораженъ силою моего ружья и отошелъ молча. По утру, прежде чѣмъ я одѣлся, онъ стрѣлялъ въ тотъ же камень изъ своей собственной винтовки, но по словамъ моихъ слугъ не попалъ ни разу.

Къ полудню другаго дня долина стала расширяться, и горы по обѣимъ сторонамъ становились ниже. Со всѣхъ сторонъ раздавались крики безчисленныхъ красноногихъ куропатокъ. Меня просили зарядить ружье, но не слѣзать съ лошади. Вмѣсто того, чтобы дать мнѣ осторожнѣе подойти къ птицамъ, какъ только гдѣ нибудь поднималась стая, вся наша кавалькада пускалась за ними во всю прыть. Нѣкоторые переплывали даже за ними рѣку, крича отъ сильнаго волненія. Я помиралъ со смѣху съ своими слугами, при видѣ этихъ людей скачущими за куропатками, какъ будто цѣль ихъ была—посыпать имъ соли на хвостъ, а не убивать ихъ, или дать мнѣ ихъ убить. Воспользовавшись случаемъ, когда никого изъ нихъ не было вблизи, я слѣзъ съ лошади и по-

шелъ по другому направленію, откуда мнѣ слышались крики новой стап. Возвращаясь съ убитою птицею я встрѣтилъ юзбаши, который несъ пять живыхъ птицъ и звалъ меня поглядѣть на нихъ. Я былъ до крайности удивленъ, но оказалось, что это по видимому дѣтское развлеченіе, преслѣдованіе куропатокъ на лошадяхъ, было на самомъ дѣлѣ весьма дѣйствительное средство къ ихъ поимкѣ. Еще нѣсколькихъ поймали у меня на глазахъ. Онѣ скоро устаютъ, и послѣ двухъ, трехъ перелетовъ, онѣ просто начинаютъ бѣжать по землѣ; тогда всадники бьютъ ихъ кнутами. Это удовольствіе представляетъ особенный интересъ на неровной мѣстности. Я слыхалъ, что перепелокъ ловятъ во время ихъ ежегодныхъ пролетовъ, но не воображалъ, что можно было бы такимъ образомъ охотиться на куропатокъ.

Когда куропатокъ больше не стало, мои спутники начали джигитовать, выказывая при этомъ большое наѣздническое искуство. Духовныя лица, т. е. мулла шерифъ и аламъ изъ Санджу, превзошли всѣхъ прочихъ; они для большаго удобства сняли верхнее платье. Игра состояла въ томъ, что одинъ другаго ловилъ за поясъ, пытаясь стащить своего противника съ лошади; вообще всѣ боролись между собою, сидя на лошадяхъ, которыя въ это время скакали во весь опоръ черезъ рытвины и кочки. Въ заключеніе каждый завладѣвалъ турбаномъ своего противника. Юзбаши подстрекалъ борющихся тѣмъ, что пускалъ внезапно своего коня во весь махъ съ криками и смѣхомъ, къ смущенію моихъ гудскихъ слугъ, которые плохо сидѣли на сѣдлѣ, и къ моему собственному неудовольствію (я еще не выучился крѣпко завязывать свой турбанъ).

Забавляясь такимъ образомъ мы достигли первыхъ обра-

ботанныхъ полей. Общій видъ долины былъ тотъ же, что и прежде, но земля была мѣстами приготовлена къ посѣву, а по другую сторону рѣки виднѣлась группа обнаженныхъ деревьевъ и двѣ-три мазанки съ плоскими крышами. Въ это время появилось стадо барановъ и нѣсколько пасущихся ословъ. Я привѣтствовалъ всѣ эти признаки присутствія человѣка съ несравненнымъ удовольствіемъ, что̀ очень забавляло юзбаши, который, впрочемъ, по видимому, вполнѣ понималъ радость, ощущаемую мною послѣ долгаго путешествія по безлюдной мѣстности. Онъ обращалъ мое вниманіе на каждый новый предметъ, и говорилъ съ улыбкой: «Смотрите, Ша сахибъ, вотъ дерево, а тамъ лежитъ куча соломы, приготовленная для корма скота; поглядите еще вотъ пѣтухи, куры и домъ поселянина!»

Въ этомъ мѣстѣ нашего путешествія горы представляли длинную низкую цѣпь, не выше нѣсколькихъ сотъ футовъ и состоящую преимущественно изъ песчаныхъ склоновъ, сквозь которые кое-гдѣ пробиваются скалы. Первое обработанное мѣстечко называлось Кевазъ, но домовъ въ немъ было мало, да и тѣ были разбросаны. Вообще я не могъ отличать одну деревню отъ другой, хотя мнѣ говорили много разныхъ именъ. Послѣ перваго жилища потянулась вереница хижинъ; сначала они попадались на довольно большомъ разстояніи другъ отъ друга, но чѣмъ дальше мы подвигались, тѣмъ они становились многочисленнѣе. Наконецъ мы остановились у маленькой фермы. Юзбаши слѣзъ съ лошади и ввелъ меня во дворъ, обнесенный земляною стѣной, а оттуда мы вошли въ комнату. Въ ней не было никого и мы расположились въ ней съ нашими вещами. Посидѣвъ со мною и проговоривъ Аллахо акберъ, юзбаши простился со мною, затѣмъ улыбнувшись и мах-

нувъ рукою, отправился искать себѣ помѣщенія. Онъ занялъ другую наибольшую комнату по ту сторону дома, а спутники наши разбили палатки на дворѣ, гдѣ вскорѣ развели огонь для моей кухни. Мнѣ было очень любопытно осмотрѣть первый туркестанскій домъ. Всѣ стѣны состоятъ изъ глины въ нѣсколько футовъ толщиною. Потолокъ комнаты поддерживается толстой балкой изъ тополеваго дерева, проходящей изъ одной стѣны въ другую и маленькими поперечными перекладинами, прикрѣпленными въ срединѣ балки. Весь этотъ переплетъ покрытъ толстымъ слоемъ сухой глины, что и составляетъ потолокъ; въ немъ оставлено маленькое отверстіе для свѣта. При входѣ нужно подняться на одну ступеньку; полъ весь покрытъ войлокомъ. Кругомъ комнаты устроены полки для посуды, а въ одномъ углу стояла деревянная кровать съ отличною постелью. Очагъ выдается изъ стѣны, образуя сводъ въ четыре фута вышиною, позади котораго сквозь стѣну проходитъ дымовая труба. Приблизительно на вышинѣ одного фута надъ очагомъ находятся съ обѣихъ сторонъ углубленія для поддерживанія горшковъ надъ огнемъ. Сосуды для воды поставлены въ одномъ углу; они состоятъ изъ двухъ: нижняго—большаго, и верхняго—меньшаго отдѣленій, соединенныхъ горлышкомъ, кругомъ котораго завязана веревка. Въ домѣ есть еще такая же комната и нѣсколько кладовыхъ, кромѣ того есть большой хлѣвъ для скота. За дворомъ находится маленькій навѣсъ для домашней птицы. Въ мою комнату вошла кошка и тотчасъ завела со мною дружбу, взявъ меня подъ свое покровительство; она мурлыкая сѣла около меня противъ огня. Я принялъ это за хорошее предзнаменованіе при вступленіи въ чужую страну. Общество этой дружелюбной кошки мнѣ было въ самомъ дѣлѣ пріятно; чувство-

валась какая-то особая уютность отъ ея сосѣдства. Потомъ я открылъ, что въ Туркестанѣ смотрятъ на кошекъ съ особымъ благоволеніемъ; здѣсь не встрѣтишь тѣхъ полузаморенныхъ, запуганныхъ кошекъ, которыя въ Индіи на каждомъ шагу прячутся за углы домовъ; напротивъ, онѣ всѣ хорошо накормлены, съ гладкою шерстью, умѣютъ мурлыкать и презираютъ воровство. Въ эту минуту, пока я пишу, четыре изъ нихъ лежатъ въ разныхъ позахъ передъ огнемъ!

Я забылъ сказать, что не задолго до нашей остановки намъ встрѣтился всадникъ въ прекрасномъ, новомъ платьѣ, который передалъ письмо юзбаши. Письмо это, по обычаю страны, представляло тоненькій свертокъ, заклеенный съ концовъ, съ печатью написавшаго письмо (печать была сдѣлана чернилами) [1]. Открывъ письмо, юзбаши приложилъ его ко лбу, и потомъ, слѣзши съ лошади, отвѣсилъ низкій поклонъ по направленію къ Ярканду. Это было выраженіе почтенія къ написавшему «шахавалу» (государственному визирю), который доводился ему шуриномъ. Сѣвъ на лошадь, онъ велѣлъ своему муллѣ прочесть ему письмо, а потомъ черезъ переводчика сказалъ мнѣ, что шахавалъ спрашивалъ въ письмѣ, въ добромъ ли мы здоровьѣ и михманъ, или гость (я), снабженъ ли всѣмъ, что ему нужно? Я далъ приличествующій отвѣтъ, и пока юзбаши выслушивалъ разныя новости отъ новоприбывшаго, я узналъ отъ Джумы, что это былъ одинъ изъ посланныхъ съ письмами въ Яркандъ изъ Шахи-

---

[1]) Форматъ письма измѣнялся сообразно отношенію между чинами пишущаго и получающаго. Высшій для письма къ низшему употребляетъ бумагу меньшаго формата, и наоборотъ. Мѣсто и объемъ печати (тамъ не употребляется подпись) обусловливаются тѣми же обстоятельствами.

дуллы (дѣйствительно, я узналъ его лицо), и что онъ присланъ былъ назадъ въ мой караванъ. Такимъ образомъ гонцы уходили и возвращались ежедневно, въ продолженіе всего остальнаго путешествія,—возвращались они всегда одѣтыми въ прекрасные новые халаты. Эти халаты были имъ даваемы въ честь того порученія, съ которымъ они отъ насъ отсылались, т. е. извѣстія о приближеніи царева гостя; и этотъ способъ выражать свое благоволеніе ко мнѣ показался мнѣ очень лестнымъ. Аталыкъ хочетъ этимъ показать, что онъ такъ радъ приближенію гостя, что награждаетъ приносящихъ ему это хорошее извѣстіе. Въ тотъ день, когда мы достигли Ярканда, не менѣе четырехъ изъ этихъ обратныхъ гонцовъ встрѣтили насъ одинъ за другимъ, всѣ они были одѣты въ яркія одежды (по которымъ ихъ можно было бы отличить отъ другихъ проѣзжихъ на цѣлую милю), и въѣхали въ городъ въ числѣ нашей свиты. Но возвращаюсь къ описанію нашего ночлега. Хозяинъ дома и его семейство получили отличное угощеніе, такъ какъ я имъ отдалъ большую часть моего дастархана, состоявшаго изъ дюжины или болѣе хлѣбовъ (по моему измѣренію каждый изъ нихъ имѣлъ около двухъ футовъ въ поперечникѣ! Они были превкусные, такъ какъ были испечены изъ яркандской муки; легки, какъ французскія булки, хотя сдѣланы были безъ дрожжей) и изъ разнаго рода плодовъ. На другой день мы проѣхали около трехъ миль по обработанной странѣ; дома попадались все чаще и чаще, а изгороди были обсажены по полямъ яблонями и грушами, въ то время безлистными.

Вскорѣ небольшой отрядъ всадниковъ показался въ сторонѣ отъ дороги; предводитель его былъ одѣтъ въ черное платье и ѣхалъ на великолѣпномъ ворономъ конѣ. Юзбаши

сказалъ мнѣ, что это проѣхалъ ко мнѣ на встрѣчу «бегъ», или губернаторъ Санджу, чтобы ввести меня въ городъ, и спросилъ меня хочу ли я спѣшиться или поклониться ему сидя на лошади? Я сказалъ ему: «Я вполнѣ полагаюсь въ этомъ случаѣ на вашъ совѣтъ, потому что вамъ извѣстны относительные чины различныхъ сановниковъ, съ которыми я буду встрѣчаться, а также и то, какъ кому изъ нихъ отдавать честь». На это онъ отвѣтилъ: «Ну такъ дѣлайте тоже, что и я». Когда, проѣхавъ еще сажень десять, онъ остановился и слѣзъ съ лошади, бегъ выѣхалъ впередъ и сдѣлалъ тоже самое. Тогда они побѣжали другъ другу на встрѣчу и обнялись, причемъ каждый положилъ свой подбородокъ на правое плечо другаго. Потомъ бегъ обратился ко мнѣ, юзбаши назвалъ меня по имени, и мы пожали другъ другу объ руки. Церемонія кончилась тѣмъ, что мы погладили бороды и сказали «Аллахо акберъ».

Когда мы снова сѣли на лошадей, юзбаши сообщилъ мнѣ, что у его пріятеля, бега, только что умерла жена, и что по этому-то онъ и одѣтъ въ черное и ѣдетъ на ворономъ конѣ. Я сказалъ ему, что въ траурѣ мы употребляемъ тотъ же цвѣтъ. Потомъ онъ разсказалъ мнѣ, что бегъ—его братъ; но такъ какъ и прежде онъ столькихъ называлъ своими братьями, и кромѣ того Джума никогда не слыхивалъ о какомъ либо родствѣ между ними, то я убѣдился, что называть чужаго человѣка своимъ братомъ не больше какъ только выраженіе высокой степени благоволенія къ нему. Извѣстно, что восточные народы вообще называютъ всякаго близкаго родственника братомъ, но когда я спросилъ у юзбаши въ какомъ колѣнѣ бегъ ему родственникъ—онъ разсмѣялся, какъ будто вопросъ мой былъ неумѣстенъ, и сказалъ: «Сынъ тѣхъ же самыхъ

отца и матери». Вѣроятно я произвелъ тоже недоразумѣніе. какое бы произошло, если азіатецъ, услыша какъ англичанинъ называетъ себя чьимъ нибудь «покорнѣйшимъ слугою», вздумалъ бы спросить, какую онъ при немъ исполняетъ должность!

Между тѣмъ мы достигли красивой группы высокихъ тополей, посреди которыхъ была небольшая площадка съ зданіемъ вродѣ храма (этотъ храмъ состоялъ изъ одной только комнаты, одна стѣна которой была замѣнена валомъ деревянныхъ колоннъ). На эту площадку выходила улица, съ обѣихъ сторонъ которой шли земляныя стѣны съ дверями на разстояніи каждыхъ двадцати сажень. Вошедши въ одну изъ этихъ дверей на правой сторонѣ, мы проникли черезъ одинъ чистый дворъ въ другой, изъ котораго четыре или пять ступенекъ вели черезъ обширную веранду въ комнату, выстланную коврами, и въ которой горѣлъ большой огонь. Здѣсь бегъ и юзбаши, послѣ обычныхъ учтивостей и привѣтствій, оставили меня.

Другой конецъ веранды былъ отдѣленъ отъ моего повѣшанными циновками и былъ занятъ моими кухонными принадлежностями. Полъ веранды былъ на вышинѣ двухъ или трехъ футовъ надъ землею, но черезъ него велъ проходъ во внутренность дома, гдѣ жили женщины. Мнѣ отдали гостиную. Дверь вела со двора въ садъ, находившійся за домомъ, засаженный яблонями, грушами и грецкими орѣхами, и гдѣ въ прошломъ году было посѣяно немного кукурузы. Рядомъ находились другія поля и сады, раздѣленные земляными стѣнами и изгородями, съ кое-гдѣ стоявшими группами домовъ. Въ дѣйствительности, Санджу можно скорѣе назвать густо населенною областью, чѣмъ городомъ или деревней. Тутъ есть

центральный базаръ, на которомъ торгъ бываетъ каждый понедѣльникъ (мы пріѣхали въ воскресенье), тамъ и сямъ дома многочисленны и какъ будто образуютъ короткія улицы, но все-таки это не настоящій городъ. Все это я наблюдалъ на прогулкѣ, которую я предпринялъ по совѣту моихъ хозяевъ. Народъ здѣсь, какъ и вездѣ въ восточномъ Туркестанѣ, кажется въ очень хорошемъ состояніи. Нигдѣ нѣтъ признаковъ бѣдности и лохмотьевъ. Каждый членъ той толпы, которая собралась вокругъ насъ, когда мы пріѣхали и остановились, былъ одѣтъ въ хорошую крѣпкую одежду, спускавшуюся до колѣнъ, въ высокихъ кожанныхъ сапогахъ и въ шапкахъ съ мѣховыми околышами. Женщины мало показывались, но мнѣ удалось увидѣть одну или двухъ въ длинныхъ платьяхъ, не подпоясанныхъ и опускавшихся до щиколокъ, въ сапогахъ подобно мужчинамъ и въ такихъ же мѣховыхъ шапкахъ, но повязанныхъ бѣлымъ платкомъ, закрывавшимъ уши и затылокъ. Я замѣтилъ, что онѣ на меня очень свободно выглядывали черезъ ворота, но только показывался юзбаши — онѣ немедленно прятались. Я нашелъ, что здѣсь по обычаю женщины ходятъ съ открытымъ лицомъ, но когда они видятъ приближающагося кази (духовное лицо), онѣ или убѣгаютъ, или покрываютъ лицо прозрачнымъ вуалемъ. Я не далеко ушелъ, какъ меня догналъ аламъ изъ Санджу (главный мулла, который былъ прежде въ нашемъ караванѣ). Онъ пошелъ со мною, говоря нѣсколько персидскихъ словъ, и когда мы поровнялись съ моею квартирой, онъ пригласилъ меня войти. Я согласился и нашелъ, что тотчасъ послѣ моего ухода онъ приходилъ ко мнѣ и принесъ фрукты. Послѣ того, какъ онъ мнѣ ихъ поднесъ, я показалъ ему мою персидскую грамматику, въ концѣ которой были помѣщены разные разсказы.

Онъ началъ читать ихъ съ наслажденіемъ; очень радовался анекдотамъ и переводилъ ихъ мнѣ и окружающимъ людямъ на тюркскій языкъ. Потомъ я вышелъ, чтобы сдѣлать визитъ юзбаши. Онъ показалъ мнѣ своихъ остальныхъ лошадей, которыя оставались въ Санджу. Тюркскія лошади находятся въ большой холѣ, но уходъ за ними отличается во многихъ отношеніяхъ отъ ухода за нашими лошадьми. Сѣдла ни днемъ, ни ночью съ нихъ не снимаются, но покрываются попоною, которая простирается на шею и голову. Ихъ проѣзжаютъ большую часть времени, когда они не въ дорогѣ, иногда даже даютъ имъ отдыхать не болѣе 4 или 5 часовъ. Привязываютъ даже самыхъ простыхъ лошадей, и не позволяютъ имъ кормиться на волѣ. Зерна имъ дается въ волю (ячмень или кукуруза), но очень мало травы. Это дѣлаетъ ихъ очень сносливыми на долгія путешествія. Сѣдла сдѣланы изъ крашенаго и полированнаго дерева, съ высокой передней лукой, и высоко поднимаются надъ хребтомъ лошади. Сбруя къ сѣдламъ очень богата: вышитые чепраки и серебряныя стремена. Юзбаши обратился ко мнѣ со словами. «Выбирайте одну изъ этихъ трехъ моихъ лошадей со всѣми принадлежностями». Я удивился этому предложенію и отказался. Онъ разсмѣялся и мы ушли. Онъ снова повторилъ свое предложеніе передъ пріѣздомъ въ Яркандъ, но я опять учтиво отказался. Потомъ оказалось, что я поступилъ какъ должно, потому что по ихъ мнѣнію мнѣ было бы неприлично получать подарки отъ кого нибудь, кромѣ визиря или государя.

Когда я возвратился домой, ко мнѣ пришелъ печальный бегъ Санджу, который передъ тѣмъ прислалъ мнѣ дастарханъ. У него былъ двухствольный пистолетъ англійской работы. Я осмотрѣлъ его и къ великому его удовольствію по-

дарилъ ему 200 пистолетныхъ пистоновъ. Мы увидали, что гудскіе купцы, которые обогнали насъ въ Шахидуллѣ, были здѣсь по какому-то случаю задержаны. Они посѣтили моихъ слугъ, и тутъ оказалось, что они имъ дальніе родственники. Велико было обоюдное удовольствіе! Имъ очень хотѣлось пойти и поклониться мнѣ, хотя это было для насъ не совсѣмъ безопасно. Я очень былъ радъ увидѣть ихъ старую знакомую одежду и честныя ихъ лица въ этой чуждой странѣ. Гуди и я—мы большіе друзья: я такъ долго жилъ между ними, столько путешествовалъ по ихъ странѣ (которая впрочемъ не изъ обширныхъ), что очень мало можно было найти изъ нихъ такихъ, которые бы не знали меня, по крайней мѣрѣ, по наслышкѣ. Эти люди были близкіе сосѣди, и часто меня встрѣчали, хотя я ихъ въ лицо и не зналъ.

ГЛАВА VIII.

Продолженіе путешествія въ Яркандъ.

Пустыня.—Городъ Каргалыкъ.—Характеръ обработанной страны.—Орошеніе и мельницы.—Благосостояніе народа.—Висѣлицы.—Беркутъ или охотничій орелъ.—Бактріанскій верблюдъ.—Араба или тюркская телѣга.—Починка дороги въ честь путешественника.—Способъ путешествія.—Юзбаши: его дружелюбіе, живость и хорошія манеры.—Разговоръ о Коканѣ.—Игра, называемая ухлакъ.—Бухарскіе хаджи.—Чайная торговля.—Деревня Бора.—Лиророгая антилопа.—Дикіе верблюды.—Вечернія забавы.—Почести, оказанныя путешественнику.—Заготовленіе припасовъ.—Переходъ черезъ рѣку Яркандъ.—Приближеніе къ городу.—Эшафотъ.—Городъ Яркандъ.—Янгъ-Шаръ (новый городъ) или Китайскій кварталъ.—Отведеніе квартиръ и пріемъ въ Яркандѣ.

Я перестану описывать мое путешествіе шагъ за шагомъ, какъ я это дѣлалъ до сихъ поръ. Я обращу ваше вниманіе только на главныя черты страны и нашего путешествія. Какъ и прежде, мы, оставивъ плодородную долину Санджу, поднялись къ сѣверу на песчаную возвышенность въ нѣсколько сотъ футовъ вышины, а потомъ передъ нами открылась обширная песчаная равнина, покрытая кое-гдѣ скуднымъ кустарникомъ. Эта равнина начиналась у подошвы горъ, въ лѣвой сторонѣ отъ насъ (югъ), а направо мы могли видѣть, какъ она, спускаясь къ болѣе низменнымъ равнинамъ, была перерѣзана оврагами и рытвинами. Четыре дня ѣхали мы на западъ вдоль этой пустыни, которая раздѣля-

лась на четыре неравныя части стекающими съ горъ рѣками. Эти рѣки окаймлены съ обѣихъ сторонъ полосами плодородной земли. Эти плодородныя мѣста лежатъ ниже поверхности окружающей ихъ пустыни, и образуютъ хорошо воздѣланные оазисы, покрытые деревьями. Такимъ образомъ, мы всякую ночь проводили въ деревняхъ, хотя весь день ѣхали по сыпучимъ пескамъ. Во все это время горныя цѣпи, весьма замѣтныя на югѣ, начали все болѣе и болѣе отдаляться отъ нашей дороги, такъ что наконецъ ихъ стало едва видно. На пятый день мы повернули направо черезъ изрѣзанную мѣстность, которою наша пустыня переходила къ болѣе низменнымъ равнинамъ. Эти низменности были покрыты тѣмъ же сыпучимъ пескомъ и, какъ мнѣ сообщили, соединяются съ великой средне-азіятской пустыней «Такла-Маканъ», которая, подъ именемъ Гоби, простирается на востокъ до Китая. Но до сихъ поръ еще мы не видѣли слѣдовъ песку или пустыни, а напротивъ шли по отлично воздѣланной мѣстности, въ которой лежитъ городъ Каргалыкъ, и такая же обстановка сопровождала насъ до самаго Ярканда. По сторонамъ дороги возвышались, на разстояніи каждаго «таша» (около пяти англійскихъ миль), высокіе столбы съ обозначеніемъ разстояній. Въ то время, какъ мы проходили черезъ Каргалыкъ, тамъ былъ базарный день; за три или четыре мили до города, народъ стекался безпрерывнымъ потокомъ; старый и малый, мужчины и женщины—все это отправлялось въ городъ (большею частью верхомъ) для еженедѣльнаго сбыта своихъ произведеній. Кто везъ куръ или корзины съ яйцами, кто овецъ или рогатый скотъ, кто велъ цѣлый караванъословъ, навьюченныхъ хлопкомъ или другимъ сельско-хозяйственнымъ произведеніемъ. Я видѣлъ нѣ-

сколькихъ прекрасныхъ лошадей, которыхъ вели на продажу. Словомъ, если бы не восточная одежда, вы могли бы принять этотъ базаръ за ярмарку въ какомъ нибудь англійскомъ провинціальномъ городкѣ. Даже деревни, съ ихъ садами и стадами домашней птицы, напоминали мнѣ родину, хотя имъ не доставало высокихъ крышъ и многочисленныхъ оконъ англійскихъ фермъ. Многочисленность маленькихъ хуторовъ въ 2—3 дома свидѣтельствовала о продолжительной осѣдлости, а также о безопасности жителей. Совершенно противное явленіе мы видимъ въ Пенджабѣ, гдѣ безпорядки и анархія пріучили народъ селиться тѣснѣе для взаимной защиты, такъ что деревни тамъ похожи на муравейники, со многими выходами. Вода для орошенія полей доставляется изъ далека; безъ искуственнаго орошенія здѣсь земледѣліе невозможно, такъ какъ выпадаетъ слишкомъ мало дождя [1]). Водопроводы проведены по всѣмъ направленіямъ. Кромѣ того устроены шлюзы и искуственные водопады, которые приводятъ въ движеніе толчеи для риса, а также и для измельченія селитры (для пороховыхъ заводовъ). Толченіе производится двумя поочередно падающими пестами, приводимыми въ движеніе водянымъ колесомъ. Недалеко отъ Каргалыка расположены другіе два города, одинъ больше, другой меньше его. Они очень похожи на индійскіе города, но улицы базара крыты отъ солнца—предосторожность не особенно удачная въ это время года, когда такъ холодно, что всѣ лужи

---

[1]) Одинъ китайскій путешественникъ говоритъ: „Жители этой страны употребляютъ рѣчную воду для орошенія полей; а когда имъ говорятъ, что въ Китаѣ поля орошаются дождемъ,, то они смѣются и не вѣрятъ, чтобы небо могло снабдить всѣхъ водою въ достаточномъ количествѣ.“

замерзли. Главное ихъ отличіе отъ индійскихъ городовъ— это благосостояніе ихъ жителей. Одежды ихъ хороши и существенны, и видно прошли черезъ руки портнаго, тогда какъ платье индійцевъ состоитъ изъ собранія отдѣльныхъ тряпокъ. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ тупаго и невѣжественнаго сословія куліевъ, и каждый человѣкъ имѣетъ видъ почтенный и понятливый. Все городское населеніе собралось посмотрѣть на нашъ проѣздъ и выражало свое почтеніе къ цареву гостю, прикладывая къ груди крестообразно сложенныя руки. Женщины кланялись съ опущенными внизъ руками. «Ас-салямъ алейкумъ» относился спеціально къ юзбаши, какъ «правовѣрному»; и въ отвѣтъ на это привѣтствіе, онъ постоянно повторялъ: «О алейкумъ ас-салямъ». Одно что было отталкивающее въ Каргалыкѣ—это висѣлица, стоявшая при входѣ въ главную улицу города. Въ настоящее время она была не занята, но, кажется, была часто въ употребленіи.

Однажды я видѣлъ новопойманнаго чернаго орла изъ породы беркутовъ, которыхъ пріучаютъ къ охотѣ на антилопъ и оленей, какъ соколовъ къ охотѣ на птицъ. Несчастное существо было связано и завернуто въ баранью шкуру, и этотъ свертокъ висѣлъ (головою внизъ) у сѣдла во время ѣзды. Они считаютъ, что это обхожденіе должно непремѣнно укротить птицу [1]).

Здѣсь я впервые увидалъ двугорбыхъ или бактріанскихъ

---

[1]) Марко Поло (Yule's „Marco Polo", i 343, and note at p. 355) говоритъ: „Его величество имѣетъ орловъ, которые пріучены брать волковъ, и такова ихъ величина и сила, что только самые крупные волки могутъ избѣгнуть ихъ когтей."

верблюдовъ, употребляемыхъ какъ вьючное животное. Мы обгоняли многіе караваны, состоявшіе изъ нихъ. Они темнѣе мастью, крѣпче сложены, и покрыты болѣе густою шерстью, чѣмъ обыкновенные индійскіе верблюды, кромѣ того у послѣднихъ только одинъ горбъ. Впрочемъ, въ этой странѣ существуетъ еще и болѣе цивилизованный способъ передвиженія—это «араба» или телѣга [1]). Это есть повозка, поставленная на два очень высокихъ колеса со многими спицами, и запряженная тремя лошадьми: одна—въ оглобляхъ, а двѣ впереди, везущія постромками. Управляютъ ими изъ арабы возжами и длиннымъ кнутомъ. Во всякомъ случаѣ, араба значительно превосходитъ обыкновенную индійскую телѣгу, какъ легкостью, такъ и быстротою передвиженія, такъ какъ индійскія повозки стоятъ на неуклюжихъ и деревянныхъ кругахъ вмѣсто колесъ, и запряжены лѣнивыми буйволами, за хвосты которыхъ держится полунагій кули.

Состояніе дороги я похвалить не могу, хотя могу показаться неблагодарнымъ, такъ какъ во все продолженіе пути спеціально для меня чинили всѣ дороги, а черезъ узкія рѣчки и водопроводы наводили мосты. Это была честь, которой я не ожидалъ. Я узналъ впослѣдствіи, что они спрашивали у моего мунши, Дивана-Бахша, о томъ, какъ въ Индіи принимаютъ сановитыхъ иностранцевъ. Онъ объяснилъ имъ обычныя приготовленія въ такихъ случаяхъ, какъ напримѣръ, починка дорогъ и пр.; они до того приняли это

---

[1]) Марко Поло (Chap. XLVII. Bk. I, Bohn's Ed.) говоритъ: „Они (татары) имѣютъ превосходную повозку на двухъ колесахъ, и покрытую чернымъ войлокомъ столь плотнымъ, что не промокаетъ, хотя цѣлый день шелъ бы дождь.“

къ свѣденію, что приготовили запасныя балки около каждаго моста, въ случаѣ, если сопровождающія меня лошади продавятъ мостъ своею тяжестью.

Признаюсь, эти неожидаемыя предосторожности нѣсколько устрашили меня. Мнѣ пришло въ голову, что мой мунши можетъ былъ не довольно остороженъ въ своихъ выраженіяхъ, и что визирь пожалуй подумаетъ, что я ѣду съ порученіемъ отъ нашего правительства. Я переспросилъ объ этомъ у Джумы, такъ какъ онъ имѣлъ случай убѣдиться изъ разговоровъ моихъ проводниковъ, считаютъ ли они меня за офиціальное лицо или нѣтъ. Онъ увѣрялъ меня, что почести, оказываемыя мнѣ, относятся просто къ частному англичанину. Я однако повѣрилъ этому только, когда услыхалъ подтвержденіе изъ устъ самого визиря въ Яркандѣ. Я рѣшился не принимать никакихъ почестей подъ личиной предполагаемаго величія, какъ это дѣлали не разъ путешественники въ отдаленныхъ странахъ Азіи. Поэтому, тотчасъ по прибытіи, я нарочно завелъ разговоръ объ этомъ, и получилъ полное удостовѣреніе въ томъ, что правительство Туркестана чествло во мнѣ одного изъ членовъ англійской націи, а не какого нибудь посла англійскаго правительства.

Но я еще не описалъ вамъ образа нашего путешествія и обращенія со мною моихъ хозяевъ. Они дали мнѣ отличную лошадь для ѣзды, также какъ и всѣмъ моимъ слугамъ, а вещи мои были поручены нѣсколькимъ всадникамъ, слѣдовавшими за нами. У юзбаши было около двѣнадцати спутниковъ; кромѣ того двое или трое ѣздили постоянно въ Яркандъ и обратно, донося свѣденіе о нашемъ путешествіи и возвращаясь къ намъ въ невѣроятно скорый промежутокъ времени, одѣтыми въ новыя одежды, съ привѣтственными

рѣчами отъ шахавала къ «михману» (мнѣ). Что они находили доносить о насъ—я право не знаю; но было очевидно, что сомнѣнія ихъ насчетъ приближающагося англичанина еще не совсѣмъ улеглись, хотя они тщательно скрывали ихъ подъ личиной высокой вѣжливости. Что касается до юзбаши, то онъ былъ самый дружелюбный и пріятный изъ моихъ спутниковъ. Веселый, какъ вырвавшійся на праздникъ школьникъ, онъ поддерживалъ во всемъ караванѣ пріятное расположеніе духа. Подчасъ онъ начиналъ со мною разговоръ на языкѣ, состоящемъ изъ смѣси большаго числа тюркскихъ и малаго числа персидскихъ словъ; тогда я отвѣчалъ ему на нарѣчіи, въ которомъ отношеніе этихъ двухъ языковъ было обратное. Наши взаимныя недоразумѣнія составляли неисчерпаемый запасъ для потѣхи нашихъ спутниковъ. Если, какъ это иногда случалось, мы не понимали другъ друга, онъ дѣлалъ видъ, что хочетъ меня ударить, или сбросить съ лошади. Когда я упоминалъ при немъ о чемъ нибудь для него непонятномъ, напр. объ искуствахъ и изобрѣтеніяхъ цивилизованныхъ странъ, онъ грозилъ мнѣ пальцемъ, и улыбаясь покачивалъ головою, говоря—«ахъ Ша-сахибъ», голосомъ, который означалъ: «Вы, франги, навѣрное продали душу «Шайтану». Въ слѣдующую минуту онъ начиналъ пѣть андиджанскую пѣсню, размахивая кнутомъ, и вдругъ ударялъ имъ по плечамъ кого нибудь изъ своей свиты. Однажды, когда мы съ нимъ сидѣли на ночлегѣ, онъ увидѣлъ мои теплыя перчатки, и надѣлъ ихъ. Въ это время проходилъ черезъ дверь его довѣренный слуга; онъ подозвалъ его, и подъ предлогомъ сказать ему что-то на ухо, схватилъ его въ охапку. Тогда онъ далъ ему изо всей силы нѣсколько пощечинъ моими перчатками. Несчаст-

ный казался ошеломленнымъ, а я думалъ, что онъ провинился въ чемъ нибудь, какъ вдругъ юзбаши, покатившись со смѣху, показалъ ему свои руки, облеченныя въ мои перчатки. Слуга понялъ шутку, и слѣдуя священному писанію подставилъ и другую щеку, которой немедленно досталось. Однажды мы остановились въ одной придорожной мечети для совершенія вечерней молитвы. По окончаніи молитвы, юзбаши съ своей свитой выбѣжали изъ мечети, точно толпа школьниковъ по окончаніи уроковъ. Увидѣвъ это, три женщины, шедшія по дорогѣ, бросились бѣжать въ поле. Тогда мой пріятель остановился, и сталъ кричать: «ханымъ! ханымъ!» (сударыня). Наконецъ онѣ принуждены были отвѣчать, когда юзбаши, соблюдая тончайшую учтивость, обратился къ нимъ съ длинною рѣчью о томъ, какъ счастливъ онъ, что встрѣтилъ ихъ, что для нихъ нарочно онъ и «михманъ» прибыли сюда, и какъ ему жалко, что осталось такъ мало времени для разговора. Все это время женщины, которымъ и весело, и стыдно было стоять передъ столькими людьми, старательно отворачивали свои лица. Пріятель мой, окончивъ свой спичь низкимъ и церемоннымъ поклономъ, торжественно произнесъ «Ас-салямъ алейкумъ», и увидѣвъ, что меня позабавила его шутка, весело присоединился къ общему смѣху. Со всѣмъ этимъ, онъ имѣетъ манеры настоящаго джентльмена, и я смотрю на него какъ на хорошаго друга—чувство, котораго нельзя питать къ уроженцамъ Индіи. Онъ, кажется, всѣми любимъ, въ особенности своими слугами, съ которыми онъ обходится очень хорошо. Однажды онъ долго съ ними разговаривалъ, и, обратившись ко мнѣ, сказалъ мнѣ черезъ переводчика: «мы толкуемъ объ Андиджанѣ, нашей родинѣ»; и продолжалъ расточать похва-

лы ея красотѣ, плодородію и счастливой жизни, которую они тамъ прежде вели. «Въ то время, говорилъ онъ, я еще не былъ принужденъ сдѣлаться солдатомъ, а жилъ беззаботно, занимаясь охотой. Но вотъ пришли русскіе, и мы всѣ взялись за оружіе для защиты своего отечества. Я думаю, нѣтъ ни одного семейства въ Андиджанѣ, которое бы не лишилось хоть одного своего члена въ войнѣ съ чужеземцемъ, и вотъ мы тысячами принуждены были выселяться въ эту страну».

Однако, я думаю, что прежняя жизнь въ Андиджанѣ не совсѣмъ была такъ спокойна, какъ старался представить ее юзбаши. Я узналъ, что имя Андиджана дается въ общежитіи всему коканскому ханству, и есть имя его древней столицы. По разсказамъ онъ гораздо холоднѣе Ярканда, но изобилуетъ всякаго рода плодами. Эта страна вѣроятно по большей части гористая, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ верховья Сыра и Нарына, которыя вытекаютъ изъ сѣверныхъ склоновъ горъ, заключающихъ восточный Туркестанъ. Вся низменная и ровная часть Кокана находится въ рукахъ русскихъ съ Чемкентомъ, Ташкентомъ и Ходжентомъ, бывшими до тѣхъ поръ главными городами ханства. Якубъ Бегъ, теперешній властелинъ Кашгара и Ярканда, самъ природный коканецъ, основалъ въ восточномъ Туркестанѣ андиджанское государство. Всѣ значительныя мѣста въ администраціи заняты его земляками, изъ которыхъ также состоитъ зерно его арміи. Они такъ близки съ яркандскими и кашгарскими уроженцами, что ихъ владычество не чувствуется на столько, на сколько владычество чуждыхъ побѣдителей. Ихъ языкъ—только нарѣчіе тюркскаго, и легко понимается въ Яркандѣ. Они больше одарены административными способностями, чѣмъ

коренные жители этихъ провинцій, которые такъ долго находились подъ чужеземнымъ игомъ китайцевъ.

Такимъ-то образомъ мы коротали время во время нашихъ ежедневныхъ переходовъ. Я съ своей стороны старался растолковать юзбаши различіе между Индіей и Англіей, которое онъ сперва плохо понималъ, разсказывалъ ему эпизоды изъ нашихъ войнъ съ русскими и китайцами (его врагами) и увѣрялъ его въ нашей дружбѣ съ султаномъ Рума (Турціи), къ которому они питаютъ глубочайшее уваженіе. Мое ружье также было источникомъ не малаго удовольствія; много было убито несчастныхъ воронъ и мелкихъ птицъ. Даже тѣмъ, которыя улетали подстрѣленными, не всегда удавалось скрыться. Вся кавалькада устремлялась за ними съ криками радости и загоняла несчастныхъ птицъ до смерти, какъ куропатокъ. Въ такихъ случаяхъ мои гудскіе слуги, горцы, непривыкшіе къ верховой ѣздѣ, обыкновенно падали съ коней, и такимъ образомъ являлась новая забава — погоня за освободившимися лошадьми. Юзбаши, у котораго лошадь была лучше чѣмъ у другихъ, первый нагонялъ бѣглеца, но вмѣсто того, чтобъ остановить ее, онъ прибавлялъ ей своей нагайкой новой прыти.

Народъ здѣсь обладаетъ множествомъ игръ, для которыхъ требуется необыкновенное искуство въ наѣздничествѣ. Въ одной изъ деревень юзбаши показалъ мнѣ забаву, которую они называютъ «ухлакъ». На землю кладется тѣло козла безъ головы, и каждый старается поднять его, не слѣзая съ коня. Страшная тѣснота бываетъ въ то время, когда они, держась одной ногой и рукой за сѣдло, опускаютъ другую руку до земли. Но вотъ одному удалось—онъ снова усаживается на сѣдлѣ и ускакиваетъ. Остальные бросаются пре-

слѣдовать его, а онъ всячески старается увернуться, наконецъ то тому, то другому удается отнять козла. Тотъ, у кого добыча, придерживаетъ ее ногой, и такимъ образомъ вся эта ватага носится по степи до тѣхъ поръ, пока всѣ лошади не выбьются изъ силъ. Красиво видѣть совершенство и грацію ихъ ѣзды. По видимому ихъ посадка свободнѣе нашей, и, по непонятной для меня причинѣ, напоминаетъ мнѣ искуснаго пловца, держащагося на водѣ безъ всякаго усилія: его тѣло повинуется всякому движенію волнъ. Во время ухлака они, кажется, совсѣмъ забываютъ о своихъ лошадяхъ. Они рѣдко касаются руками поводьевъ, и перескакиваютъ рвы и кочки, едва сидя на сѣдлахъ и борясь другъ съ другомъ. Эта игра впрочемъ не безопасна. У одного киргиза изъ нашего каравана лопнули подпруги, когда онъ нагибался, и онъ упалъ на землю посреди толкотни. Острыя подковы лошади проломили ему черепъ. Мой пріятель, мулла шерифъ, и его горячій бурый пони сдѣлалъ настоящій сальтомортале. Лошадь упала на голову и перековырнулась такъ, что шея ея осталась подъ нею въ согнутомъ положеніи. Я думалъ, что она непремѣнно сломаетъ себѣ шею: Хозяинъ ея вылетѣлъ на нѣсколько шаговъ впередъ, и вся кавалькада по видимому проскакала черезъ него, нисколько не думая остановиться. Пони и мулла были подняты, оба только отряхнулись. и опять съ новымъ жаромъ бросились въ степь. Конюхи юзбаши оказались лучшими наѣздниками. На другой день мы встрѣтили двухъ офицеровъ, посланныхъ шахаваломъ, чтобы насъ привѣтствовать. Они приближались къ намъ, играя съ своими спутниками въ ухлакъ. Послѣ обычныхъ поклоновъ и привѣтствій игра продолжалась, и я въ первый разъ рѣшился участвовать въ ней. Дѣло шло довольно удачно,

но я подозрѣваю, что они нарочно мнѣ поддавались въ игрѣ. Когда мнѣ удалось отнять козла, я съумѣлъ благополучно придерживать его ногой; но, какъ я ни старался, я никакъ не могъ поднять самъ козла съ земли. Англійскія сѣдла весьма неудобны для такого рода штукъ; но даже, когда я садился на одну изъ лошадей юзбаши, и имѣлъ для поддержки высокую луку, я никакъ не могъ достать земли, и насилу поднялся опять на сѣдло. Даже сами тюрки иногда соскальзываютъ съ сѣдла, если лошадь слишкомъ высока. Вообще, нужно имѣть большую увѣренность въ лошади для того, чтобы быть въ состояніи держаться обѣими руками за козла, скача по неровной мѣстности. Впрочемъ, тюркскіе кони вполнѣ оправдываютъ это довѣріе, и весьма рѣдко спотыкаются.

Но вотъ, посреди этой конной забавы, юзбаши вдругъ останавливается и слѣзаетъ съ лошади. Доставъ карманный компасъ, онъ опредѣляетъ направленіе Каабы, и цѣлый рядъ правовѣрныхъ колѣнопреклонно начинаетъ совершать мусульманскую молитву. За неимѣніемъ воды, они дѣлали только жесты, напоминающія омовенія, прикладывая руку къ песку, вмѣсто того, чтобы наполнять ее водою.

Передъ каждой деревней мы были встрѣчаемы властями области, къ которой принадлежала деревня, и они отводили намъ помѣщенія, какъ и въ Санджу. Въ трехъ миляхъ отъ Каргалыка, встрѣтилъ насъ бегъ этого города, и когда я слѣзъ и поклонился ему, меня посадили на почетное мѣсто, на коврѣ, разостланомъ подъ деревьями, а спутники наши въ это время сидѣли въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ на отдѣльныхъ коврахъ. Вслѣдъ за тѣмъ были принесены дастарханы, состоявшіе изъ мисокъ супу, пилава въ высокихъ сосудахъ, огромныхъ ломтей хлѣба и цѣлаго вороха плодовъ.

Когда мы всѣ наѣлись до сыта, юзбаши попросилъ меня посидѣть, пока весь каравань не соверпитъ на моихъ глазахъ послѣобѣденной молитвы.

Конецъ этого переѣзда сдѣлали мы въ страшныхъ облакахъ пыли, поднятой нашей увеличившейся кавалькадой. Рядомъ со мной ѣхалъ бухарскій хаджи, который съ однимъ спутникомъ выѣхалъ намъ на встрѣчу на цѣлое полдня пути. Онъ путешествовалъ по Индіи, Аравіи и даже Турціи. Мы имѣли длинный разговоръ на персидскомъ языкѣ, который я начинаю очень порядочно понимать, хотя это былъ первый случай, гдѣ мнѣ удалось испытать мои теоретическія знанія на практикѣ. Нашъ разговоръ продолжался и послѣ прибытія въ Каргалыкъ. Онъ просидѣлъ со мною нѣсколько часовъ, пилъ чай и толковалъ мнѣ про многіе земли и города. Всего болѣе похвалъ расточалъ онъ Бухарѣ; онъ находилъ ее почти равною Стамбулу (Константинополю).

Изъ словъ этого человѣка, который оказался купцомъ, я сообразилъ, что между Туркестаномъ и Индіей можно завести обширную торговлю. Онъ говорилъ, что ежегодно ввозится въ Бухару 10,000 верблюжьихъ вьюковъ (около пяти милліоновъ фунтовъ) чаю, но что до разрыва съ Китаемъ ввозилось гораздо больше. Черезъ насъ Яркандъ могъ бы получать огромное количество чаю и разныхъ англійскихъ издѣлій, за которыя онъ платилъ бы намъ золотомъ, шелкомъ, лошадьми—всѣмъ, чѣмъ онъ изобилуетъ. Мой собесѣдникъ самъ торговалъ съ Россіей, и даже посѣтилъ Оренбургъ, который онъ называетъ «Оренбуда». Эта торговля считается весьма прибыльною; купецъ, отправляющійся съ 40 навьюченными верблюдами, возвращается съ шестьюдесятью, что даетъ ему возможность отправить на слѣдующій годъ 100.

Въ деревнѣ Бора я еще познакомился съ другою личностью. Я сидѣлъ на ящикѣ и чистилъ ружье, когда увидѣлъ почтеннаго человѣка въ зеленомъ халатѣ, который шелъ ко мнѣ черезъ дворъ съ нѣсколькими спутниками. Въ отвѣтъ на мои вопросы, онъ разсказалъ мнѣ, что онъ сиадъ (потомокъ Магомета), уроженецъ Ревель Пинди въ Пенджабѣ, что онъ посѣтилъ Мекку и, возвращаясь черезъ эти страны, поселился при одномъ сосѣднемъ Зіаретѣ (гробницѣ мусульманскаго святаго). Потомъ онъ спросилъ: «а вы— мусульманинъ, или индіецъ?» и когда я и мои слуги разсмѣялись, онъ прибавилъ: «Нѣтъ, вы должно быть френгъ».

Онъ пришелъ собственно за тѣмъ, чтобы посмотрѣть на англичанина, но, видя меня въ тюркскомъ костюмѣ, онъ принялъ меня за главнаго слугу сахиба. Когда онъ узналъ кто я такой, онъ сдѣлался очень любезенъ, и казалось смотрѣлъ на меня, какъ на земляка. Онъ обѣщался посѣтить меня въ Яркандѣ, гдѣ мы будемъ имѣть болѣе времени для разговора. Увидѣвъ моихъ слугъ, онъ спросилъ, индійцы ли они, и, узнавъ, что они были дѣйствительно таковыми, онъ повторилъ старинную поговорку: «Послѣ всего, мы все-таки всѣ сыны Адама». Мы разстались большими друзьями, и я узналъ, что онъ былъ очень чтимъ народомъ за высокое благочестіе. Поэтому я не мало удивился его терпимости.

Пересѣкая отрогъ великой пустыни Такла-Маканъ, мы видѣли двухъ «киковъ», небольшихъ антилопъ. У нихъ замѣчательные, лирообразные рога, пару которыхъ я привезъ домой на показъ. Юзбаши говорилъ, что они живутъ большими стадами, подобно дикимъ верблюдамъ (?), на востокѣ великой пустыни. Эта пустыня представляется источникомъ различныхъ суевѣрій. Такъ разсказываютъ, что нѣкогда оби-

тало тамъ одно языческое племя, къ которому пришелъ проповѣдывать исламъ Джалла-Удинь. Они согласились обратиться въ мусульманство съ условіемъ, чтобы этотъ праведникъ обратилъ ихъ жилища въ золото. Не долго думая, онъ немножко помолился, и дѣло было сдѣлано. Но тогда эти невѣрные сказали ему: «Старикъ, мы имѣемъ теперь все, чего мы желали, зачѣмъ же намъ исламъ?» святой человѣкъ отправился въ обратный путь, но только что онъ успѣлъ отъ нихъ уйдти, какъ поднялся вихрь и песокъ погребъ все селеніе и нечестивыхъ его жителей. Много было поисковъ за этими сокровищами, но ищущимъ всегда мѣшала достигнуть цѣли какая-то невѣдомая сила. Я разсказалъ юзбаши преданіе Геродота о златоносныхъ муравьяхъ этой страны [1]).

Юзбаши старался, чтобы я не скучалъ по вечерамъ. Онъ обыкновенно приглашалъ меня въ свои собственные покои на «тамаша», состоявшій въ томъ, что одинъ изъ людей игралъ на двухструнной гитарѣ, пока другіе исполняли тюркскую пляску. Движенія ихъ были медленны; они поварачивались изъ стороны въ сторону — вообще танецъ этотъ былъ скученъ и нагонялъ сонъ. Мои слуги въ это время сидѣли въ дверяхъ. Юзбаши всегда смѣялся надъ ними за то, что они не ѣли того что ѣлъ ихъ господинъ, и въ шутку уговаривалъ ихъ ѣсть хлѣбъ и пить чай. Когда онъ узналъ, что имъ не запрещено ѣсть плоды изъ его рукъ, онъ одѣлилъ ихъ яблоками, гранатами, грушами и пр. Видя, что одинъ изъ моихъ слугъ—Чумару, бьетъ руками въ тактъ му-

---

[1]) Марко Поло говоритъ также (Yule's „Marco Polo", i, 180): Вполнѣ достовѣрно, что эта пустыня служитъ убѣжищемъ нечистымъ духамъ, которые стараются погубить путешественника, вводя его въ разныя заблужденія.

зыки, онъ пригласилъ его поплясать. Чумару вскочилъ, какъ вдохновенный Вакхомъ, и сталъ выдѣлывать гудскую пляску. Юзбаши и всѣ тюрки были въ восхищеніи, и послѣдній поклонъ Чумару былъ встрѣченъ бурею рукоплесканій. Однажды, передъ избраннымъ кружкомъ зрителей, самъ юзбаши показалъ мнѣ андиджанскій танецъ. Движенія были красивы и эфектны, и вообще это былъ одинъ изъ восточныхъ танцевъ, наиболѣе приближающійся къ нашимъ балетнымъ. Съ босыми ногами, въ развѣвающихся шароварахъ, съ красною шалью въ каждой рукѣ, онъ леталъ вокругъ комнаты, на каждомъ шагу мѣняя па и потрясая шалями.

Однажды онъ пригласилъ меня ужинать, я послалъ за моими собственными ножемъ и вилкой, такъ какъ таковыхъ у него не имѣлось. Послѣ того, какъ мы умыли руки съ помощью слуги, длинная скатерть была разостлана на коврѣ, а на нее были поставлены два высокихъ деревянныхъ сосуда съ пилавомъ. Юзбаши, я и еще два или три почетныхъ гостя принялись за одинъ (проговоривъ «Бисмилля»—во имя Аллаха), а слугамъ отдали другой сосудъ. Требуется большое искуство (я это нашелъ, когда у меня не было своего прибора), чтобы благополучно ввести рисъ въ ротъ: рисъ захватывается щепотью, и когда онъ довольно уже близокъ къ губамъ, его отправляютъ въ ротъ щелчкомъ большаго пальца. Мясо вынимается изъ пилава, слуга разрѣзаетъ его своимъ кинжаломъ на кусочки, удобные для ѣды, и раскладываетъ ихъ передъ своимъ хозяиномъ на одномъ изъ огромныхъ ломтей хлѣба. Апетитъ у нихъ исполинскій и рисъ исчезаетъ неимовѣрно скоро. Когда все было покончено, сосуды и скатерть убраны, юзбаши поглядѣлъ вокругъ, и съ

словами «Аминъ, Аллахо акберъ», разпростеръ руки и погладилъ бороду; мы послѣдовали его примѣру.

Имѣя такого любезнаго спутника, и окруженный такими новыми сценами, я, конечно, не находилъ свои дни слишкомъ длинными. Если бы я былъ посланникомъ, то они не могли бы мнѣ оказать столькихъ почестей, и если бы я былъ ихъ единовѣрцемъ и землякомъ—болѣе дружбы и привѣтливости. Такъ однажды юзбаши сказалъ мнѣ: «Ахъ, Ша сахибъ, если бы вы не были френгъ, то мы бы съ вами были братьями. Когда вы уѣдете, вы должны мнѣ писать изъ вашей родины о томъ что вы тамъ будете дѣлать».

Передъ каждымъ городомъ выѣзжалъ ко мнѣ на встрѣчу губернаторъ или бегъ, и привозилъ дастаръ-ханъ или обѣдъ, приготовленный на весь караванъ (приблизительно на 20 человѣкъ). Миски супу, пилаву, плоды, хлѣбъ — все это разставлялось передъ нами; а потомъ я въѣзжалъ въ городъ между бегомъ и юзбаши. Главные купцы встрѣчали насъ въ воротахъ, тогда какъ весь народъ толпился на улицахъ города. Введя меня въ отведенную для меня квартиру, и посидѣвъ со мною короткое время, бегъ удалялся, но на слѣдующее утро приходилъ, чтобы проводить меня за городъ. Проѣхавъ нѣсколько часовъ, мы снова находили дастаръ-ханъ, высланный впередъ изъ города бегомъ, и приготовленный подъ группой деревьевъ. Даже начальники маленькихъ мѣстечекъ выносили намъ дастаръ-ханъ и просили насъ сдѣлать имъ честь—выпить чашку чаю. Наконецъ одно имя дастаръ-хана начало приводить меня въ ужасъ, количества безполезной пищи, чая, которыя я принужденъ былъ ежедневно истреблять, были огромны. Такъ какъ, кромѣ моего собственнаго обѣда, я долженъ былъ принимать еже-

дневно два дастарѣ-хана отъ юзбаши (утромъ и вечеромъ), то неудивительно, что остальныя угощенія (а они обусловливались географическимъ расположеніемъ деревень, а не состояніемъ моего апетита) вызывали во мнѣ серьезныя опасенія. Я утѣшаю себя только тѣмъ, что меня угощали какъ представителя всего англійскаго народа.

Когда мы приблизились къ Ярканду, почетные гонцы отсылались чаще, чѣмъ когда нибудь, и всѣ возвращались въ новыхъ халатахъ. Мы переѣхали черезъ значительную рѣку, которая, какъ мнѣ сообщили, въ полноводье бываетъ судоходна. Въ настоящее время года она раздѣлена на пять мелкихъ рукавовъ. Юзбаши объявилъ мнѣ, что не доѣзжая Ярканда я буду встрѣченъ значительнымъ лицомъ, братомъ или сыномъ шахавала, которому не лишнимъ съ моей стороны будетъ подарить «джама» (одежду). Онъ спросилъ у меня приготовилъ ли я такой подарокъ, и просилъ меня обратиться къ нему, даже если бы мнѣ нужно было до 1000 тиллъ (около 600 ф. ст.). Въ то же время онъ написалъ къ шахавалу, что такъ какъ мой караванъ отсталъ, я не имѣю подарка для высокопоставленнаго лица, и что поэтому мнѣ будетъ не ловко встрѣтить таковаго. то пусть лучше онъ пришлетъ менѣе значительнаго человѣка. Согласно этому, меня встрѣтилъ за три мили до Ярканда другой юзбаши, въ великолѣпной одеждѣ и съ 40 человѣками свиты, которая была выстроена въ два ряда. Мы спѣшились и поздоровались по восточному обычаю. Онъ ошеломилъ меня столь сильнымъ объятіемъ, что у меня захватило духъ, когда я хотѣлъ вѣжливо освѣдомиться о его здоровьи. Вслѣдъ затѣмъ я поднесъ ему новый халатъ (которымъ на этотъ случай снабдилъ меня мой юзбаши), и одинъ изъ моихъ слугъ накинулъ ему его

на плечи. Послѣ этого мы сѣли на коней и продолжали путь. Вскорѣ показалась передъ нами низкая, длинная бѣлая полоса: это была цѣль моего долгаго путешествія—стѣна Яркан-да. Когда мы стали подъѣзжать по совершенно плоской мѣстности, одинъ предметъ особенно бросился намъ въ глаза, возвышаясь надъ стѣной, какъ разъ передъ нами. Это были четырехугольные подмостки, точно лѣса, когда строятъ башню, снабженныя двумя платформами. Увидѣвъ мой вопросительный взглядъ, мулла шерифъ прошепталъ мнѣ: «Это эшафотъ!» Таковъ первый предметъ, который видитъ путешественникъ, въѣзжая въ Яркандъ.

Оставивъ за собою небольшой загородный базаръ, мы прошли черезъ ворота въ земляной стѣнѣ, которая имѣетъ 20—30 футовъ вышины, и толщина которой, при съуженной вершинѣ, около 10 футовъ. Немного пройдя по улицѣ намъ пришлось проходить подъ видѣнными мною подмостками. Они возвышаются надъ крышею крѣпкаго зданія, которое я счелъ за яркандскій острогъ. Хотя путь нашъ лежалъ не черезъ самыя лучшія части города, но улицы, по которымъ мы проѣзжали, были оживлены торговлей, представляя почти безпрерывный рядъ всевозможныхъ лавокъ. Большую часть торговцевъ составляли женщины, и я видѣлъ нерѣдко тутъ же люльку съ ребенкомъ, качаемую ногою матери. Такой способъ усыпленія дѣтей доказываетъ большую долю цивилизаціи, чѣмъ у горцевъ Симла, которые, чтобы усыпить ребенка, вѣшаютъ его подъ желобомъ, изъ котораго вытекаетъ вода. Потомъ мы прошли еще мимо высокаго вала, который я принялъ за вторую городскую стѣну, но это оказалось только заборомъ одного училища. Улица здѣсь шириною въ 10—12 футовъ и нѣкоторые дома имѣютъ два этажа.

Проѣхавъ еще 20 минутъ по лабиринту извилистыхъ улицъ, мы выѣхали черезъ другія ворота на большое поле, саженъ 200 ширины, отдѣляющее старый городъ отъ новаго. Нѣсколько полуразвалившихся домовъ указываютъ здѣсь мѣсто базара, который, подъ владычествомъ китайцевъ, соединялъ оба города. «Янгъ-Шаръ» (Новый городъ) [1]), къ которому мы подходили, былъ построенъ иноземными владыками страны въ видѣ убѣжища. Если происходило какое нибудь смятеніе въ народѣ, китайскія войска скрывались тамъ, гдѣ преспокойно и дожидались конца безпорядковъ. Стѣны Янгъ-Шара состоятъ изъ того же матеріала, какъ и стѣны стараго города, но мѣстами украшены любопытными пагодаобразными постройками — остатками китайскаго владычества. Ворота были въ томъ же стилѣ, а около нихъ собралось множество тюркскихъ солдатъ въ красныхъ одеждахъ. Внутри города большое ихъ число было расположено въ живописныхъ позахъ, и всѣ они пѣли и плясали съ такимъ заученнымъ видомъ довольства, что я сразу понялъ цѣль этого сборища. Къ тому же они казались совершенно непривычными къ мундирамъ, въ которые ихъ нарядили. Двое или трое ходили «тихимъ шагомъ», и я до сихъ поръ не знаю, кого они должны были представлять: рекрутъ или часовыхъ. Вслѣдъ затѣмъ мы подошли къ артиллерійскому парку, состоявшему изъ ряда маленькихъ пушекъ и гаубицъ. Артиллеристы были одѣты въ синіе мундиры, и я остановилъ свой взоръ на кучкѣ лучше одѣтыхъ, очевидно

---

[1]) „Янгъ-Шаръ“—казармы. Таковой есть около каждаго города восточнаго Туркестана. Это слово не слѣдуетъ смѣшивать съ „Янгъ-Хиссаромъ“, который есть имя города, снабженный, какъ и всѣ города, „Янгъ-Шаромъ“.

офицеровъ. Нельзя было не признать въ нихъ индійцевъ, можетъ быть прежнихъ перебѣжчиковъ.

Нѣсколько саженъ дальше было нѣчто въ родѣ площади, за которой возвышалась другая стѣна съ воротами. Не доѣзжая до этой стѣны, мы остановились и сошли съ коней; оба юзбаши ввели меня въ домъ, стоявшій по лѣвую сторону. Пройдя три двора, мы увидѣли нѣчто въ родѣ павильона въ концѣ третьяго двора. Плоская крыша съ большимъ выступомъ составляла широкую веранду, поддерживаемую высокими колоннами; въ срединѣ крыши было углубленіе, которое доходило до слѣдующей стѣны и заключало въ себѣ родъ дивана, устланный ковромъ для посѣтителей; съ каждой стороны этого вмѣстилища находились двери, ведущія въ удобныя комнаты, снабженныя бухарскими коврами и въ которыхъ весело горѣли большіе огни. Юзбаши объявилъ, что этотъ домъ принадлежитъ мнѣ и что немного погодя я буду видѣть шахавала. Черезъ нѣсколько минутъ появился неизбѣжный дастаръ-ханъ, состоявшій на этотъ разъ изъ сливокъ, варенья и т. д. Онъ былъ внесенъ мнѣ братомъ шахавала, который поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Яркандъ. Узнавши, что онъ говоритъ по персидски, я выразилъ ему благодарность, которую я ощущалъ при видѣ всѣхъ почестей, которыхъ я удостоился во время путешествій. Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ почести, которая была бы слишкомъ велика для гостя царя.

ГЛАВА IX.

Пребываніе въ Ярканде.

Шахавалъ дадъ-хва; его высокое общественное положеніе. — Посѣщеніе его и хорошій пріемъ, оказанный имъ. — Помѣщеніе путешественника. — Присланная мебель и другіе подарки.—Другое свиданіе съ шахаваломъ. — Убіеніе Шлагинтвейта. — Что сообщаютъ слуги путешественника о городѣ.—Путешественникъ остается дома.— Рамазанъ. — Сплетни о шахавалѣ. — Разговоръ о китайцахъ и пр.— Гейвардъ.

Послѣ его ухода я остался нѣкоторое время одинъ, но вскорѣ возвратился мой юзбаши и сказалъ мнѣ, что если я желаю, то онъ поведетъ меня къ шахавалу. Нужно сказать вамъ что я открылъ касательно общественнаго положенія этого сановника. Онъ не только губернаторъ яркандскій, какъ я прежде воображалъ, но второй человѣкъ во всемъ государствѣ, то же самое, что великій визирь въ Турціи. Во время отсутствія Аталыка онъ занимаетъ дворецъ, въ который меня и провели. Проходя чрезъ большія ворота, уже прежде видѣнныя мною и наполненныя солдатами (здѣсь не было признаковъ нерадѣнія), мы дошли до вторыхъ воротъ, одинаково защищенныхъ стражею и ведущихъ во внутренность дворца. Мы прошли большой дворъ. Всѣ четыре стороны его были заняты сидящими чиновниками съ опущенными глазами, и у

каждаго былъ бѣлый жезлъ въ рукѣ. Всеобщее молчаніе производило впечатлѣніе, согласное со всей обстановкой—съ дворцомъ восточнаго деспота. Передъ дверью втораго двора большія ширмы скрывали отъ взоровъ все окружающее. Уединенность этого внутренняго жилища производила тоже впечатлѣніе, что и нѣмая толпа извнѣ. Передъ нами шелъ церемоніймейстеръ съ бѣлымъ жезломъ; дойдя до половины двора онъ остановилъ меня и указывая на отдаленную дверь, шепнулъ, что шахавалъ находится за этой дверью. Я поклонился по этому направленію, какъ того требовалъ обычай, послѣ чего меня подвели къ двери. Тутъ меня всѣ оставили и церемоніймейстеръ сказалъ мнѣ, что я долженъ войти одинъ въ комнату къ шахавалу. Небольшой, пожилой человѣкъ въ темномъ платьѣ сидѣлъ на подушкѣ передъ огнемъ въ комнатѣ, куда я вошелъ. Онъ всталъ и поспѣшилъ ко мнѣ на встрѣчу, поцѣловалъ меня по восточному обычаю и повелъ за руку къ другой подушкѣ подлѣ огня, привѣтствуя меня весьма радушно и разспрашивая о томъ, были ли у меня всѣ удобства на дорогѣ. Посидѣвъ немного, я всталъ, согласно съ полученными свѣденіями, и проговорилъ Алахо-акберъ! сдѣлавъ требуемое движеніе руками. Потомъ я снова сѣлъ по тюркски, слушалъ разныя любезныя рѣчи шахавала и отвѣчалъ на нихъ. Онъ выразилъ мнѣ удовольствіе по поводу пріѣзда англичанина, говоря, что его соотечественникамъ извѣстна дружба нашей націи къ султану турецкому (главѣ мусульманской вѣры), и что вслѣдствіе этой дружбы мы также будемъ друзьями. Появленіе англійскаго сахиба, предпринявшаго трудное, дальнее путешествіе, съ цѣлью посѣщенія Аталыка, должно служить укрѣпленіемъ дружбы между двумя народами. «Дружба», говорилъ онъ, «все поощряетъ, а вражда

ведетъ только къ опустошенію земли». Надѣюсь, я отвѣчалъ какъ слѣдуетъ, сказавъ ему, что своимъ посѣщеніемъ я желаю установить дружественное сношеніе между обѣими странами, такъ какъ англичане питаютъ самыя дружелюбныя чувства къ тюркамъ. Я прибавилъ, что королева будетъ очень довольна, когда услышитъ, какъ хорошо принимаютъ въ Туркестанѣ одного изъ ея подданныхъ. Затѣмъ, шахавалъ сталъ извиняться за то, что меня такъ долго задержали въ Шахидуллѣ и за плохой пріемъ, оказанный мнѣ, но по его словамъ причиной этому было то, что я не далъ знать впередъ о моемъ прибытіи. При этомъ я выразилъ крайнее удивленіе: «Неужели мой слуга, мунши», проговорилъ я, «не отдалъ моего письма и подарковъ Аталыку?» Шахавалъ отвѣчалъ, что нѣтъ. «Но, въ такомъ случаѣ, вы могли обвинять меня въ недостаткѣ уваженія къ Аталыку за то, что я впередъ не испросилъ у него позволенія посѣтить его. Въ сущности же я только съ этой цѣлью и послалъ мунши. Прошу васъ вызвать его и спросить у него ящикъ съ письмомъ къ Аталыку. Я очень сожалѣю, что случилось такое кажущееся неуваженіе съ моей стороны». Шахавалъ на это отвѣчалъ: «Нѣтъ, нѣтъ, какое же тутъ неуваженіе; мнѣ жаль только, что васъ задержали въ Шахидуллѣ и что своевременное сообщеніе не дало мнѣ возможности приготовить для васъ достойный пріемъ. Что касается мунши, онъ вашъ слуга, его вызовутъ, какъ только вы пошлете за нимъ».

Во время этого разговора подали «дастаръ-ханъ». Поговоривъ еще нѣсколько времени на ломаномъ персидскомъ языкѣ (что касается меня) я всталъ, желая уйти.

Шахавалъ положилъ мнѣ руку на плечо, съ цѣлью удержать меня. Черезъ нѣсколько минутъ слуга принесъ богатое

шелковое платье, которое было накинуто мнѣ на плечи при прощаньи. Шахавалъ тоже всталъ и проводилъ меня другой дверью, черезъ длинную комнату, которая, какъ я потомъ услышалъ, употреблялась въ видѣ мечети для свиты Аталыка. Въ концѣ этой комнаты шахавалъ простился со мной, низко поклонившись. Здѣсь ко мнѣ присоединились мои слуги и мы вернулись домой, куда въ это время прибыли уже всѣ мои вещи. У наружныхъ воротъ дворца мы встрѣтили довольно приличнаго всадника. Онъ тотчасъ сошелъ съ лошади и подошелъ ко мнѣ цѣловаться. Юзбаши пробормоталъ нѣсколько словъ, представляя насъ другъ другу, и я бросился въ его объятія со всей искренностью продолжительной дружбы. Но я до сихъ поръ не имѣю ни малѣйшаго понятія о томъ, кто онъ такой.

Возвратившись домой, я тотчасъ послалъ за своимъ мунши. Онъ явился разодѣтый въ роскошное платье, подаренное ему шахаваломъ, и я велѣлъ ему тотчасъ послать за ящикомъ съ письмомъ. Я вложилъ письмо мое къ Аталыку въ краспвый маленькій ящикъ изъ золота съ эмалью, извѣстный подъ именемъ гуджиратскаго издѣлія. Ящикъ этотъ скоро былъ мнѣ доставленъ; я, не открывая, передалъ его юзбаши, съ просьбою вручить его шахавалу. Я нарочно такъ поступилъ, чтобы они сами прочли письмо и убѣдились въ правдивости моихъ словъ. Прошло около часу, послѣ чего юзбаши вернулся, неся мнѣ назадъ ящикъ съ письмомъ и прося меня отъ имени шахавала лично передать его Аталыку, когда я послѣдняго увижу. Я все-таки узналъ, что они читали письмо, а мнѣ только этого и нужно было.

Мунши разсказалъ мнѣ всѣ обстоятельства своего путешествія и пребыванія въ Яркандѣ. Мнѣ было очень досадно,

что онъ не передалъ моего письма, ни даже сущности его, но онъ представилъ мнѣ довольно великія причины; впрочемъ, я еще не могу произнести рѣшительнаго приговора по поводу этого дѣла. Оказывается, что Махмудъ-Назаръ, возвращавшійся посолъ, попеченію котораго я поручилъ Дивана-Бахша, просто мошенникъ. Онъ, во все время путешествія, дурно обращался съ мунши, и по прибытіи въ Яркандъ сталъ распространять слухи, что это шпіонъ, умалчивая совершенно о моемъ приближеніи. Хотя шахавалъ, не смотря на эти слухи, хорошо принялъ моего мунши, причемъ Махмудъ-Назаръ попалъ даже въ немилость, но все-таки Дивана-Бахша въ Яркандѣ подвергли строгому надзору, а видя это, и боясь, что мнѣ пошлютъ приказаніе вернуться назадъ съ полъ-дороги, если мое приближеніе станетъ извѣстнымъ, разсудилъ лучше умолчать объ этомъ, пока я не доѣду до Шахидуллы. Только когда я прибылъ туда, онъ объяснилъ цѣль своего пріѣзда.

Я не могу одобрить его дѣйствій, даже послѣ такого объясненія. Избѣгнувъ одного зла, онъ навлекъ другое тѣмъ, что возбудилъ подозрѣніе тюркскаго правительства своимъ долгимъ молчаніемъ.

Офицеръ былъ тотчасъ посланъ, чтобы задержать меня въ Шахидуллѣ (это тотъ самый, который пріѣхалъ въ Шахидуллу 13-го ноября), а черезъ 2 или 3 дня шахавалъ велѣлъ моему мунши написать мнѣ о томъ, какъ его радушно приняли, и что Аталыкъ съ удовольствіемъ услыхалъ о моемъ желаніи посѣтить его страну, но что напрасно мнѣ зимой брать такой трудъ; а лучше отослать мунши съ уполномоченнымъ посломъ къ англійскому правительству, послѣ чего насъ съ радостію примутъ въ Яркандѣ.

Далѣе, Дивану-Бахшу велѣно было написать сверху по индійски (какъ будто отъ себя), чтобы я тотчасъ возвратился въ Ладакъ. Онъ такъ и сдѣлалъ, но по счастію я, не примѣтивъ приписки, бросилъ письмо, потому что не могъ его разобрать. Еслибъ я прочелъ его, я бы серьезно призадумался Это самое письмо было мнѣ передано Джумою. Когда моя записка пришла въ Яркандъ (писанная въ первый день изъ киргизскаго лагеря), ее послали къ мунши для прочтенія. Не задумываясь надъ ложью (если это правда) и надъ своимъ непониманіемъ англійскаго языка онъ сказалъ, что я пишу Аталыку о своемъ твердомъ намѣреніи не выѣзжать изъ Шахидуллы прежде окончательнаго рѣшенія его, т. е. Аталыка. Кромѣ того, онъ, согласно съ моими приказаніями, упомянулъ о моемъ желаніи, чтобы за мной на границу выслали чиновника съ извѣстнымъ саномъ. Вслѣдствіе такой просьбы, юзбаши былъ посланъ ко мнѣ, но тутъ произошла еще задержка, благодаря появленію Гейварда. Вотъ что я узналъ отъ мунши; мнѣ сдается однако, что въ этомъ разсказѣ, также какъ и въ словахъ шахавала, кроется нѣкоторое разногласіе съ фактами. Гарнизонъ занялъ Шахидуллу еще за мѣсяцъ до моего прибытія, т. е. около того времени какъ Махмудъ-Назаръ и Диванъ-Бахшъ прибыли въ Яркандъ; кромѣ того я вспомнилъ еще нѣсколько несообразностей. Но, какъ говоритъ шахавалъ, главное дѣло заключалось въ томъ, чтобы безопасно достигнуть Ярканда, что и удалось вполнѣ. Какія интриги предшествовали или причинили мое благополучное прибытіе, останется, я думаю, всегда тайною для меня.

Кромѣ того мунши сообщилъ мнѣ, что въ самый день его пріѣзда въ Яркандъ, въ землѣ подлѣ города нашли за-

рытую пушку. Эта находка была принята за хорошее предзнаменованіе, такъ какъ пріѣздъ англійскаго посланнаго совпалъ съ такимъ выгоднымъ увеличеніемъ городской защиты.

Я началъ устраиваться въ своемъ домѣ. На первомъ дворѣ находятся конюшни со стойлами на 10 или 12 лошадей. Напротивъ находятся двѣ или три комнаты, занятыя пенджабаши (начальникъ 50) и его адъютантомъ, которымъ поручено оставаться въ числѣ моихъ спутниковъ. Тутъ же принимаются всѣ посѣтители, пока мнѣ о нихъ докладываютъ. Во второмъ дворѣ есть комната, которую я обратилъ для себя въ купальню, а рядомъ кухня и людскія. Двое рабовъ, изъ собственной свиты шахавала, пришли помогать въ кухнѣ. Въ концѣ третьяго двора находится нѣчто въ родѣ павильона, въ которомъ я живу. За нимъ тянется маленькій садъ съ оранжереей. За 100 саженей отъ садовой стѣны возвышается укрѣпленная стѣна Ялгъ-Шара, съ небольшими домами на разстояніи 30 саженей другъ отъ друга. Моя гостиная очень уютная комната, съ ковромъ и обширнымъ каминомъ, наподобіе европейскаго, который никогда не дымится. Стѣны выбѣлены, а потолокъ тщательно оклеенъ обоями. Свѣтъ проходитъ въ отверстіе, затянутое тонкой бумагой вмѣсто стекла; кромѣ того два окна открываются до самой земли. Эти окна двойныя; наружныя состоятъ изъ трельяжа, покрытаго прозрачной бумагой, а внутреннія представляютъ ставни, которыя на ночь запираются. Все дерево выкрашено въ зеленую краску, и весь домъ, снаружи и внутри, былъ обновленъ для моего пріема.

Домъ этотъ принадлежалъ яркандскому губернатору. Рядомъ находится домъ шахавала (онъ занимаетъ дворецъ только во время отсутствія Аталыка, въ качествѣ регента).

Прежде чѣмъ я сѣлъ обѣдать, снова явился юзбаши съ цѣлой толпой прислуги, несшихъ разную мебель.. Тутъ были: столъ (не болѣе двухъ футовъ вышины), съ узоромъ изъ самыхъ яркихъ красокъ; два высокія кресла съ прямыми спинками, сидѣнье которыхъ приходилось въ уровень со столомъ; двѣ кровати съ большими тонкими матрасами, обитыми шелковой матеріей. Эти послѣдніе предназначались для сидѣнья днемъ такъ же какъ и для спанья. Каждая отдѣльная вещь была сдѣлана спеціально для меня, такъ какъ въ Яркандѣ ничего этого не знаютъ. Тюрки обыкновенно сидятъ на коврахъ и спятъ на деревянныхъ полкахъ или на матрасахъ, положенныхъ прямо на полъ. Шахавалъ узналъ отъ индійцевъ, находящихся въ его услуженіи, что̀ нужно было для англичанина. Съ ихъ-то словъ была приготовлена упомянутая мною мебель; сравнительная вышина стола и стульевъ неудачна; но по счастью у меня съ собой американскій складной стулъ, совершенно подходящій къ столу. Высокія кресла я буду употреблять въ торжественныхъ случаяхъ, предлагая одно посѣтителю, а другое оставляя себѣ. Когда всѣ эти вещи были мнѣ показаны, юзбаши поднесъ мнѣ ермолку наподобіе тѣхъ, которые они всѣ носятъ подъ турбанами, высокую бархатную шапку, опушенную мѣхомъ, шелками вышитый кошелекъ особаго фасона, для ношенія на поясѣ, пару высокихъ сапоговъ и наконецъ длинный халатъ изъ пунцовой шелковой матеріи, сильно подбитый ватой. Шахавалъ прислалъ мнѣ его по причинѣ холодной погоды Старанье, съ которымъ старый шахавалъ выбиралъ все что могло мнѣ понравиться, возбудило во мнѣ самыя дружелюбныя чувства къ нему; я видѣлъ, что онъ заботился объ удобствѣ моемъ, а не только показывалъ видъ гостепріимства.

Слуга мунши, Рахметъ-Улла, попался въ подстрекательствѣ тюрковъ противъ моихъ индійскихъ слугъ, которыхъ онъ самъ училъ не прикасаться къ хлѣбу мусульманъ. Я позвалъ его къ себѣ и взявъ его за ухо (это мѣстный обычай, когда хотятъ придать выговору большее значеніе) сталъ выговаривать ему за его поведеніе. «Эти люди», сказалъ я, «гораздо меньше индійцы, нежели ты самъ, а потому имѣютъ менѣе причинъ сохранять кастовые обычаи въ ѣдѣ и питьѣ. Если ты когда нибудь еще посмѣешь вселять имъ такія мысли, то я съ тебя кожу сдеру».

Провинившійся обѣщался слушаться меня съ видомъ глубокаго раскаянія; послѣ этого мнѣ не пришлось болѣе слышать подобныхъ исторій.

Яркандъ. Декабря 9-го. Нынче за завтракомъ юзбаши приходилъ ко мнѣ; за нимъ человѣкъ несъ подносъ со сливками и вареньемъ. Я сообщилъ ему свое желаніе имѣть другое свиданіе съ шахаваломъ для того, чтобъ поднести ему разные подарки. Юзбаши обѣщалъ переговорить объ этомъ. Кромѣ того, я напомнилъ ему о стеклѣ для моихъ часовъ, которое онъ обѣщалъ вставить по пріѣздѣ въ Яркандъ. Я тоже просилъ его прислать мнѣ какихъ нибудь купцовъ, отъ которыхъ я могъ бы узнать цѣны различныхъ предметовъ торговли на яркандскомъ рынкѣ. Онъ обѣщался все исполнить и понесъ показывать шахавалу мои часы. Вскорѣ послѣ этого онъ возвратился и сказалъ мнѣ, что часовщикъ боленъ; но вмѣсто того принесъ мнѣ собственные часы шахавала, съ просьбой послѣдняго употреблять ихъ, пока мои не починятъ. Присланные часы были настоящія женевскія (серебрянныя вызолоченныя); они заводились безъ ключа. Это— до крайности любезное дѣйствіе со стороны шахавала.

Вчера шахавалъ сказалъ моему мунши, что онъ очень радъ меня видѣть и надѣется со мной подружиться; но только съ условіемъ, что я буду всегда заявлять все что мнѣ будетъ нужно.

Двухъ сипаевъ послали отыскать мой караванъ; другіе два должны присоединиться къ нимъ въ Шахидуллѣ. Я подарилъ каждому по турбану и обѣщалъ награжденіе.

Яркандъ. Декабря 10-го. Юзбаши снова явился съ подаркомъ; онъ принесъ мнѣ высокую, подбитую мѣхомъ, голубую бархатную шапку и четыре красивыя платья для слугъ. Я спросилъ его опять, когда я могу идти съ моими приношеніями къ шахавалу. Онъ ушелъ освѣдомиться и скоро возвратился, говоря: «Идите за мной, но подарки ваши не могутъ быть приняты прежде, нежели вы увидите Аталыка». Я отправился во дворецъ и, при помощи моего мунши, которому было позволено присутствовать при свиданіи, имѣлъ продолжительную бесѣду съ шахавaломъ. Вотъ, на сколько я помню, сущность этого разговора:

«Мы не посылали къ англичанамъ посла (элки) по той причинѣ, что намъ совѣстно встрѣтиться съ ними, послѣ убіенія англичанина (Шлагинтвейта), случившагося нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Правда, что теперешнее правительство не имѣло ничего общаго съ этимъ убійствомъ, совершенномъ съумасшедшимъ, въ рукахъ котораго была тогда власть. Но все-таки онъ туркестанецъ, и мы боялись, что обвиненіе падетъ на теперешнее правительство».

Я отвѣчалъ, «что намъ извѣстны всѣ обстоятельства убіенія, что страна была тогда подъ другимъ управленіемъ и что нельзя обвинять людей, совершенно непричастныхъ къ дѣлу. Далѣе я объяснилъ ему, что Шлагинтвейтъ не англичанинъ,

но что не смотря на то насъ грустно поразило извѣстіе о его смерти, такъ какъ онъ поѣхалъ изъ Индіи и слѣдовательно былъ нашимъ гостемъ. Я прибавилъ, что примутъ за большую любезность, если отыщутъ что нибудь, принадлежавшее ему, и отдадутъ мнѣ для передачи его друзьямъ».

Шахавалъ сказалъ: «Столько времени прошло съ тѣхъ поръ, что врядъ ли удастся что нибудь найти; кромѣ того, въ такомъ постыдномъ дѣлѣ мы хотѣли бы покрыть все забвеніемъ».

Я отвѣчалъ: «что такъ дѣйствительно лучше; что нужно съ обѣихъ сторонъ позабыть все; что мы, съ своей стороны, не должны питать злобы за дѣйствіе другаго человѣка, а они, въ свою очередь, не должны опасаться насъ встрѣтить».

Онъ смѣясь отвѣчалъ: «Хорошо, забудемъ все это дѣло».

«Богъ такъ создалъ наши двѣ страны», продолжалъ я, «что онъ видимо предназначалъ насъ для взаимной дружбы. Горныя преграды, возвышающіяся между нами, ограждаютъ насъ отъ опасности взаимныхъ нападеній; между тѣмъ, какъ обмѣнъ произведеній, удовлетворяя нуждамъ обѣихъ странъ, можетъ служить прочнымъ основаніемъ торговыхъ сношеній».

Онъ вполнѣ согласился со мною и сказалъ, что когда существуетъ между людьми сердечный союзъ, никакія горы не могутъ раздѣлить ихъ и, напротивъ, сердечный разладъ можетъ создать преграды тамъ, гдѣ ихъ естественно нѣтъ. Я сказалъ ему, что хотя я не былъ присланъ своимъ правительствомъ, но мнѣ извѣстно его настроеніе и желаніе всѣхъ моихъ соотечественниковъ, которыя я и надѣюсь сообщить Аталыку. «Королева будетъ очень польщена», сказалъ я, «почетнымъ пріемомъ, оказаннымъ частному англичанину,

такъ какъ она увидитъ въ этомъ доказательство высокаго мнѣнія вашего правительства о нашей странѣ».

Онъ отвѣчалъ: «Если бы вы пріѣхали отъ имени лорда сахиба [1]) или съ письмомъ отъ него, всякое вниманіе, оказанное вамъ, невольно относилось бы къ нему. Теперь же ясно для всѣхъ, что мы принимаемъ васъ ради васъ самихъ, изъ чистой дружбы къ вашей странѣ. Мы питаемъ дружбу къ англичанамъ, потому что они друзья и союзники Султана-и-Рума (главы нашей вѣры); вотъ почему, когда одинъ изъ этихъ друзей постучался къ намъ въ дверь, мы тотчасъ сказали: «войдите». Что касается вниманія, оказаннаго вамъ, о немъ и говорить не стоитъ; мы стыдимся, что не могли сдѣлать для васъ больше этого».

Я выразилъ ему надежду на скорое свиданіе съ Аталыкомъ и на то, что мнѣ удастся установить постоянное сношеніе между нашими странами, на что онъ отвѣчалъ: «Если вы хотите скорѣе ѣхать въ Кашгаръ, я напишу къ Аталыку и достану отъ него позволеніе, но какъ хозяину мнѣ не приходится говорить гостю: «поѣзжайте». Если вы этого непремѣнно желаете, то желаніе ваше будетъ исполнено; въ качествѣ же хозяина прошу васъ остаться и отдохнуть». Я сказалъ, что я вовсе не усталъ, благодаря удобствамъ, которыми меня окружали во время путешествія, и что я готовъ во всякое время дня и ночи выѣхать на встрѣчу къ Аталыку. «Все что приблизитъ меня къ нему не можетъ доставить мнѣ никакой усталости».

Шахавалъ отвѣчалъ: «Хорошо; я выхлопочу вамъ приказаніе о продолженіи путешествія».

---

[1]) Вице-король индійскій.

Въ заключеніе я сказалъ ему, что по свиданіи съ Аталыкомъ, надѣюсь имѣть случай съ нимъ снова побесѣдовать и представить ему немногіе подарки, привезенные для него, которые теперь онъ не могъ взять, на сколько я понялъ изъ его словъ. По прежнему на прощаніе я получилъ шелковый халатъ; шахавалъ проводилъ меня до конца слѣдующей комнаты.

Вечеромъ юзбаши пришелъ во время моего обѣда и принесъ желѣзное ядро конической формы (годящееся на пушку трехъфунтоваго калибра). Онъ сказалъ мнѣ, что уѣзжаетъ на нѣсколько дней по службѣ въ то мѣсто, гдѣ добывается это желѣзо и что онъ пришелъ проститься со мной. Онъ попросилъ у меня англійскаго пороха, котораго я и далъ ему. Вопросъ: ѣдетъ ли онъ въ Кашгаръ къ Аталыку?

Когда онъ выходилъ, мой слуга, Чумару, обратился къ нему съ слѣдующей просьбой:

«Мы такъ привыкли къ горамъ, что заболѣемъ отъ постояннаго заключенія. Нельзя ли намъ погулять по городу?»

Юзбаши отвѣчалъ: «Кто же вамъ мѣшаетъ? Но я все-таки освѣдомлюсь и сообщу вамъ завтра утромъ отвѣтъ».

Яркандъ. Пятница. Декабря 11-го. Мулла шерифъ навѣстилъ меня и въ простотѣ своей выдалъ мнѣ, что юзбаши отправился въ Кашгаръ. Сегодня я получилъ новые подарки отъ шахавала дадъ-хва [1]); между прочимъ пару галошъ на красномъ войлокѣ и съ пломбой «Россійско-Американской

---

[1]) Титулы Дадъ-хва и Шахавала принадлежатъ одному и тому же лицу, яркандскому губернатору. Первый есть въ настоящее время официальный титулъ, а второй въ былыя времена означало его должность главнаго секретаря коканскаго хана; не смотря на то, онъ дается ему постоянно.

Компаніи индійской гутта-перчи». Слуги мои ходили нынче утромъ на базаръ и возвратились въ полномъ восхищеніи оттуда. Они говорятъ, что лавки такъ же хороши, какъ въ Умрицирѣ (одинъ изъ главныхъ городовъ сѣверной Индіи), но что всѣ онѣ содержатся женщинами. Въ большомъ кругломъ базарѣ продаются платья всевозможныхъ сортовъ; для индійцевъ есть караванъ-сарай. Мои слуги нашли домъ Тарасинга (сихскаго купца, который вмѣстѣ со мной проходилъ Ладакское ущелье) и своихъ друзей гуди. Всѣмъ имъ запрещено носить турбаны, а въ знакъ того, что они «невѣрные», они должны подпоясываться черной веревкой. Мнѣ однако и моимъ слугамъ позволено носить весь костюмъ мусульманина, что̀ означаетъ необыкновенную милость.

Мнѣ надоѣло сидѣть на тѣсномъ дворѣ и я взошелъ на крышу дома. Покуда я сидѣлъ тамъ, пришелъ Махмудъ Назаръ (только что возвратившійся посолъ изъ Кашмира). Онъ находится въ большомъ безпокойствѣ по поводу полученнаго имъ письма отъ какого-то англичанина изъ Шахидуллы, который пишетъ, что онъ пріѣхалъ по его приглашенію. Махмудъ Назаръ полагаетъ, что это Гейвардъ и говоритъ, что онъ былъ до сихъ поръ увѣренъ въ правдивости англичанъ. Но я успокоилъ его, сказавъ, что это навѣрное другой какой нибудь сахибъ, а не Гейвардъ, который его никогда не видалъ. Онъ старался оправдать свое поведеніе относительно меня и мунши моего, причемъ увѣрялъ, что онъ давалъ ему только такіе совѣты, которые могли быть мнѣ полезны.

Сегодня я посылалъ за пенджабаши и сказалъ ему, что намѣренъ завтра ѣхать съ нимъ верхомъ.

Яркандъ. Декабря 12-го. Махмудъ Назаръ снова приходилъ. Онъ слышалъ, что я будто бы просилъ позволенія

осмотрѣть крѣпость и пришелъ меня предостеречь противъ такой неосторожности. Я объяснилъ ему, что вовсе не имѣлъ желанія осматривать крѣпость, а просто хотѣлъ сдѣлать прогулку на чистомъ воздухѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что въ этой странѣ существуетъ обычай, по которому гость никуда не выѣзжаетъ, покуда онъ не представится Аталыку. Я поблагодарилъ его за совѣтъ. Вскорѣ послѣ этого мунши принесъ письмо, полученное имъ отъ шахавала, въ которомъ тотъ жаловался на то, что мои слуги, какъ онъ слышалъ, продавали разныя вещи для покрытія нашихъ мелкихъ расходовъ. Шахавалъ казался очень оскорбленнымъ и говорилъ, что люди, нерасположенные къ правительству, обвинятъ его въ недостаточномъ вниманіи къ англійскому гостю. Кромѣ того, мунши мой узналъ, что нашъ другъ Махмудъ Назаръ доносилъ шахавалу какъ онъ меня нашелъ на крышѣ обозрѣвающимъ въ увеличительное стекло крѣпость и окрестности.

Обсудивъ всѣ эти обстоятельства, я рѣшился тотчасъ послать мунши къ шахавалу для разъясненія дѣла. Мунши, получивъ аудіенцію, началъ съ объясненія шахавалу моего желанія погулять, желаніе, которое было истолковано въ намѣреніи осмотрѣть крѣпость. Шахавалъ на это отвѣчалъ, что до него вовсе не доходила моя просьба о прогулкѣ, а что если мнѣ надоѣло уединеніе, то онъ проситъ меня посѣтить его. Что касается до продажи вещей моими слугами, шахавалъ объяснилъ, что такія дѣйствія, если слухъ о нихъ дойдетъ до Аталыка, погубятъ его, шахавалла, т. е. Аталыкъ взыщетъ съ него за всякое невниманіе къ гостю. Мунши ему отвѣчалъ:

«Да какъ же это можетъ случиться, когда сахибъ самъ

на лицо для подтвержденія того, что вы его всячески чествовали?»

«Правда», сказалъ шахавалъ, «но хорошо, если успѣемъ представить оправданіе, а то обыкновенно приговариваютъ тотчасъ по слову обвинителя».

А про сидѣніе на крышѣ онъ смѣясь говорилъ: «Богъ создалъ здѣшнихъ жителей также точно, какъ и русскихъ, китайцевъ, турокъ или индійцевъ». Въ заключеніе разговора, онъ спросилъ: нюхаю ли я? и прислалъ мнѣ флаконъ съ табакомъ. Это была прелестная рѣзная вещица съ перламутровой и золотой инкрустаціями; головка одной рельефной фигурки, высѣченной на флаконѣ, была отломлена, чтобы подобіе образа не смущало молитвы мусульманина. На другое утро мнѣ принесли отъ шахавала хорошенькій чайникъ, обычныя 50 монетъ (танги), барана и пропасть всякой другой провизіи. Такое приношеніе повторялось каждое утро, кромѣ предметовъ одѣванья.

Яркандъ. 13-го. Вчера шахавалъ праздновалъ рамазанъ, хотя до новолунія осталось еще три дня. Люди низшаго положенія въ свѣтѣ менѣе благочестивы и для нихъ праздникъ начнется только съ завтрашняго дня. Я просилъ аудіенціи на завтрашній день; шахавалъ велѣлъ мнѣ выразить свое удовольствіе по этому поводу, послалъ мунши развѣдать буду ли я обиженъ, если онъ не предложитъ мнѣ дастаръ-хана, такъ какъ постъ начался.

Яркандъ. Декабря 14-го. Я отправился къ шахавалу дадъ-хва. Его братъ встрѣтился мнѣ въ верандѣ. Я узналъ его и пожалъ ему руку. Съ шахаваломъ у меня была длинная бесѣда; мы въ ней коснулись чайной торговли; онъ

думалъ прежде, что чай можетъ добываться только въ Китаѣ, но я разсказалъ ему про индійскія плантаціи.

«Катаи» [1]), сказалъ онъ, «скупой, дурной народъ; онъ старается выгородить всѣхъ другихъ отъ выгодъ, которыми самъ пользуется».

Я отвѣчалъ, что мы сами сознали этотъ фактъ, бывъ даже принуждены вести съ ними три войны, причиненныя ихъ вѣроломствомъ. При этомъ я разсказалъ про посольство лорда Элджика и крѣпости Пейхо, про наше послѣдующее взятіе Пекина и разореніе Лѣтняго Дворца. «Въ настоящее время половина Китая занята возстаніемъ; разбой доходитъ до Пекина. Эти извѣстія дошли до насъ по морю».

«Ихъ мы то же слышали», сказалъ шахавалъ. «Тунганскій правитель, Даудъ-Ханъ, и его соперникъ Ала-Ходжа отняли у нихъ много земли, и внутреннія распри между кара-катаями и манджуями [2]) дробятъ всю остальную страну. Весь народъ такой плохой, трусливый, что десятокъ андиджановъ или англичанъ могли бы разбить тысячу ихъ. Вотъ почему они не покорили ни одной страны извнѣ, и всегда тщательно запирались отъ чужестранцевъ. Къ тому же они первыя неряхи на свѣтѣ, такъ что къ нимъ и къ ихъ жилищамъ противно подходить».

Я сказалъ, что они въ самомъ дѣлѣ плохо дерутся, причемъ разсказалъ ему, какъ въ началѣ нашихъ войнъ они раскрашивали себѣ уродливо лица, безобразно кричали и всячески старались напугать насъ; но при первомъ залпѣ нашихъ пушекъ обращались въ бѣгство.

---

[1]) Китайцы.

[2]) Дальше будетъ говорено подробнѣе объ этихъ китайскихъ партіяхъ.

Шахавалъ много смѣялся надъ этимъ описаніемъ и сказалъ: «Да, слова одно, а дѣйствія совершенно другое дѣло. Вы, англичане, взяли Индію; но повѣрьте, что еслибъ всѣ владыки и народъ Индіи соединились въ одно противъ васъ, они бы отразили васъ. То же и съ китайцами, которые, несмотря на численное превосходство свое, терпятъ отъ васъ пораженія, потому что вы дѣйствуете заодно».

Я вполнѣ съ нимъ согласился и прибавилъ: «Надѣюсь, что и въ Туркестанѣ единство будетъ всегда составлять силу государства, какъ у насъ въ Англіи. Ваша мусульманская вѣра связываетъ всѣ элементы вашего народа. Въ Англіи съ радостію отнеслись къ объединенію Туркестана. Мы видѣли въ немъ для себя ту выгоду, что нашихъ враговъ, китайцевъ, отодвинули отъ нашей границы, а мѣсто ихъ заняли друзья наши, потому что дружба наша съ султаномъ располагала насъ съ самаго начала смотрѣть на васъ, какъ на друзей».

«Дай Богъ, чтобы слова ваши всегда были вѣрны», отвѣчалъ шахавалъ.

Въ началѣ разговора я упомянулъ объ удовольствіи, съ которымъ я смотрѣлъ на игру «ухлакъ», такъ какъ англичане всѣ большіе охотники до наѣздничества. Онъ сказалъ на это, что «ухлакъ» плохая игра, не воинственная, что Аталыкъ ее даже запрещалъ года два тому назадъ, и что послѣ рамазана онъ мнѣ покажетъ хорошую игру на лошадяхъ. При прощаніи я просилъ его не угощать меня дастаръ-ханомъ во время рамазана, зная, что это противно ихъ обычаямъ, но онъ засмѣялся, говоря, что это ничего не значитъ.

Потомъ мнѣ сказали, что онъ самъ дѣлалъ чай для меня, находя, что прислуга его недостаточно хорошо его дѣлаетъ. Уходя я снова получилъ шелковый халатъ.

Чумару ходилъ въ городъ для свиданія со своими друзьями, гудскими купцами. Сидя въ Сераѣ, они были свидѣтелями, какъ на мѣсто казни влекли приговореннаго къ смерти преступника, который страшно кричалъ. Тарасингъ сказалъ имъ, что это ужъ третьяго человѣка проводятъ со времени его пріѣзда, а онъ не живетъ подлѣ самаго мѣста казни!

На закатѣ солнца мунши ходилъ въ мечеть раздать милостыню нищимъ на разговѣнье; это обычай между высшими классами.

Яркандъ. Вторникъ. Декабря 15-го. Пенджабаши явился съ письмомъ отъ Гейварда къ Аталыку, которое шахавалъ просилъ меня перевести. Я перевелъ его на персидскій языкъ и велѣлъ мунши списать его. Гейвардъ говоритъ въ немъ, что онъ проѣхалъ 8000 миль съ торговою цѣлью и проситъ для этого позволенія посѣтить Туркестанъ.

Махмудъ Азимъ, одинъ изъ курьеровъ Аталыка, посѣтилъ меня сегодня. Онъ только что вернулся изъ Кашгара и встрѣтилъ тамъ только что прибывшаго юзбаши. Они не стараются скрыть, что онъ поѣхалъ въ Кашгаръ, хотя онъ самъ выдумалъ какое-то дѣло въ желѣзныхъ рудникахъ.

Моего мунши спросили утромъ, куда поѣхалъ другой англичанинъ, потому что онъ скрылся изъ Шахидуллы. Мунши отвѣчалъ, что онъ не знаетъ. Потомъ они сами ему сказали, что Гейвардъ только что пріѣхалъ въ Бору. Они нисколько не заботятся о логичной послѣдовательности того что говорятъ.

Каждый день при заходѣ солнца солдатъ сзываютъ чѣмъ-то въ родѣ барабаннаго боя (татту). Въ этой странѣ пѣтухи отличаются особенностью: они ночью столько же поютъ, какъ и днемъ.

ГЛАВА X.

Продолженіе пребыванія въ Яркандѣ.

Юзбаши.—Ировинція Сариколь —Разговоръ съ мунши о дѣтоубійствѣ въ Индіи. — Подарки шахавалу; разговоръ съ нимъ.—Тюркскій взглядъ на этнологію. — Старыя книги. — Распространенность забавъ.—Рождественскіе праздники и подарки.—Путешественникъ даетъ обѣдъ. — Магометанская прислуга. — Подарокъ шахавала.—Случай съ пистолетомъ. — Газель-сайкикъ. — Музыканты. — Новый годъ. — Мороженый виноградъ. — Кашмирскіе злоумышленники.—Анекдотъ про Аталыка.—Снабженіе путешественника деньгами.—Шахавалъ, его историческія познанія. — Распоряженія по поводу продолженія путешествія къ Кашгару.

Яркандъ. Декабря 16-го. Сегодня я устроилъ термометръ свой, по методѣ, указанной въ книжкѣ географическаго общества «Hints to Travellers». Я взялъ ящикъ, въ середину котораго повѣсилъ сосудъ, наполненный сухимъ пескомъ, и въ этотъ сосудъ положилъ термометръ. Весь этотъ апаратъ я повѣсилъ на разстояніи четырехъ футовъ отъ земли подъ навѣсъ, открытый со всѣхъ сторонъ и находящійся въ серединѣ моего садика. Я намѣренъ два раза въ день дѣлать наблюденія температуры при помощи этого устройства, что, согласно помянутой книжкѣ, дастъ мнѣ вѣрно среднюю температуру.

Сегодня мунши узналъ отъ своего вчерашняго собесѣдника, что другой англичанинъ пропалъ. Говорятъ, что онъ от-

правился на поиски какой-то воды; должно быть это означаетъ устья рѣки Ярканда. Мнѣ приносили показывать ящикъ съ китайскими рѣзными каменьями, драгоцѣнностями. Между ними были хорошіе камни, голубые, красные, зеленые (похожіе на сапфиры, рубины и изумруды), но всѣ они не отдѣланы.

Около обѣденнаго часа я услыхалъ на дворѣ голосъ юзбаши, который звалъ Ша-сахиба. Я всталъ и встрѣтилъ его у двери, гдѣ онъ до того меня разцѣловалъ, что я почти задохнулся. Онъ былъ очень дружелюбенъ, сѣлъ около меня и разспрашивалъ о моемъ здоровьи.

Потомъ онъ высмотрѣлъ новый револьверъ, висѣвшій на стѣнѣ, и бросился его разсматривать. Онъ осмотрѣлъ также мое маленькое ружье и спросилъ, сколько у меня такихъ, на что я отвѣчалъ, что у меня ихъ здѣсь—семь и одно съ караваномъ. Онъ освѣдомился о караванѣ.

Я разсказалъ ему про посѣщенье Махмуда Назара во время его отсутствія. Онъ спросилъ: «Что онъ вамъ говорилъ»? «Онъ очень безпокоится о какомъ-то письмѣ, полученномъ имъ отъ одного сахиба», отвѣчалъ я.

Юзбаши продолжалъ: «Махмудъ Назаръ теперь не въ милости за то, что онъ не повѣстилъ о вашемъ приближеньи, чѣмъ причинилъ задержку вашу на дорогѣ. Въ наказанье за это Аталыкъ не пускаетъ его къ себѣ». Съ этими словами юзбаши простился со мною, говоря, что ему нужно идти на молитву къ шахавалу. Впрочемъ, онъ сперва позвалъ всѣхъ моихъ слугъ и спросилъ каждаго, какъ онъ поживаетъ, а одного молодаго индійца, Сарда, потрепалъ по плечу, что безконечно осчастливило послѣдняго, потому что Джума разъ оскорбилъ его приказаньемъ выходить изъ ком-

наты, когда юзбаши находится въ ней, на томъ основаніи, что онъ «кафиръ» (невѣрный или индіецъ). Бѣдный Сарда послѣ этого долго не могъ утѣшиться».

Яркандъ. Декабря 17-го—Рано утромъ юзбаши пришелъ ко мнѣ, чтобъ освѣдомиться о другомъ френгѣ (какъ онъ называетъ Гейварда). Онъ говоритъ, что изъ Шахидуллы прибылъ новый посланный. Гейвардъ дней пятнадцать или шестнадцать тому назадъ выѣхалъ оттуда, увозя только немного муки на одномъ якѣ и одного человѣка, несшаго ружье. Солдаты, слѣдившіе за нимъ въ продолженіе двухъ дней, видѣли, что онъ направился къ Канджуту (мѣстность, находящаяся въ горахъ къ западу, заселенная разбойничьимъ племенемъ), но потомъ выпалъ снѣгъ и они потеряли его слѣдъ. Въ Шахидуллѣ осталось два вьюка его и прислуга.

Шахавалъ хочетъ узнать отъ меня зачѣмъ Гейвардъ пріѣхалъ и зачѣмъ, прося позволенья посѣтить Туркестанъ, онъ, не дождавшись этого позволенья, скрылся куда-то. Я сказалъ, что ничего про это не знаю, но что изъ письма его, которое я перевелъ, видно, что онъ ѣхалъ съ торговой цѣлью. Юзбаши на это покачалъ головой, но ничего не отвѣчалъ. Они видимо не вѣрятъ этому.

Чумару возвратился изъ города. Сегодня былъ торговый день на рынкѣ (четвергъ) и онъ жалуется, что ему совсѣмъ плечи сдавили въ толпѣ. Онъ купилъ пачку русскихъ спичекъ. Въ продажѣ находится большое количество мяса бараньяго, лошадинаго, верблюжьяго. По приказанію Аталыка недавно выстроили новую мечеть и водокачальню. Весь городъ снабжается водой изъ водокачальни, куда она проводится изъ рѣки черезъ каналы.

Пенджабаши, который приходитъ поболтать со мной всег-

да послѣ обѣда, разсказывалъ мнѣ, что въ Андиджанѣ (Коканѣ) киргизы употребляютъ двугорбыхъ верблюдовъ въ горахъ, а для торговли съ Россіей, отправляясь на сѣверъ въ равнины, они выбираютъ одногорбыхъ верблюдовъ.

Яркандъ. Декабря 18-го.—Юзбаши пришелъ въ то время, какъ я сидѣлъ въ павильонѣ за домомъ. Мы велѣли принести мое маленькое ружье системы «Vestley Richards», и стали стрѣлять въ крышу китайской пагоды въ разстояніи ста саженей, не обращая никакого вниманія на китайскихъ солдатъ, стоявшихъ тамъ (всѣ они обращены въ мусульманство). Юзбаши сказалъ мнѣ, что я ничего не долженъ покупать, на что я отвѣчалъ, что мнѣ совѣстно просить тѣ бездѣлицы, которыя мнѣ нужны. Но онъ сказалъ: «Нужна ли вамъ вещь, стоющая тысячу «тили» или такая, которая и одного не стоитъ, вы не должны совѣститься спрашивать». Я далъ обѣщанье всегда такъ поступать.

Я имѣлъ продолжительный разговоръ съ Курбаномъ, однимъ аргунином, проданнымъ канджутами. Онъ говоритъ, что рѣка, истокъ которой въ Каракорамѣ, течетъ въ Сирикюль (настоящее имя — Сариколь). Если это правда, то Сирикюль не есть озеро, посѣщенное Вудомъ, по ту сторону Памирской степи, у источниковъ Оксуса. Никто не слыхалъ про озеро Сирикюль. Подъ этимъ именемъ извѣстна маленькая провинція, находящаяся въ углу между Памирской и Каракорамскими цѣпями, и заселенная племенемъ арійскаго происхожденія. Къ тому же я могу прибавить, что настоящее окончаніе этого имени не кюль, что значитъ озеро (какъ исикъ-кюль кара-кюль и пр.), а коль, т. е. рука или рабъ. Оно въ такомъ значеніи и употребляется въ словѣ Сариколь,

какъ я узналъ, но значенія другой части слова я не могъ открыть.

Сарда слыхалъ въ городѣ, что русскіе находятся недалеко отъ Кашгара, гдѣ они ждутъ катаевъ (китайцевъ), чтобы сдать имъ въ руки эту страну.

Рабовъ, данныхъ мнѣ шахаваломъ, вчера отняли у меня. Юзбаши принесъ мнѣ хорошій обѣдъ отъ шахавала; онъ хотѣлъ меня пригласить на разговѣнье, но подумавъ, рѣшилъ, что мнѣ будетъ пріятнѣе отобѣдать дома; тутъ было нѣсколько блюдъ супа и мяса (которыя сохранялись горячими посредствомъ трубы, проходившей въ срединѣ и наполненной горячими угольями, наподобіе самовара).

Шахавалъ угощаетъ всѣхъ солдатъ въ городѣ сегодня вечеромъ при разговѣньи.

Я разговаривалъ сегодня съ моимъ мунши, который индійскій мусульманинъ. Онъ говоритъ, что въ Яркандѣ меньше расходовъ въ семействѣ, нежели въ Индіи, потому что нѣтъ затрудненій при выдачѣ дочерей замужъ. При этомъ я упомянулъ объ индійскомъ обычаѣ убивать дѣтей, на что онъ смѣясь отвѣчалъ: «Да, семь лѣтъ тому назадъ у меня родилась дочь и я отдалъ ее одному человѣку убить, потому что въ нашемъ семействѣ до тѣхъ поръ не давали жить ни одному ребенку женскаго пола, такъ какъ мы слишкомъ бѣдны, чтобы выдать замужъ своихъ дочерей за единственныхъ жениховъ, которыхъ мы считаемъ достойнымъ себя. Но мой братъ, бывшій на англійской службѣ, уговорилъ меня и я оставилъ ее въ живыхъ. Теперь она просватана молодому человѣку изъ нашего семейства, пришедшему изъ Гуджеранвалла единственно для того, чтобы найдти себѣ жену изъ собственнаго рода, до того онъ уменьшился».

Чумару пришелъ въ ужасъ отъ этого разсказа, вспоминая съ чувствомъ свое горе при смерти маленькой дочери; но онъ все-таки признался, что и его племя, гудди, иногда убивали своихъ дочерей. Въ настоящее время подъ теперешнимъ управленіемъ они не только боятся это дѣлать, но въ нихъ стала просыпаться чувствительность!

Я сказалъ мунши: «Вы сдѣлались настоящими индійцами, соблюдая кастовыя отношенія при выдачѣ замужъ вашихъ дочерей. Еслибъ вы не прибавили этого обычая къ шаритту (законы) вашей религіи, вы не стали бы прибѣгать къ дѣтоубійству».

Яркандъ. Декабря 20-го. Сегодня утромъ юзбаши пришелъ меня приглашать отъ имени шахавала, причемъ онъ шепнулъ Джумѣ: «Теперь вы можете принести подарки». У меня не были готовы вещи, но я въ спѣхѣ собралъ ружье, револьверъ, розовый шелковый турбанъ, сукно и 120 фунтовъ чаю, послѣ чего мы отправились во дворецъ. Поднося шахавалу свои подарки я выразилъ надежду, что онъ ихъ приметъ, хотя я бы не такія выбралъ для него вещи, еслибъ прибылъ мой караванъ. Онъ казался очень довольнымъ и сказалъ, что мнѣ не слѣдовало этого дѣлать, но что онъ все-таки съ радостію принимаетъ мои подарки.

Потомъ онъ сказалъ мнѣ, что онъ писалъ къ Аталыку о моемъ желаніи видѣть его и что онъ ожидаетъ отвѣтъ черезъ день-другой, послѣ чего я могу ѣхать въ Кашгаръ и сообщить Аталыку все что я хочу.

«Я хорошо знаю чувства и желанія нашего народа», сказалъ я, «хотя я купецъ и пріѣхалъ не отъ имени лорда сахиба, но онъ не можетъ послать къ вамъ посла прежде, нежели вы своего къ нему не пошлете».

На это шахавалъ отвѣчалъ: «Мы не посылали къ вамъ своего посла стыдясь за убіенiе Шлагинтвейта; но лорду сахибу стыдиться было нечего; отчего же онъ первый не прислалъ намъ посла?»

Я засмѣялся, говоря, что теперь, когда мнѣ удалось выяснить все дѣло, я надѣюсь на установленiе постоянныхъ сношенiй между нашими государствами.

«Что касается Аталыка», продолжалъ шахавалъ, «я надѣюсь мы скоро получимъ ожидаемыя для васъ приказанiя. Прежде Аталыкъ всѣ дѣла рѣшалъ въ Яркандѣ, но теперь онъ перенесъ столицу въ Кашгаръ, и я думаю онъ меня скоро туда потребуетъ. Я задержалъ Ша сахиба въ Яркандѣ для того, чтобы съ нимъ познакомиться; еслибъ онъ проѣхалъ прямо въ Кашгаръ, онъ скоро бы забылъ меня».

Я отвѣчалъ, что это совершенно невозможно послѣ всего радушiя, встрѣченнаго мною съ его стороны, и что я очень радъ слышать, что онъ поѣдетъ въ Кашгаръ, такъ какъ у меня тогда будетъ хорошiй совѣтникъ.

Онъ сказалъ: «Я боюсь, что мой отъѣздъ будетъ замедленъ, между тѣмъ, какъ вы вѣроятно скоро уѣдете, но у меня есть много братьевъ въ Кашгарѣ, подлѣ Аталыка».

Затѣмъ онъ увѣрялъ меня въ своей дружбѣ, говоря, что вниманiе, оказанное имъ моему мунши, было ради меня, причемъ я перебилъ мунши, служившаго переводчикомъ въ этомъ разговорѣ, и по-персидски отвѣчалъ шахавалу: «Онъ мнѣ самъ это говорилъ».

Воспользовавшись этимъ случаемъ, я сказалъ, что мнѣ очень совѣстно не быть въ состоянiи говорить съ моими хозяевами на ихъ собственномъ языкѣ, и что онъ оказалъ бы

мнѣ настоящую милость, давъ мнѣ одного муллу для изученія тюркскаго нарѣчія. Онъ засмѣялся на это:

«Зачѣмъ бы вамъ не поучить меня по индійски?»

Я отвѣчалъ: «Я знаю уже нѣсколько языковъ и мнѣ хотѣлось бы дополнить свое знаніе тюркскимъ нарѣчіемъ, которое можетъ пригодиться и въ Румѣ, гдѣ говорятъ на томъ же языкѣ. Есть у васъ какія нибудь преданія о родствѣ съ жителями Рума?»

«Да», отвѣчалъ онъ, «они первоначально вышли изъ Туркестана—Кокана (?). У нихъ то же нарѣчіе, что и у насъ, и они то же сыновья Яшта. Мы дѣлимъ родъ человѣческій на три рязряда, на верхнихъ жителей: англичанъ, румійцевъ и пр.; на среднихъ, какъ напр. корасаны, арабы и пр., и на крайнихъ, т. е. габшиновъ и пр., черныхъ. Первые—сыновья Яшта, вторые—Сима, третьи—Хама».

Я спросилъ: «Чьи сыновья катаи (китайцы)? «Сыновья Сима», отвѣчалъ онъ, «они живутъ въ среднихъ странахъ».

Я былъ очень радъ, что онъ ввелъ въ разговоръ этотъ предметъ и продолжалъ: «Мы, англичане, принимаемъ живое участіе въ подобныхъ вопросахъ; у насъ существуетъ тоже подраздѣленія, мы также считаемъ арабовъ потомками Сима, абисинцевъ потомками Хама, а себя производимъ отъ Яфета: отъ васъ узнаю, что и тюрки происходятъ отъ Яфета. Въ Англіи много занимаются вопросомъ происхожденія народовъ и окружаютъ почетомъ ученыхъ, которымъ удастся сдѣлать успѣшныя изслѣдованія».

На это онъ отвѣчалъ: «Это очень хорошо, потому что подобное изученіе полезно для человѣчества; вездѣ гдѣ есть много докторовъ (хакимы), какъ напр. въ Англіи, наука эта процвѣтаетъ».

«Вѣрно у васъ есть много старинныхъ книгъ по этому предмету?» спросилъ я.

«Да», отвѣчалъ онъ, «и вѣроятно въ Яркандѣ есть нѣкоторыя изъ нихъ.

Тогда я выразилъ ему свое желаніе познакомиться съ какимъ нибудь ученымъ, который могъ бы удовлетворить мое любопытство, такъ какъ мнѣ было слишкомъ совѣстно отнимать у него драгоцѣнное время, для моего удовольстія. Онъ согласился на мою просьбу, говоря, впрочемъ, что въ Яркандѣ нѣтъ большихъ ученыхъ. На этомъ мы разстались.

Яркандъ. Декабря 21-го. «Сегодня утромъ приходили больные зобомъ [1]). Между ними были и женщины. Я далъ имъ іоду, лекарство, которое много помогало въ подобныхъ случаяхъ, когда я жилъ въ Гималайскихъ горахъ. Юзбаши принесъ мнѣ «камзолъ» (платье, облегавшее плотно вокругъ тальи) изъ шелковой матеріи пополамъ съ бумагой. Я далъ ему свое маленькое ружье, но онъ боялся его взять съ собой, чтобъ не подумали, что онъ приходилъ просить его. Итакъ, я вечеромъ послалъ его съ Джумою.

Сегодня мунши ужиналъ во дворцѣ, причемъ сынъ шахавала (Махмудъ-Али-Джанъ) посадилъ его на почетное мѣсто выше себя.

Яркандъ. Декабря 22-го.—Послѣ обѣда пришелъ юзбаши съ извѣстіемъ о томъ, что Гейвардъ найденъ. Говорятъ, что если бы его не нашли еще нѣсколько дней, съ нимъ бы непремѣнно случилось несчастье; съ нимъ не было ни палатки,

---

[1]) Марко Поло, говоря о Яркандѣ, разсказываетъ: „Народъ этотъ вообще подверженъ опухоли въ ногахъ и желвакамъ въ горлѣ, вслѣдствіе особеннаго качества воды, которую они пьютъ.

ни малѣйшаго средства къ возвращенію, такъ какъ онъ убилъ яка, свое единственное вьючное животное, и питался только его мясомъ, жаренымъ на огнѣ.

Яркандъ. Декабря 23-го. Я позволилъ своей прислугѣ купить себѣ кусокъ говядины для Рождественскаго праздника; шахавалъ, узнавъ объ этомъ, прислалъ сегодня мнѣ сказать, что онъ проситъ меня за всѣмъ къ нему обращаться и ничего не доставать для себя въ городѣ; онъ слыхалъ, что подходитъ мой праздникъ и снабдитъ меня всѣмъ, чѣмъ нужно. Если бы я спросилъ говядины, то мнѣ конечно прислали бы (не менѣе цѣлаго быка).

Вечеромъ я толковалъ съ пенджабаши и ходжендъ-лику наши рождественскія семейныя сборища; они мнѣ говорили, что рамазанъ подобнымъ же образомъ празднуется въ Андиджанѣ.

Юзбаши сегодня угощаетъ бѣдныхъ.

Яркандъ. Декабря 25-го.—Сегодня шахавалъ прислалъ мнѣ въ честь праздника громадный «дастаръ-ханъ», два шелковыхъ халата и шапку. Двѣнадцать человѣкъ, подъ предводительствомъ юзбаши внесли эти вещи; послѣдній упрашивалъ меня сказать, что̀ нужно для соблюденія праздника согласно съ англійскими обычаями. Я сдѣлалъ ему и пенджабаши нѣскокько подарковъ и со всей своей прислугой помѣнялся подарками. Мунши принесъ мнѣ двадцать разныхъ сортовъ хлѣба, приготовляемыхъ въ Яркандѣ.

Вечеромъ, я послалъ своего мунши къ шахавалу съ подарками для Рождества—золотой футляръ для карандаша ему самому, и золотой револьверъ съ эмалью Аталыку. Шахавалъ принялъ его очень хорошо, выразилъ свое удовольствіе и прислалъ мнѣ на память кольцо съ дорогимъ камнемъ.

Сегодня вечеромъ 200 человѣкъ кавалеріи посланы на

какую-то экспедицію. Шахавалъ на прощаніе всѣмъ имъ роздалъ денегъ. Носятся слухи о приближеніи русскихъ къ Кашгару и о какой-то завоевательной силѣ будто бы перешедшей Сарикольскія горы. Джума въ большомъ страхѣ уговариваетъ меня скорѣе уѣхать отсюда.

Яркандъ. Декабря 27-го. Сегодня утромъ я узналъ, что вчерашняя кавалерія была отправлена на поиски вооруженной партіи 150 человѣкъ (канджутовъ или другихъ неизвѣстно), появившихся въ Сариколѣ съ яркандской стороны. Гейвардъ пріѣхалъ и отправился къ шахавалу. Джума, за которымъ прислали въ качествѣ переводчика, съ ужасомъ разсказывалъ мнѣ о томъ, какъ Гейвардъ сѣлъ, протянувъ ноги, по направленію къ шахавалу, совершенно пренебрегая восточнымъ этикетомъ!

Яркандъ. Декабря 28-го. Вчера я писалъ шахавалу, прося позволенія ѣхать на охоту или, по крайней мѣрѣ, дѣлать ежедневныя прогулки для здоровья. Вмѣсто отвѣта, шахавалъ прислалъ сказать моему мунши, что мнѣ готовятъ шубу, такъ какъ черезъ нѣсколько дней мнѣ придется ѣхать въ Кашгаръ, и спросить: нужно ли ее дѣлать однобортную или двубортную?

Мой мунши все заботится о полученіи хорошаго атестата, въ случаѣ того, что ему придется возвращаться въ Индію безъ меня; но я подожду еще, пока совершенно въ немъ увѣрюсь.

Вторникъ. Декабря 29-го. Сегодня я далъ обѣдъ. Мои друзья только что ушли на молитву. Во время рамазана каждый день послѣ заката солнца разрѣшается ѣда, а поэтому принято угощать своихъ друзей у себя или посылать имъ обѣды на домъ. Я сегодня вечеромъ пригласилъ

своего юзбаши и еще трехъ или четырехъ другихъ. Они пришли около пяти часовъ, вскорѣ послѣ солнечнаго заката. Мой мунши помогалъ мнѣ хозяйничать. Передъ ѣдой обычаемъ требуется совершить особую молитву. Для этого на коврахъ была постлана большая простыня и юзбаши началъ сзывать всѣхъ на молитву. Моего мунши поставили впередъ, въ качествѣ имама, и другіе размѣстились сзади, готовясь руководствоваться его движеніями. Это дѣлается изъ вѣжливости, чтобы показать превосходство того, котораго такимъ образомъ выдвигаютъ впередъ. Диванъ-Бахшъ, обратившись лицомъ по направленію къ Меккѣ, началъ обычныя мусульманскія молитвы. По временамъ имамъ говоритъ громко «Аллахъ», причемъ всѣ кладутъ земные поклоны. Иногда онъ тихо повторяетъ стихи изъ Корана, но большею частью хранится общее молчаніе; каждый молится про себя, становясь на колѣни и вставая по примѣру имама. Во время этой церемоніи, я сидѣлъ на своемъ креслѣ подлѣ камина, а каждый гость, окончивъ свою молитву, подходилъ и садился возлѣ меня. Когда всѣ отмолились, передъ нами на полу разостлали нѣсколько скатертей, и я вмѣстѣ съ другими сѣлъ по тюркски, около огня. Подлѣ меня сѣлъ юзбаши, потомъ мунши, Диванъ-Бахшъ, за нимъ мой первый михмандаръ, только что пріѣхавшій изъ Шахидуллы съ Гейвардомъ. По бокамъ, образуя двѣ стороны четырехугольника, сѣли четыре пенджабаши, приставленные ко мнѣ. Прежде всего каждый съѣлъ кусокъ хлѣба, посоливъ его изъ солонки. Я угостилъ ихъ смѣшаннымъ обѣдомъ; главныя блюда были—англійскія, но кромѣ того были приготовлены разныя мѣстныя кушанья. У меня по счастью осталось нѣсколько жестянокъ супа, послѣ котораго намъ подали пирогъ изъ голубей, жар-

кое, бараньи ножки и пр., а въ заключеніе яблочный пирогъ со сливками и плумъ-пудингъ. Но имъ болѣе всего понравилось пилавъ, изъ риса, вареной баранины и моркови, что̀ кажется составляетъ ихъ обычный обѣдъ. Къ десерту былъ поданъ виноградъ, арбузы, яблоки, груши, гранаты и пр., причемъ юзбаши сказалъ слугамъ: «Вамъ бы слѣдовало это внести прежде всего». Я не могъ уговорить его употреблять ножикъ и вилку; но онъ согласился ѣсть ложкой яблочный пирогъ. Мы кончили обѣдъ чаемъ и кофе, послѣдняго они не знали и не хотѣли отвѣдать.

Послѣ обѣда, когда приняли скатерти, всѣмъ гостямъ подали умыть руки; слуга несъ металлическую лоханку и рукомойникъ и наливалъ воду каждому на руки. Послѣ этого юзбаши просилъ у меня позволенія уйти, говоря, что настадъ часъ вечернихъ молитвъ, продолжающихся очень долго во время рамазана. Такъ кончился мой званый обѣдъ, вѣроятно единственный, который мнѣ придется дать въ нынѣшніе рождественскіе праздники.

Еще раньше, днемъ, юзбаши приходилъ ко мнѣ съ горячимъ обѣдомъ отъ дадъ-хва и сидѣлъ со мной нѣсколько времени. Заговоривъ о пушкахъ и ружьяхъ, онъ нашелъ случай сказать, что дадъ-хва весьма благодаренъ мнѣ за пистолетъ, присланный ему, что онъ недостоинъ такого подарка и пр. Меня это очень удивило, но я ничего не сказалъ, а онъ продолжалъ: «Вы должны поучить меня, какъ употреблять ружья. Сколько дней уже я съ вами, а вы меня ни чему еще не выучили.»—«Гдѣ мнѣ учить васъ?» возразилъ я, «вѣдь я купецъ, между тѣмъ какъ вы—солдатъ». Онъ засмѣялся и сказалъ: «Знаемъ, какъ вы мало свѣдущи въ этихъ дѣлахъ; вамъ больше извѣстно все что касается оружія и

военныхъ дѣлъ, чѣмъ кому нибудь изъ насъ, солдатъ». Я отвѣчалъ: «Да, я знаю, какъ употреблять ружья на охотѣ, потому что я люблю охоту, но въ военныхъ дѣйствіяхъ ничего не понимаю». Настало короткое молчаніе, послѣ котораго я нашелъ случай сказать: «Я послалъ дадъ-хва золотой пистолетъ съ эмалью въ видѣ подарка къ празднику Аталыку. Послали его въ Кашгаръ?»—«Я ничего не знаю и не слыхалъ про это», сказалъ онъ.

Вскорѣ послѣ его ухода моего мунши вызвали въ другую комнату. Юзбаши уходилъ во дворецъ и снова вернулся ко мнѣ. Онъ сказалъ моему мунши: «Дадъ-хва не понялъ, что пистолетъ былъ предназначенъ Аталыку и взялъ его себѣ. Если вы объясните ему его ошибку, онъ будетъ недоволенъ. Оставьте лучше это дѣло безъ вниманія. Мунши передалъ мнѣ эти слова. Посовѣтовавшись, мы пришли къ заключенію, что по правдѣ дѣло должно было быть слѣдующее: Дадъ-хва посылалъ сказать Аталыку о поднесенномъ ему пистолетѣ и, вѣроятно, только что получилъ отвѣтъ. Если бы Аталыкъ принялъ пистолетъ, онъ долженъ былъ прислать мнѣ въ свою очередь подарокъ. Но по какимъ-то причинамъ онъ вѣрно нашелъ нужнымъ не дѣлать этого, прежде чѣмъ я увижу его. Вотъ причина обмана, придуманнаго шахаваломъ, потому что нельзя предположить правды въ этой исторіи. Мунши увѣряетъ, что онъ три раза повторилъ дадъ-хва, что пистолетъ посылается мною Аталыку въ Кашгаръ, а ему, самому—золотой футляръ для карандаша. Къ тому же видно было изъ того, какъ не естественно юзбаши упомянулъ объ этомъ предметѣ въ сегодняшнемъ разговорѣ (онъ очень не искусно лжетъ), что это выдумка. Если бы дадъ-хва въ самомъ дѣлѣ принялъ на свой счетъ подарокъ, онъ непре-

мѣнно прислалъ бы на другой день выразить свою благодарность и удовольствіе, между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло четыре дня, т. е. ровно достаточно времени для полученія отвѣта изъ Кашгара. Наконецъ въ странѣ, до того наполненной шпіонами, невозможно было бы утаить такую вещь, какъ присвоеніе шахаваломъ вещи, предназначенной его государю, а врядъ ли онъ сталъ бы рисковать подобнымъ открытіемъ ради такой маловажной вещи. Изъ этого слѣдуетъ, что вся исторія сочинена по приказанію Аталыка.

Мнѣ впрочемъ до этого не было дѣла, развѣ на столько, что пистолетъ былъ очень хорошъ, и я надѣялся угодить имъ Аталыку. Но въ концѣ концовъ онъ попадетъ ему въ руки; и такъ, я велѣлъ сказать юзбаши, что ошибка шахавала ничего не значитъ, потому что я считаю всякій подарокъ, сдѣланный слугамъ Аталыка, равносильнымъ подарку, сдѣланному ему самому. Если они достаточно смѣтливы, то они поймутъ изъ этого отвѣта, что я не попалъ на удочку ихъ обмана, и очень хорошо знаю, что дадъ-хва ничего не укроетъ отъ Аталыка.

Середа. Декабря 30-го. Сегодня утромъ мой мунши разсказалъ мнѣ длинную исторію, о которой я уже что-то слыхалъ наканунѣ. Нѣсколько дней тому назадъ, онъ уличилъ одного яркандца, смотрѣвшаго за его лошадью, въ продажѣ корма, ежедневно снабжаемаго какъ для его, такъ и для моихъ лошадей. Боясь, что его (мунши) будутъ подозрѣвать въ томъ, что онъ обращаетъ въ свою пользу милости Аталыка, онъ справедливо разсердился на виновнаго, а также и на своего слугу индійца, за его неряшливое поведеніе. Онъ взялъ послѣдняго за бороду и нѣсколько разъ ударилъ въ лицо. Вчера индіецъ въ припадкѣ злобы пошелъ и сбрилъ

себѣ бороду къ ужасу настоящихъ мусульманъ, которые смотрятъ на бритаго человѣка какъ на язычника. Тюрки говорили потомъ моему мунши, что если бы не преданность ихъ къ Ша сахибу, они бы тотчасъ отрубили голову виновному, не дожидаясь приказанія ни отъ шахавала, ни отъ Аталыка.

Я посовѣтовался съ мунши о томъ, какъ бы намъ выказать свою преданность мусульманской вѣрѣ, и рѣшили тѣмъ, что онъ выгонитъ провинившагося индійца, обѣщавъ ему прощеніе, если онъ придетъ черезъ нѣсколько дней просить его у меня. Вамъ можетъ быть смѣшно покажется мое заступничество за обычаи мусульманской вѣры, но не надо забывать, что въ фанатичной странѣ малѣйшее снисхожденіе въ подобныхъ дѣлахъ можетъ всѣмъ намъ повредить.

Необходимо, чтобы мои мусульманскіе слуги вдвое строже исполняли всѣ обряды ради невѣрія своего господина. До сихъ поръ я большею частью былъ обязанъ своимъ успѣхомъ мунши, котораго здѣсь почитаютъ примѣрнымъ мусульманиномъ. Если бы я привезъ съ собой только индійскихъ слугъ, я бы не заслужилъ половины того вниманія, которымъ меня честятъ.

Всѣ слуги мои знаютъ это; смѣшно смотрѣть, какъ мой ладакскій переводчикъ Таши, постоянно придерживаетъ своего мусульманскаго товарища Кабира къ исполненіямъ требованій его вѣры. Кабиръ заболѣлъ отъ холода во время путешествія, вслѣдствіе чего я приставилъ къ нему Таши. Съ тѣхъ поръ онъ физически совершенно поправился, но умственныя способности его все еще не вернулись. Таши весьма дѣятельный, нѣсколько суетливый человѣкъ. На дорогѣ онъ былъ неоцѣнимъ, всегда поющій и смѣющійся и гото-

вый помочь тамъ, гдѣ другіе становились совершенно безпомощны отъ холода. Съ тѣхъ поръ какъ мы прибыли въ Ярканд, онъ состоитъ въ качествѣ ментора Кабира. Онъ торопитъ его на молитвы, напоминаетъ ему направленіе къ Меккѣ, смотритъ за тѣмъ, чтобъ онъ убивалъ овецъ или домашнюю птицу, обративъ ихъ головы въ ту сторону, куда требуется обычаемъ. Однимъ словомъ, служитъ ему религіознымъ руководителемъ будучи самъ буддистомъ. До крайности смѣшно видѣть, какъ онъ иногда съ яростью врывается въ мою комнату, принося жалобы на Кабира за то, что тотъ неисправно молится или куритъ во время поста, между тѣмъ какъ послѣдній глупо стоитъ въ отдаленьи, со сложенными руками, точно ребенокъ, пойманный на кражѣ варенья.

Таши служилъ намъ во все время путешествія неисчерпаемымъ источникомъ забавы. Его постоянныя ошибки, удивленье передъ англійскими обычаями, его простота въ нѣкоторыхъ вещахъ, смѣшанная съ смѣтливостью въ другихъ, веселость и удивительное нарѣчіе (смѣсь индійскаго языка съ ладакскимъ) смѣшили насъ тамъ, гдѣ рѣшительно не было другаго развлеченія. Юзбаши прозвалъ его «Шайтанъ» или «Дьяволъ».

Къ слову о юзбаши, онъ принесъ мнѣ сегодня въ подарокъ отъ шахавала красивый халатъ, изъ толстаго китайскаго шелка, весь обшитый соболемъ и подбитый рысьими шкурками, которыя отличаются чудеснымъ, мягкимъ, длиннымъ волосомъ. Одѣяніе это очень удобное; оно доходитъ до щиколокъ. Юзбаши, надѣвъ его на меня, пожелалъ мнѣ быть въ немъ счастливымъ (мубаракъ). Позднѣе онъ пришелъ ко мнѣ, неся предметъ столькихъ разговоровъ—послан-

ный мною револьверъ; онъ принесъ его заряженнымъ и просилъ сказать все ли въ немъ въ порядкѣ. Мы вышли, и когда я выстрѣлилъ въ цѣль, два заряда выстрѣлили за разъ и немножко пороху попало мнѣ въ лицо.

Тутъ я вспомнилъ, что послѣдній разъ какъ этотъ револьверъ былъ заряженъ (года два или три тому назадъ, прежде чѣмъ онъ былъ позолоченъ и покрытъ эмалью) съ нимъ случилось тоже самое, причемъ весь барабанъ оторвало, такъ что онъ пролетѣлъ около головы одного изъ присутствовавшихъ. Все это въ началѣ изгладилось изъ моей памяти. Я попробовалъ другіе заряды, вполнѣ ожидая несчастья, но не хотѣлъ отказаться стрѣлять. По счастью все сошло благополучно. Должно быть есть какой нибудь недостатокъ въ металлѣ, сообщающемъ огонь отъ одного заряда другому. Юзбаши обѣщалъ принести его завтра, для того, чтобъ поучиться у меня, какъ его чистить; тогда я хорошо его изслѣдую.

Четвергъ. Декабря 31-го. Покуда я сидѣлъ за завтракомъ юзбаши явился съ пистолетомъ; я велѣлъ его вычистить и хорошенько осмотрѣлъ его. Ошибки въ немъ нѣтъ никакой, что̀ меня очень успокоило. Я показалъ ему размѣръ пороха для заряда и при немъ зарядилъ его всѣ заряды.

Около полудня юзбаши снова появился, ведя за собой трупу музыкантовъ. Шахавалъ отрядилъ ихъ ко мнѣ, чтобы я во всякое время дня и ночи, по желанью, могъ наслаждаться ихъ музыкой. Они нѣсколько разъ играли, сидя на дворѣ, послѣ чего я ихъ отпустилъ, велѣвъ имъ придти вечеромъ къ ужину, тогда они будутъ снова играть.

Послѣ заката солнца, мой другъ юзбаши явился въ со-

провожденіи трехъ или четырехъ человѣкъ, несшихъ мнѣ горячій обѣдъ отъ шахавала, а за ними несли убитую газель, изъ породы сайкикъ.

Я былъ очень этому радъ, потому что мнѣ хочется собрать какъ можно больше экземпляровъ здѣшнихъ звѣрей, мало извѣстныхъ натуралистамъ. Рога этой газели, не похожи на рога индійской газели; они не такъ тонки и болѣе вогнуты у своихъ оконечностей. Я велѣлъ голову натереть мышьяковымъ масломъ, а кожу выдубить, не снимая съ нея шерсти.

Сегодняшній обѣдъ мой не походилъ ни на одинъ прежній обѣдъ. Во первыхъ подали огромное блюдо овощей, приготовленныхъ по ирландски; въ составъ его входилъ преимущественно такъ называемый «грамъ», похожій на желтый горохъ. Второе блюдо состояло изъ сладкой яичницы съ соусомъ въ видѣ сиропа. Обоихъ блюдъ хватило бы на прокормленіе 20 человѣкъ. Послѣ этого подали въ меньшемъ количествѣ битыя сливки и яица.

Тотчасъ послѣ обѣда вошли музыканты. Главный изъ нихъ игралъ на чемъ-то въ родѣ миніатюрныхъ фортепіанъ, посредствомъ остраго инструмента въ правой рукѣ, между тѣмъ какъ лѣвой онъ прекращалъ вибрацію струнъ; подлѣ него сидѣлъ музыкантъ съ цитрой, въ девять струнъ, изъ которыхъ играетъ только одна, а другія всѣ натянуты гораздо ниже и служатъ только для расширенія звука; третій музыкантъ игралъ на тонкой дудкѣ, между тѣмъ какъ остальные три, играя на тамбуринахъ, все время акомпанировали музыку голосами. Меня поразило то, что они играли гораздо лучше нежели въ Индіи или въ Кашмирѣ. Игра ихъ отличалась вѣрностію такта и тона, доказывавшей большое

искуство. Хотя я плохой знатокъ оперной музыки, но могу судить о музыкальномъ исполненіи на востокѣ.

Между исполнителями была одна замѣчательная личность. Густые, рыжые усы висѣли отъ угловъ его рта, а мохнатыя брови окаймляли безцвѣтные глаза. Ротъ его напоминалъ описанія «Арденскаго вепря» въ Квентинѣ Дурвардѣ. Вообще вся наружность его отличалась грубымъ звѣрствомъ, и когда онъ пѣлъ лицо его искажалось ужасными гримасами. Второй пѣвецъ представлялъ разительный контрастъ, это былъ толстый, добродушный, веселый человѣкъ, типъ тѣхъ трусливыхъ горожанъ Люцена, которыхъ Квентино Дурвардъ спасалъ отъ власти «Арденскаго вепря». Музыка по видимому совершенно одолѣвала этого исполнителя. Его толстыя щеки тряслись отъ соединенныхъ усилій играть на тамбуринѣ и подпѣвать въ тактъ. Мы много смѣялись надъ этими противуположными артистами; у меня собралось отборное общество слушать музыку. Вскорѣ послѣ этого Чумару вышелъ и протанцовалъ намъ гудскій танецъ (его нужно видѣть, чтобы понять). Тюрки по обыкновенію были въ восхищеніи; ихъ танцы далеко не отличаются такимъ оживленіемъ. Послѣ этого вышли другіе танцоры, а взаключеніе мой пенджабаши спѣлъ съ товарищемъ андиджанскую любовную пѣснь «Газалъ». Общество разошлось очень довольное музыкальнымъ вечеромъ.

Но такъ какъ было еще довольно рано, то труппа музыкантовъ отправилась къ другому гостю. Гость этотъ былъ сынъ санджуйскаго бега, того самаго, про котораго я вамъ говорилъ, что онъ въ траурѣ послѣ смерти жены своей. Онъ приходится родственникомъ шахавалу и согласно съ требованіями этикета прислалъ своего сына съ подарками къ знат-

ному родственнику, по поводу окончанія перваго періода траура, послѣ котораго носящіе трауръ брѣютъ себѣ головы. Шахавалъ отблагодарилъ его многими подарками и послалъ къ нему музыкантовъ съ серенадой.

Я пишу теперь въ ожиданіи новаго 1869 года. Надѣюсь, что мнѣ придется проводить слѣдующій канунъ новаго года въ Англіи, у хорошаго англійскаго камина, и встрѣтить 70-й годъ въ кругу друзей, которымъ я буду разсказывать свои похожденія въ Туркестанѣ.

Пя́тница. Января 1-го, 1869 г. Счастливаго новаго года желаю всѣмъ друзьямъ! У насъ здѣсь отличная свѣжая погода, хотя достаточно холодная по нашимъ понятіямъ о настоящемъ сезонѣ. Средняя температура нынѣшняго дня равнялась 15-ти° Ф. Вода замерзаетъ и всѣ предметы пищи пріобрѣтаютъ твердость камня. Какъ интересную подробность климата Туркестана скажу вамъ, что мнѣ каждый день подаютъ мороженый виноградъ, растущій въ окрестностяхъ Ярканда. Холодный пирогъ нужно ставить въ печку, для того чтобы рѣзать его. И не смотря на это, я еще ни разу не ощущалъ холода, благодаря сухости воздуха, отсутствію вѣтра, а также теплотѣ длинныхъ тюркскихъ одѣяній «джама», которые я теперь ношу. Кромѣ того мы уже отчасти привыкли къ холоду во время нашего путешествія, когда случалось, что вино замерзало до такой степени, что я кусками клалъ его въ стаканъ, а люди отправлялись за водой, съ топоромъ и веревкой. Тогда сильный вѣтеръ пронизывалъ насъ до костей. Въ сравненіи съ тѣмъ холодомъ, настоящій морозъ безъ вѣтра кажется раемъ. Кому извѣстно ощущеніе во время сильнаго восточнаго вѣтра, когда завернешь за уголъ, защищающій противъ него, тотъ поймет

впечатлѣніе, произведенное на насъ Туркестаномъ, послѣ нашего путешествія. Самый жестокій восточный вѣтеръ, когда либо дувшій въ Англіи, ничто въ сравненіи съ вѣтромъ Лингзи-тунга.

Юзбаши посѣтилъ меня нынче послѣ обѣда. Онъ началъ обыкновенными вопросами отъ имени дадъ-хва: «Счастливъ ли Ша сахибъ? Доволенъ ли онъ? Не нужно ли ему чего нибудь? и пр. и пр.», потомъ онъ сказалъ мнѣ, что дадъ-хва предлагаетъ мнѣ, въ виду того, что мой караванъ еще не пріѣхалъ, распоряжаться какими мнѣ угодно средствами для поднесенія подарковъ Аталыку. На это я отвѣчалъ, что принимаю такое предложеніе за большой признакъ дружбы со стороны шахавала, но полагаю возможнымъ поднести Аталыку только такія вещи, которыя дѣйствительно мнѣ принадлежатъ и суть произведенія моего отечества. Юзбаши продолжалъ уговаривать меня, говоря, что подарки нужны мнѣ не только для Аталыка, но и для разныхъ высокихъ сановниковъ, которыхъ мнѣ вышлютъ на встрѣчу.

На это я отвѣчалъ, что такъ какъ мой караванъ со всѣми моими вещами еще не прибылъ, а дадъ-хва обидится, если я самъ буду покупать нужныя вещи въ городѣ, то я съ удовольствіемъ приму отъ него все то что мнѣ нужно для свиты Аталыка; ему же самому представлю все что у меня есть, полагаясь на его снисхожденіе. Всѣ эти переговоры шли черезъ переводчиковъ: мунши переводилъ съ индійскаго на персидское, а другой переводчикъ съ персидскаго на тюркское и обратно. Въ тоже время я велъ еще другой разговоръ съ юзбаши; мы тихо разсуждали о ружьяхъ, термометрахъ и пр. Юзбаши удивительно свободенъ въ своемъ

обращеніи. Увидѣвъ, что я смѣюсь надъ его длиннымъ рядомъ восточныхъ любезностей и торжественнымъ лицомъ, онъ самъ расхохотался и погрозивъ мнѣ пальцемъ, сказалъ: «не заставляйте меня смѣяться, Ша сахибъ»!

Меня пріятно поражаютъ его манеры, до того непохожія на искуственное, несимпатичное обращеніе природныхъ индійцевъ. Если бы онъ не лгалъ, онъ былъ бы достоенъ стать на ряду съ англичанами.

Я забылъ разсказать вамъ, что когда онъ у меня обѣдалъ на дняхъ, онъ находился въ большомъ затрудненіи что ѣсть. Нѣкоторые изъ кашмирскихъ индійцевъ, находящихся въ услуженіи у Аталыка, желая возстановить тюрковъ противъ меня, увѣрили ихъ, что мы питаемся только свининой. Вслѣдствіе этого, юзбаши съ другими гостями рѣшились дотрогиваться только до тѣхъ блюдъ, которыя будетъ ѣсть мой мунши (мусульманинъ). Ни я, ни мунши мой, не знали объ этомъ въ то время. Когда мунши открылъ эту исторію, то онъ тотчасъ объяснилъ юзбаши, что все это была ложь, что ѣдятъ свинину только низко рожденные англичане, и что даже еслибъ со мной была свинина, я не подумалъ бы угощать ею мусульманъ.

Сегодня мнѣ разсказывали анекдотъ про Аталыка, показывающій энергическую натуру этого человѣка и какъ мало онъ цѣнитъ восточныя понятія о достоинствѣ. Первый посланный, отправившійся къ нему съ извѣстіемъ о приближеніи моего мунши, нашелъ его въ проходѣ Арташъ за Кашгаромъ, гдѣ онъ лично руководилъ постройкой крѣпости. Онъ весь былъ покрытъ пылью и упавшій камень только что ушибъ ему ногу. Посланый не могъ распознать Аталыка отъ другихъ рабочихъ; но Аталыкъ замѣтилъ его и, подозвавъ

къ себѣ, принялъ донесеніе, на которое написалъ тутъ же отвѣтъ. Восточный государь, входящій такимъ образомъ въ мелкія подробности управленія, составляетъ исключеніе и достоинъ всякаго успѣха. Я увѣренъ, что мой мунши почелъ бы унизительнымъ для себя сдѣлать что нибудь подобное.

Воскресенье. Января 3-го.—Сегодня юзбаши, по вчерашнему соглашенію, принесъ мнѣ нѣсколько свертковъ шелковыхъ и штофныхъ матерій для подарковъ. Я взялъ эти вещи взаймы съ тѣмъ, что когда мой караванъ придетъ, я заплачу за нихъ привезенными мною товарами. Вручивъ мнѣ все это, юзбаши сообщилъ мнѣ пріятное извѣстіе о томъ, что я могу завтра ѣхать въ Кашгаръ. Выславъ послѣ этого переводчиковъ, онъ вынулъ изъ-за пояса пачку серебряныхъ монетъ (куру), равнявшуюся 35 фунт. стерл. Онъ шепнулъ мнѣ, чтобы я спряталъ ихъ куда нибудь, прибавивъ, что дадъ-хва присылаетъ мнѣ эти деньги на мои мелкіе расходы. Сказавъ это, онъ выбѣжалъ, сдѣлавъ на караулъ, по солдатски, какъ я его выучилъ. Мнѣ очевидно давали понять, что этотъ денежный подарокъ былъ выраженіемъ личной дружбы ко мнѣ дадъ-хва, что было очень заботливо съ его стороны, такъ какъ я дѣйствительно нуждался иногда въ деньгахъ, а мнѣ не позволяли продавать привезенныхъ съ этою цѣлью товаровъ. Я могъ бы попасть въ серьезное затрудненіе вслѣдствіе этого запрещенія, еслибъ меня не снабжали всякой пищей въ такихъ огромныхъ количествахъ, что хватало даже на семейства приставленныхъ ко мнѣ чиновниковъ и на ихъ лошадей. Кромѣ того я ежедневно получаю 17 шиллинговъ (50 тангъ). Я не говорилъ еще, что самая употребительная монета въ Туркестанѣ—это ма-

ленькая мѣдная деньга съ четыреугольной дырочкой въ серединѣ. Двадцать пять такихъ монетъ составляютъ одну «тангу» (т. е. 4 пенса); они нанизываются на веревку въ числѣ соотвѣтствующимъ 20 тангамъ 1).

Возвращаюсь къ своему разсказу. Я послалъ мунши въ догонку за юзбаши просить послѣдняго сказать шахавалу, что желаю съ нимъ проститься. Юзбаши вскорѣ возвратился за мною и повелъ меня къ шахавалу. У насъ произошло дружественное прощанье.

Я извинился въ отвѣтъ на его упрекъ за то, что я долго его не посѣщалъ, и желая испробовать его историческія познанія, спросилъ про Чингисъ-Хана. Узбекъ ли онъ былъ или принадлежалъ къ какой другой народности?

Онъ отвѣчалъ, что Чингисъ-Ханъ принадлежалъ къ монгольской расѣ и жилъ первоначально подлѣ Каракорама (въ Монголіи); что монголы были невѣжественный народъ, который сначала покорилъ Хотенъ, а потомъ весь Туркестанъ. Монголы, по словамъ моего собесѣдника, состовляли племя, родственное татарскому, жившему прежде недалеко отъ нихъ и основавшему свои поселенія въ Туркестанѣ во время покоренія Чингисъ-Хана. Современники узбеки—татары; но жители В. Туркестана, на вопросъ монголы они или татары, отвѣчаютъ: «Что такое монголы, и что такое татары?

Я спросилъ шахавала къ какому племени принадлежалъ

---

1) Кромѣ этихъ есть еще монеты: „тилла“, золотая, чеканится въ Коканѣ (каждая стоитъ отъ 32 до 35 „тангъ“); серебрянные слитки „ямбу“ или „куръ“. Цѣнность послѣднихъ измѣняется, теперь она равняется 1100 тангамъ. Они имѣютъ видъ лодки или башмака и на нихъ чеканятся китайскія фигуры, также какъ и на тангахъ.

Баберъ, вышедшій изъ Андиджана и основавшій такъ называемую монгольскую имперію въ Индіи.

Онъ отвѣчалъ, что Баберъ былъ монголъ. Что онъ происходилъ изъ царственнаго рода въ Туркестанѣ; но что масса населенія въ Андиджанѣ была татарскаго племени. Я еще спросилъ его кѣмъ была заселена эта страна до вторженія татаръ, на что онъ отвѣчалъ, что прежде здѣсь жили таджики и родственныя имъ племена. Вскорѣ послѣ этого я простился съ шахаваломъ.

Возвратившись домой я велѣлъ слугамъ укладываться. Послѣ обѣда юзбаши пришелъ ко мнѣ въ третій разъ и принесъ мнѣ въ подарокъ «камзолъ» изъ шелковой матеріи пополамъ съ бумагой; камзолъ этотъ похожъ на черный подрясникъ англійскихъ пасторовъ.

Наконецъ вечеромъ онъ пришелъ въ четвертый разъ и принесъ 10 халатовъ для раздачи по дорогѣ разнымъ чиновникамъ. Послѣ его ухода я послалъ мунши съ часами дадъ-хва, которые у меня были до сихъ поръ. Съ первыхъ словъ дадъ-хва перебилъ мунши, сказавъ ему: — «Если вы мнѣ еще разъ покажете эти часы вы меня разсердите. Я никогда ничего не беру назадъ изъ того что даю. Если Шасахибъ считаетъ эти часы недостойными себя, то пусть онъ подаритъ ихъ кому нибудь, но я на нихъ больше и смотрѣть не стану». Когда мунши принесъ ихъ назадъ, я почелъ себя обязаннымъ подарить ихъ ему, что̀ несказанно его обрадовало. Но я выговорилъ себѣ право носить ихъ, пока я не доѣду до Кашгара, чтобы не обидѣть дадъ-хва.

Вы можете себѣ представить какъ я радъ, что наконецъ выѣзжаю въ Кашгаръ, гдѣ могло удасться увидать Аталыка. Мое путешествіе было бы неполное, еслибъ мнѣ не удалось достиг-

нуть этой главной цѣли, и я боялся, видя какъ меня всячески задерживаютъ, что потерплю въ этомъ неудачу. Я узналъ, что съ Гейвардомъ дѣйствуютъ такимъ же образомъ. Кончится ли съ нимъ такъ же какъ со мной, этого я не могу сказать впередъ.

ГЛАВА XI.

Отъ Ярканда до Кашгара.

Укрѣпленія яркандскаго Янгъ-Шара. — Исторія Тимура.—Рукавъ рѣки Яркандъ.—Песчаные холмы.—Памирскія горы.—Кизиль Тахъ.—Царскій загородный дворецъ.—Ученость шахавала.—Тюркскія женщины.—Преданія о Чингисѣ.—Разговоръ объ Индіи.—Деревня Кизиль.—Добываніе желѣза.—Устройство деревенскаго дома.—Способъ плавленія желѣза.—Опять песчаные холмы.—Прекрасно обработанная мѣстность.—Городъ Янгъ-Хиссаръ.—Убіеніе Шлагинтвейта.—Разговоръ объ англійскихъ правителяхъ Индіи.—Переходъ черезъ рѣку Кузунъ.—Необыкновенная быстрота юзбаши.—Махрамбаши.

Понедѣльникъ. Января 4-го.—Итакъ, я снова пустился въ путь, и радъ опять находиться въ движеніи. Сегодня утромъ мнѣ привели прекрасную сѣрую лошадь, изъ конюшень самаго дадъ-хва. У моего собственнаго пони побита спина, потому что невольники садились на него верхомъ безъ сѣдла, когда водили его купать. Юзбаши очень любезно предложилъ мнѣ оставить его у себя до моего возвращенія. Мой мунши ѣхалъ на лошади, которую я ему далъ. Всѣ слуги также были снабжены лошадьми, а кладь шла на вьючныхъ лошадяхъ. Такимъ образомъ мой караванъ состоялъ изъ 27 лошадей, не считая юзбаши и его свиты. Минута отъѣзда всегда отличается неурядицей, и мы выѣхали только около 12-ти часовъ. Тогда юзбаши отправился за послѣдними порученіями къ дадъ-хва, обѣщаясь догнать меня, а изъ города провожалъ меня Ма-

хамедъ Исакъ Джанъ (братъ дадъ-хва). У воротъ онъ простился со мною, пожелавъ мнѣ благополучнаго свиданія съ Аталыкомъ, и такого же возвращенія, на что я ему отвѣчалъ: «Иншалла!» (какъ будетъ угодно Богу).

Мы проѣхали вдоль части стѣнъ новаго города, и я имѣлъ случай разсмотрѣть укрѣпленія. Отъ дороги идетъ небольшой гласисъ ко рву, который имѣетъ 20 ф. глубины, и столько же ширины и выложенъ съ обѣихъ сторонъ кирпичемъ, высушенымъ на солнцѣ. Эскарпъ, или внутренняя сторона его, переходитъ въ земляной валъ, закрытый отъ наступающаго непріятеля гласисомъ, изъ за котораго видны только бойницы, откуда ружейнымъ огнемъ можно легко очистить гласисъ. По ту сторону этого вала находится еще ровъ, изъ котораго уже возвышается собственно городская стѣна. Считая съ гребня гласиса, стѣна эта имѣетъ около 40 футовъ вышины, и столько же толщины при основаніи. На разстояніи каждыхъ 30 саженъ находятся четыреугольные выступы для фланговаго огня, тогда какъ на углахъ возвышаются правильные бастіоны съ башнями. Около воротъ стѣна имѣетъ до 50-ти ф. толщины. Небольшое укрѣпленіе защищаетъ ворота и соединяется съ валомъ, раздѣляющимъ оба рва. Сквозь этотъ валъ ведутъ ворота (не находящіяся противъ внутреннихъ воротъ), надъ которыми, также какъ и надъ другими, возвышаются вышеупомянутыя пагодаобразныя зданія.

Мы продолжали нашъ путь на западъ (маленькія мечети окаймляли дорогу и указывали направленіе). Проѣхавъ около трехъ миль мы дождались юзбаши и потомъ ѣхали черезъ густо населенную страну (болѣе населенную чѣмъ плодородныя мѣста Пенджаба, какъ мнѣ сказалъ мой мунши).

Дадъ-хва прислалъ мнѣ съ юзбаши книгу. Къ моему удо-

вольствію это была исторія Эмира Тимура (Тамерлана). Онъ также обѣщалъ мнѣ исторію Чингисъ-хана. Мнѣ кажется, что эти книги, добытыя отъ потомковъ этихъ полководцевъ, окажутся очень интереснымп.

Передъ тѣмъ какъ юзбаши догналъ насъ, мы перешли по мосту рѣку около семи саженъ ширины. Я узналъ, что это былъ рукавъ рѣки Ярканда, который отдѣляется отъ него не доходя до города. Такимъ образомъ, г. Яркандъ лежитъ между двумя рѣками, которыя впрочемъ потомъ не сходятся, такъ какъ одна изъ нихъ пропадаетъ въ пескахъ Такла-Маканъ, около Аксу.

Въ шести миляхъ отъ Ярканда мы внезапно вступили въ мѣстность, покрытую песчаными холмами, поросшими сухой травой. Такъ какъ мы пересѣкали эту песчаную полосу наискось, то намъ пришлось тащиться по ней цѣлыхъ 8 миль. Мнѣ кажется, что этотъ песокъ—результатъ нѣкогда бывшаго наводненія. По срединѣ мы наѣхали на обширное углубленіе, тянувшееся на право и на лѣво на сколько глазъ могъ видѣть, и наполненное болотцами и лужами, которыя соединяютъ маленькій ручеекъ. Это вѣроятно послѣдній остатокъ того могучаго потока, который занесъ всю эту мѣстность пескомъ.

Выѣхавши, наконецъ, изъ песчаной мѣстности, мы увидали передъ собою равнину, подымающуюся къ подошвѣ горной цѣпи, которая шла (въ разстояніи 12 миль отъ насъ) отъ сѣвера на югъ. Когда я узналъ это разстояніе, я невольно удивился различію атмосферы этой страны и Индіи. Въ Кангрѣ Гималай (отъ Кангры до Гималая 12 миль) кажется какъ на ладони; самыя мелкія подробности въ немъ ясны; тогда какъ здѣсь, при томъ же разстояніи, Памирскія

горы кажутся отдаленною цѣпью, у которой ясны только общіе контуры. У подошвы горъ равнина усѣяна деревьями, впрочемъ менѣе многочисленными, чѣмъ окрестности Яркан-да. Сколько тайнъ сокрыто за этими горами, черезъ кото-рыя проникало такъ мало европейцевъ! Юзбаши показалъ горы на западѣ и сказалъ: «Позади этихъ горъ лежитъ Бадахшанъ; немного поправѣе—Бухара; далѣе, гдѣ горы скрываются въ отдаленіи—дорога въ мою родину, Андид-жанъ; а на сѣверѣ, гдѣ горъ уже совсѣмъ не видно—Россія (Сибирь). Я узналъ отъ него, что владѣнія его царя про-стираются черезъ долины этой горной цѣпи до предѣловъ Бадахшана; они наполнены кочующими племенами, а также и деревнями. Единственное ему извѣстное имя этихъ горъ было—«Кизиль-тахъ» (красныя горы), очевидно только мѣст-ное названіе. Послѣ вечерней молитвы, мы, держась С. С. З. ѣхали около четырехъ миль черезъ обработанныя поля, и наконецъ были встрѣчены бегомъ Кохъ-робатъ, который, послѣ обычнаго привѣтствія, проводилъ насъ въ большую деревню этого имени.

Она содержитъ два караванъ-сарая, изъ которыхъ боль-шой былъ наполненъ двугорбыми верблюдами и товарами. На дворахъ домовъ стояли открытыя телѣги, употребляемыя здѣшними жителями для ѣзды на полевыя работы. Я забылъ сказать, что по дорогѣ мы встрѣчали много арбъ, запряжен-ныхъ по три и по четыре лошади (во всякой здѣшней упря-жи только одна лошадь заложена въ оглобли; остальныя везутъ постромками). Проѣхавши базаръ мы въѣхали въ обшир-ный четыреугольникъ, окруженный новыми зубчатыми стѣ-нами, въ которомъ находилась большая площадь съ са-домъ и рядомъ домовъ. Я былъ помѣщенъ въ большую ком-

нату съ хорошимъ огнемъ. Моему мунши и слугамъ также отвели приличныя квартиры. Юзбаши сообщилъ мнѣ, что это былъ родъ загороднаго дворца, выстроенный Аталыкомъ для отдыха во время путешествій. Таковые же находятся на дорогѣ въ Кашгаръ и называются «урда». Снѣгъ въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, лежитъ слоемъ въ нѣсколько дюймовъ, тогда какъ степь и горы едва покрыты имъ. Очень холодно; отъ рѣзкаго вѣтра мой мунши совсѣмъ разболѣлся, и даже юзбаши говоритъ, что ноги у него самаго почти отмерзли. Благодаря мѣховому халату дадъ-хва, я не почуствовалъ ни малѣйшаго холода.

Послѣ обѣда юзбаши пришелъ ко мнѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ, котораго онъ представилъ мнѣ, какъ родственника дадъ-хва, присланнаго сюда по особымъ порученіямъ. Узнавъ, что онъ говоритъ по персидски, я началъ разговоръ. Между прочимъ онъ спросилъ меня: какъ имя моей родины. Я отвѣчалъ—«Инглистанъ». Не понявъ, онъ повторилъ—«Индостанъ». Но тутъ юзбаши объяснилъ ему различіе. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ мой мунши, и разговоръ оживился, такъ какъ я очень немного зналъ по персидски. Между прочимъ мы въ разговорѣ коснулись климата. Я сказалъ ему, что мой мунши очень страдаетъ отъ холода, такъ какъ онъ уроженецъ теплой страны—Индостана, тогда какъ моя родина холодна, какъ Туркестанъ. Тогда онъ началъ разспрашивать про Англію, о которой по видимому онъ не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. Я всячески старался дать имъ вѣрное понятіе о томъ, кто мы такіе (всѣ они знаютъ, что Индостанъ находится подъ владычествомъ «френговъ», но какихъ френговъ—о томъ они не имѣютъ понятія). Я пытался заставить ихъ произносить наше имя правильно,

такъ какъ увѣренъ, что оно будетъ передаваться въ той формѣ, въ которой оно въ первый разъ ими услышано. Наконецъ гости встали, чтобы уйти, и я велѣлъ надѣть на плечи моему новому знакомому халатъ, такъ какъ всячески старался показать свое почтеніе къ дадъ-хва и его родственникамъ.

Вслѣдствіе этого между нимъ и мунши возникъ споръ; онъ говорилъ, что это было его обязанностью принести мнѣ подарокъ; на что мунши отвѣчалъ, что такъ какъ онъ пришелъ ко мнѣ по дружбѣ, то не долженъ быть такъ нелюбезенъ, чтобы не брать моего подарка. Наконецъ я попросилъ юзбаши уговорить его, и халатъ былъ принятъ. Оказалось, что такъ долго отказывался онъ потому, что опасался, что слухъ объ этомъ подаркѣ дойдетъ до ушей дадъ-хва или самаго Аталыка.

Во время дня мы разговорились о дадъ-хва. Его считаютъ чрезвычайно ученымъ; во время моего съ нимъ знакомства, я самъ убѣдился въ томъ, что его интересуютъ предметы, о которыхъ его соотечественники не имѣютъ понятія. Кажется, онъ прежде былъ мирза-баши, или главнымъ секретаремъ коканскаго хана. Слава его началась съ того времени, когда онъ, отъ имени своего господина, написалъ къ бухарскому эмиру такое письмо, что ни одинъ мулла этого послѣдняго не могъ понять въ немъ ни слова! Когда мой мунши впервые пріѣхалъ въ Яркандъ, дадъ-хва написалъ ему письмо, и велѣлъ узнать свободно ли мунши прочелъ. На это мунши отвѣчалъ тою же монетой, употребивъ самыя изысканныя выраженія и подмѣшавъ множество арабскихъ словъ.

Интересно было бы знать одобрилъ ли это письмо дадъ-

хва! Во всякомъ случаѣ я увѣренъ, что относительно учености, мой мунши превосходитъ тюркскихъ муллъ.

«Вторникъ. Января 5-го, Кизиль.—Сегодня мы направились къ С. З., черезъ каменистую пустыню вдоль подошвы горъ. Направо отъ насъ тянулся кустарникъ, который, какъ говорятъ, сопровождаетъ всю дорогу въ Аксу, и наполненъ дикими звѣрями, тиграми и т. д. Проѣхавъ около половины дневнаго пути, мы остановились у одинокаго караванъ-сарая, съ мечетью и двумя колодцами (около 100 ф. глубины). Все это было построено теперешнимъ королемъ, который, по видимому, очень заботился о благѣ этой страны. Нѣсколько арбъ остановилось для отдыха лошадей, а изъ нихъ на нашъ караванъ съ любопытствомъ выглядывали женщины. Онѣ принадлежали къ высшему классу, были прекрасно сложены, и съ черными волосами. Съ этого мѣста, ближайшій къ намъ и низкій рядъ холмовъ, на лѣво, сталъ отклоняться отъ насъ къ западу, а высокая задняя цѣпь скрывалась въ туманѣ. Однако, когда мы подъѣхали къ цѣли нашего путешествія, мы опять увидѣли рядъ высокихъ пикъ въ лѣвой сторонѣ отъ насъ.

Не доѣзжая ночлега, мы достигли одинокой, разрушенной мечети, съ высохшимъ водоемомъ. Юзбаши разсказалъ мнѣ, что мечеть воздвигнута была здѣсь Чингисъ-Ханомъ, когда онъ шелъ покорить Туркестанъ! Водоемъ былъ подобенъ всѣмъ тѣмъ, которые онъ дѣлалъ на своихъ пустынныхъ стоянкахъ. Количество воды, достаточное, для его полчищъ, было привозимо на верблюдахъ, и когда становились станомъ, вода эта выливалась въ водоемъ, для употребленія людямъ и скоту [1]). Такъ гласитъ преданіе. Разсказы-

[1]) Около Кизиля есть водоемъ, который, по преданію, былъ сдѣ-

ваютъ также, что въ шатрѣ его помѣщалось 10,000 человѣкъ, и что онъ угощалъ своихъ гостей чаемъ въ чашахъ, сдѣланныхъ изъ драгоцѣнныхъ камней.

Потомъ юзбаши сталъ разспрашивать моего мунши о числѣ высокихъ сановниковъ въ Индіи. Тотъ отвѣчалъ ему, что тамъ есть 108 такихъ, для которыхъ салютуютъ изъ пушекъ, но что не столь великихъ тамъ безчисленное множество. Тогда юзбаши сталъ освѣдомляться объ англійскихъ чинахъ и должностяхъ, и обратясь ко мнѣ, спросилъ: «А вы, на вашей родинѣ, большой паша?» Я отвѣтилъ ему: «Вѣдь вамъ извѣстно, что я купецъ». На это онъ сказалъ съ улыбкой: «За то, когда вы возвратитесь отсюда на родину, васъ навѣрно сдѣлаютъ великимъ пашою». «Конечно», отвѣчалъ я, «если мои соотечественники узнаютъ, что я съумѣлъ снискать благоволеніе вашего короля, они будутъ очень рады». Затѣмъ онъ спросилъ у мунши: «А что, индійскій король Кашмира находится въ зависимости отъ англичанъ?» На это мунши отвѣчалъ ему, что онъ одинъ изъ 108-ми, которымъ салютуютъ изъ пушекъ. Юзбаши, по видимому, очень дивился слышанному, такъ какъ въ Туркестанѣ имѣютъ весьма сбивчивое понятіе объ отношеніяхъ кашмирскаго владѣнія къ англійскому правительству.

Пока мы разговаривали такимъ образомъ, мы, проѣхавъ обработанныя поля, достигли большой деревни Кизиль. Это слово означаетъ «красный», и производится отъ цвѣта

ланъ войсками Хазратъ-Бегама, изъ которыхъ каждый бралъ земли столько, сколько могло умѣстится на остріи стрѣлы. Этого было достаточно, чтобы вырыть огромный водоемъ. Каково же должно было быть войско!

почвы. И дѣйствительно почва здѣсь изобилуетъ желѣзомъ, и мы увидѣли нѣсколько печей для сплавленія руды.

До сихъ поръ всякій день дулъ съ сѣвера рѣзкій вѣтеръ, почти прямо намъ въ лицо. Юзбаши спросилъ меня хочу ли я помѣститься въ царской «урдѣ», гдѣ комнаты пространнѣе и холоднѣе, или въ частномъ домѣ, который будетъ потеплѣе. Я избралъ послѣдній, потому что не хотѣлъ упускать случая ближе познакомиться съ народомъ. Мы были приняты чиновникомъ, черты лица котораго сразу указывали на не тюркское происхожденіе.

У него былъ большой орлиный носъ, большіе круглые глаза—вообще черты лица были менѣе мясисты и болѣе правильны, чѣмъ у тюрковъ. По моимъ разспросамъ оказалось, что онъ былъ андиджанскій таджикъ — племя, которое владѣло страной до татарскаго нашествія. Мнѣ очень хотѣлось поговорить съ нимъ, такъ какъ мнѣ еще впервые удалось увидѣть обращикъ этой расы, но мнѣ этого не пришлось сдѣлать, потому что я долженъ былъ заняться письмомъ, написаннымъ моимъ мунши въ отвѣтъ дадъ-хва, который прислалъ спросить у юзбаши благополучно ли мы путешествуемъ, угрожая ему наказаніемъ, въ случаѣ, если я чѣмъ нибудь останусь недоволенъ. Сегодня вечеромъ я узналъ, что незнакомецъ, которому я подарилъ халатъ въ Кохъ-рабатѣ, былъ родственникъ Аталыка, и только что пріѣхалъ изъ Кашгара. Сегодня же вечеромъ онъ ѣдетъ въ Яркандъ, но завтра догонитъ меня и будетъ сопровождать меня въ Кашгаръ.

Мальчишки катаются по замерзшему водоему; это мнѣ напоминаетъ Англію.

Среда. Января 6-го, деревня Тоблокъ.—Сегодня

утромъ крестьяне спрашивали муншй, отчего я не соблюдаю постовъ. Онъ отвѣчалъ имъ, что я вѣрую въ другого пророка, который не заставляетъ соблюдать постовъ. Пробравшись сквозь густую толпу жителей, собравшихся поглазѣть на нашъ отъѣздъ, мы направились къ С. З., черезъ страну, представлявшую то поля, то пустыни, то пастбища; юзбаши показалъ мнѣ на право отъ дороги большой курганъ, гдѣ, по его словамъ, похоронены китайцы, убитые въ схваткѣ, которая здѣсь произошла 12 лѣтъ тому назадъ. Мусульмане, солдаты Валле-Хана, погребены на лѣво отъ дороги въ многочисленныхъ могилахъ. Одинъ изъ моихъ спутниковъ, Саду-Ходжа, старый солдатъ, участвовалъ въ этой битвѣ. Валле-Ханъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Кашгаръ, гдѣ онъ выстроилъ зданіе изъ человѣческихъ череповъ, подобное тому, которое находится въ Янгъ-Хиссарѣ. Во время этого сраженія съ каждой стороны было по 50,000 человѣкъ. Войско китайцевъ состояло изъ пѣхоты, а андиджанское — изъ конницы.

Проѣхавъ не болѣе трехъ ташъ (около 14 миль), мы прибыли въ деревню, гдѣ жители занимаются добываніемъ желѣза. Я былъ помѣщенъ въ домѣ, гдѣ занялъ большую комнату, тогда какъ хозяева удалились во внутренніе покои. Живая, веселая хозяйка очень благодарила меня за то, что я воспротивился тому, чтобы вся утварь ея была выброшена на улицу (по приказанію юзбаши). Я обмѣнялся подарками съ хозяевами: я имъ далъ немного чаю, мяса и хлѣба, оставшагося отъ дастаръ-хана, а они подарили мнѣ дыню. Къ вечеру мой хозяинъ принесъ мнѣ супъ съ макаронами, а жена его—свѣжій хлѣбъ; и то и другое мнѣ очень понравилось. Устройство ихъ хозяйства почти такое, какъ у мелкихъ

англійскихъ фермеровъ. Опрятная глиняная посуда акуратно разставлена на полкахъ; вдоль стѣнъ стоятъ красивые и удобные сундуки. Въ домъ входятъ черезъ скотный дворъ, въ которомъ находятся хлѣвы для рогатаго скота, стойла для лошадей; а вся сельско-хозяйственная утварь разставлена по угламъ. Сѣно и солома убраны на сѣновалахъ подъ крышами; кромѣ того со двора ведетъ дверь въ огородъ, окруженный стѣною. Какъ бы для того, чтобы мнѣ еще болѣе напомнить родину, вся мѣстность была покрыта снѣгомъ на одинъ или два дюйма глубины, тогда какъ по замерзшимъ лужамъ весело катались деревенскіе мальчики. Послѣ обѣда я отправился посмотрѣть, какъ работаютъ желѣзоплавильныя печи. Здѣшняя плавительная печь представляетъ коническій ящикъ въ 4—5 ф. вышиною, съ крышей, въ которой по срединѣ находится отверстіе для выхода дыма. Вокругъ печи подъ крышей шестеро дѣтей надуваютъ каждой рукой по одному кожанному мѣху — всего 12 мѣховъ. Отверстіе печи показываетъ, какъ расплавленная масса стекаетъ внизъ огненнымъ потокомъ. На днѣ ямы въ два фута глубиною видна заслонка печи, черезъ которую ежедневно извлекаютъ готовый металлъ. Руда разбивается молотомъ, и потомъ бросается въ печь черезъ верхнее отверстіе вмѣстѣ съ древеснымъ углемъ. 20 «чараковъ» руды и столько же угля въ 24 часа даютъ 4 «чарака» желѣза. Металлъ очень хорошъ, очень мелкозернистъ въ изломѣ, и въ листахъ похожъ на сталь. Въ гористыхъ мѣстахъ Индіи, гдѣ былъ найденъ магнитный желѣзнякъ, способъ добыванія желѣза почти тотъ же; но вмѣсто 12-ти мѣховъ употребляются только четыре. Выплавленный металлъ вынимается горячимъ, тогда какъ здѣсь ему даютъ охлаждаться цѣлую ночь, прежде чѣмъ от-

кроютъ печь. Руда здѣсь имѣетъ видъ чернаго камня (она привозится изъ горъ за 15—20 миль), который распадается на кубы.

Послѣ обѣда юзбаши привелъ двухъ офицеровъ янгъ-хиссарскаго бега. Они принялись меня обнимать, увѣряя, что присланы ко мнѣ для привѣтствія. Потомъ они возвратились и поднесли мнѣ дастаръ-ханъ и овцу, извиняясь, что не могли ничего лучшаго достать въ этой деревни. Мой бѣдный юзбаши здѣсь потерялъ свое значеніе, такъ какъ мы уже не находимся въ районѣ власти его родственника, дадъ-хва. Ему даже трудно достать чего нибудь для себя, такъ что я былъ принужденъ послать ему половину своей овцы.

По видимому дадъ-хва, будучи въ тоже время царскимъ визиремъ, состоитъ непосредственнымъ начальникомъ ярканд-ской провинціи. Кашгарская область считается состоящею подъ властью самаго Аталыка, и офицеры дадъ-хва теряютъ тамъ свое значеніе.

Четвергъ. Января 7-го, Янгъ-Хиссаръ.—Сегодня утромъ я отправился посмотрѣть сосѣднюю плавильную печь, которую только отворили для извлеченія вновь выплавленнаго желѣза. Всю ночь печь остывала, а въ 8 часовъ утра заслонка была открыта, и желѣзо вынуто изъ дна печи. Поселяне и здѣсь съ любопытствомъ наблюдали за моими привычками. Они спросили у мунши, какъ я не устану сидѣть все на стульяхъ! Они также не мало удивлялись большому количеству блюдъ и тарелокъ, нужныхъ мнѣ для обѣда, такъ какъ они сами довольствуются однимъ большимъ блюдомъ для 4-хъ или 5-ти человѣкъ. Я выѣхалъ съ своимъ караваномъ изъ своего дома, а юзбаши съ своей свитой догналъ меня уже за деревней. Направляясь параллельно высокой

цѣпи горъ (влѣво отъ насъ), мы постепенно стали приближаться къ длинной полосѣ песчаныхъ холмовъ, которую мы вчера неясно видѣли вправо отъ себя. Проѣхавъ на протяженіи двухъ ташъ, полосы обожженной солнцемъ травы и обработанныя поля, мы достигли одинокаго «ленгера» (станціи), на границѣ песчаной полосы. Пока мы грѣлись у огня, къ намъ подъѣхалъ мирза-баши (секретарь), присланный ко мнѣ на встрѣчу. Съ нимъ вмѣстѣ мы доѣхали до Янгъ-Хиссара. Мы пересѣкли поперегъ песчаную полосу. Поверхность ея была похожа на море, которое начинаетъ успокоиваться послѣ бури. Холмы состоятъ изъ слоевъ песку, иногда имѣющаго консистенцію камня. Пространства между холмами были покрыты засохшею растительностью.

Проѣхавъ около пяти миль, мы достигли плодородныхъ береговъ маленькой рѣчки, вырывшей себѣ русло между холмами. Мостъ былъ сломанъ, и мы перешли рѣку по льду, на которомъ была посыпана земля, въ видѣ дороги. Были также положены мостки черезъ полынью, находившуюся по срединѣ рѣки.

Подымаясь на высокій берегъ рѣки, мы очутились въ хорошо населенной мѣстности. Перейдя одну изъ низкихъ цѣпей песчаныхъ холмовъ, мы увидали у самыхъ ногъ своихъ прелестный ландшафтъ, напоминавшій мнѣ кашмирскую долину; иллюзія поддерживалась еще видами снѣжныхъ горъ, которыя мы оставили за собой. На сколько глазъ могъ видѣть, разстилалась отлично обработанная равнина, которой многочисленные фруктовые сады и рощи, окружавшіе разбросанныя жилища, придавали видъ лѣса. Немного дальше, гдѣ дома и сады еще болѣе скучились, лежалъ городъ Янгъ-Хиссаръ. Мы достигли этой равнины по крутому склону, и

въѣхали въ мѣстность, похожую на предмѣстіе большаго города. Въ одномъ домѣ стѣны были украшены изображеніями пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ! Прежде чѣмъ мы въѣхали въ улицы, мы повернули на лѣво, вдоль земляныхъ стѣнъ стараго города. Потомъ меня встрѣтили чиновники, которые вчера выѣхали ко мнѣ въ Тоблокъ, и отвели въ царскую «урду», которая, какъ и всегда, состояла изъ ряда домовъ и двора, окруженныхъ стѣною. «Новый городъ» или цитадель возвышался въ разстояніи полумили отъ насъ на право. Мое помѣщеніе было выстлано превосходными коврами, съ диванами по стѣнамъ. Моимъ слугамъ и мунши отведены были квартиры въ томъ же зданіи, но юзбаши долженъ былъ искать себѣ мѣста въ сосѣднемъ частномъ домѣ, хотя въ урдѣ было достаточно комнатъ. По видимому честь жить въ царской урдѣ выпадаетъ на долю только царскимъ гостямъ. Мои вчерашніе знакомые поднесли мнѣ дастаръ-ханъ, и въ замѣнъ получили отъ меня халаты.

Послѣ обѣда прибылъ офицеръ, которому я далъ халатъ въ первую ночь послѣ отъѣзда изъ Ярканда. Вы вспомните, что послѣ я узналъ, что онъ родственникъ Аталыку. Теперь онъ отдалъ мнѣ визитъ въ сопровожденіи юзбаши.

Онъ сообщилъ мнѣ, что ѣздилъ въ Яркандъ по поводу недостатка теплой одежды въ войскѣ. Дадъ-хва велѣлъ ему присоединиться къ моему каравану, и сопровождать меня, если не будетъ какого нибудь особеннаго приказанія отъ самаго Аталыка. Сегодня вечеромъ церемоніймейстеръ сообщилъ моему мунши, что онъ получилъ предписаніе провести здѣсь еще ночь. Поэтому, я предчувствую, что мнѣ придется остальное время путешествія наслаждаться обществомъ моего друга, родственника царя. Онъ, кажется, добрый малый, ве-

селый не менѣе юзбаши, и я надѣюсь, что у меня хватитъ знанія персидскаго языка, чтобы быть въ состояніи разговаривать съ нимъ.

Сегодня послѣ обѣда, гуляя по окрестностямъ, я подошелъ къ квартирѣ юзбаши и увидѣлъ его, стоявшаго у входа. Онъ пригласилъ меня къ себѣ и просилъ меня выпить чашку чаю, пока онъ самъ будетъ совершать вечернюю молитву. Между поклонами онъ обращался ко мнѣ съ вопросами: «довольно ли мнѣ сахару?» и т. д., и затѣмъ продолжалъ свои молитвы. Онъ потомъ пригласилъ меня къ обѣду, который онъ началъ тѣмъ, что омочилъ палецъ въ соленой водѣ и положилъ его въ ротъ. Только послѣ этого обряда мусульманинъ имѣетъ право приняться за ѣду. За обѣдомъ былъ супъ съ небольшими кусочками тѣста, вродѣ макаронъ. Затѣмъ, не дождавшись пилава, я распрощался съ моимъ любезнымъ хозяиномъ.

Пятница. Января 8-го, Янгъ-Хиссаръ.—Сегодня утромъ моего мунши посѣтилъ какой-то мулла, присутствовавшій при убійствѣ Шлагинтвейта. Послѣдній пришелъ къ Валле-Хану, когда тотъ только что успѣлъ взять у китайцевъ кашгарскую цитадель. Шлагинтвейтъ спросилъ Валле-Хана, какъ долго длилась осада? Валле-Ханъ отвѣчалъ: «три мѣсяца». «О!» сказалъ Шлагинтвейтъ, «мои земляки взяли бы эту крѣпостцу въ три дня!» «Правда», проговорилъ полководецъ, и велѣлъ вывести френга и отрубить ему голову. Мулла говоритъ, что Валле-Ханъ былъ настоящій дьяволъ; теперешній монархъ совсѣмъ другое дѣло. Шлагинтвейта увлекли къ берегамъ рѣки Кашгаръ, и тамъ казнили. Въ его карманѣ найдены были часы и компасъ.

Вечеромъ, въ то время какъ я писалъ, ко мнѣ вошелъ

мой будущій спутникъ, родственникъ Аталыка. Когда я хотѣлъ послать за переводчикомъ, оказалось, что онъ спитъ.

Итакъ, вотъ я обреченъ на длинный персидскій разговоръ! Собравшись съ духомъ, я началъ говорить. Мой собесѣдникъ похвалилъ мое знаніе персидскаго языка, хотя и самъ онъ не совсѣмъ безукоризненно владѣлъ имъ. Онъ изложилъ мнѣ различіе нарѣчій турецкаго языка, употребляемаго въ Турціи и Туркестанѣ. Послѣ мы перешли къ разговору о стрѣльбѣ и скорострѣльныхъ ружьяхъ. Наконецъ онъ объявилъ мнѣ, что ѣдетъ завтра безъ меня, такъ какъ насчетъ моего путешествія никакихъ приказаній не получено, выпилъ чашку чая, сказалъ «Аллахо-акберъ» и оставилъ меня.

Вечеромъ я имѣлъ съ юзбаши разговоръ объ Индіи. Онъ сказалъ мнѣ, что въ Ладакъ прибылъ лордъ, и ѣхалъ четыре или пять переѣздовъ съ посломъ Махаммать-Назаромъ. Я растолковалъ ему, что это не лордъ сахибъ (имя, которое дается намѣстникамъ), а бегъ или чиновникъ; это повело меня къ объясненію различныхъ видовъ правителей Индіи. Я взялъ большой комокъ земли и сказалъ ему, что это англійская королева. Потомъ рядъ меньшихъ комковъ изображали губернаторовъ или вице-королей; одинъ изъ послѣднихъ представлялъ вице-короля Индіи. Подъ нимъ лежали пять небольшихъ комочковъ за лордовъ сахибовъ или губернаторскихъ намѣстниковъ. Одинъ изъ нихъ (лордъ сахибъ Пенджаба) имѣлъ начальство надъ 16-ю маленькими камушками, бегами, изъ которыхъ одинъ и пріѣхалъ въ Ладакъ. Это объясненіе доставило большое удовольствіе юзбаши, и онъ по видимому вполнѣ уразумѣлъ всю англійскую іерархію въ Индіи. Сегодня мои слуги гуляли по городу.

Отъ однихъ воротъ до другихъ считается 1100 шаговъ, но внѣшніе предметы удвоиваютъ величину города. Въ это время былъ въ городѣ базаръ, и улицы были полны народомъ. Мои слуги нашли въ караванъ-сараѣ двухъ своихъ земляковъ (индійскихъ купцовъ), и со смѣхомъ описывали рядъ бычьихъ скелетовъ, повѣшанныхъ напротивъ ихъ дверей. Путешествіе рѣшительно уничтожаетъ предразсудки; кто бы могъ подумать, что индійцы будутъ смѣяться такому обстоятельству!

Сегодня мунши принесъ мнѣ старую книгу, найденную въ Кизилѣ. Хотя она написана по тюркски, но намъ удалось разобрать, что это была исторія Туркестана.

Января 10-го, Епчангъ.—Вчерашній день мы провели въ Янгъ-Хиссарѣ, и я сдѣлалъ длинную прогулку по ближнимъ холмамъ. Эти холмы шли отъ востока на западъ и по видимому паралельно снѣжнымъ горамъ. Я измѣрилъ толщину льда въ водоемѣ; она равнялась восьми дюймамъ! Вечеромъ намъ объявили, что въ слѣдущее утро мы выступимъ. Сообразно этому мы сегодня находились въ 25-ти миляхъ далѣе, въ выше названной деревнѣ. Страна состоитъ изъ деревень, обработанныхъ полей и пастбищъ со скотомъ и лошадьми, мы перешли черезъ рѣку Кузунъ по деревянному мосту, перекинутому въ узкомъ мѣстѣ. Теперь эта рѣка почти совсѣмъ замерзла. Дорогой мы встрѣтили Махаммада Исакъ-Джана, брата дадъ-хва. Мы спѣшились и дружественно обнялись. Когда онъ возвращался въ Яркандъ, я послалъ съ нимъ поклонъ къ его брату. Потомъ мы имѣли длинный разговоръ съ юзбаши. Онъ говорилъ, что юзбаши (сотникъ) получаетъ въ годъ 300 тиллъ (150 ф. ст.), тогда какъ про-

стой солдатъ (конный)—30 тиллъ. Одежда, оружіе и лошади у нихъ—казенныя.

Въ военное время плата удвоивается. Онъ также разсказалъ мнѣ, что въ прошломъ году онъ везъ въ Яркандъ извѣстіе о взятіи Кучи, отстоявшаго на 560 миль, и что онъ проѣхалъ это разстояніе въ три дня, мѣняя лошадей 28 разъ. А изъ этой деревни (Епчанга) онъ пріѣхалъ въ Яркандъ въ одинъ день (121 миля). За эту услугу онъ получилъ въ Яркандѣ 40 тиллъ, а когда онъ возвратиля въ царскій лагерь, Аталыкъ далъ ему два серебрянныхъ «ямбу» (цѣною въ 34 ф. ст.).

Когда мы достили Епчанга, насъ принялъ «махрамбаши» (церемоніймейстеръ), высланный намъ на встрѣчу. Онъ ввелъ меня въ мою комнату и поднесъ обычный дастаръ-ханъ.

ГЛАВА XII.

Пріѣздъ въ Кашгаръ.

Переходъ черезъ четыре рѣки. — Янгъ-Шаръ или кашгарская крѣпость. — Подарки для Аталыка. — Процессія ко двору.—Калмыцкіе стрѣлки. — Аталыкъ.—Милостивый пріемъ.—Разговоръ съ нимъ.—Пренебреженіе со стороны подчиненныхъ; намекъ объ этомъ и полученное удовлетвореніе. — Русское ружье. — Шпіоны. — Заключеніе путешественника въ домѣ, отведенномъ для него.—Ложные слухи.—Сальныя свѣчи.—Сѣрныя спички. — Пріѣздъ шахавала. — Гимнастика. — Преданія объ Александрѣ Македонскомъ. — Легенды изъ исторіи тюрковъ.— Сказанія о русскихъ и о китайцахъ.

Кашгарскій Янгъ-Шаръ, января 11-го.—Мы оставили Епчангъ утромъ; ночью мархамбаши уѣхалъ въ Кашгаръ, чтобы объявить о моемъ прибытіи. Онъ встрѣтилъ насъ на полдорогѣ. Мы проходили по населенной и хорошо обработанной странѣ, и во время дневнаго переѣзда переправлялись черезъ четыре рѣки. Первая изъ нихъ протекала въ пяти миляхъ отъ Епчанга, имѣя, вмѣстѣ съ многочисленными каналами, четверть мили ширины. На первомъ изъ каналовъ ледъ былъ взломанъ, такъ что приходилось переходить въ бродъ, причемъ нѣсколько вьюковъ вымокло.

Остальные каналы были покрыты льдомъ. Послѣ этой переправы мы прошли въ виду двухъ маленькихъ городковъ—одного справа, а другаго слѣва отъ дороги.

На берегахъ слѣдующей рѣки мы остановились для совер-

шенія вечерней молитвы. Отсюда открывался видъ на кашгарскую крѣпость (или новый городъ), расположенную среди безлѣсной, но обработанной страны. Укрѣпленія, по видимому, совершенно подобны яркандскимъ, но меньшихъ размѣровъ. Проѣхавъ мимо нѣсколькихъ выступовъ стѣнъ, мы достигли воротъ, въ которыхъ встрѣтилъ насъ юзбаши, вооруженный двухствольнымъ ружьемъ.

Подъ предводительствомъ его и махрамбаши мы прошли, мимо гаубтвахты съ рядами сидящихъ солдатъ (обращенныхъ китайцевъ), во вторыя ворота, и наконецъ, мимо рядовъ солдатъ, мы, черезъ третьи ворота, проникли во внутренность «новаго города».

Передъ фронтомъ солдатъ были разставлены ихъ ружья— огромные мушкеты (по одному на четыре человѣка), которыхъ стволъ опирался на вилообразную подставку, тогда какъ прикладъ лежалъ на землѣ. У третьихъ воротъ весь каравань спѣшился, и мы прошли около 100 сажень черезъ толпу придворныхъ въ яркихъ одеждахъ. Нѣсколько церемоніймейстеровъ, вооруженныхъ большими жезлами, разчищали намъ дорогу, а одинъ изъ нихъ повелъ на право по улицѣ къ предназначенной намъ квартирѣ.

Это очевидно еще новое зданіе, съ многочисленными обширными дворами. Комнаты здѣсь меньше, чѣмъ въ Яркандѣ, но за то здѣсь есть большая крытая пріемная съ верандой. На полу пріемной разостланъ огромный хотенскій коверъ.

Махрамбаши немедленно принесъ дастаръ-ханъ, и спросилъ меня когда я хочу видѣть Аталыка. Я отвѣчалъ, что хотя я желаю его увидѣть какъ можно скорѣе, но боюсь, что не успѣю во время распаковать привезенныхъ подарковъ. Мнѣ предложили сдѣлать визитъ завтра. Потомъ мнѣ пред-

ставили дахбаши (десятника) и махрама (церемоніймейстера), которые денно и нощно будутъ готовы исполнять мои приказанія.

Мы принялись тотчасъ же за разкладку подарковъ, и чистили и приводили ихъ въ порядокъ. Вечеромъ пришелъ юзбаши, и сталъ спрашивать меня что я хочу подарить; тогда я послалъ къ мунши за росписаніемъ подарковъ. Въ это время вошелъ махрамъ и усѣлся. Росписаніе принесли, но юзбаши сказалъ: «Дарите что хотите, мое дѣло—васъ довести благополучно къ королю». Но, когда махрамъ ушелъ, юзбаши сообщилъ мнѣ шепотомъ, что онъ не могъ со мной говорить иначе въ его присутствіи, такъ какъ могутъ донести Аталыку, что юзбаши, молъ, совѣтуетъ михману (гостю) что дарить и чего не дарить. Тогда я спросилъ у него, нужно ли дать отдѣльный подарокъ сыну государя. Увѣрившись, что никто не подслушиваетъ, юзбаши отвѣчалъ: «Не давайте цѣннаго подарка никому кромѣ Аталыка, въ противномъ случаѣ онъ можетъ оскорбиться».

Кашгаръ, января 12-го.—Сегодня рано утромъ всѣ подарки были разставлены на большихъ подносахъ, а около 9-ти часовъ за мною пришли разные церемоніймейстеры и чиновники. Я пустился въ путь, въ сопровожденіи юзбаши, который меня встрѣтилъ вчера, моего собственнаго юзбаши (котораго звали, какъ Аталыка,—Махаметъ Якубъ), махрамбаши и т. д. и 30 или 40 человѣкъ несшихъ назаръ (дары).

Отъ моей двери до самаго дворца (около четверти мили разстоянія) была разчищена дорога сквозь толпу, которая пестротою своихъ одеждъ напоминала калейдоскопъ. Войдя въ ворота, мы прошли мимо рядовъ тѣлохранителей въ блестящихъ одеждахъ, сидѣвшихъ такъ неподвижно, что, каза-

лось, составляло только архитектурное украшеніе зданія. Цѣлые ряды ихъ были одѣты въ шелковыя одежды и, судя по роскошному мундиру, между ними было не мало крупныхъ офицеровъ. Между прочими тѣлохранителями были нѣкоторые изъ различныхъ племенъ, съ страннымъ вооруженіемъ.

Такъ напримѣръ тутъ были калмыки вооруженные луками и стрѣлами. Вообще было что-то волшебное въ этомъ собраніи тысячъ, неподвижно сидящихъ и пестро одѣтыхъ людей. Въ самомъ внутреннемъ дворѣ находились только избранные царедворцы. Сюда никто со мною не вошелъ, кромѣ вчерашняго юзбаши. Приблизившись къ зданію въ родѣ бесѣдки, я вошелъ въ боковую дверь. Черезъ маленькую переднюю меня провели въ обширную пріемную, посреди которой, около окна, сидѣлъ человѣкъ. Это былъ самъ монархъ. Я пошелъ къ нему одинъ, и когда я достаточно приблизился, онъ привсталъ и протянулъ мнѣ обѣ руки. Я обнялъ его по тюркскому обычаю, и по его приглашенію сѣлъ напротивъ его.

Вслѣдъ за тѣмъ я, по мѣстному обычаю, снова всталъ и освѣдомился о его здоровьи; но онъ хотѣлъ удержать меня отъ вставанія, и пригласилъ сѣсть поближе. Онъ спросилъ меня о моемъ здоровьи и сказалъ, что надѣется, что во время путешествіи я не испыталъ никакихъ непріятностей.

Я отвѣчалъ, извиняясь въ дурномъ знаніи персидскаго языка, на что онъ улыбаясь отвѣчалъ, что меня очень легко можно понимать.

Потомъ произошло молчаніе въ продолженіе минуты, такъ какъ каждый изъ насъ ожидалъ слова отъ своего собесѣд-

ника (высшая учтивость). Наконецъ онъ сдѣлалъ замѣчаніе о погодѣ.

Я сказалъ ему, что мои соотечественники очень рады были узнать, что, на мѣсто враждебныхъ намъ китайцевъ, въ Туркестанѣ владычествуютъ братья друзей нашихъ, турковъ. Потомъ я прибавилъ, что я пришелъ сюда, не по порученію отъ лорда сахиба, а просто по собственному желанію увидать того, о комъ слышалъ столько хорошаго.

Онъ одобрительно кивалъ головой на все что я говорилъ, и наконецъ отвѣчалъ, что былъ очень радъ услышать, что въ его владѣнія идетъ Ша сахибъ съ дружественными намѣреніями. Вслѣдъ за тѣмъ онъ сказалъ, что лордъ сахибъ (индійскій вице-король) очень великъ, и что онъ, Аталыкъ, гораздо меньше его. Я отвѣчалъ на это, что хотя вице-король и очень великъ, но англійская королева, его государыня, еще больше. Но что между друзьями, какъ наши два народа, не должно быть рѣчи о томъ, кто больше и кто меньше. Потомъ я прибавилъ, что привезъ ему нѣсколько англійскихъ штуцеровъ и т. д., и просилъ простить мнѣ скромность моихъ даровъ. Онъ отвѣчалъ, что лучшимъ даромъ для него былъ мой благополучный пріѣздъ. Когда я снова сталъ извиняться въ недостаточномъ знаніи персидскаго языка и предложилъ ему взять переводчика, онъ отвѣчалъ: «Зачѣмъ намъ третье лицо; дружба самый лучшій переводчикъ»; и крѣпко пожавъ мнѣ руку, прибавилъ: «Теперь отдохните нѣсколько дней, осмотрите все достопримѣчательное—вообще считайте этотъ городъ своею собственностью; а потомъ захватите съ собою вашего мунши и приходите потолковать со мною.

Потомъ Аталыкъ велѣлъ принести пунцовый шелковый ха-

латъ, и когда его на меня надѣли, милостиво отпустилъ меня. Я нашелъ своего проводника въ воротахъ, и возвратился черезъ тоже блистательное собраніе. У моей двери мои проводники простились со мною, пожелавъ мнѣ «мубаракъ» или «счастья», на что я далъ обычный отвѣтъ «кулихъ» или «покорный слуга».

Во время дня мы замѣтили признаки пренебреженія къ намъ со стороны служащихъ. Припасы были выдаваемы только по неоднократнымъ требованіямъ. Никто изъ чиновниковъ не приходилъ освѣдомляться о моихъ нуждахъ. Мы стали жалѣть о вѣжливомъ обращеніи съ нами яркандцевъ и о тамошнихъ удобныхъ квартирахъ. Здѣсь мы всѣ были скучены на одномъ дворѣ, тогда какъ тамъ у меня одного было три двора.

Кромѣ того постоянная бѣготня слугъ въ кладовыя, расположенныя на моемъ дворѣ, не давала мнѣ покою. Но гнѣвъ мой достигъ своего maximum'а, когда мнѣ, вмѣсто приличнаго дастаръ-хана, принесли просто подносъ съ хлѣбомъ. Я немедленно велѣлъ вынести этотъ подносъ и поставить его за дверь. При этомъ приказаніи Джума (онъ мнѣ принесъ подносъ) остолбенѣлъ и сталъ умолять меня не дѣлать этого, увѣряя, что король сочтетъ это за глубокое оскорбленіе. Но я подтвердилъ свое повелѣніе. Джума спрятался въ кухню, чтобы переждать бурю. Вскорѣ забѣгали чиновники, посматривали на выброшенный подносъ и мгновенно скрывались.

Наконецъ они приблизились и убрали его. Затѣмъ явился сиркаръ (царскій экономъ, дворецкій), начальникъ государственныхъ магазиновъ. Онъ пошелъ къ моему мунши и сталъ извиняться, говоря что завтра готовится большой

пиръ, и что поэтому ему было некогда прилично заняться мною. Потомъ онъ вошелъ ко мнѣ, и собственноручно разставилъ предо мною блюда съ плодами и вареньемъ. Только что онъ ушелъ, какъ послышалось блеяніе овцы. Это былъ подарокъ моему мунши. Вслѣдъ затѣмъ, хотя уже смерклось, стали носить намъ въ изобиліи дровъ, сѣна, риса, хлѣба и т. д., все что мы должны были получить сегодня утромъ. Тогда пришелъ юзбаши, умолялъ меня не сердиться, говоря что огромное стеченіе народа на предполагаемое торжество произвело страшную путаницу, и что, если слухъ о пренебреженіи ко мнѣ дойдетъ до Аталыка, дѣло не обойдется безъ казни. Я на это отвѣчалъ, что напротивъ весьма благодаренъ Аталыку за его милости. Онъ ушелъ; но потомъ я узналъ, что онъ сдѣлалъ строгій выговоръ небрежнымъ чиновникамъ, говоря, что онъ привелъ михмана такъ далеко и такъ бережно не для того, чтобы его такъ грубо оскорбляли. Поздно вечеромъ пришелъ ко мнѣ виновный сиркаръ, и снова сталъ просить прощенія. Видя, что мое дѣло выиграно, я милостиво отпустилъ его, угостивъ чаемъ и десертомъ. Такъ кончилось мое первое и, надѣюсь, послѣднее недоразумѣніе съ подданными Аталыка-Хази.

Кашгаръ. Января 13-го.—Сегодня утромъ мунши позвали на собраніе правовѣрныхъ, въ которомъ совершали общую молитву по случаю праздника «Идъ». Аталыкъ присутствовалъ въ небольшомъ павильонѣ. Мой мунши облекся въ обыкновенное тюркское платье, дабы не узнали въ немъ иностранца.

Одинъ изъ моихъ прислужниковъ принесъ мнѣ русскую винтовку 1864 года. Она вѣсила только шесть фунтовъ, хотя была большаго калибра, чѣмъ англійскіе штуцера. Курокъ

у нея былъ съ кольцомъ, а собачка безъ скобки. Этотъ человѣкъ говоритъ, что у Аталыка есть до 1000 такихъ винтовокъ, частью взятыхъ въ битвахъ, частью поднесенныхъ русскимъ посломъ, который, будто бы, былъ здѣсь четыре мѣсяца тому назадъ. Говорятъ, что винтовки, сдѣланныя здѣсь по этимъ образцамъ, очень хороши.

Сегодня мы пользовались плодами вчерашней побѣды. Всѣ припасы приходили къ намъ въ изобиліи, и два раза въ день приносили намъ горячія блюда изъ царской кухни. Утромъ принесли мнѣ въ подарокъ отъ Аталыка съ полдюжины фазановъ и другой дичи. Два изъ нихъ были похожи на фазановъ кангрскихъ горъ, а остальные—на обыкновенныхъ англійскихъ фазановъ. Тюрки называютъ ихъ—«кирголь».

Я забылъ сказать, что сегодня утромъ я послалъ купить новыя одежды своимъ слугамъ, чтобы сдѣлать честь празднику, устроиваемому моими хозяевами. Но я встрѣтилъ сопротивленіе: чиновники сказали мунши, что если ихъ властелинъ узнаетъ, что я принужденъ покупать что нибудь, находясь у него въ гостяхъ, то они могутъ поплатиться за это жизнью. Противъ такого аргумента конечно дѣлать было нечего.

Когда послѣ обѣда я расхаживалъ по верандѣ, на дворъ вошелъ человѣкъ благообразной наружности, но дурно одѣтый. Я, при помощи мунши, попросилъ его сѣсть и спросилъ говоритъ ли онъ по персидски. Сѣсть онъ отказался, и сказалъ, что пришелъ посмотрѣть иностранца. Что бы мы ни дѣлали, онъ не хотѣлъ приблизиться. Онъ только спросилъ, былъ ли мунши на публичной молитвѣ. Это былъ вѣроятно одинъ изъ шпіоновъ, приставленныхъ къ намъ, для наблюденій за нашими дѣйствіями.

Кашгаръ. Четвергъ, января 14.—Вотъ я опять сижу въ домѣ, какъ это я дѣлалъ и въ Ярканде. Я не хотѣлъ возбуждать подозрѣнія въ томъ, что слишкомъ усердно пользуюсь позволеніемъ короля осматривать городъ (такъ какъ, можетъ быть, это была только пустая фраза). Страшная скука; книги свои я уже не могу читать; онѣ всѣ читаны и перечитаны. Одно удовольствіе—разговоръ съ гудскими моими слугами, которые не сидятъ дома, а гуляютъ по городу, принося мнѣ изрѣдка кое-какія вѣсти. Остальное время я провожу, расхаживая по верандѣ. Мусульманамъ мѣшаютъ скучать ихъ молитвенные обряды. Омовеніе лица, рукъ, ногъ, раздѣваніе и одѣваніе, разныя благочестивыя позы—все это беретъ не мало времени. Оттого-то мусульмане и идутъ съ такою радостью на молитву, такъ какъ она прерываетъ однообразіе ихъ дня.

Мои слуги встрѣтили здѣсь много земляковъ. Я не могу сказать, чтобы извѣстія, полученныя отъ нихъ, были весьма утѣшительны. Въ Индіи думаютъ, что врядъ ли мы благополучно возвратимся во свояси.

Но я, съ своей стороны, увѣренъ, что не стали бы такъ пышно и любезно принимать людей, обреченныхъ на смерть или долгое заточеніе

Цѣль здѣшняго правительства задобрить англичанъ. Причинить мнѣ какой либо вредъ—значило бы никогда не достигнуть этой цѣли.

Одинъ индусъ сказалъ моимъ слугамъ, что онъ видѣлъ меня три года тому назадъ въ Лахорѣ. Онъ спрашивалъ, правда ли, что я разставлялъ столбы по дорогѣ! Онъ говорилъ, что русскіе сдѣлали это въ горахъ, въ шести дняхъ пути

отсюда, и что до Аталыка дошли слухи, что я разставилъ столбы на южной границѣ его владѣній.

Однако посланные не подтвердили этихъ слуховъ.

Января 15-го.—Вчера приходилъ сиркарь и сообщилъ мнѣ, что Аталыкъ милостиво освѣдомлялся обо мнѣ и сказалъ: «Пойди и скажи Ша сахибу, что я теперь завалень работой, но что черезъ день или два, я его приглашу къ себѣ на длинный разговоръ». Я велѣлъ отвѣчать Аталыку, что я очень радъ видѣть его, когда онъ будетъ имѣть болѣе времени, потому что то что я имѣю сказать ему не можетъ быть сказано въ короткое время.

Я, кажется, не упоминалъ еще о здѣшнихъ свѣчахъ. Это—куски сала съ свѣтильней, сдѣланной изъ ваты, обмотанной вокругъ палочки. Къ вершинѣ онѣ очень толсты (дюйма полтора), и постепенно съуживаются къ основанію. При этихъ свѣчахъ полагаются щипцы, очень похожія на англійскія, и очевидно сдѣланныя по европейскому образцу.

Тюрки употребляютъ сѣрныя спички, которыя по улицамъ продаются разносчиками. Это—кусочки дерева длиною около 9-ти дюймовъ и конецъ которыхъ обмокнутъ въ сѣру. Такія спички легко воспламеняются о раскаленный уголь или тлѣющій трутъ. Онѣ употребляются во всякомъ хозяйствѣ.

Кашгаръ. Воскресенье, января 17-го.—Сегодня утромъ пришелъ ко мнѣ юзбаши со сверткомъ въ рукахъ. Развернувъ его, онъ мнѣ показалъ револьверъ, разобранный на части и покрытый ржавчиною. Четыре камеры были еще заряжены. Онъ попросилъ меня велѣть моему слесарю починить его.

Но пока я посылалъ за нимъ, махрамъ сказалъ юзбаши нѣсколько словъ по тюркски.

Когда слесарь уже протянулъ руку, чтобы взять револьверъ, юзбаши поспѣшно собралъ части, завернулъ ихъ и, пробормотавъ извиненіе по тюркски, удалился.

Я изумился, не находя объясненій такому поступку.

Мой слуга, Сарда, познакомился съ однимъ кашмирскимъ сипаемъ, котораго Аталыкъ держалъ въ плѣну.

Онъ велѣлъ сказать, что послѣдній держитъ такимъ образомъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ, которые только дожидаются случая освободиться; имъ только не достаетъ начальника. Я посовѣтовалъ Сардѣ быть осторожнѣе, такъ какъ опасался какой нибудь ловушки.

Послѣ обѣда пришелъ юзбаши и усѣлся съ видимымъ желаніемъ поговорить. Онъ объявилъ мнѣ о скоромъ пріѣздѣ сюда шахавала, выѣхавшаго изъ Ярканда. Потомъ, увѣрившись, что никто не подслушиваетъ, онъ просилъ меня не сердиться за то, что онъ такъ рѣдко сталъ меня посѣщать.

Исторію съ револьверомъ онъ объяснилъ опасеніемъ, чтобы Аталыкъ не увидалъ тѣсную дружбу между юзбаши и мною.

Я разсмѣялся и сказалъ: «Я очень хорошо понимаю положеніе дѣлъ». Разговоръ былъ прерванъ приходомъ махрама съ горячимъ пилавомъ. Я пригласилъ къ обѣду махрама и юзбаши, которые принялись ѣсть рисъ и мясо руками, искренно удивляясь тому, что я, какъ имъ казалось, доставлялъ себѣ лишнее неудобство вилки и ножа.

Кашгаръ. Среда, января 20-го.—Вотъ уже три дня, какъ у меня не былъ юзбаши.

Сегодня я посылалъ къ нему спросить о его здоровьи. Онъ прислалъ мнѣ множество поклоновъ, и велѣлъ сказать, что ему очень хочется меня видѣть, но что за нимъ слишкомъ пристально наблюдаютъ.

Кашгаръ. Пятница, января 22-го.—Сегодня утромъ прибылъ изъ Ярканда шахавалъ дадъ-хва. Онъ былъ принятъ такимъ же образомъ, какимъ и я, т. е. рядами солдатъ, выстроенными въ воротахъ, и потомъ отправился поклониться Аталыку. Онъ поднесъ ему «назаръ» или подарокъ изъ 100 «куръ» серебра (1700 ф. ст.), 30 лошадей и столько же рабовъ вполнѣ одѣтыхъ и вооруженныхъ, съ четырмя перемѣнами платья.

Самъ онъ ѣхалъ на великолѣпномъ конѣ, на чепракѣ вышитомъ бирюзой. Юзбаши выѣзжалъ на встрѣчу къ своему господину до самаго Епчанга и потомъ явился ко мнѣ голодный. Я угостилъ его пилавомъ, котораго онъ поглотилъ огромное количество.

Дадъ-хва нѣсколько разъ присылалъ ко мнѣ узнать о моемъ здоровьѣ, и очень сожалѣлъ, что я такъ скучаю.

Онъ утѣшалъ меня, говоря, что все устроится къ лучшему, и что онъ увезетъ меня съ собою въ Яркандъ.

У меня были гимнастическія гири, которыми я упражнялся отъ времени до времени. Сегодня они попались на глаза юзбаши. Онъ одобрилъ ихъ употребленіе, но самъ безъ привычки не могъ долго упражняться ими. Потомъ я показалъ ему разныя другія штуки, какъ-то: вставать съ земли на одной ногѣ и т. п. Все это онъ очень ловко исполнялъ.

Онъ разсказывалъ мнѣ, что въ Яркандѣ и Кашгарѣ землетрясенія бываютъ раза три въ годъ. Но что въ прошломъ году въ Епчангѣ толчки повторялись по нѣскольку разъ въ день. Всѣ дома были разрушены и должны были быть выстроены вновь.

Кашгаръ. Понедѣльникъ, января 25-го.—Сегодня поздно вечеромъ приходилъ ко мнѣ юзбаши и занимался гим-

настикой. Какъ и всегда за нимъ слѣдомъ вошелъ махрамъ, самый веселый изъ моихъ шпіоновъ. Онъ разсказалъ мнѣ разныя чудесныя исторіи про Хазрата Сикандара (Александра великаго). Столицей его государства былъ Самаркандъ, и оттуда онъ пошелъ въ Китай, чтобы распространить тамъ исламъ! Однажды въ походѣ онъ велѣлъ каждому своему воину принести по одному камню и положить на землю; изъ этихъ камней составился огромный курганъ. Китайскій императоръ покорился безъ сопротивленія великому завоевателю. Воинамъ Александра понравился Китай, и многіе изъ нихъ, женившись на китаянкахъ, остались тамъ. Когда Александръ съ остальными на возвратномъ пути подошелъ къ своему кургану, онъ велѣлъ каждому солдату взять по одному камню изъ кургана; по числу оставшихся камней Александръ узналъ число солдатъ, поселившихся въ Китаѣ. Отъ этихъ послѣднихъ произошли два народа: тунгане и калмыки.—Я полагаю, что это преданіе относится скорѣе къ какому нибудь татарскому завоевателю. Въ сѣверной Татаріи есть равнина Санташъ, на которой дѣйствительно возвышается курганъ, составленный изъ камней, о которомъ разсказываютъ нѣчто подобное. Сами тунгане считаютъ себя потомками военныхъ поселенцевъ изъ войска Тамерлана (который однако никогда туда не заходилъ).

Потомъ мы перешли къ исторіи восточнаго Туркестана. По словамъ моего разсказчика 4080 лѣтъ тому назадъ жители были «кафирами» или язычниками. Тогда взошелъ на престолъ царь по имени Хазратъ Султанъ, который обратилъ ихъ въ исламъ. Мунши тутъ вмѣшался въ разговоръ и спросилъ, кто же обратилъ этого царя? Махрамъ отвѣчалъ: «Онъ самъ обратился». Это было уже слишкомъ для мунши, ко-

торый и то уже скрѣпя сердце слушалъ о радѣніи къ исламу Александра и о существованіи мусульманъ 4080 лѣтъ тому назадъ. Онъ воскликнулъ: «Нѣтъ, нѣтъ; этого не можетъ быть!» Я обратился къ нему и сказалъ: «Какой вы хотите исторической точности отъ людей, которые говорятъ о мусульманскихъ корольхъ, царствовавшихъ за 3000 лѣтъ до появленія мусульманскаго пророка? Однако махрамъ продолжалъ свой разсказъ: «Хазратъ Султанъ былъ сынъ языческаго царя. Онъ былъ обращенъ въ правую вѣру Абдулъ-Насаръ-Саманіемъ, мисіонеромъ изъ Багдада. Когда онъ былъ еще ребенкомъ, отецъ его видѣлъ во снѣ, что сынъ его обратился въ мусульманство. Тогда отецъ хотѣлъ убить своего сына, но предварительно посовѣтовался съ женою, которая сказала: «Не убивай ребенка, не испытавъ его. Заставь его поклониться идолу, если же онъ не захочетъ этого дѣлать, такъ убей его. Приведенный предъ идола, ребенокъ подчинился обрядамъ язычества и былъ оставленъ въ живыхъ. Но получивъ таѣное наставленіе отъ мисіонера, онъ смутился духомъ, въ особенности когда отецъ заставилъ его строить храмъ идолу. Святой мужъ посовѣтовалъ ему воображать, что онъ строитъ мечеть. Когда это было сдѣлано, возникла новая трудность: отецъ поставилъ въ храмѣ идола и велѣлъ ему поклоняться. Учитель ему и тутъ помогъ; онъ далъ ему въ руки двѣ бумажки съ именемъ Аллаха, такъ что Хазратъ Султанъ кланяясь въ землю поклонялся не идолу, но имени Аллаха, написанному на бумажкахъ. Такимъ образомъ онъ остался вѣренъ исламу, не возбудивъ подозрѣнія въ своихъ родителяхъ. Между тѣмъ онъ набралъ дружину изъ знатныхъ молодыхъ людей и явился во главѣ ея къ отцу, повелѣвая ему принять исламъ. Тотъ отказался. Его схватили и поставили

на землю, которая мало по малу стала его поглощать. Сынъ сталъ умолять его обратиться, но отецъ остался непреклоненъ и постепенно совсѣмъ ушелъ въ землю. Мѣсто это и до сихъ поръ видно въ видѣ ямы, около Арташа, въ 20-ти миляхъ отъ Кашгара».

Вслѣдъ за тѣмъ мой махрамъ разсказалъ мнѣ о родствѣ русскихъ съ китайцами. Александръ великій (ни одна восточная легенда не обходится безъ него) выгналъ русскихъ изъ ихъ страны и они искали убѣжища въ Китаѣ. Тамъ они женились на китаянкахъ и изъ этихъ браковъ произошелъ теперешній русскій народъ. Я никакъ не могу понять откуда взялось такое чудовищное извращеніе фактовъ. Можетъ быть это выдумка угнетеннаго тюрка, который такимъ образомъ породнилъ между собою двухъ злѣйшихъ враговъ своихъ.

Когда всѣ ушли, вошелъ Сарда и проворчалъ: «Пусть они называютъ насъ индусами, «кафирами», а все-таки мы лучше ихъ самихъ; я сейчасъ видѣлъ, какъ они, перерѣзавъ цыпленку горло, оставили его цѣлые полчаса въ предсмертныхъ судорогахъ. Лучше быть кафиромъ, чѣмъ дѣлать подобныя вещи». Тщетно я объяснялъ ему посмертное сокращеніе мускуловъ; онъ никакъ не могъ примириться съ даннымъ ему именемъ кафира.

ГЛАВА XIII.

Задержка въ Кашгарѣ.

Китайскія женщины и ихъ ноги.—Невѣденье относительно англійскихъ владѣній въ Индіи.—Плѣнные изъ Сариколя.—Балтскія пѣсни.—Приготовленіе пороха.—Разсказы о прежнихъ англійскихъ посѣтителяхъ.—Сарикольскій народъ.—Чувства индійскихъ туземцевъ относительно англичанъ изъ Индіи.—Истребленіе чая.—Казни.—Мнѣніе махрамбаши о грѣхахъ.—Мирза.—Индійское возмущеніе.—Церемонія по поводу новолунія.—Признанная милость Аталыка къ путешественнику.—Хотенскій бегъ.—Ложъ мунши.—Восточныя сказки.

Кашгаръ. Января 27-го.—За ночь выпало столько снѣгу, что земля покрылась бѣлымъ ковромъ. Аталыкъ уѣхалъ со свитой изъ тысячи всадниковъ на поклоненіе гробницѣ Хазратъ-Апака, откуда онъ вернется завтра. Юзбаши тоже уѣхалъ.

Шахавалъ прислалъ въ подарокъ Аталыку 60 простыхъ лошадей, 46 верховыхъ съ одинаковымъ количествомъ рабовъ; 150 «куру» и 100 кусковъ парчи (кимкабъ); кромѣ того были еще разныя другія вещи. Джума видѣлъ все это.

Между подарками, посланными Аталыкомъ въ благодарность, находится между прочимъ «жена».

Мои слуги очень удивились при видѣ настоящей китаянки съ крошечными ногами. Многія китайскія женщины живутъ здѣсь съ своими семействами. Эти китайскіе колонисты со-

храняютъ обычаи своей страны. Я заказалъ пару китайскихъ дамскихъ башмаковъ въ три или четыре дюйма длиной изъ вышитой шелковой матеріи.

Кашгаръ. Пятница, января 29-го.—Нынче Джума убѣдилъ меня во мнѣнье, которое запало мнѣ въ умъ съ тѣхъ поръ какъ я въ Туркестанѣ: онъ говорилъ, что до нынѣшняго года жители этой страны и ихъ правители не имѣли понятія о великобританскихъ владѣніяхъ въ Индіи. Имя френговъ упоминалось только въ примѣненіи къ какому-то народу, воевавшему съ китайцами и владѣнія котораго находились далеко на югѣ. На своей границѣ они слыхали про великаго государя кашмирскаго махараджу. Каждый купецъ, пріѣзжавшій изъ Ладака, считался кашмирскимъ подданнымъ и отдавался подъ надзоръ кашмирскаго акскала или консула, Ахмеда Шаха. Индійскіе купцы ничего другаго про себя и не говорятъ, отчасти изъ страха къ яркандскимъ властямъ, которыя могли бы задержать ихъ, а главнымъ образомъ изъ уваженія къ кашмирскимъ властямъ, по милости которыхъ единственно становился для нихъ доступенъ ладакскій рынокъ. Прошлогоднее уменьшеніе пошлины въ Ладакѣ возбудило всеобщее вниманье, такъ какъ туземному государю рѣдко случалось прибѣгать къ такимъ мѣрамъ; стали ходить слухи, что будто бы англичане завоевали Тибетъ. Въ нынѣшнемъ году мой пріѣздъ, послѣдующее прибытіе Гейварда и разсказы наши о махараджѣ, убѣдили здѣшнія власти въ преобладающемъ вліяніи англичанъ въ Индіи. До сихъ поръ они посылали пословъ къ кашмирскому махараджѣ; имъ кажется такъ ново это извѣстіе, что теперь они называютъ всѣхъ индійскихъ подданныхъ общимъ именемъ френговъ; подъ это названіе подпалъ и мунши, не смотря на мусульманское вѣро-

исповѣданіе. Между тѣмъ сотни мусульманъ, индійскихъ купцовъ и солдатъ изъ Индіи бывали прежде этого въ Ярканде и никогда никого изъ нихъ не называли френгами, потому что они выдали себя за поданныхъ кашмирскаго махараджи.

По этому поводу случались разныя забавныя ошибки. Первое извѣстіе, дошедшее до нихъ по поводу моего прибытія въ Шахидуллу, насчитывало пять френговъ путешественниковъ, между тѣмъ какъ я былъ единственный англичанинъ и со мной четыре индійца. Что касается моего мунши, всѣ тюрки обращались къ нему въ началѣ съ вопросами какъ кушаетъ френгъ (означая его). Вѣритъ ли онъ въ нашего пророка? и пр.» Нѣсколько дней тому назадъ сиркаръ пришелъ официально мнѣ объявить, что другой френгъ приближался къ Кашгару съ Махмудъ Назаромъ, и что Аталыкъ желаетъ знать, извѣстно ли мнѣ зачѣмъ онъ ѣдетъ. Я сказалъ, что я только знаю Гейварда и не слыхалъ ни про какого третьяго сахиба. На слѣдующій день сиркаръ возвратился и объяснилъ мнѣ свою ошибку. Оказывалось, что френгъ не былъ англичанинъ какъ я, но мусульманинъ; это былъ мой другъ, старый революціонеръ. Черезъ два или три дня послѣ этого, шахавалъ пріѣхалъ. До меня дошло извѣстіе, что Гейвардъ сахибъ прибылъ въ тотъ же день. Онъ былъ принятъ Аталыкомъ и ему назначали домъ внѣ городской стѣны. На слѣдующій день разсказывали о томъ что онъ дѣлалъ и говорилъ. По слухамъ онъ сказалъ Аталыку: «Отчего вы провели воду въ эту крѣпость подъ стѣной? Я могу доставить вамъ ее сверху». Молва говорила также, что онъ уже старикъ. Это послѣднее извѣстіе совсѣмъ меня озадачило, но размысливъ немного я рѣшилъ, что свѣтлый цвѣтъ бороды Гейварда подалъ поводъ къ такой ошибкѣ относительно его

лѣтъ; мнѣ случалось слышать подобныя вещи въ Индіи. Дня два послѣ этого Джума, наводя свѣденія, узналъ, что Гейвардъ не уѣзжалъ изъ Ярканда и что тотъ кого приняли за него, все тотъ же старый революціонеръ. Какъ они прежде называли всѣхъ индійцевъ подданными кашмирскими, такъ съ тѣхъ поръ какъ мы ихъ просвѣтили, они ударились въ противуположную крайность,—и называютъ френгами всѣхъ великобританскихъ подданныхъ. Они не могутъ понять того, что англичане установили свое владычество между чужими племенами.

Кашгаръ. Февраля 1-го.—Юзбаши и махрамбаши присоединились ко мнѣ во время полуденнаго завтрака.

Махрамбаши показывалъ мнѣ, какъ китайскій амбанъ (губернаторъ), бывало, сидя на стулѣ, ѣлъ деревянными ложками съ своимъ семействомъ, сидѣвшимъ тутъ же за круглымъ столомъ. Махрамбаши передразнивалъ стараго амбана, потерявшаго всѣ зубы и шамкавшаго въ разговорѣ.

Сегодня привели нѣсколькихъ плѣнныхъ изъ Сариколя; это результатъ экспедиціи, посланной изъ Ярканда въ декабрѣ. Младшаго брата сарикольскаго начальника убили; самъ начальникъ бѣжалъ въ Бадахшанъ. Сарикольскій народъ, какъ мнѣ говорятъ, находится въ союзѣ съ канджутскими разбойничьими шайками.

Юзбаши разсказывалъ мнѣ, что Аталыкъ-Хази строго преслѣдуетъ воровъ. Многихъ уже перевѣшали и посадили на колъ. Воровство, не превышающее даже цѣнности простаго ножа, наказывается смертною казнью.

Кашгаръ. Вторникъ, февраля 2-го.—Мы провели весь вечеръ, играя въ чахарду съ юзбаши и махрамбаши. Въ видѣ антракта, махрамбаши привелъ молодаго верблюда, съ

которымъ онъ игралъ; верблюду было четыре года и онъ былъ совершенно ручной.

Старый балтскій водовозъ забавлялъ насъ пѣснями весь вечеръ. Онъ пѣлъ про Кезаря, владѣтеля Малаго Тибета, жену котораго увезъ яркандскій Аталыкъ во время дальняго похода Кезаря: Кезарь, по своемъ возвращеніи, отправился переодѣтый въ Яркандъ и поступилъ въ подмастерья къ одному кузнецу. Онъ пріобрѣлъ такое искуство въ этомъ мастерствѣ, что сталъ извѣстенъ Аталыку, который очень его полюбилъ. Тогда онъ нашелъ случай убить Аталыка, возвратить свою жену и овладѣть Яркандомъ! Сомнѣваюсь, чтобы это преданіе было вѣрно, врядъ ли тюрки допустятъ мысль о своемъ порабощеніи Тибетомъ.

Кезарь на восточномъ языкѣ соотвѣтствуетъ римскому и константинопольскому кесарю.

Кашгаръ. Середа, февраля 3-го.—Сегодня послѣ обѣда сиркаръ (министръ двора) пришелъ съ двумя другими тюрками; они несли модели пуль и разные инструменты, которые я вмѣстѣ съ ружьями поднесъ Аталыку. Они перепутали ихъ совсѣмъ и пришли просить снова ихъ привести въ порядокъ. Кромѣ того они принесли еще два ружья въ родѣ моихъ. Я тотчасъ увидѣлъ, что эти ружья не были изъ тѣхъ, которыя я далъ Аталыку и дадъ-хва. Одинъ изъ людей, пришедшихъ съ сиркаромъ, спросилъ, какъ дѣлали у насъ порохъ. Сказавъ, что толковать ему это на словахъ будетъ слишкомъ длинно, я велѣлъ своему мунши сдѣлать выписку по персидски изъ «Art of Travel», Гальтона, относительно приготовленія пороха. Мои посѣтители остались очень довольны и ушли, разсыпая передъ мною обычные тюркскіе поклоны.

Сегодня вечеромъ юзбаши приходилъ ко мнѣ. Я показалъ ему, какъ тушить свѣчку, разбивая пистонъ. Затѣмъ онъ началъ мнѣ разсказывать про нѣсколькихъ англичанъ, посѣтившихъ эту страну до меня и преданныхъ смерти. Меня перваго встрѣтило дружелюбно здѣшнее правительство. Я сказалъ на это: «Извѣстіе о хорошемъ пріемѣ, встрѣтившемъ меня у васъ, будетъ, безъ сомнѣнія, принято съ удовольствіемъ въ Англіи». Юзбаши продолжалъ: «Другой френгъ, который теперь въ Яркандѣ, уже нѣсколько разъ ѣздилъ верхомъ противъ воли окружающихъ его, и его нужно было силою возвращать назадъ. Теперь около двери у него поставлена стража, вотъ почему его не привезли въ Кашгаръ къ Аталыку» [1]). Я отвѣчалъ: «Въ чужой землѣ нужно всегда слѣдовать обычаямъ этой земли и слушаться ея правителя». Чтобы перемѣнить разговоръ, я спросилъ его: когда они впервые узнали про англичанъ? «Тридцать лѣтъ тому назадъ мы слышали о васъ со стороны Китая», отвѣчалъ юзбаши. «А со стороны Индіи?» спросилъ я. «Оттуда доходили до насъ неопредѣленные слухи, но вѣрныя свѣденія мы получили только отъ васъ».

Изъ всего мною слышаннаго я прихожу къ заключенію, что народъ держатъ въ невѣденіи, тогда какъ правительство со всѣхъ сторонъ собираетъ свѣденія и хранитъ ихъ про себя. Таинственность составляетъ общее правило въ этой странѣ. Сильные сего міра ищутъ въ ней защиты своимъ слабостямъ, а слабые находятъ безопасность въ неизвѣстности.

---

[1]) Гейвардъ говорилъ мнѣ потомъ, что въ этомъ разсказѣ всѣ факты были чрезвычайно преувеличены. Онъ выходилъ всего одинъ разъ.

Эта система напоминаетъ тѣ сказки, гдѣ является какой нибудь великій волшебникъ, защищающій свой замокъ противъ всякаго нашествія. Я чувствую себя въ настоящее время во власти такого волшебника. Я явился непрошеный въ его замокъ; если онъ подумаетъ, что я узналъ что нибудь къ его вреду, то врядъ ли я когда нибудь заживо выйду изъ его замка. Вся моя безопасность зависитъ именно отъ тѣхъ предосторожностей, которыя онъ беретъ, чтобъ оставить меня въ невѣденіи. Если же онъ усомнится въ нихъ, то ничто не остановитъ его обезпечить себѣ по своему мое молчаніе. Изъ того факта, что меня не допускаютъ до сношенія съ подданными Аталыка, можно заключить, что меня выпустятъ отсюда невредимымъ.

Кашгаръ. Четвергъ, февраля 4-го.—Ко мнѣ привели дѣтей, взятыхъ съ плѣнными во время экспедиціи въ Сариколь—двухъ маленькихъ дѣвочекъ четырехъ и шести лѣтъ. Они не хотѣли говорить ни на какомъ нарѣчіи, но видимо знали употребленіе сахара, принявшись тотчасъ сосать два куска, которые я имъ далъ. Черты лица ихъ лучше чѣмъ у тюрковъ и у нихъ каріе глаза. Въ этой экспедиціи взяли сто плѣнныхъ; начальнику тотчасъ отрубили голову по приказанію Аталыка-Хази, а тѣло его бросили въ ровъ.

Кашгаръ. Пятница, февраля 5-го.—Сегодня утромъ Джума принесъ мнѣ извѣстіе о прибытіи сюда одного изъ моихъ слугъ, по имени Суба, котораго я вмѣстѣ съ другими оставилъ въ Ладакѣ для присмотра за моимъ караваномъ. Въ Кашгарѣ его задержали и не хотѣли пускать ко мнѣ. Мой мунши совѣтовалъ мнѣ позаботиться объ исчезнувшемъ караванѣ, чтобы спасти Суба отъ подозрѣнія въ шпіонствѣ и фальшивыхъ показаніяхъ. И такъ я рѣшился попросить

сиркара выслать еще людей на поиски моего каравана, изъ опасенія за участь оставленной при немъ прислуги. Этимъ самымъ я далъ понять здѣшнимъ властямъ, если они этого еще не знаютъ, что я ожидаю еще часть своей прислуги. Правда, что это уже давно извѣстно дадъ-хва, который еще изъ Ярканда послалъ двухъ людей на поиски. Но развѣ можно отвѣчать въ этой таинственной странѣ, что дадъ-хва не утаитъ этого факта отъ Аталыка? Для меня всего заманчивѣе въ извѣстіи о прибывшемъ слугѣ это то, что говорятъ онъ привезъ цѣлую кучу писемъ. Мнѣ такъ хотѣлось получить эти письма, что я почти согласился на планъ Джумы, заключавшійся въ томъ, что онъ долженъ былъ повести мою лошадь на водопой и разъ скрывшись изъ виду спѣшить къ назначенному мѣсту за нетерпѣливо ожидаемыми письмами. Согласно съ этимъ планомъ я долженъ былъ выразить сильный гнѣвъ противъ Джумы, по его возвращеніи, за его долговременную отлучку и послать даже за кнутомъ, причемъ по всей вѣроятности махрамбаши вступится за Джуму и избавитъ его отъ предполагаемаго наказанія. Однако осторожность заставила меня отказаться отъ этой рискованной комедіи и ждать освобожденія Суба для полученія писемъ. Въ настоящее время онъ находится подъ надзоромъ одного пенджабскаго чиновника, пользующагося милостью Аталыка, по имени Наби Бахшъ.

Вѣроятно къ Суба приставили соотечественника нарочно, съ цѣлью выманить у него какія нибудь тайны, если таковыя есть, или по крайней мѣрѣ провѣрить мои показанья по его разсказамъ.

Отсутствіе Аталыка служитъ достаточной отговоркой его заключенію. Его самого я не боюсь, такъ какъ это простой,

прямой человѣкъ, который отъ недостатка воображенія скажетъ всю правду; единственно чего я боюсь, это чтобы онъ не попалъ въ руки кашмирцамъ, которые до крайности злобны и, напугавъ его, могутъ соблазнить его на ложь.

Завтра Джума постарается узнать отъ него что случилось съ караваномъ и съ другимъ старикомъ Элахи Бахшемъ. Достигнуть этой цѣли довольно трудно, такъ какъ случаевъ къ разговору мало, а страхъ неудовольствія Аталыка сковываетъ уста прибылаго человѣка. Онъ индійскій мусульманинъ изъ Киштвара, и конечно можетъ поставить себя въ большую опасность, сообщая мнѣ разныя свѣденія. Я долженъ здѣсь признаться, что испыталъ много доказательствъ дружбы со стороны индійскихъ туземцевъ и даже афганцевъ, съ тѣхъ поръ какъ я нахожусь въ Туркестанѣ. Кажется, будто ихъ связываетъ съ нами особенная привязанность и сочувствіе; и это чувство, не проявляющееся покуда они находятся въ средѣ своихъ соотечественниковъ, просыпается съ особенною силою, когда видишь ихъ въ чужой странѣ. Находясь внѣ авторитета англійскаго правительства они не только не высказываютъ ненависти къ англичанину, какъ къ члену нелюбимаго племени, но даже обращаются къ нему какъ къ человѣку, съ которымъ они имѣютъ гораздо болѣе общаго, нежели съ другими, окружающими ихъ чужестранцами. Меня удивляло и радовало такое наблюденіе. Подобное чувство рѣдко встрѣчается въ побѣжденномъ народѣ относительно его побѣдителей. Я не льщу себя надеждой, что въ этомъ чувствѣ заключается настоящая привязанность; оно вѣроятно состоитъ изъ инстинкта зависимости отъ племени, къ которому они привыкли относиться, какъ къ источнику всякой власти; къ этому инстинкту, должно

быть, присоединяется еще чувство общаго мѣстожительства и умственное сравненіе между благодѣтельнымъ примѣненіемъ власти (въ общей сложности) въ Индіи и деспотическимъ злоупотребленіемъ ею въ сосѣднихъ государствахъ. Фактъ, что всѣ исчисленныя мною чувства не перевѣшиваются ненавистью, что̀ могло бы случиться, еслибъ ненависть была дѣйствительно сильна, служитъ доказательствомъ того, что мы не заслужили общаго глубокаго нерасположенія въ Индіи.

Кашгаръ. Суббота, февраля 6-го. — Сегодня у меня была длинная бесѣда о чаѣ съ юзбаши. Онъ говоритъ, что чай во время китайскаго владычества продавался по восьми, десяти, или пятнадцати «тангъ» за одинъ джингъ (джингъ равняется 1¹/₄ ф.). Въ настоящее время онъ продается по двадцати пяти, тридцати, сорока и даже по шестидесяти тангъ [1]). Количество, употребляемаго чая громадное. Юзбаши самъ выпиваетъ отъ восьми до десяти чайниковъ въ день. Тюркъ, который не выпиваетъ цѣлаго чайника за утренней молитвой и другаго около полудня, не считается человѣкомъ. Юзбаши сообщилъ мнѣ откровенно, что въ хозяйствѣ шахавала количество чая, употребляемаго въ теченіе года, равняется стоимости 3000 «тилла»!

Мой другъ большой знатокъ чая. Онъ разсматривалъ и пробовалъ разные образщики привезеннаго мною чая и назначалъ имъ цѣны съ увѣренностью чайнаго торговца. Онъ обращаетъ большое вниманіе на чай, которымъ я его угощаю, когда онъ приходитъ ко мнѣ въ гости. То онъ слишкомъ слабъ, то онъ слишкомъ горекъ, но за то когда чай

---

[1]) Тридцать тангъ (средняя цѣна на чай) равняется 10 шил.

удается ему по вкусу, то онъ испиваетъ безконечное количество чашекъ съ видимымъ наслажденіемъ. Сегодня онъ училъ моихъ слугъ искуству дѣлать чай и я надѣюсь, что они не забудутъ его.

Во время разговора я нашелъ случай выразить ему свое безпокойство на счетъ моего пропавшаго каравана, на что онъ отвѣчалъ: «Не безпокойтесь, не исчезнутъ ваши вещи съ лица земли; найдете же вы ихъ когда нибудь». Я сказалъ, что потерялъ уже прошлаго года двухъ людей и что буду очень несчастливъ, если потеряю еще двухъ въ нынѣшнемъ году. Въ отвѣтъ на это, онъ спросилъ только мусульмане ли они или нѣтъ. Махрамбаши однако спрашивалъ у меня нѣтъ ли съ ними восьми лошадей. Изъ этого я заключилъ, что здѣшнія власти также знаютъ объ ожидаемой мною клади и прислугѣ.

Поутру яркандскій слуга моего мунши пришелъ съ извѣстіемъ, что четверо моихъ слугъ пріѣхали; Джума слышалъ подтвержденіе этого извѣстія. По позднѣе мы узнали, что эти люди пріѣхали изъ Индіи черезъ Бадахшанъ и были присланы нашими властями. И такъ снова нѣтъ надежды на прибытіе моихъ слугъ. Рози (сирота, котораго я привезъ изъ Ладака) видѣлъ за крѣпостными воротами, на краю дороги, человѣка съ перерѣзаннымъ горломъ. Ноги его были покрыты рогожей, а платье и земля кругомъ его пропитаны кровью. Мунши пришелъ ко мнѣ въ сумерки и разсказалъ мнѣ тоже самое съ испуганнымъ лицомъ. Я полагаю, что это тюркскій образъ напугиванья жителей; съ этой цѣлью они выставляютъ въ общественномъ мѣстѣ такое ужасающее зрѣлище. Я стараюсь увѣрить себя, что жертва по крайней мѣрѣ изъ воровъ. Вѣроятно одна изъ причинъ, почему моимъ слугамъ

не позволяютъ здѣсь выходить, это то, что отъ меня хотятъ скрыть частыя казни. Въ Яркандѣ было иначе; казни окружались приличной формой, но сегодня я слышалъ справедливое замѣчаніе: «Гдѣ берлога тигра, тамъ вы можете быть увѣрены найдти разбросанныя кости жертвъ его».

Кашгаръ. Воскресенье, февраля 7-го.—Сегодня Рози разсказывалъ, что онъ видѣлъ плачущую женщину возлѣ трупа, за воротами крѣпости. Мнѣ только что передали исторію этого происшествія. Убитый былъ воръ, пойманный на мѣстѣ преступленія и посаженный за это въ крѣпость. Онъ пытался убѣжать, но его поймали и повели къ Аталыку, который выслушавъ дѣло проговорилъ только «Аллахо-акберъ» съ распростертыми руками. Въ этомъ заключался смертный приговоръ.

Нашъ маленькій шпіонъ Розп донесъ намъ, что сегодня шахавалъ прощался съ Аталыкомъ, завтра, говорятъ, онъ уѣзжаетъ въ Яркандъ. До его пріѣзда мы всѣ надѣялись, что съ его появленіемъ насъ избавятъ отъ заключенія, но теперь мы ожидаемъ перемѣны съ его отъѣздомъ; такъ какъ тогда Аталыку будетъ время меня принять. Вотъ ужъ мѣсяцъ, что насъ здѣсь содержатъ въ заключеніи.

Сегодня, послѣ обѣда, были гимнастическія игры, въ которыхъ по обыкновенію принимали участіе юзбаши и махрамбаши.

Кашгаръ. Вторникъ, февраля 9-го. — Сегодня махрамбаши бранилъ Кабира за то, что онъ не молится, какъ слѣдуетъ; онъ толковалъ ему, что воровство, ложь, убійство, ничего не значитъ покуда человѣкъ исправно молится. Кабиръ въ извиненіе говорилъ, что работа ему не даетъ времени готовиться къ молитвѣ (умываться); кромѣ того онъ

оспаривалъ мнѣніе махрамбаши объ искупленіи всѣхъ грѣховъ одной молитвой. Они пришли къ моему мунши за разрѣшеніемъ спора. Мунши осудилъ теоріи махрамбаши; онъ привелъ мусульманскую поговорку, что всѣ грѣхи противъ Бога. т. е. пьянство, страсть къ игрѣ и пр, прощаются тому, который ежедневно молится и побываетъ въ Меккѣ, но что грѣхи противъ ближняго, какъ воровство, жестокость и пр., не могутъ найти искупленія даже въ богомольствѣ, если оскорбившій не принесетъ должнаго удовлетворенія оскорбленному и не помирится съ нимъ. И такъ молитва одна не искупляетъ такихъ грѣховъ. Странно, что люди, подвергающіе себя пять разъ въ день трудной религіозной церемоніи, не постараются истолковать себѣ принциповъ своей вѣры.

Кашгаръ. Вторникъ, февраля 11-го.—Сегодня мнѣ передали, сохраняя большую таинственность, англійскую записку отъ новоприбывшаго путешественника изъ Индіи. Онъ подписывается Мирза—и говоритъ, что посланъ для изслѣдованія.

У него испортились часы и онъ проситъ у меня которые нибудь изъ моихъ часовъ для астрономическихъ наблюденій; онъ также желаетъ знать, какой сегодня день. Я хотѣлъ отвѣчать ему по персидски, но по совѣту мунши ограничился устнымъ отвѣтомъ. Часовъ своихъ я то же ему не послалъ, такъ какъ онъ казался мнѣ подозрительнымъ.

Джума встрѣтилъ сегодня бега, бывшаго крупнымъ землевладѣльцемъ при китайскомъ правительствѣ. Отъ бега Джума услыхалъ, что Ниазъ Беги изъ Хотена, который какъ предполагаютъ, везетъ предназначенные мнѣ подарки, доѣдетъ сегодня до Янгъ-Хиссара, и что теперь я скоро до-

ждусь свиданія съ Аталыкомъ, но я пересталъ вѣрить такимъ извѣстіямъ, до того часто они меня обманывали.

Я жаловался юзбаши, на то, что ужасно толстѣю вслѣдствіе недостатка движенія и что я боюсь потерять возможность ходить пѣшкомъ, когда я снова попаду въ гористыя страны. На это онъ сказалъ: «Когда вы попадете въ Ярканд, мы всюду васъ будемъ водить и вы успѣете похудѣть до отъѣзда». Затѣмъ онъ описывалъ мнѣ свою собственную жизнь во время послѣднихъ четырехъ или пяти мѣсяцевъ, считая сколько разъ онъ ѣздилъ изъ Ярканда въ Кашгаръ и обратно. Я возражалъ, что мнѣ такого житья и хотѣлось бы; что въ немъ настоящее спокойствіе (арамъ), но онъ отвѣчалъ: «нѣтъ, нѣтъ, «арамъ» заключается въ томъ, чтобы ничего не дѣлать, весь день лежать въ растяжку на подушкахъ (онъ показалъ мнѣ какъ удобнѣе лежать) и чтобы вамъ все время прислуживала ваша жена!» Я сказалъ, что я съ удовольствіемъ промѣнялъ бы свою сидячую жизнь на его путешествія.

Въ разговорѣ съ махрамбаши я разсказалъ ему о возмущеніи въ Индіи и объ убіеніи нашихъ женщинъ и дѣтей. Онъ остался доволенъ, услышавъ какое наказанье постигло убійцъ и потрепалъ Чумару по плечу, когда я разсказалъ ему, что индійцы помогали ловить возмутителей и приводить ихъ въ судъ.

Сегодня меня посѣтилъ сиркаръ. Онъ и юзбаши высказали неестественое любопытство относительно моихъ часовъ, изъ чего я заключилъ, что они слыхали про желанье Мирзы достать часы и хотятъ вывѣдать имѣю ли я съ нимъ сношенія или нѣтъ. Надѣюсь, что мнѣ удалось избѣгнуть всякой тѣни подозрѣнія.

Кашгаръ. Февраля 13-го.—Сегодня показалась новая луна. Я видѣлъ странную церемонію, существующую въ Туркестанѣ въ новолуніе. Она состоитъ въ томъ, что семь разъ сряду прыгаютъ, обратившись лицомъ къ лунѣ; этимъ предполагается стряхнуть съ себя всѣ грѣхи прошедшаго мѣсяца. Мой мунши некстати спросилъ, не китайскій ли это обычай. Присутствующіе закричали «іокъ, іокъ» (нѣтъ, нѣтъ) съ выраженіемъ ужаса на лицахъ и объявили, что это настоящій мусульманскій обычай. Мунши сдѣлалъ видъ, будто онъ пошутилъ и согласился съ удобнымъ ученіемъ очищенія отъ грѣховъ.

Въ то время, какъ я читалъ, юзбаши вбѣжалъ ко мнѣ на дворъ съ парою ножницъ въ рукахъ, преслѣдуя Чумару, которому онъ хотѣлъ остричь усы по мусульмански. Онъ и его товарищи постоянно выдумываютъ какую нибудь шутку съ индійцами по поводу кастъ ихъ, но въ тоже время они наилучшіе друзья. Махрамбаши часто приходитъ вечеромъ и ведетъ съ ними длинныя бесѣды, сидя у огня.

Мой мунши разсказывалъ мнѣ съ удивленіемъ о широкомъ возрѣніи тюрковъ на религію и ихъ снисхожденіи къ людямъ другаго вѣроисповѣданія. Я сказалъ ему; «Да, они похожи на всѣхъ другихъ людей». Онъ засмѣялся и спросилъ что я хочу сказать? Я отвѣчалъ: «Вы, индійцы, до того были отрѣзаны своими горами и пр. отъ другихъ народностей, что присвоили себѣ мысли совершенно непохожія на мысли остальныхъ людей. Только въ Индіи существуетъ, какъ между буддистами, такъ и между мусульманами, предразсудокъ, не допускающій ѣды съ другими людьми. Нигдѣ въ другой странѣ нѣтъ такого обычая. Вы не вѣрите, когда вамъ это говорятъ англичане въ Индіи, но мы теперь попали въ строго мусульман-

скую страну и вы сами удивляетесь отсутствію здѣсь всякихъ подобныхъ предразсудковъ». Онъ согласился со мной и сказалъ, что по возвращеніи въ Индію постарается распространить свои новыя мысли. Тюрки до сихъ поръ не могутъ понять, что мои индійцы не употребляютъ никакой пищи, которой бы они сами не приготовили. Каково же было бы ихъ удивленье, еслибъ они узнали, что люди ихъ собственной вѣры придерживаются въ Индіи тѣхъ же предразсудковъ. Я скрываю отъ нихъ этотъ фактъ, чтобы они не стали смотрѣть на моихъ индійскихъ мусульманъ, какъ на еретиковъ и полуязычниковъ.

Кашгаръ. Понедѣльникъ, февраля 15-го.—Сарда слышалъ сегодня, что Аталыкъ остался очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ и что мое долгое пребываніе здѣсь служитъ доказательствомъ особенной милости, потому что иностранцевъ обыкновенно отсылаютъ черезъ два или три дня. На замѣчаніе Сарда, что мнѣ скучно все сидѣть дома, ему отвѣчали, что «сахибъ не долженъ печалиться объ этомъ, что таковъ уже мѣстный обычай и соблюдается со всѣми иностранными посѣтителями; что имъ никогда не позволяютъ гулять на свободѣ и что ихъ даже рѣдко оставляютъ въ мѣстѣ жительства Аталыка болѣе двухъ дней сряду».

Я полагаю, что долженъ быть благодаренъ за такую милость, но все-таки мнѣ хотѣлось бы лучше быть въ Ярандѣ съ сравнительной свободой. Сегодня махрамбаши сообщилъ моему мунши, что я вѣроятно не останусь долѣе семи или восьми дней въ Кашгарѣ.

Махрамбаши показывалъ мунши и слугамъ движеніе земли и лунныя затмѣнія посредствомъ планетника, сдѣланнаго изъ глиняныхъ шариковъ. Мунши проводилъ теорію, что затмѣ-

нія производятся тѣнью знаковъ зодіака, но что всего смѣшнѣе было въ его теоріи, это слѣдующая дилемма: если знаки прозрачны, то отъ нихъ нѣтъ тѣни, если же непрозрачны, то должны были бы быть видимы.

Кашгаръ. Вторникъ, февраля 16-го.—Сарда слыхалъ, что другаго сахиба посадили въ тюрьму въ Яркандѣ. Когда Сарда замѣтилъ на это, что пожалуй и мы находимся въ заключеніи, то ему отвѣчали, что съ нами обходятся только по обычаю страны, оказывая намъ всякій почетъ, но что другаго англичанина заковали въ цѣпи, потому что онъ постоянно пытался выходить изъ дома, и не слушалъ приказаній. Сегодня прибыли всѣ вещи хотенскаго бега, завтра ожидаютъ его самого.

Кашгаръ. Середа, февраля 17-го.—Мунши по моему приказанію послалъ сегодня за сиркаромъ и представилъ ему желанье мое сообщить нѣчто важное Аталыку. Сиркаръ отвѣчалъ, что мнѣ готовятъ подарки и что меня вѣроятно отпустятъ черезъ пять, шесть дней. Онъ прибавилъ, что только два старика имѣли доступъ къ Аталыку и обѣщался съ ними поговорить.

Сегодня послѣ обѣда изъ дворца присылали за моимъ юзбаши; Аталыкъ освѣдомился о моемъ здоровьи и велѣлъ каждый день доносить себѣ о томъ, какъ я живу.

Кашгаръ. Пятница, февраля 19-го.—Послѣ двухъ дней отсутствія юзбаши навѣстилъ меня сегодня. Когда мы остались одни, онъ началъ таинственно намекать мнѣ о джавабъ (т. е. позволенья уѣхать); но въ это время Джума неожиданно вошелъ въ комнату; юзбаши тотчасъ перемѣнилъ разговоръ, сказавъ: «Ша сахибъ спрашиваетъ, когда онъ можетъ видѣть Аталыка. Скажите ему, что я не знаю!» Я

ни слова объ этомъ не говорилъ, но такова уже природная осторожность этого народа.

Аталыкъ сегодня по обыкновенію сидѣлъ за городскими воротами, выслушивалъ жалобы и творилъ судъ и расправу. Это совершенно восточный обычай.

Хотенскій бегъ отложилъ свое представленіе Аталыку, найдя нѣкоторыхъ изъ своихъ лошадей въ дурномъ положеніи и эта остановка вѣроятно еще меня задержитъ!

Кашгаръ. Понедѣльникъ, февраля 22-го.—Сегодня хотенскій бегъ подносилъ свои приношенія Аталыку: 70 вьюковъ различныхъ подарковъ, 2 вьюка серебра, 37 лошадей и 14 верблюдовъ. Говорятъ, что его хотятъ замѣстить въ управленіи; вотъ почему онъ хочетъ заслужить милость Аталыка своими многочисленными приношеніями. Мой мунши, нынче нечаянно выдалъ во время разговора одно дѣйствіе свое, которое могло бы причинить совершенную неудачу моей экспедиціи. Оказывается, что посолъ Махмудъ-Назаръ послалъ къ Аталыку изъ Шахидуллы письмо, которое онъ заставилъ моего мунши написать. Въ этомъ письмѣ Махмудъ-Назаръ хотѣлъ, чтобы мунши написалъ будто онъ, т. е. Махмудъ-Назаръ, отказался взять съ собой мунши изъ Ле, но что послѣдній противъ его воли присоединился къ нему на дорогѣ. Мунши совершенно справедливо отказался написать такую ложь. Продолжая свой разсказъ о письмѣ, мунши сказалъ: «Онъ заставилъ меня также написать, что былъ еще англичанинъ, желавшій съ нимъ вмѣстѣ ѣхать въ Яркандъ, но что на это онъ рѣшительно не согласился». Я сказалъ мунши, что онъ про себя не написалъ ложнаго показанія, а меня навѣрно не остановился поставить въ опасное положеніе—ложью. Совершенно сконфуженный, мунши изви-

нялся, что онъ не могъ бороться въ глуши съ такимъ человѣкомъ, какъ Махмудъ-Назаръ, на что я возражалъ, что онъ могъ сдѣлать для меня тоже что и сдѣлалъ для себя самаго.

Все это доказываетъ старое повѣрье о томъ, что нельзя довѣряться за глаза индійскому туземцу. Всякій разъ, что необходимость заставляетъ дѣйствовать несогласно съ этимъ повѣрьемъ, скоро приходится раскаяваться.

Продѣлка моего мунши по всей вѣроятности остановила бы меня на порогѣ желанной цѣли, если бы не произошла ссора между Махмудъ Назаромъ и однимъ изъ его товарищей.

Послѣдняго въ цѣпяхъ отправили въ Кашгаръ, но ему удалось разсказать всю правду Аталыку и довести до свѣденія послѣдняго всѣ дурныя дѣла посла, вслѣдствіе чего, Махмудъ-Назара оставили въ полной немилости въ Яркандѣ, и все что онъ обо мнѣ донесъ почли за ложь. Если бы онъ доѣхалъ до Кашгара и разсказалъ бы тамъ выдуманную исторію про меня, ему бы вѣроятно повѣрили, такъ какъ подтвержденіе нашлось бы въ письмѣ, писанномъ рукою мунши, моего собственнаго агента. Это доказываетъ, на какомъ волоскѣ обыкновенно виситъ успѣхъ предпріятія. По этому поводу мунши мой выразилъ свое убѣжденіе, что когда Господу угодно что нибудь, то дѣйствіе человѣка не имѣетъ никакого вліянія. Я постарался объяснить ему, что теорія эта не извиняетъ дурныхъ дѣйствій человѣка.

Я слышалъ отъ моего мунши еще странное повѣрье по поводу жемчуга. Онъ полагаетъ, что есть такія раковины (необитаемыя никакимъ животнымъ), которыя черезъ посредство сверхъестественной силы поднимаются во время дождя на поверхность моря; принявъ каждая по каплѣ, онѣ за-

крываются и снова опускаются на морское дно, гдѣ каждая такая капля обращается въ жемчужину. Онъ очень удивился, когда я ему разсказалъ, что я съѣлъ нѣсколько сотенъ маленькихъ животныхъ, скрывающихся въ подобныхъ раковинахъ и что жемчужины вовсе не происходятъ изъ капель дождя; онъ видимо предпочитаетъ свою собственную теорію. Всѣ подобные восточные мифы кажутся прелестными въ сказскахъ «Тысяча одной ночи», но они вселяютъ только презрѣнье къ разскащику, когда вамъ приходится слышать ихъ изъ устъ взрослаго человѣка, имѣющаго самый практическій взглядъ на большинство предметовъ и вполнѣ умѣющаго цѣнить мельчайшую выгоду, которую можно изъ васъ извлечь обманомъ. Кто не былъ въ восхищеніи при чтеніи «Ундины»? но если бы ее сталъ разсказывать на своемъ жаргонѣ какой нибудь лондонскій купчикъ, въ тоже время подмѣшавшій песку въ вашъ сахаръ, сказка Ламотъ-Фуке навѣрное потеряла бы впередъ всякую прелесть въ вашихъ глазахъ. Поэтическій ореолъ, которымъ европеецъ окружаетъ востокъ, исчезаетъ подобно радугѣ по мѣрѣ приближенія къ нему и оказывается существующимъ только въ вашемъ воображеніи. Разглядываемый вблизи, восточный житель является вовсе не тѣмъ фантастичнымъ существомъ въ остроконечныхъ туфляхъ, мечтающимъ о разныхъ Пери, какъ его себѣ обыкновенно представляютъ. Бо̀льшею частью онъ оказывается смѣтливымъ человѣкомъ, тонко понимающимъ все что касается личной выгоды, но невѣжественнымъ относительно всего другаго, наподобіе ребенка, только безъ любознательности послѣдняго. Въ жизни англичанина столько же поэзіи сколько и въ жизни азіатца. Наши желѣзныя дороги

и телеграфы кажутся имъ столь же чудесными, какъ намъ — Аладинова лампа или коверъ самолетъ.

Сегодня вечеромъ я началъ учить своихъ гудскихъ слугъ ариѳметикѣ, желая чѣмъ нибудь убить время послѣ сумерекъ. Мнѣ однако пришлось самому изучить сначала индійскія цифры.

Имъ въ Яркандѣ написали индійскую азбуку, по которой они уже сами выучились порядочно читать и писать, но ариѳметикѣ по собственной догадкѣ нельзя выучиться.

ГЛАВА XIV.

Пребываніе въ Кашгарѣ (продолженіе).

Горы близъ Кашгара.—Недавнее сооруженіе крѣпости для охраненія проходовъ. — Русскіе.—Царская храбрость и отвращеніе махрамбаши къ войнѣ.—Китайскія наказанія. — Сирота Рози.—Пуританскія ограниченія прежнихъ увеселеній. — Прибытіе Гейварда.

Кашгаръ. Четвергъ, февраля 25-го.—Сегодня сиркаръ принесъ мнѣ подарокъ отъ Аталыка,—полный ящикъ съ грушами изъ Куче. Мы говорили съ нимъ о моемъ отъѣздѣ. Я обратилъ его вниманіе на то, что черезъ нѣсколько недѣль путешествіе мое сдѣлается невозможнымъ, потому что рѣки будутъ выступать изъ своихъ береговъ и наводнятъ дороги вслѣдствіе растаянія снѣга. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что Аталыкъ уже дѣлаетъ приготовленія къ моему отъѣзду.

Вечеромъ махрамбаши былъ очень сообщителенъ. Вызванный моими вопросами, незамѣтно введенными въ разговоръ, о лѣсѣ на кашгарскихъ горахъ, онъ сообщилъ мнѣ, что сѣверная цѣпь называется «Какшалъ», а южная «Кизилейе». Продолженіе цѣпи Какшала къ востоку называется «Мустахъ» и далѣе къ востоку «Тіанъ-Шанъ». Это, конечно, я уже зналъ. У подошвы Какшала расположенъ древній городъ Арташъ, около двадцати миль отъ Кашгара. Подымаясь по весьма извилистому ходу, до того узкому, что по немъ едва

можетъ пройти лошадь, вы достигаете крутаго пика, называемаго Мустахомъ [1]). Здѣсь дорога идетъ между потокомъ и горою, и это мѣсто Аталыкъ-Хази недавно выбралъ для сооруженія крѣпости. Одна сторона послѣдней граничитъ съ крутой горою и десять ея пушекъ направлены на единственную дорогу. Дорога изъ Кула и Алмати сливаются въ одну недалеко отъ этой крѣпости. Всѣ другія дороги по горной цѣпи сдѣланы непроходимыми. За нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ самъ Аталыкъ осмотрѣлъ работы. Одна стѣна уже была выстроена, но онъ ее разрушилъ, потому что она мѣшала доступу воды. Онъ самъ прикладывалъ руки къ дѣлу, и его офицеры и вельможи, по необходимости, должны были ему подражать. Махрамбаши трогательно жалуется на трудъ, которому онъ тогда подвергался, таская на спинѣ большіе камни вверхъ и внизъ по крутымъ холмамъ. Въ это время, какъ мнѣ сказали, Мухамедъ Омаръ доставилъ Аталыку извѣстіе о моемъ приближеніи. Крѣпость хорошо выстроена изъ камней, и вѣрными протоками снабжается водою. Настоящій гарнизонъ состоитъ изъ 500 обращенныхъ китайцевъ, 200 тунганцевъ и 300 тюрковъ. Крѣпость эта, названная «Мустахташкурганъ» (леденогористо-каменная крѣпость) находится на три дни верховой ѣзды отъ Кашгара. Семь или восемь дней ѣзды оттуда лежатъ равнины Исик-кюль и Алмати. Русскіе расположены, однако, передъ этими равнинами. Это вполнѣ подтверждаетъ извѣстія, доставленныя пріятелемъ Сарды. Махрамбаши говоритъ, что дорога не про-

---

[1]) Не должно смѣшивать этого пика съ горною цѣпью того же названія. Слово мустахъ происходитъ отъ мусъ-ледъ и тахъ-холмъ (по тюркски).

ходима для пушекъ. Русскіе, говоритъ онъ, были въ Алмати тридцать три года и пятнадцать лѣтъ тому назадъ приблизились къ Исик-кюлю.

Русскихъ онъ называетъ «джинни и шайтаны» (черти), и дѣлая скверную гримасу, говоритъ, что они похожи на такой видъ! Старая привычка людей изображать своихъ непріятелей во всѣхъ отношеніяхъ похожими на чудовище.

Сегодня подъ торжественнымъ обѣщаніемъ хранить тайну, махрамбаши сообщилъ Чумару извѣстіе, что Аталыкъ отошлетъ меня черезъ шесть или семь дней. Но я этому столь же мало вѣрю, какъ его прежнему увѣренію.

Вчера наши лошади оторвались и побѣжали по валамъ къ стѣнѣ крѣпости. Онѣ были схвачены послѣ того, что онѣ обѣгали половину города. Я представился удивленнымъ тѣмъ, что онѣ не свалились съ вала и такимъ образомъ получилъ отъ юзбаши описаніе его. Онъ отступилъ отъ меня на двѣнадцать футовъ и сказалъ: «На вершинѣ вала есть дорога такой ширины; по обѣимъ сторонамъ есть зубцы вышиною въ человѣка». Такимъ образомъ толщина всего вала у вершины должна равняться около шестнадцати футамъ. Такъ какъ валъ, по моему глазомѣру, около 40 футовъ вышины и съ обѣихъ сторонъ представляетъ откосъ, то на основаніи онъ долженъ равняться двадцати футамъ. Около воротъ онъ гораздо толще.

Кашгаръ 28-го февраля—Махрамбаши съ каждымъ днемъ становится болѣе сообщительнымъ. Въ этотъ вечеръ онъ насъ тѣшилъ представленіями китайскихъ манеръ. Всѣ тюрки по видимому обладаютъ способностью передразнивать. Онъ представлялъ загробную пѣсню, исполненную сыномъ и дочерью китайскаго вельможи надъ гробомъ ихъ отца, съ хо-

ромъ женщинъ, которыя поютъ утѣшительные стихи и вытираютъ глаза плачущей дочери, препятствуя ей броситься въ отцовскій гробъ. Затѣмъ онъ описалъ ихъ театральныя забавы и кончилъ разсказомъ о семействѣ акробатовъ, состоявшемъ изъ отца, матери и маленькой дочери, которые объѣзжали передъ возстаніемъ здѣшнія провинціи и собрали много денегъ. Они были въ Куче въ то время, когда вспыхнуло возстаніе; отецъ и мать убиты, а дочь теперь здѣсь въ услуженіи на всѣ руки въ семействѣ одного пансадбаши [1]). Махрамбаши говоритъ, что однажды онъ ее узналъ, когда она несла ведро воды изъ водоема, и они начали по китайски спрашивать другъ друга о здоровьи, но когда подошла другая служанка она тотчасъ начала говорить по тюркски. Большая часть здѣшнихъ китайцевъ, говоритъ онъ, были богатые люди. Старикъ, который приноситъ намъ каждый день воду, былъ купецъ, обладавшій въ свое время 1000 ямбу имущества (около 17,000 фунт. ст.).

Аталыкъ, по видимому, очень храбрый солдатъ. У него на тѣлѣ одиннадцать ранъ, изъ которыхъ пять получены имъ отъ русскихъ пуль. Во время осады Ярканда онъ былъ

---

[1]) Пансадбаши есть начальникъ пятисотъ; юзбаши—начальникъ ста, мингбеги—начальникъ тысячи. Но на практикѣ эти названія кажется потеряли свое спеціальное значеніе, и я видѣлъ иныхъ юзбаши, которые были выше мингбеги. Я полагаю, однакожъ, что есть различіе между военнымъ и гражданскимъ мингбеги. Послѣдній только глава тысячи поселянъ и стоитъ гораздо ниже, чѣмъ тотъ, который начальствуетъ надъ 100 солдатъ.

Марко Поло (Yule's, Marco Polo, i. 228) говоритъ: Когда знатный татарскій начальникъ отправляется въ походъ, то онъ назначаетъ офицера для командованія каждыми 10 солдатами, другихъ офицеровъ для 100, 1000, 10,000 и пр.

пораженъ въ боку и въ бедрѣ, и подъ нимъ пали нѣсколько лошадей. Онъ завязалъ свои раны шарфомъ, никому не сказалъ объ нихъ ни слова, улыбался въ присутствіи другихъ, но корчился отъ боли, когда его никто не видалъ. Махрамбаши, какъ обыкновенно, сопровождалъ его на поле сраженія съ девятью другими махрамами. «Во то время какъ Аталыкъ скрывалъ отъ всѣхъ свои раны, говоритъ махрамбаши, я получившій царапину на лицѣ копьемъ тунгарца (и онъ показалъ мнѣ оставшійся рубецъ) лежалъ и стоналъ день и ночь въ моей палаткѣ; когда никто не былъ вблизи я садился пить чай, но когда кто нибудь вошелъ ко мнѣ я валялся по полу крича отъ боли. По мѣрѣ того какъ рана заживала я ее снова растравлялъ, и я думаю, если бы осада продолжалась два года я бы не далъ ей заживать во все это время. Я вовсе не намѣревался опять подставить себя подъ непріятельскія пули. Одна оторвала луку у моего сѣдла, а другаа сломала застежку моего пояся. Я разсуждалъ, что если бы, вмѣсто копья, въ мое лицо попала одна изъ этихъ пуль, я былъ бы мертвый человѣкъ. О смерти моей извѣстили бы Аталыка и онъ сказалъ бы Аллахо акберъ (богъ великъ!), вотъ и все! Да, ваши пули прескверная вещь. Если бы не онѣ, я бы былъ храбрый человѣкъ. Аталыкъ не дорожитъ своею жизнью, но моя для меня дорога. Пока я лежалъ въ палаткѣ раненымъ, я имѣлъ два сердца (при этомъ онъ показывалъ два пальца); одно сказало мнѣ «ступай сражаться», другое—лежи тутъ спокойно. Ночью первое сердце (выставляя указательный палецъ) побѣдило меня, но когда приближалось утро я всегда слушался внушенію того сердца, которое шепнуло мнѣ лежи спокойно. Аталыкъ вознаградилъ меня за полученную рану, подаривъ

мнѣ «курсъ» и парчевой халатъ, на свои собственныя же раны онъ вовсе не обращалъ вниманіе».

Мунши сказалъ: Аталыкъ большой бахадуръ (герой). На это махрамбаши воскликнулъ: «Благодарю покорно за вашъ героизмъ! я долженъ выдти и дать себя убить; тогда какая польза отъ моего героизма? Въ присутствіи Аталыка мы, однакожъ, деремся хорошо. Тогда храбрый вознаграждается, а о падающемъ на полѣ сраженія по крайней мѣрѣ сожалѣютъ. Но за глазами Аталыка я бы не приближался къ непріятелю! Нѣсколько разъ высшіе офицеры хотѣли удержать Аталыка, когда онъ почти одинъ отправлялся верхомъ противъ тунганцевъ; но онъ поднималъ на нихъ шпагу и ускакалъ, тогда всѣ должны были слѣдовать за нимъ на атаку. У тунганцевъ, кромѣ копья и шпаги, нѣсколько дубинъ привязано къ сѣдлу. Эти дубины они съ силою бросаютъ въ человѣка или лошадь и такимъ образомъ обезсиливаютъ ихъ. Я и девять другихъ махрамовъ, которые сопровождали Аталыка, были всѣ ранены ими болѣе или менѣе сильно. Если бы я постоянно находился на войнѣ, я бы привыкъ къ пулямъ, подобно другимъ.

Переходя къ другому предмету, махрамбаши сказалъ, что китайцы очень любятъ наказывать палкою. Его собственный отецъ, будучи губернаторомъ въ Кашгарѣ во время владычества китайцевъ, наказывалъ палками десять или пятнадцать человѣкъ, каждый день. Другое наказаніе состояло въ томъ, что дѣлали разрѣзъ вдоль подошвы, и посыпавъ на рану соль, зашивали ее. Однако преступники обыкновенно поправлялись въ теченіе восьми или десяти мѣсяцевъ и затѣмъ начинали воровать по прежнему. Тогда имъ втыкали деревянные гвозди подъ ногти и затѣмъ отрѣзали

ручную кисть. Но черезъ годъ или два они опять начинали воровать оставшеюся рукою. Аталыкъ-Хази придумалъ лучшій планъ: онъ разомъ разрѣзываетъ ворамъ горло. Теперь серебряный «курсъ» спокойно можетъ лежать на улицѣ и порядочный человѣкъ его не подыметъ, изъ опасенія быть признаннымъ за вора. Недалѣе какъ три дня тому назадъ прорѣзали горло одному вору тамъ надъ воротами, которыя видны съ вашей крыши. Съ тѣхъ поръ какъ вы въ Кашгарѣ казнены уже пять человѣкъ. Одинъ изъ нихъ былъ солдатъ, продавшій на базарѣ свой шомполъ. Второй укралъ лошадь. Третій укралъ пару башмаковъ у лавочника. Четвертый забрался ночью къ сосѣду въ голубятникъ и унесъ десять голубей.

Говоря о водкѣ, которую пьютъ китайцы, махрамбаши спрашивалъ мунши, пробовалъ ли онъ когда нибудь вино? Мунши выразилъ ужасъ при одной мысли о спиртномъ напиткѣ, но махрамбаши признался, что случайно пилъ прежде когда былъ въ службѣ у китайцевъ. И хватаясь за воротникъ своего халата, какъ тюрки всегда дѣлаютъ въ подобныхъ случаяхъ, онъ сказалъ: «Пусть божій пророкъ проститъ меня!» Но онъ смотрѣлъ на меня (грѣшнаго винопотребителя) прищуривъ одинъ глазъ, какъ будто намекая, что онъ былъ не прочь повторять этотъ грѣхъ, если бы я могъ ему доставить случай къ совершенію его.

Кашгаръ. Воскресенье, февраля 28-го.—Мы съ юзбаши и махрамбаши разсматривали книгу—поэзію Фирдузи, содержащую въ себѣ подвиги Рустама. Книгу эту намъ далъ мирзабаши. Она напечатана въ Бомбаѣ и наполнена смѣшными илюстраціями. Рустамъ изображенъ плавающимъ на морѣ въ пароходѣ. На другой страницѣ, Рустамъ испол-

няетъ военный танецъ, держа въ одной рукѣ графинъ вина и стаканъ въ другой, а его спутники смотрятъ на него съ пальцами во рту.

Глядя на очень замысловатое изображеніе дракона, юзбаши сказалъ назидательно: здѣсь мы имѣемъ подобіе жителей дозака (ада); они всѣ похожи на это. На это я сказалъ, надѣюсь, что вы ихъ никогда не увидите. «Дай то Богъ и пророки!» отвѣчалъ онъ, хватаясь, по обычаю, за воротникъ своего халата.

Махрамбаши и юзбаши взяли у меня зрительную трубку и ушли съ нею. Они вернулись съ громкимъ смѣхомъ и задыхаясь, подобно мальчишкамъ, съигравшимъ шуточную штуку. Они разсказали мнѣ, что взобрались на башню крѣпости и оттуда высматривали всю окрестность до стараго города, причемъ пока одинъ глядѣлъ въ зрительную трубку, другой въ то время былъ на сторожѣ, чтобы ихъ никто не замѣчалъ.

Недавно два солдата дезертировали. Ихъ схватили и по приказанію Аталыка одному отрѣзали носъ, а другому уши.

Кашгаръ. Понедѣльникъ, марта 1-го.—Рози хаджи, мальчикъ сирота, былъ сегодня отданъ на попеченіе Ніазъ-бегъ, губернатора въ Хотенѣ. Аталыкъ послалъ много знаковъ благодарности и пр., и мальчикъ и его имущество были увезены сиркаромъ. Мальчикъ останется у губернатора пока не выростетъ, и тогда ему отдатутъ его имущество. Во все это время его брату позволено будетъ посѣщать его, но не пользоваться его добромъ. Онъ будетъ воспитываться съ двумя сыновьями бега, которые одного съ нимъ возраста.

Махрамбаши, показавъ мнѣ нѣсколько кашгарскихъ танцевъ, сказалъ: «прежде было у насъ много увеселеній, но

теперь все исламъ». Затѣмъ онъ началъ подражать важныя манеры ханжи, который вынувъ свои четки, безпрестанно бормочитъ слово Аллахъ и торжественно считаетъ шарики ихъ. «Это мы теперь должны дѣлать всѣ», сказалъ онъ, «всякій самъ по себѣ; нѣтъ болѣе теперь веселыхъ собраній или тамача».

Онъ негодуетъ на моихъ индусовъ за то, что они поклоняются коровѣ, какъ онъ выражается. Онъ ихъ спрашиваетъ, какъ можно поклоняться такому богу, который ѣстъ траву? Англійскую религію онъ одобряетъ. Когда я ему сказалъ, что мои индусы уже болѣе не вѣрятъ въ свои образа, онъ сказалъ: «это они только такъ представляются передъ вами, а въ умѣ еще поклоняются имъ».

Кашгаръ. Вторникъ, марта 2-го.—Я слышалъ страшное для меня извѣстіе, что Аталыкъ послѣ завтра отправится въ Янгъ-Хиссаръ, гдѣ намѣревается оставаться во время «бакра идъ», черезъ двадцать дней. Я досталъ письмо, которое уже у меня было готово и въ которомъ я просилъ позволеніе уѣхать. Махрамбаши отказалъ взять у меня письмо, но обѣщался сказать объ этомъ сиркару.

Рози пришелъ ко мнѣ прощаться и со слезами на глазахъ выражалъ мнѣ свою благодарность. Онъ сказалъ мнѣ, что когда хакимъ (губернаторъ) видѣлъ всѣ его деньги въ серебрѣ и золотѣ, онъ тотчасъ сказалъ ему: ты мой сынъ! Умный мальчикъ; правду говоритъ юзбаши, что пилигримство изощряетъ умъ.

Я слышалъ, что Гейвардъ прибудетъ сюда завтра. Джума говоритъ, что онъ вырвался изъ своего дома въ Яркандѣ и прогналъ Рози Ходжу, который грозилъ ему своимъ револьверомъ. Обходивъ городъ онъ возвратился домой. Солдаты бы-

ли отряжены, чтобы препятствовать ему оставить городъ. Такъ здѣсь разсказывается, но вѣроятно много преувеличено.

Кашгаръ. Пятница, марта 5-го.—Хакимъ изъ Гумы представилъ сегодня свои подарки, которые, говорятъ, болѣе цѣнны, чѣмъ всѣ до сихъ поръ представленные другими хакимами. Девять лотковъ съ тиллахами (400 или 500 на каждомъ лоткѣ), девять лотковъ ямбу и пр.

Кашгаръ. Суббота, марта 6-го.—Махрамбаши и юзбаши сообщили мнѣ, что мой караванъ сбился съ дороги, а скотъ весь погибъ; люди же, тщательно спрятавъ все мое добро подъ утесами, вернулись въ Ладакъ. Исламъ, человѣкъ Гейварда, разсказалъ Таши, встрѣтивъ его у воротъ, что ладакскій визирь билъ моихъ слугъ и людей моего каравана и посадилъ въ тюрьму моихъ тибетскихъ проводниковъ, за неудачу каравана. Онъ также отправилъ лошадей за моими вещами, чтобы отослать ихъ ко мнѣ по правильному пути, какъ только пройдетъ суровое время зимы. Визирь просто золотой человѣкъ.

Мы сегодня много хохотали съ махрамомъ и юзбаши по поводу ихъ ежедневной справкѣ о моемъ здоровьи «тола хушъ ма? тола обдань ма?» (счастливы ли вы? здоровы ли вы?).

Махрамбаши говоритъ, что въ Коканѣ обычай запирать посѣтителей. Бухарскій посолъ, уѣхавшій полтора мѣсяца тому назадъ, продержался въ заперти цѣлые три мѣсяца. Всякій разъ когда приходилъ къ нему махрамъ, посолъ восклицалъ: «я худа! тоба, тоба! (О боже, каюсь, каюсь!)». Я сказалъ ему, что у насъ даже осужденнымъ позволяютъ гулять. Онъ громко расхохотался и воскликнулъ: вы «чунгъ гунагаръ» (большой преступникъ). «Затѣмъ, дѣлавшись серьезнымъ, онъ прибавилъ, что онъ самъ негодуетъ на это задержаніе. Юзбаши

тайно выражаетъ мнѣ свое сожалѣніе и говоритъ, что его собственные люди хватаются за воротники и восклицаютъ «я Аллахъ!»

Рахматъ Уллахъ, слуга мунши, познакомился съ однимъ юзбаши, который разводитъ садъ съ дынями подъ городской стѣною, прямо позади моихъ заднихъ дверей. Онъ бухарецъ, по имени Саіадъ Бегъ, и наружностью вовсе отличается отъ тюрковъ: у него нѣтъ ни выдающихся скуловыхъ костей, ни краснаго оттѣнка кожи. Черты лица похожія на индійскія. Онъ былъ посланъ по дѣлу къ Аталыку-Хази, который задержалъ его и сдѣлалъ юзбаши. Саіадъ Бегъ говоритъ, что сосѣднія страны безпрестанно отправляютъ пословъ къ Аталыку, и этотъ послѣдній убѣжденъ, что онѣ помышляютъ противъ него что-то недоброе, что другіе цари ему завидуютъ и желаютъ отнять у него пріобрѣтенную имъ власть.

Сегодня много смѣялись надъ моими индусами по поводу коровъ. Я разсказалъ юзбаши какъ Сарда притворялся больнымъ, когда я велѣлъ ему носить мое ружье, отправляясь въ Лак-Зангѣ стрѣлять дикаго яка. Махрамъ съ выразительною пантомимою сказалъ: они скалятъ зубы, когда вы говорите объ убіеніи коровъ, но въ умѣ они думаютъ «я худа (о боже!)»; они неисправимы. Затѣмъ онъ дружески подошелъ къ Сарда, держа въ рукахъ ножъ, и шепнулъ ему на ухо: этотъ ножъ зарѣзалъ нѣсколько коровъ!

Кашгаръ. Среда, марта 10-го.—Мунши заботливо ждетъ, чтобы за ними пришли отъ Аталыка, какъ ему это вчера сказали; но никто не явился. Мирза изъ Индіи взялся дѣлать порохъ и спички, но ему это не удалось, а потому его бросили въ темницу съ чурбаномъ на одной ногѣ, а всѣ его бумаги были захвачены. Я слышу также, что

всѣ драгоцѣнные подарки, поднесенные хакимомъ изъ Гума, были безполезны, и что его бросили въ темницу, вслѣдствіе жалобъ на его дурное управленіе и жадность.

Кашгаръ. Четвергъ, марта 11-го.—Иные говорятъ, что меня еще задержатъ цѣлый мѣсяцъ, другіе — что меня отошлютъ черезъ три дня. Я сегодня сказалъ юзбаши, что въ нашей странѣ даже арестантамъ дозволяютъ посылать свои жалобы къ надлежащему начальству, а здѣсь никто даже не беретъ отъ меня письмо къ Аталыку. Въ отвѣтъ онъ, какъ обыкновенно, изобрѣлъ разныя сказки, чтобы объяснить поведеніе Аталыка.

Я получилъ сегодня длинное и интересное письмо отъ Гейварда. Въ первой части своего письма, написанной въ Яркандѣ, онъ хвалитъ гостепріимство тюрковъ и говоритъ, что вынесетъ пріятное воспоминаніе объ этой странѣ. Во второй части, писанной въ Кашгарѣ, онъ склоненъ считать Аталыка величайшимъ мошенникомъ въ Азіи. Онъ по видимому дѣлалъ очень затруднительную поѣздку вдоль ярканд-скихъ рѣкъ, но съ важными результатами.

Я теперь вполнѣ убѣжденъ, что Аталыкъ-Хази задерживаетъ меня только для того, чтобы заставить думать своихъ подданныхъ и сосѣдей, что я англійскій посолъ. Онъ самъ очень хорошо знаетъ, что я не посланъ англійскимъ правительствомъ. Но при всемъ этомъ онъ хочетъ, чтобы люди были на этотъ счетъ сбиты съ толку. Вотъ причина всего вниманія ко мнѣ и всего парада, когда я отправился къ нему. Это, по всей вѣроятности, было также причиною тому, что посланное черезъ мунши письмо мое, въ которомъ я просилъ дозволеніе пріѣхать, было задержано пока я не буду въ состояніи передать его лично, такъ какъ просьба моя

была уже исполнена. Но ему нужна была торжественная передача мною золотаго ящика и разукрашенной бумаги.

Махрамбаши говоритъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ русскіе просили у китайцевъ продать имъ нѣсколько десятинъ земли въ степи у подошвы горы. Китайцы рады были получить 500 ямбу за такое мѣсто, но черезъ годъ они увидѣли на немъ крѣпость. Отъ этого центра русскіе распространились по всѣмъ направленіямъ, между тѣмъ какъ китайцы наблюдали за ними со своими пальцами во рту. Крѣпость называется Алмати или Верно.

Кашгаръ. Марта 16-го.—Джума встрѣтился съ джемадаромъ дад-хва. Онъ посылаетъ мнѣ много саламъ алейкумъ и говоритъ, что за нѣсколько дней Аталыкъ имѣлъ намѣреніе дать мнѣ рухсатъ (отпустить), но такъ какъ онъ задумалъ послать со мною посольство въ Англію, то оттого и произошла задержка. По этому-то такъ часто спрашивали у меня, поѣду ли я по оставленіи Туркистана въ Англію или къ королевѣ. Джемадаръ дад-хва также просилъ Джуму непремѣнно прійти къ нему передъ отъѣздомъ изъ Кашгара, такъ какъ ему нужно что нибудь важное передать мнѣ.

ГЛАВА XV.

Задержаніе въ Кашгарѣ (продолженіе).

Красота китайскихъ женщинъ. —Праздникъ Курбанъ Идъ.—Бѣлые муравьи въ Кашгарѣ.—Пляска дервишей.—Цѣны на чай.—Уничтоженіе торговли невольниками.—Калмыцкій лукъ и стрѣлы.—Книжныя лавки въ Кашгарѣ. — Англичане и французы. — Нетерпѣніе путешественника подвергается осужденію. — Мумія. — Свиданіе съ Аталыкомъ.—Его свѣденія объ Англіи и королевѣ. — Прощальные подарки.—Третій визитъ Аталыку.—Его отъѣздъ въ Янгъ-Хиссаръ.

Кашгаръ. Среда, 17-е марта.—Махрамбаши говоритъ, что китайскія женщины очень красивы. Аллахъ далъ ангелу сосудъ со свѣтомъ, который онъ можетъ пролить на кого онъ пожелаетъ. Ангелъ леталъ всю эту ночь изъ страны въ страну, но возвратясь сказалъ, что народы всѣхъ странъ спали, исключая китайцевъ; вслѣдствіе этого, повинуясь велѣніямъ Аллаха, онъ пролилъ драгоцѣнный даръ на китайцевъ. Оттуда красота ихъ женщинъ, по крайней мѣрѣ на восточный взглядъ.

Сегодня изъ моей наружной двери можно было видѣть Аталыка-Хази, какъ онъ одинъ прогуливался верхомъ; ни одного человѣка не было съ нимъ.

Кашгаръ. Четвергъ, 18-го марта.—Аталыкъ отправился въ лагерь, устроенный имъ для ученій, почти въ двухъ

миляхъ отъ города; близъ него собирается ярмарка, продолжающаяся три дня. Тамъ находится 500 тефурчіевъ (четыре человѣка на одинъ тефуръ [1]) и около 1000 всадниковъ, не считая народа, который собрался ради удовольствія, но не было ни одной женщины. Джума видѣлъ ихъ, отправляясь искать слугу мунши.

Онъ разсказываетъ, что горы непрерывно видны отъ сѣвѣро—востока, по направленію къ сѣверу и западу и видимо ближе къ сѣверу-западу. Идущія къ сѣверо-востоку—малы и болѣе близки чѣмъ другія; я думаю, что это отрасль, идущая отъ главнаго хребта.

Мнѣ принесли нѣсколько кедроваго дерева (cupressus torulosa) для зубочистокъ. Юзбаши говоритъ, что этимъ лѣсомъ изобилуютъ сѣверныя горы, но его очень мало въ южныхъ горахъ (это тѣ, которыя видны изъ Янгъ-Хиссара). Лѣсъ этотъ годенъ для построекъ.

Кашгаръ. Суббота, 20-го марта. — Сегодня утромъ мунши былъ позванъ къ Аталыку, который принялъ его ласково и снисходительно, сказавъ: «садись и молись обо мнѣ». За симъ мунши произнесъ извѣстную форменную молитву на арабскомъ языкѣ за преуспѣяніе и пользу правленія Аталыка какъ для него самаго, такъ для ислама; причемъ Аталыкъ отвѣчалъ: «Съ божьимъ благословеніемъ, съ божьимъ благословеніемъ!» Послѣ нѣсколькихъ ласковыхъ словъ его перевели въ другую комнату, гдѣ получивъ въ подарокъ платье, онъ былъ отведенъ къ внутреннимъ воротамъ, чтобы издалека еще разъ поклониться Аталыку. Здѣсь существуетъ

---

[1]) Тефура—огромнаго размѣра мушкетонъ, приводимый въ дѣйствіе четырьмя человѣками.

обычай, въ силу котораго получающій въ подарокъ одежду надѣваетъ ее поверхъ остальнаго и носитъ въ продолженіи трехъ дней; получившій же въ подарокъ чалму обязанъ носить ее не пряча концевъ въ продолженіи такого же періода времени.

Когда Валле-Ханъ взялъ Кашгаръ онъ заключилъ въ тюрьму отца махрамбаши до уплаты имъ сорока ямбусовъ и убилъ его дядю. По изгнаніи Валле-Хана отецъ былъ сдѣланъ губернаторомъ Кашгара; но вскорѣ затѣмъ во время возстанія былъ снова ограбленъ киргизами и принужденъ продать послѣднее свое имущество — лѣтній садъ, для того, чтобы собрать деньги на поѣздку въ Мекку, куда онъ удалился.

Кашгаръ. Воскресенье, 21-го марта. — Сегодня пополудни пушки и трубы возвѣстили о завтрешнемъ праздникѣ Иды, причемъ нѣсколько овецъ и два верблюда были отведены въ этотъ домъ для принесенія въ жертву въ день праздника. Мунши получилъ выговоръ за то, что онъ ногой дотронулся до жирнаго барана, причемъ ему было замѣчено, что баранъ Иды долженъ быть окруженъ уваженіемъ и вниманіемъ до самаго момента принесенія его въ жертву. Сегодня канунъ Иды, онъ празднуется въ память свиданія Адама съ Евой, которое погубило ихъ, ибо изгнанные изъ рая, они блуждали въ теченіе многихъ лѣтъ въ поискахъ одинъ за другимъ, пока наконецъ не сошлись снова въ Меккѣ.

Кашгаръ. Понедѣльникъ, 22-е марта. — Сегодня праздникъ Курбана—Ида, или Гайида, какъ называютъ его тюрки. Онъ установленъ въ память принесенія въ жертву Измаила Авраамомъ. Ножъ его отказывается разрѣзать горло Измаилу; куда онъ не ударяетъ, всюду встрѣчаетъ камень, который разсѣкается имъ на части. Авраамъ спрашиваетъ при-

чину этого и ножъ ему отвѣчаетъ: «Мнѣ повелѣлъ Аллахъ не рѣзать горла Измаила». Затѣмъ явился архангелъ Гавріилъ и указалъ на ягненка, который долженъ былъ быть принесеннымъ въ жертву на мѣсто Измаила. Этотъ же день считается великимъ днемъ священнаго путешествія въ Мекку, къ которому прибываютъ всѣ хаджи. Съ разсвѣтомъ этого дня сдѣланы были четыре пушечные выстрѣла и затѣмъ еще четыре. Мунши говоритъ, что на молитву собралось отъ 5000 до 6000 человѣкъ; Аталыкъ присутствовалъ тоже. Онъ встрѣтилъ одного патанскаго канонира, который говоритъ, что Мирза не былъ заключенъ и бумаги не были взяты у него.

Махрамбаши былъ очень опечаленъ и прослезился, разставаясь съ своими родными на этотъ праздникъ. Всѣ они (мунши, юзбаши и др.) собственноручно закололи сегодня нѣсколько барановъ, согласно обычаю. Всѣ они были одѣты въ самое лучшее новое платье.

Утромъ юзбаши сказалъ мунши, что намъ предстояло свиданіе въ среду или четвергъ. Онъ никогда еще не сказалъ ничего въ этомъ родѣ и потому легко можетъ быть, что онъ сказалъ правду.

Кашгаръ. Вторникъ, 23-е марта.—Что-то въ родѣ дождя. Махрамбаши говоритъ, что въ продолженіи цѣлаго прошлаго года здѣсь не было дождя. Обыкновенно дождь идетъ три или четыре раза въ году, то не много—какъ сегодня, иногда же болѣе. Громъ гремитъ очень часто, но дождя не бываетъ, а равно и града. Юзбаши говоритъ, что въ Андиджанѣ какъ дождь такъ и градъ весьма не рѣдки.

Дрова, присланныя сегодня для топлива, набраны изъ бревенъ стараго дома, стѣны котораго продырявлены бѣлыми

муравьями, которые, какъ кажется, водятся и здѣсь, также какъ въ Индіи.

Хотя служители получили теперь свободу идти куда имъ угодно, Кахаръ разсказалъ сегодня какъ о важномъ фактѣ, что когда онъ вышелъ, то ожидалъ случая, чтобы не быть замѣченнымъ нашей стражей. Индусы не могутъ обойдтись безъ какого нибудь плутовства. Многое здѣсь не въ порядкѣ.

Кашгаръ. Среда, 24-е марта.—Почва размокла вслѣдствіе какой-то изморози и маленькихъ шариковъ снѣга, падавшихъ въ продолженіе не болѣе четверти часа. Прошлую ночь моросилъ дождикъ въ теченіе получаса. Говорятъ, что это составляетъ необыкновенно вредное явленіе для Кашгара. Вѣроятно не будетъ ничего подобнаго въ продолженіи года, какъ этого не было въ прошломъ году (за исключеніемъ снѣга, который выпалъ въ январѣ).

Джума слышалъ отъ хада-букши (артиллерійскій офицеръ), что нѣкій Махсумъ-Ханъ приготовляется выступить со мною, въ качествѣ посланнаго. Онъ еще не совсѣмъ готовъ, иначе я былъ бы посланъ вчера.

Вотъ замѣтка Гейварда, написанная сгоряча. Онъ высказываетъ свое мнѣніе объ отлагательствахъ и недомолвкахъ брату, содержавшему его.

Извлеченіе изъ замѣтки Гейварда:

« . . . . . Теперь я очерчу вашу будущность. Вы возвратитесь и будете встрѣчены празднествами и угощеніями, какъ живой левъ привезенный изъ центральной Азіи. Вы получите политическое порученіе въ Туркестанъ; вы откроете мой новый торговый путь безчисленными караванами; вы сдѣлаетесь великимъ «судагаромъ» вѣка и выпьете неисчислимое количество бутылокъ шампанскаго въ вашей виллѣ,

расположенной въ прелестныхъ равнинахъ Лингзи-Танга; вы напишете безконечныя статьи для «Saturday» и цѣлое сочиненіе о геологіи и гидрографіи памирской плоскости; вы получите три креста Викторіи и нѣсколько К. С. Вs. и затѣмъ постоянно будете жить счастливо. Въ противуположность всему этому, я буду странствовать между дикими центральной Азіи, продолжая сгорать безумнымъ желаніемъ, испытать ощущеніе холодной стали, вонженной въ мое горло; преплыву Каракальское озеро, чтобы затѣмъ въ концѣ концовъ быть проданымъ въ рабство Мулькъ—и—Аманамъ или ханамъ Читрала. . . . . [1]).

(Другое письмо Гайварда заключаетъ въ себѣ опасеніе относительно участи, которая постигла эти оба письма).

Кашгаръ. Четвергъ, 25-го марта.—Махрамбаши и юзбаши разсказывали о пляскѣ дервишей. Они говорятъ, что здѣсь эта каста названа «джаръ». Каждую пятницу нѣкоторое число муллъ, собравшись въ мечети, начинаютъ кружиться, между тѣмъ какъ ихъ духовный руководитель громко читаетъ молитвы.

Джума съ позволенія ходилъ въ старый городъ, который по его словамъ шире Ярканда и чрезвычайно тѣсно застроенъ. Конюшни находятся въ землѣ, и всѣ дома имѣютъ верхніе этажи. Газратъ Апакъ находится почти въ двухъ миляхъ отъ города. Не видно никакихъ англійскихъ набивныхъ ма-

---

[1]) Это предсказаніе принимаетъ характеръ необыкновенно странный въ связи съ тѣмъ, что случалось въ послѣдствіи. Судьба, постигшая бѣднаго Гейварда, немногимъ не подходило подъ его предсказаніе. Мукъ—Аманъ подозрѣвается въ убійствѣ, читральскій же ханъ и теперь даетъ убѣжище человѣку, который, какъ всѣми признано, былъ главнымъ зачинщикомъ преступленія.

терій; русскіе продаютъ отъ пяти до восьми тилла за штуку въ сорокъ кашгарскихъ гузовъ (тридцати одному уду) индійскій чай, котораго Джума взялъ образчикъ, былъ оцѣненъ въ сорокъ тунга за джингъ, что́ составляетъ около десяти шилинговъ за фунтъ. Онъ былъ въ трехъ лавкахъ, въ которыхъ нашелъ самовары съ кипяткомъ и продавался чашками горячій чай. Что касается бумажныхъ издѣлій, говорятъ, что они стали дороже чѣмъ обыкновенно, такъ какъ русскіе караваны остановлены.

Я отвѣчалъ на замѣтку Гейварда и приводилъ причины, почему можно думать, что насъ не намѣреваются убить.

На сухой поверхности земли образуется легкій бѣлый осадокъ селитры, тоже самое замѣчается на ветхихъ, гніющихъ стѣнахъ. Овцы любятъ лизать ихъ.

Кашгаръ. Пятница, 26-го марта.—Сарда встрѣтилъ наконецъ того человѣка изъ Кангры, который началъ разсказывать свою исторію за долго до этого времени. Онъ разсказалъ сперва нѣкоторыя подробности объ обычаяхъ въ Джильджитѣ и потомъ докончилъ свой разсказъ. Онъ говоритъ, что туземные начальники, которымъ махараджа передалъ власть, стараются только всѣми возможными способами ослабить свои военныя силы. Они начинаютъ обыкновенно съ того, что посылаютъ ихъ противъ сосѣднихъ племенъ и затѣмъ заставляютъ ихъ насильно отступать предъ непріятелемъ, что̀, конечно, причиняетъ имъ величайшій вредъ. Другу Сарда случилось однажды находиться въ арьергардѣ во время такого отступленія. Мой командиръ, разсказываетъ онъ, послалъ меня къ фронту, чтобы сообщить полковнику, что непріятель обходитъ насъ сзади и быстро подвигается впередъ. Полковникъ не останавливаясь отвѣчалъ мнѣ: «Идите

назадъ и скажите вашему командиру держаться безъ всякихъ опасеній». Командиры, проклиная трусость своего начальника, продолжали отступленіе въ возможно лучшемъ порядкѣ. На пути отступленія, нѣсколько впереди находился узкій проходъ, въ который мы старались войти прежде чѣмъ займетъ его непріятель. Съ этой цѣлью отрядъ джильджитской кавалеріи, находившейся на службѣ махараджа и составлявшей часть нашего арьергарда, давъ шпоры лошадямъ, галопомъ проскакалъ чрезъ наши ряды, чѣмъ, конечно, произвелъ въ нихъ такое же разстройство, какое могъ причинить непріятель. Прежде чѣмъ мы успѣли достигнуть средины прохода, непріятель, занявшій вершины утесовъ, немедленно открылъ по насъ убійственный огонь и, недовольствуясь этимъ, сталъ бросать въ насъ камни, вслѣдствіе чего мы понесли значительную потерю въ людяхъ. Далѣе дорога пролегаетъ между берегомъ рѣки и крутыми утесами. Непріятель, опередилъ насъ, расположилъ своихъ мушкатеровъ на противуположномъ берегу, которые прикрываясь камнями и скалами, выбивали нашихъ людей изъ фронта совершенно безнаказанно. Наши ряды пустѣли съ каждой секундой. Тѣ, которыхъ не тронула непріятельская пуля пробились впередъ, между тѣмъ какъ раненые, оставаясь на мѣстѣ, были добиты другими отрядами горцевъ, которые преслѣдовали насъ по тому же берегу. Одинъ изъ моихъ товарищей изъ Голера, получилъ рану въ ногу, и онъ не могъ идти впередъ, но когда пять или шесть человѣкъ изъ непріятельскаго отряда приблизились къ нему, чтобы схватить его, то онъ бросился на нихъ съ саблей и удержалъ ихъ въ почтительномъ отъ себя разстояніи. Одинъ изъ нашихъ людей, видѣвшій эту сцену, передавая ее, говоритъ, что «онъ могъ бы быть спасенъ,

еслибъ кто либо захотѣлъ вернуться назадъ и помочь ему». Но не было никого, кто могъ бы дать это приказаніе, каждый же изъ насъ только торопилъ другъ друга и думалъ о самомъ себѣ. Наконецъ единственное наше орудіе попало въ руки горцевъ, въ ту самую минуту, когда мы приближались къ нашей крѣпости. Объ этомъ было сообщено «адъютанту», который вмѣстѣ съ другими офицерами находился далеко впереди фронта. Боясь отвѣтственности за потерянную пушку, онъ съ отрядомъ всадниковъ поспѣшилъ назадъ. Нашъ командиръ сказалъ: «Адъютантъ-джи куда вы направляетесь?» «Я отправляюсь за пушкой». Тогда командиръ сталъ ругать его и сказалъ: «Развѣ вамъ не дорога жизнь всѣхъ этихъ людей, для которыхъ вы ничѣмъ не жертвовали, что вы намѣреваетесь вновь причинить имъ столько хлопотъ изъ за одной пушки? Еслибъ вы и другіе начальники исполнили свой долгъ и удержали людей въ боевомъ порядкѣ, вмѣсто того, чтобы думать лишь о собственномъ вашемъ спасеніи, то мы теперь не отступали бы». Адъютантъ, однако, поспѣшилъ назадъ; люди его, схвативъ пушку, потянули ее за собой, между тѣмъ какъ въ то же время горцы, съ помощію веревокъ, тащили ее назадъ. Адъютантъ разрубилъ саблей эти веревки и намъ удалось наконецъ, освободивъ пушку, возвратиться благополучно въ крѣпость.

Здѣсь останавливается старая исторія и начинается новая или, лучше сказать, послѣдствія старой исторіи.

Вы припомните, что я вмѣстѣ съ двумя другими былъ посланъ отъ полковника за приказаніями въ крѣпость, расположенную внизу долины. Ночь застигла меня въ дорогѣ. Въ настоящее опасное для страны время мы ѣхали держа наши ружья на готовѣ и съ зажженными фитилями. Мы за-

мѣтили впереди насъ тотъ же свѣтъ пальниковъ и людей, приближавшихся къ намъ. Они тоже, какъ видно, замѣтили насъ и остановились. Послѣ многихъ перекрикиваній и выраженій недовѣрчивости съ обѣихъ сторонъ, мы удостовѣрились, что это былъ отрядъ, посланный полковникомъ за инструкціями къ нашему коменданту. Вслѣдствіе этого мы приблизились и узнали эти приказанія. Въ письмахъ и словесно передавалось нашему коменданту, чтобы онъ оставилъ крѣпость и отступилъ къ ближайшей главной квартирѣ. Если онъ спалъ, то предписывалось разбудить его, если же не спалъ, то долженъ былъ не медля выступить. Мы обмѣнялись письмами и порученіями съ этими людьми. Они возвратились въ долину, мы въ крѣпость, куда прибыли въ половинѣ ночи. Выслушавъ приказанія, комендантъ разбудилъ людей, приказавъ имъ собрать свои пожитки и быть готовыми съ разсвѣтомъ же выступить, не ожидая новыхъ приказаній. Согласно такому распоряженію, съ зарей большая часть людей выступила партіями въ два—въ три человѣка и, дойдя до сада, въ одной милѣ разстоянія отъ крѣпости, они были остановлены комендантомъ, который былъ очень недоволенъ ими за то, что они не ожидали его. По прибытіи назадъ въ крѣпость, они расположились на своихъ узлахъ и ожидали его распоряженій. Между тѣмъ мы замѣтили въ проходѣ, ведущемъ въ одну сосѣднюю долину, довольно большое число всадниковъ. Вскорѣ число это увеличилось на нѣсколько сотенъ. Тогда комендантъ, обратясь къ намъ, сказалъ: «Я не стану отступать въ виду непріятеля. Мы останемся здѣсь и будемъ драться». Къ вечеру три или четыре тысячи горцевъ собралось на равнинѣ, между горами и рѣкою. Они выслали къ намъ парламентера, кото-

рый сказалъ намъ: «Уходите съ вашимъ оружіемъ и вашимъ имуществомъ, но сдайте намъ крѣпость. Въ противномъ случаѣ мы перерѣжемъ васъ всѣхъ». Комендантъ не хотѣлъ слушать ихъ и вызвалъ ихъ на бой. Они двинулись впередъ, но такъ какъ мы открыли по нимъ огонь, то они не могли подойти близко. Тогда они отступили на нѣкоторое разстояніе и обошли источникъ, который снабжалъ крѣпость водою, обложивъ въ то же время крѣпость со всѣхъ сторонъ, чтобы мы не могли уйти. Въ такомъ положеніи мы оставались 15 дней. У насъ было немного барановъ, которыхъ мы закололи и питались ихъ мясомъ, изъ кожи же сдѣланы были мѣшки для воды. Въ нихъ мы носили воду изъ ручья, преодолѣвая большія затрудненія и удерживая непріятеля на разстояніи мушкетнаго выстрѣла въ то время какъ мѣшки наполнялись водою и уносились въ крѣпость. Но мѣшки начали портиться и вслѣдствіе этого вода принимала отвратительный запахъ; сверхъ этого ея недоставало для всѣхъ, такъ какъ насъ было пятьдесятъ человѣкъ. Наконецъ наши запасы истощились и мы начали прислушиваться къ тому что намъ говорили горцы: «Сдайте намъ крѣпость и вы можете удалиться съ полной безопасностью, но вы должны оставить ваше оружіе и ваши пожитки». Мы заставили ихъ дать клятву, что они не сдѣлаютъ намъ вреда, если мы сдадимся. Они поклялись намъ въ этомъ и мы выступили обезоруженные. Тогда они бросились на насъ со всѣхъ сторонъ и всѣхъ насъ забрали въ плѣнъ. Не задолго до этого, мы поймали одного изъ ихъ начальствующихъ, котораго комендантъ нашъ убилъ. Они справились о немъ и, узнавъ объ участи, постигшей его, они взяли коменданта, двухъ джемадаровъ и одного солдата, такъ какъ всѣ они принимали участіе въ

убійствѣ и, поставивъ ихъ у могилъ заранѣе приготовленныхъ, убили ихъ каменьями. Затѣмъ они принялись дѣлить между собою имущество плѣнныхъ, снимая даже съ ихъ плечъ платье и оставляя едва достаточно для прикрытія ихъ. Я надѣлъ старые кожаные штаны поверхъ другихъ. Видя, что они были стары и изорваны, они оставили ихъ на мнѣ, не подозрѣвая, что подъ ними были другія; такимъ образомъ я устроилъ себя лучше чѣмъ мои товарищи. Послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ они погнали насъ въ свою страну (Канджутъ), причемъ намъ пришлось переправляться черезъ рѣку, перерѣзывавшую нашъ путь. По прибытіи въ городъ (Хунза) мы были заперты всѣ вмѣстѣ въ одномъ обширномъ домѣ, гдѣ уже прежде ограбленные мы подверглись новому хищничеству. Мы были отданы въ распоряженіе сына визиря. Ему приглянулись широкія шаравары, принадлежавшія одному патанцу изъ нашей компаніи. Чтобы одѣть его съ меня сняли мои кожаныя шаравары, причемъ и было открыто, что подъ ними я скрылъ двѣ пары хорошихъ панталонъ. Само собою разумѣется, что тотчасъ они сдѣлались добычей, а равно вся наша обувь была отнята у насъ. Однажды наша стража, набравъ связку сухихъ вѣтвей и хворосту, положили ее на плоской крышѣ нашего дома и зажгли ее. Такъ какъ огонь уже началъ было проникать къ намъ, то визирь, услышавъ объ этомъ, позволилъ вывести насъ изъ дому, между тѣмъ огонь былъ потушенъ. Въ этомъ мѣстѣ мы оставались шесть или семь мѣсяцевъ. Нѣкоторые изъ насъ были посланы какъ невольники въ Бадахшанъ, одинадцать же, а въ томъ числѣ и я, были проданы нѣкоторымъ бадахшанскимъ купцамъ, которые повели насъ чрезъ горы.

Кашгаръ. 27-го марта.—Прежде чѣмъ окончимъ исторію голерскаго человѣка, я поговорю о другомъ предметѣ. Сегодня утромъ юзбаши пришелъ къ моему мунши, когда я еще спалъ и, выславъ прочь слугу, сказалъ: «Я говорилъ сегодня съ спркаромъ, причемъ высказалъ ему, что весьма стыдно держать сахиба здѣсь столько времени и не выслушать чего онъ желаетъ и не отпустить его. Сиркаръ отвѣчалъ, что это выходитъ за предѣлы его власти, что онъ не можетъ ничего измѣнить, но что вскорѣ сахибу дозволено будетъ ѣхать въ сопровожденіи одного посланнаго къ лорду-сахибу. Это подтвердилось въ бумагѣ на англійскомъ языкѣ (писанной Мирзой, который былъ дѣйствительно освобожденъ), присланной мнѣ сегодня съ Джумой отъ джемадара дадъ-хва.

Вечеромъ, Джума началъ было говорить мнѣ по секрету о своемъ посѣщеніи джемадара дадъ-хва, когда мнѣ послышались приближающіеся шаги махрама. Я тотчасъ повернулъ разговоръ на чайныя цѣны, такъ что когда махрамбаши вошелъ въ комнату, то онъ услышалъ какъ Джума говорилъ, что прежде чай продавался по два танга за джингъ. Онъ громко воскликнулъ, что это неправда, и Джума вступилъ съ нимъ въ горячій споръ объ этомъ предметѣ. Наконецъ, онъ выбѣжалъ вонъ, смѣясь и повторяя: «Я приведу свидѣтелей». Черезъ двѣ или три минуты онъ явился снова, съ двумя сипаями, которые отвѣчая на мой вопросъ, сказали, что чай какъ существуетъ Китай никогда не продавался дороже четырехъ или шести танговъ за «джингъ». Махрамбаши сказалъ: «Я пошлю завтра за однимъ древнѣйшимъ старцемъ, его найдутъ на рынкѣ, и онъ подтвердитъ то что я сказалъ». Меня очень забавляло, что проница-

тельный махрамбаши попался въ ловушку и далъ мнѣ возможность убить двухъ птицъ однимъ камнемъ. Во первыхъ, его вниманіе было отвлечено отъ того что Джума могъ бы передавать мнѣ въ частномъ разговорѣ; и во-вторыхъ, доставилъ мнѣ случай узнать то чего я такъ желалъ, именно узналъ прежнія и настоящія цѣны на чай. Четыре танга за «джингъ» составляетъ почти одинъ шилингъ 1 п. за ф.

Послѣ этого махрамъ увидѣлъ въ одной изъ моихъ книгъ цѣлую пачку бумаги, исписанной цифрами,—это были свѣдѣнія о русской торговлѣ, доставленныя секретаремъ нашего посольства. Я объяснилъ, что это цифры представляли отчетъ о товарахъ, проданныхъ русскими. Онъ спросилъ: «Не хотите ли вы также описать вашему нашѣ (государю) всѣхъ подробностей, касающихся этой страны?» Это былъ опасный вопросъ и потому я отвѣчалъ: «Безъ сомнѣнія, я это сдѣлаю. Сегодня, напримѣръ, я скажу, что мы видѣли новаго кота (вы должны знать, что наше любимое занятіе заключается въ кормленіи котовъ на крышѣ); также, что Ала-Ахундъ (его имя) простудился, но теперь чувствуетъ себя опять очень хорошо». Онъ разсмѣялся при этомъ и не продолжалъ далѣе своихъ разспросовъ.

Теперь возвратимся снова къ исторіи голерскаго жителя:

Нашъ караванъ, продолжалъ онъ, состоявшій изъ трехъ бадахшанскихъ купцовъ и ихъ верховыхъ слугъ и насъ, одиннадцати невольниковъ нѣшихъ и босыхъ, едва имѣвшихъ чѣмъ прикрыть свои плечи, — двигался до самаго верхняго прохода. Ледъ былъ покрытъ свѣжимъ снѣгомъ, въ который мы погружались по поясъ. По такимъ снѣгамъ мы шли начиная съ полдня до глубокой ночи. Перейдя снѣга мы дошли до полнаго ручья. Наши владѣльцы приказали намъ сѣсть

на лошадей позади нихъ. Одинъ изъ насъ, житель низменнаго Джата, былъ до такой степени изнуренъ, что не могъ взлѣзть на лошадь. Одинъ изъ слугъ старался втащить его за руку, но онъ не въ состояніи былъ удержаться на лошади и упалъ по другую ея сторону. Слуга прибѣгнулъ къ другому способу: онъ принялся наносить ему удары кнутомъ до тѣхъ поръ, пока несчастный не поднялся, а тогда, схвативъ его за руку, онъ бросился верхомъ на лошади въ рѣку, таща его за собою по холодной какъ ледъ водѣ. Много часовъ спустя по наступленіи сумерекъ мы достигли одной пещеры, гдѣ наши господа развели огонь изъ хвороста. Мы усѣлись вокругъ него и стали обогрѣваться, между тѣмъ какъ они принялись ѣсть изготовленный имъ ужинъ. Страданія, причиненныя ощущеніемъ тепла, были чувствительнѣе, чѣмъ при холодѣ, который мы испытывали во время перехода. Около полуночи они намъ дали по куску чупати (родъ хлѣба) и затѣмъ заснули. Мы не могли заснуть, но собрались тѣснѣе въ кучу вокругъ огня. Теперь вновь началъ падать снѣгъ. Попадая на наше тѣло, онъ таялъ, но вскорѣ все вокругъ покрылось слоемъ снѣга въ шесть дюймовъ глубины. Съ разсвѣтомъ одинъ слуга, взявъ мѣшокъ, изъ котораго кормятъ лошадей, насыпалъ въ него нѣсколько муки и замѣшавъ ее съ водою, подалъ намъ, говоря: «Приготовьте и ѣшьте». Но едва нашъ пирогъ былъ спеченъ на половину, намъ велѣно было отправляться. Мы положили куски недопеченной лепешки себѣ за пазуху и ѣли ихъ дорогой. На разсвѣтѣ другого дня мы пустились въ путь снова, не сомкнувъ ни на минуту глазъ и шли цѣлый день. Передъ самымъ закатомъ солнца мы вошли въ киргизскій лагерь. Наши господа размѣстились въ теплыхъ палаткахъ, мы же въ это время раз-

вели огонь внѣ палатокъ. Поздно вечеромъ они дали каждому изъ насъ по чашкѣ бульона и по куску говядины. Въ продолженіе этой ночи мы уснули немного. Киргизы прислали намъ по куску «чупати», которые мы радостно пожирали. Утромъ три человѣка изъ нашего числа были проданы, а на слѣдующую ночь еще три. За каждаго было заплачено по одному куру и два или три тилла. Здѣсь также киргизы дали намъ немного поѣсть. Далѣе, еще два изъ нашихъ были проданы и затѣмъ мы трое оставшіеся были заторгованы. Уже торгъ былъ улаженъ и деньги уплачены сполна, какъ вдругъ прискакалъ какой-то всадникъ, онъ поговорилъ съ киргизомъ, который пріобрѣлъ насъ, и торговая сдѣлка была уничтожена. Наши владѣльцы отдали обратно деньги и мы снова побрѣли за ними. Послѣ трехъ или четырехъ переходовъ чрезъ необитаемыя долины, мы вошли на равнины Ярканда, гдѣ въ одной изъ деревень насъ заперли снова въ какомъ-то домѣ. Вечеромъ, сперва пришелъ къ намъ какой-то мальчикъ и далъ намъ по куску пирога; а затѣмъ явился старецъ, который, вынувъ изъ за пазухи нѣсколько кусковъ хлѣба, отдалъ его намъ, а вслѣдъ затѣмъ прислалъ намъ большое блюдо рису. Благодаря, такимъ образомъ, добротѣ этого народа, мы впервые послѣ многихъ дней поѣли досыта и вполнѣ довольные легли спать. На слѣдующемъ привалѣ народъ также выражалъ состраданіе къ намъ: кормилъ насъ хорошо и притомъ намъ былъ данъ большой кусокъ войлока для подстилки, такъ какъ до сихъ поръ, кромѣ тѣхъ лохмотьевъ, которыя прикрывали наши плечи, у насъ ничего не было. Но придя къ намъ и увидя его наши господа отняли его у насъ. Въ этомъ мѣстѣ одинъ изъ насъ

былъ оставленъ и мы двое остающіеся были отведены въ Яркандъ.

Слухъ о томъ, что приведены невольники для продажи, вскорѣ привлекъ въ домъ, занимаемый нами, большую толпу народа. Всѣ торговали насъ и даже открывали намъ рты, чтобы посмотрѣть на наши зубы. Для чего имъ это нужно было—я не могу сказать. Одна отвратительная старая женщина открыла мой ротъ и долго разсматривала въ немъ какъ будто бы я былъ лошадь. Никто, однако, не купилъ насъ. Однажды я стоялъ у наружной двери и смотрѣлъ на проходящихъ по узкой улицѣ, какъ въ это время подошелъ ко мнѣ какой-то человѣкъ и началъ говорить. Я отвѣчалъ ему, что не понимаю его языка; онъ улыбнулся и позвалъ проходившаго мимо разносщика съ фруктами; купивъ у него около двадцати сливъ онъ отдалъ ихъ мнѣ и самъ удалился. Я съѣлъ нѣсколько, а остальныя отдалъ моему товарищу. На слѣдующій день я стоялъ у той же самой двери, когда подошелъ ко мнѣ другой человѣкъ, заговорившій на какомъ-то нарѣчіи, составляющемъ смѣшеніе языковъ: персидскаго съ индустанскимъ. Онъ спросилъ меня кто я таковъ, объяснивъ мнѣ при этомъ, что онъ—хаджи. Я отвѣчалъ, что я пенджаби и не понимаю по персидски. «Почему», сказалъ онъ, «вы не обратитесь къ джемадару дадъ-хва? Онъ здѣсь важное лице и самъ пенджаби, и навѣрное освободитъ васъ».—«Какъ я могу обратиться къ нему», отвѣчалъ я, «когда я лишенъ права выходить и притомъ не знаю, гдѣ онъ живетъ».—«Я скажу ему объ этомъ», возразилъ онъ. Возвратясь вечеромъ, онъ сказалъ: «Присылалъ ли джемадаръ кого либо къ вамъ?» — «Нѣтъ, отвѣчалъ я».— «Я былъ у него сегодня утромъ», сказалъ онъ, «и говорилъ объ васъ. Онъ обѣщалъ

послать къ вамъ, а между тѣмъ временемъ велѣлъ объявить на рынкѣ, что ежели кто нибудь купитъ васъ, то будетъ наказанъ. Но я пойду и увижусь съ нимъ снова». Дѣйствительно, на другой день джемадаръ прислалъ за нами и за нашими владѣльцами. Онъ посадилъ насъ противъ себя и угостилъ насъ чаемъ и хлѣбомъ; когда мы кончили, онъ сказалъ: «Подайте еще», и намъ приносили до тѣхъ поръ, пока мы не насытились. Тогда поговоривъ съ купцами онъ отпустилъ ихъ, насъ же оставилъ у себя. Нѣсколько дней спустя онъ далъ намъ бумагу за его собственною печатью и визиря, говоря: «Вы свободны. Идите, куда хотите; эта бумага откроетъ вамъ путь». Мы отправились въ городъ, но на другой день невольничьи торговцы явились снова и предъявили искъ. Я не знаю что они сдѣлали, но за нами было послано вновь и джемадаръ сказалъ имъ: «Вскорѣ прибудетъ Аталыкъ — онъ и рѣшитъ. До того же времени эти люди останутся у меня». Но купцы стали объяснять, что у нихъ нѣтъ никого изъ прислуги и некому подать имъ воды и проч., вслѣдствіе чего мы опять были отданы имъ въ услуженіе до пріѣзда Аталыка. По прошествіи мѣсяца онъ прибылъ. Мы были приведены къ нему и привѣтствовали его нашимъ «салямъ». Онъ приказалъ выдать купцамъ двадцать тилла и мы были отданы подъ покровительство казначея. Мы получили каждый по одной лошади и по парѣ хорошей одежды и были отосланы въ Кашгаръ, гдѣ съ этого времени мы сдѣлались солдатами въ службѣ Аталыка, на хорошемъ содержаніи и хорошей пищѣ, но намъ не было дозволено возвратиться домой. Этимъ кончается разсказъ жителя Голера. Все-таки онъ забылъ сказать (что Сарда слышалъ отъ другихъ), что онъ потерялъ право на возвращеніе въ свое племя, пото-

му что въ Канджутѣ онъ ѣлъ съ другими плѣнными мусульманами.

Я кажется не упоминалъ о томъ прежде, что Аталыкъ-Хази уничтожилъ торговлю невольниками въ своихъ владѣніяхъ. Прежде были постоянные рынки, куда смѣло можно было отправляться, чтобы купить мальчика или дѣвочку, или взрослаго невольника. И теперь еще существуетъ домъ, въ которомъ содержались невольники, но торговля ими прекращена.

Теперь юзбаши успокоиваетъ меня въ моемъ заключеніи, говоря, что это—«назибъ», т. е. божье предназначеніе; воля человѣка не имѣетъ въ этомъ никакого значенія; въ тотъ моментъ какъ опредѣленные для него жизненные припасы истощаются въ одномъ мѣстѣ, онъ долженъ перейти въ другое. По этому случаю онъ приводитъ тюркскую поговорку, сложенную въ формѣ куплета:

«Предназначенное судьбою хотя бы находилось въ Сиріи, все-таки такъ близко, какъ будто бы оно было подъ рукою, а то что не предназначено ею, хотя бы находилось на самомъ лбу—останется весьма далекимъ».

Кашгаръ. Суббота, 27-го марта.—Джума былъ у джемадара дадъ-хва (начальника аталыкской артилеріи, уроженца Пенджаба) по его требованію. Я просилъ его сказать, что вотъ уже около трехъ мѣсяцевъ какъ я здѣсь и не могу найти случая говорить съ Аталыкомъ. Джемадаръ дадъ-хва прислалъ мнѣ записку на англійскомъ языкѣ (писанную Мирзой), въ которой было сказано, что онъ доложитъ Аталыку о моемъ желаніи. По поводу этого онъ долго говорилъ съ Аталыкомъ сегодня послѣ обѣда. Джума приходилъ туда нѣ-

сколько разъ, но всякій разъ находилъ его лошадь, привязанную у воротъ дворца.

Кашгаръ. Воскресенье, 28-го марта.—Джемадаръ съ Аталыкомъ осматривали каналъ, прорытый по приказанію его величества. Поэтому Джумѣ не удалось говорить наединѣ съ джемадаромъ.

Махрамбаши говоритъ, что каракатайскія (китайскія) женщины однѣ только имѣютъ маленькія ноги; манджурскія же женщины — нѣтъ. Причину этого онъ видитъ въ томъ, что во время какого-то возстанія каракатайскія женщины помогали своимъ мужьямъ на войнѣ; поэтому императоръ повелѣлъ, чтобы отнынѣ онѣ уменьшали размѣръ своихъ ногъ, черезъ что онѣ сдѣлались бы неспособными на будущее время для войны.

Кашгаръ. Вторникъ, 30-го марта.—Юзбаши пришелъ мнѣ показать калмыцкій лукъ и стрѣлы. Лукъ сдѣланъ изъ рога и натянутъ съ помощью струны. Оба конца его загнуты внизъ, такъ что струна касается обоихъ угловъ и поддерживается двумя подставками наподобіе смычка отъ скрипки. Разстояніе между подставками сорокъ-четыре дюйма. Длина луки отъ одного конца до другаго пять футовъ шесть дюймовъ. Длина стрѣлъ сорокъ-девять дюймовъ, онѣ имѣютъ три пера и различныхъ формъ желѣзные наконечники.

Махрамбаши говоритъ, что въ старомъ городѣ Кашгарѣ есть нѣсколько книжныхъ лавокъ; продавцы очень торгуются въ цѣнѣ.

Юзбаши пустилъ стрѣлу изъ лука черезъ окно моей крыши на воздухъ. Мы сообразили, что по всему вѣроятію стрѣла должна была упасть въ сосѣдній дворъ, гдѣ около дюжины лошадей были привязаны къ столбамъ. Мы вышли, чтобы по-

смотрѣть, но не могли найти ее; тогда онъ пустилъ вторую стрѣлу изъ того же окна, чтобы по ея паденію отыскать первую, но между тѣмъ обѣ были потеряны.

Джума описываетъ артиллерійское ученіе, на которомъ онъ только что присутствовалъ. По его словамъ оно состоитъ въ стрѣльбѣ холостыми зарядами, въ движеніяхъ орудій и въ маневрахъ, въ которыхъ всадники (нельзя сказать ѣздовые) образуютъ изъ себя эскадронъ кавалеріи, а орудія оставляютъ за собою въ арьергардѣ и при каждомъ изъ нихъ по два артиллерійскихъ солдата. Въ каждое орудіе впрягаются четыре лошади и на каждой изъ нихъ сидитъ солдатъ, который управляетъ ею.

Кашгаръ. Среда, 31-го марта.—Одинъ изъ прислуги увидѣлъ толпу народа, собравшагося по ту сторону воротъ крѣпости. Причиной этого сборища было исполненіе приговора Аталыка, по которому съ Ясавалъ-баши снимали оружіе и его новое платье; самъ Аталыкъ присутствовалъ при этомъ. Ясавалъ-баши былъ лишенъ также лошади и отведенъ обратно въ городъ подъ карауломъ изъ пяти солдатъ. Я не знаю что было причиной этой внезапной немилости. Мы думаемъ, что этотъ Ясавалъ-баши тотъ самый, въ чьемъ домѣ и на чьемъ попечительствѣ находится Гейвардъ. Я слышалъ, что однажды до этого онъ уже былъ разжалованъ и сосланъ въ Яркандъ. Аталыкъ тоже около этого времени ѣздилъ въ Яркандъ, оставивъ на мѣсто себя правителемъ Кашгара своего сына и назначивъ новымъ Ясавалъ-баши одного киргиза. Этотъ человѣкъ составилъ заговоръ съ цѣлью убить принца и въ то же время умертвить Аталыка. Принцъ открылъ этотъ заговоръ и собственноручно застрѣлилъ Ясавалъ-баши

на парадѣ. Вслѣдъ за этимъ старый Ясавалъ-баши былъ возвращенъ.

Юзбаши былъ сильно озадаченъ нѣсколькими почтовыми штемпелями. Какъ говорятъ, онъ слышалъ, что русскіе имѣютъ такіе же. Я думаю, что онъ принялъ ихъ за банковые билеты.

Кашгаръ. Четвергъ, 1-е апрѣля.—Джума и Чумару были у джемадара дадъ-хва. Онъ говоритъ, что Аталыкъ уѣдетъ въ Янгъ-Хиссаръ черезъ шесть дней. Ему велѣно слѣдовать за нимъ чрезъ три или четыре дня, вмѣстѣ съ нами и Мирзой. Джемадаръ прибавилъ: «Многіе другіе офицеры могли бы ѣхать вмѣстѣ съ вами, но мнѣ кажется онъ думаетъ, что вы будете менѣе стѣснены со мною, ибо онъ сказалъ мнѣ, чтобы я замѣчалъ сообщаетесь ли вы и Мирза съ кѣмъ либо другимъ».

Я слышалъ также и отъ другихъ, что Аталыкъ уѣзжаетъ чрезъ шесть дней.

Юзбаши проповѣдуетъ теорію, по которой въ настоящее время года большая часть силы людской уходитъ въ деревья, для того чтобы сдѣлать ихъ способными дать почки, листья и плоды. По истеченіи перваго времени года сила оставляетъ деревья и переходитъ снова въ людей. Вслѣдствіе этого люди въ настоящій сезонъ слабы и вялы.

Комаръ упалъ махрамбаши въ чай; по случаю этого онъ спросилъ не сдѣлается ли чрезъ это чай нечистымъ (харамъ)? Мунши и юзбаши увѣрили его, что нѣтъ и что онъ долженъ погрузить комара въ воду, а потомъ выбросить вонъ; ибо здѣсь, а равно въ Индустанѣ, существуетъ повѣрье, что комары имѣютъ ядъ подъ однимъ крыломъ и противоядіе подъ другимъ. Необходимо по этому заботиться о томъ, чтобы оба

крыла были погружены въ жидкость, такъ какъ одно крыло способно лишь отравить ее.

Кашгаръ. Пятница, 2-е апрѣля.—Одинъ изъ прислуги Вакиля сказалъ моему слугѣ, что отъ сегодняшняго числа чрезъ тринадцать дней мы будемъ въ Яркандѣ. Юзбаши былъ у меня со своимъ каждодневнымъ визитомъ. Я сказалъ ему смѣясь: «Ну, когда же мы уѣдемъ и будемъ жить въ садахъ»? Онъ отвѣчалъ: «Это должно быть отложено до Ярканда; теперь это время уже близко, въ будущую среду Аталыкъ уѣзжаетъ въ Янгъ-Хиссаръ и хочетъ предоставить вамъ на выборъ: или ѣхать прежде него въ Янгъ-Хиссаръ или послѣ».

Махрамбаши спросилъ какая разница между англичанами и французами. Я объяснилъ. «Я понимаю, отвѣчалъ онъ. Названіе одной націи распространяется на всѣхъ ея сосѣдей. Такимъ образомъ мы называемъ всѣхъ западныхъ тюрковъ андиджанами, принадлежатъ ли они къ Кокану, Ташкенту, Бухарѣ или дѣйствительно Андиджанѣ. И они въ свою очередь называютъ всѣхъ насъ кашгарцами, включая сюда жителей Ярканда, Хотена и Аксу.

Онъ говоритъ, что въ Кашгарѣ коты пріучены ходить на посылкахъ и приносить то, за чѣмъ ихъ посылаютъ. Хорошо выученный котъ цѣнится очень дорого.

Сынъ шахавала Али-Джанъ привезъ Аталыку пушку. Таши говоритъ, что ея лафетъ похожъ на англійскій, пополненный ящикомъ, въ которомъ помѣщаются военные снаряды.

Кашгаръ. Суббота, 3-е апрѣля.—Юзбаши, доказывая мнѣ, что все существующее есть дѣло рукъ Божіихъ, спрашиваетъ меня почему я не терпѣливъ? Я отвѣчалъ, что мое нетерпѣніе есть тоже дѣло Творца. Это показалось ему труд-

ной задачей. Я продолжалъ: «О чемъ сожалѣю я — это-то, что изъ числа годовъ, предназначенныхъ мнѣ Богомъ для жизни, я потерялъ цѣлые три мѣсяца, которые какъ будто исключены изъ моего существованія и не могутъ быть замѣнены другими». «Нѣтъ, нѣтъ, возразилъ онъ, они не потеряны; вы увидите, что ваше пребываніе здѣсь приведетъ къ весьма важнымъ результатамъ и тогда вы взглянете на эти три мѣсяца, какъ на одинъ день».

Сарда слышалъ, что шахавалъ въ послѣднее время отрубилъ головы двоимъ индусамъ. Они задумали оставить мусульманскую вѣру и перейти въ индуизмъ вмѣстѣ съ индускими кущами. Одинъ изъ нихъ почему-то колебался; слухъ объ этомъ дошелъ до ушей шахавала и онъ быстро разрѣшилъ недоразумѣнія,—посредствомъ ножа.

Кашгаръ. Воскресенье, 4-го апрѣля.—Другъ Сарды разсказываетъ, что во времена владычества китайцевъ они извлекали «мумія» изъ головъ невольниковъ. «Мумія» есть таинственное снадобье, которое въ силу восточныхъ предразсудковъ считается вѣрнымъ лекарствомъ отъ всякихъ ранъ и болѣзней. Всѣ побѣдители (и даже англичане) обвиняются въ томъ, что они жертвовали плѣнными для добытія этого лекарства. Другъ Сарды говоритъ, что онъ слышалъ по поводу «мумія» слѣдующую исторію, отъ одного невольника, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ бѣжалъ изъ Ярканда домой въ Джильджитъ. Этотъ невольникъ въ числѣ двадцати другихъ былъ запертъ въ саду, гдѣ они должны были питаться виноградомъ въ продолженіи двадцати дней. Однажды онъ увидѣлъ, какъ надъ раскаленными кастрюлями обреченные на жертву поникли головами, на которыхъ съ помощію бритвы дѣлались нарѣзы и такимъ образомъ «мумія»

стекала въ эти кастрюли. Онъ и другіе задумали бѣжать и имъ удалось это. Нужно предполагать, что остальные были превращены въ «мумія».

Герой этого разсказа былъ житель Джильджита; онъ былъ проданъ въ неволю Хоромъ-Али, первымъ правителемъ Джильджита, который имѣлъ обыкновеніе продавать своихъ излишнихъ поданныхъ, и оставлять только одного мужчину и одну женщину въ каждомъ семействѣ. Онъ устраивалъ празднества и пиры, на которыхъ люди приносились въ жертву. Были ли они съѣдаемы затѣмъ какъ бараны или нѣтъ, достовѣрныхъ свѣденій не имѣется, хотя я слышалъ обвиненія въ канибализмѣ, направленныя противъ дардускаго племени.

За нѣсколько времени до своей смерти Хоръ-Али призвалъ въ крѣпость, въ которой онъ жилъ, одинадцать изъ своихъ предводителей и всѣхъ ихъ велѣлъ умертвить въ своемъ присутствіи, для того, чтобъ ихъ души могли находиться въ обществѣ съ его душею.

Кашгаръ. Понедѣльникъ, 5-го апрѣля.—Сегодня я могу записать нѣсколько новостей. Я имѣлъ столь долго ожидаемое мною второе свиданіе съ Аталыкомъ. Пополудни сиркаръ пришелъ ко мнѣ и объявилъ, что или одинъ изъ старшихъ офицеровъ будетъ присланъ для сообщенія со мною, или же я самъ буду приглашенъ къ Аталыку. Я отвѣчалъ, что съ удовольствіемъ подчинюсь всякому распоряженію Аталыка-Хази. По истеченіи нѣсколькихъ минутъ сиркаръ сказалъ: «Будьте готовы, ибо сегодня вечеромъ вамъ предстоитъ свиданіе». Я думаю, что его первое объявленіе имѣло цѣлью испытать меня.

Когда онъ ушелъ я приготовилъ два ружья (единственно

остававшіяся у меня) для подарка въ видѣ «назара», по совѣту юзбаши. Мнѣ было извѣстно, что они жадными глазами смотрѣли на эти ружья съ того времени, какъ я поселился въ странѣ, ибо они знали, что я ихъ держу для собственнаго употребленія. Англійское огнестрѣльное оружіе не на столько еще распространено въ этой странѣ, чтобы былъ допущенъ его вывозъ.

Около восьми часовъ вечера я былъ потребованъ. Меня повели къ противоположному углу большаго сквэра передъ дворцомъ, а оттуда боковой улицей къ громаднымъ воротамъ, по обѣимъ сторонамъ которыхъ стояли пушки. Отворивъ ворота, мы пройдя караулъ вошли въ сквэръ, освѣщенный китайскими фонарями. Въ противоположной сторонѣ находилось что-то въ родѣ павильона съ ажурными стѣнами, который, будучи освѣщенъ извнутри, производилъ чрезвычайно пріятный эфектъ. Мой проводникъ оставилъ меня у первой ступеньки лѣстницы, которая вела въ павильонъ. Я поднялся одинъ и вошелъ въ комнату. Въ одномъ углу близъ самой двери въ трельяжѣ сидѣлъ Аталыкъ-Хази. Онъ тотчасъ протянулъ руки впередъ, привѣтствуя меня, и усадилъ противъ себя, предлагая усѣсться какъ мнѣ удобнѣе (ибо я, какъ слѣдуетъ предполагать, обрекъ себя на мученіе и въ началѣ сѣлъ такъ какъ требуетъ обычай страны). Послѣ принятыхъ вопросовъ о здоровьи и проч., онъ позвалъ переводчика, индустанскаго джемадара, который придя, остановился внизу у того окна, у котораго мы сидѣли. Я не возьму на себя передать вполнѣ всѣ подробности нашего разговора, такъ какъ онъ продолжался болѣе часа. Главные его пункты заключались въ слѣдующемъ: Аталыкъ началъ съ того, что онъ счи-

таетъ для себя большою честью мое посѣщеніе его страны; что онъ значительно ниже по власти и достоинству англійской правительницы; что онъ не болѣе какъ вотъ что (онъ показалъ кончикъ своего мизинца) въ сравненіи съ маликой падишахъ (королевой). Я выразилъ надежду, что между двумя странами можетъ установиться дружба, какая существуетъ между турецкимъ султаномъ и Англіей; и что между друзьями не должно быть неравенства (вы скажете, что этотъ мой отвѣтъ не изъ новыхъ, но вспомните, что то что вызвало его тоже не изъ новыхъ). «Дай-то Богъ», сказалъ Аталыкъ и потомъ онъ сталъ говорить, что я его братъ, что всѣ его подданные—мои слуги и что когда сосѣднія націи услышатъ о томъ, что я посѣтилъ его (онъ назвалъ Россію и Коканъ), то они составятъ себѣ о немъ болѣе высокое мнѣніе. Я замѣтилъ ему, что я не посланъ ни королевой, ни лордомъ сахибомъ (вице-королемъ), но явился къ нему съ радостію по собственному моему побужденію, вслѣдствіе лишь того, что я слышалъ о немъ; что если я могу оказать ему услугу ознакомленіемъ его съ моей страною и моей государыней, то это я готовъ съ радостію исполнить (Я замѣтилъ, что переводчикъ, передавая все это, значительно понизилъ свой голосъ). Аталыкъ отвѣчалъ, что я его братъ и проч. и отплатилъ мнѣ многими комплиментами, прибавивъ, что онъ никогда еще не видѣлъ ни одного англичанина, хотя много слышалъ о ихъ могуществѣ и правдивости; что онъ убѣжденъ, что отъ сближенія съ ними не можетъ произойти для него ничего дурнаго, а напротивъ, все хорошое. «Я считаю васъ моимъ братомъ», продолжалъ онъ, «а потому, что только вы посовѣтуете мнѣ—я исполню. Я намѣреваюсь отправить посланца въ вашу страну. Какъ вы объ этомъ думаете?»—

«Ваше намѣреніе прекрасно», отвѣчалъ я, «и было бы въ высшей степени желательно, чтобы оно исполнилось». — «Да», говорилъ онъ, «я пошлю повѣреннаго въ дѣлахъ и дамъ ему письмо къ лорду сахибу, въ которомъ буду просить, чтобы онъ представилъ моего посланнаго королевѣ». Я одобрилъ его планъ и онъ сказалъ: «И такъ дѣло во времени; когда онъ могъ бы отправиться?»—«Когда вамъ будетъ угодно, отвѣчалъ я; пошлите его или со мною, или прежде меня, или послѣ меня, но я одно только совѣтую, чтобы это исполнилось какъ можно поскорѣе».—«Безъ сомнѣнія, сказалъ онъ; мой посланный отправится съ вами, и такъ какъ вы полагаете, что онъ долженъ уѣзжать поскорѣе, то я удержу васъ здѣсь еще только три дня; затѣмъ вы поѣдете въ Яркандъ и я передамъ его подъ ваше покровительство или въ Янгъ-Хиссарѣ, или въ Яркандѣ». «Очень хорошо—сказалъ я—; и если таково ваше приказаніе, то я объясню ему какихъ онъ можетъ ожидать вопросовъ и все то, чего вы, вѣроятно по недостатку досуга, не можете выслушать; и тогда онъ можетъ по всѣмъ этимъ предметамъ получить ваши приказанія, для того чтобы въ томъ случаѣ когда ему придется объясняться съ нашими правительственными лицами онъ былъ въ состояніи дать имъ удовлетворительные отвѣты». «Сдѣлайте все что можно—отвѣчалъ онъ. Мы поговоримъ еще завтра вечеромъ, а потомъ въ Янгъ-Хиссарѣ, куда я уѣду, сдѣлавъ прежде визитъ Мазару (мусульманскій алтарь). Я пошлю также одного человѣка (я услышалъ слово «пизаръ», т. е. сынъ, но переводчикъ не передалъ его), посредствомъ котораго мы будемъ сообщаться съ вами; когда онъ придетъ къ вамъ—удалите всѣхъ свидѣтелей и оставайтесь съ нимъ вдвоемъ. Вышлите всѣхъ вашихъ слугъ прочь и

что-бы не произошло между нами держите все въ секретѣ, до тѣхъ поръ, пока вы не возвратитесь въ вашу страну». Я обѣщалъ исполнить его желаніе. «Англійская королева— сказалъ онъ—уподобляется солнцу, которое согрѣваетъ все то, надъ чѣмъ оно сіяетъ. Мнѣ холодно—и я желалъ-бы, чтобы хотя нѣсколько лучей упало на меня. Я очень малъ— человѣкъ вчерашняго дня. Въ эти нѣсколько лѣтъ Богъ далъ мнѣ эту обширную страну. Для меня большая честь, что вы пожаловали къ намъ, я расчитываю на вашу помощь въ вашей странѣ. Какую только услугу я могу оказать вамъ здѣсь—я ее сдѣлаю по вашему приказанію, и вы въ свою очередь должны то же сдѣлать для меня. Скажите что вы разскажете обо мнѣ, когда вы вернетесь домой?»— «Я скажу, отвѣчалъ я ему — что та слава, которая распространилась о васъ по всей Индіи, составляетъ лишъ половину того что я нашелъ на самомъ дѣлѣ». Онъ засмѣялся и протянулъ ко мнѣ руку. Затѣмъ онъ сказалъ. «Вы должны прислать вашего агента съ товарами вь Туркестанъ. Пришлетъ ли малика (королева) своего повѣреннаго ко мнѣ, или нѣтъ— это будетъ зависѣть отъ ея усмотрѣнія—но вашъ спеціальный агентъ долженъ здѣсь находиться. Будете ли вы присылать его ежегодно?» Я отвѣчалъ, что имѣя на то его позволеніе—воспользуюсь имъ. «И такъ это устроено, сказалъ онъ. Присылайте съ нимъ всякаго рода товары, при письмѣ ко мнѣ, въ которомъ требуйте отъ меня все, въ чемъ встрѣтите надобность. Вы можете всегда приказывать мнѣ, а прибытіе вашего письма будетъ для меня большимъ блаженствомъ».—«Я надѣюсь—сказалъ я въ отвѣтъ на такую его любезность, — что этимъ способомъ я буду въ состояніи имѣть частыя свѣденія о вашемъ благополучіи и до-

вольствіи. Это доставитъ мнѣ величайшее удовольствіе. Я надѣюсь, что ваше царствованіе укрѣпится на сто лѣтъ».

Послѣ многихъ изъясненій въ этомъ родѣ, за чашкой чаю, онъ приказалъ принести одежду, которая была надѣта на меня; когда это было сдѣлано, онъ снова заставилъ меня сѣсть и повторилъ почти все то что было уже сказано имъ прежде: «Азъ баре худа» (передъ Богомъ), я все то думаю что говорю. Я мусульманинъ и не отрѣкусь отъ моихъ обязательствъ». Наконецъ я былъ отпущенъ, причемъ сынъ Аталыка, явившійся въ это время, проводилъ меня до самыхъ воротъ. Въ послѣднія минуты передъ моимъ уходомъ переводчику видимо показалось, что я недостаточно благодаренъ за честь сдѣланную мнѣ и за тѣ коплименты, которыми я былъ осыпанъ. Онъ обратился ко мнѣ съ такою рѣчью на индустанскомъ языкѣ: «Примите во вниманіе, какъ этотъ великій государь разговорчивъ съ вами; онъ никогда еще не говорилъ ни съ кѣмъ такъ много». Я не знаю, ожидалъ ли онъ, что я встану и скажу: «Аллахо-акберъ», или продѣлаю какую нибудь церемонію въ этомъ родѣ, но Аталыкъ видимо не ожидалъ этого, ибо онъ остановилъ переводчика и сказалъ ему, чтобы онъ передавалъ только то что ему приказано.

Возвратясь домой, я былъ осаждаемъ пожеланіями всѣхъ моихъ слугъ, которые, придя ко мнѣ, усѣлись, чтобы услышать о результатахъ моего свиданія съ Аталыкомъ.

Кашгаръ. Вторникъ, 6-го апрѣля.—Сегодня утромъ сиркаръ прислалъ мнѣ въ видѣ прощальнаго подарка отъ Аталыка мѣшки съ золотомъ и серебромъ и нѣсколько золотого песку въ бумагѣ, говоря, что это предназначается на мои собственные расходы. Цѣнность этого подарка я опре-

дѣлилъ въ 690 ф. Теперь онъ вновь явился съ подаркомъ въ 45 ф. серебрянныхъ для мунши. Онъ снова прислалъ мнѣ одежду, изъ шолковой пурпуровой матеріи, богато отдѣланной золотомъ и шитьемъ, высокую бархатную шапку и еще нѣсколько костюмовъ для меня, для мунши и для всѣхъ слугъ. Вскорѣ затѣмъ приведена была лошадь, покрытая красивымъ вальтрапомъ; въ то время какъ узда передавалась въ мои руки, призывалось благословленіе съ поднятыми къ верху руками. Въ этотъ вечеръ я былъ снова позванъ къ Аталыку. И въ этотъ разъ все происходило по прежнему, съ тою лишь разницею, что мунши было дозволено войти во дворъ послѣ того какъ я сѣлъ и издалека послать Аталыку—«саламъ», на который Аталыкъ отвѣчалъ изъ окна, произнося шепотомъ: «О алейкумъ азъ-саламъ», причемъ онъ поглаживалъ себѣ бороду и прибавилъ: «онъ хорошій человѣкъ, бѣдный малый («бечара» покровительственное выраженіе дружбы). Какъ прежде, въ разговорѣ своемъ онъ главнымъ образомъ упиралъ на свое ничтожество въ сравненіи съ нашей королевой «правительницей семи странъ», какъ онъ называлъ ее. Онъ распространился на счетъ своего желанія дружбы съ Англіей, но главнымъ образомъ на счетъ дружбы, которую онъ питалъ ко мнѣ, говоря, что когда онъ увидѣлъ мое лице, то Богъ вселилъ въ него мысль считать встрѣчу со мною хорошимъ для него предзнаменованіемъ. Я отвѣчалъ, что его доброта на столько велика, что я чувствую себя незаслуживающимъ ее и потому высказанное имъ отношу къ моей королевѣ и моей націи. Онъ понялъ, что я говорю о подаркахъ, которые онъ прислалъ мнѣ утромъ и сказалъ: «нѣтъ, нѣтъ, все это для васъ лично въ знакъ той дружбы, которую я питаю къ вамъ. Для вашей королевы я думаю приготовить

болѣе соотвѣтствующіе ея сану дары, и такъ какъ вы мой другъ и мнѣ неизвѣстны обычаи вашей страны, то я полагаюсь на васъ, и вы конечно скажете мнѣ что болѣе прилично для подарка ей. Она очень велика, а я очень малъ; я не скрываю ничего предъ вами; вамъ извѣстно положеніе моей страны: она производитъ только войлокъ и тому подобные предметы—сказалъ онъ смѣясь и указывая на устланный полъ—поэтому вы должны мнѣ дать вашъ совѣтъ».—«Дружба—отвѣчалъ я—есть самый цѣнный даръ, какими государи могутъ обмѣниваться между собою; но если я могу быть полезнымъ вамъ моимъ совѣтомъ, то я къ вашимъ услугамъ».—«Въ этомъ дѣлѣ — сказалъ онъ—я расчитываю на васъ. Когда мы встрѣтимся въ Янгъ-Хиссарѣ, мы все это устроимъ. Здѣсь у меня слишкомъ много дѣла. Здѣсь есть много народу изъ Россіи (?), Кокана, Бухары, и изъ всѣхъ странъ. Но я предполагаю ѣхать въ Янгъ-Хиссаръ и тамъ бросить всякія занятія, какъ лишнюю одежду, а тогда мы болѣе подробно поговоримъ съ вами. Какой бы совѣтъ вы ни подали мнѣ, я послѣдую ему безъ малѣйшаго уклоненія: будетъ ли онъ касаться письма, или посланія уполномоченнаго, или чего бы то ни было другого».—«Планъ отправленія уполномоченнаго—возразилъ я—есть дѣло вашей собственной мудрости; но если въ исполненіи его я могу оказать хотя малѣйшую услугу моимъ знаніемъ обычаевъ въ Англіи и проч., то это составляетъ лучшее мое желаніе». Аталыкъ сталъ считать по своимъ пальцамъ: «Завтра — Чаръ-Шамба, послѣ завтра—Панджъ-Шамба и еще день послѣ пятницы. Я уѣду въ Янгъ-Хиссаръ, а сына моего оставлю здѣсь. Останьтесь съ нимъ дня два (моя страна и всѣ мои подданные—принадлежатъ вамъ), а въ пятницу пріѣзжайте ко мнѣ въ Янгъ-Хиссаръ.

Я очень люблю этотъ городъ, такъ какъ онъ былъ первымъ, которымъ я завладѣлъ въ этой странѣ, и при томъ же я намѣреваюсь поклониться священнымъ предметамъ въ томъ городѣ. Мы все устроимъ тамъ, и я пошлю съ вами двоихъ или троихъ умныхъ людей съ положеніемъ. Они повезутъ васъ заботливо до предѣловъ моей страны, а затѣмъ послѣдуютъ за вами въ вашу страну». Въ дальнѣйшемъ разговорѣ онъ сказалъ: «Мнѣ очень совѣстно, когда я вспоминаю о томъ англичанинѣ, который прежде посѣтилъ эту страну и былъ умерщвленъ однимъ разбойникомъ, Валле-Ханомъ, который въ то время былъ здѣсь».—«Мы знаемъ, сказалъ я ему—что вы въ этомъ непричастны и потому не бросайте худы на себя. Путешественникъ, о которомъ вы говорите, былъ не англичанинъ, а нѣмецъ; но смерть его тѣмъ болѣе опечалила насъ, ибо онъ былъ гостемъ у насъ въ Индіи, откуда онъ отправился въ Туркестанъ». Аталыкъ задумался и, поднявъ шесть пальцевъ кверху, сказалъ: «Да, вотъ настоящее число годовъ, какъ я властвую; до этого я былъ ничто». – «Государи, отвѣчалъ я, которые наслѣдуютъ престолы по праву рожденія, получаютъ власть не по собственнымъ заслугамъ. Но тѣ, которые подобно Тимуру и Сикандару (Тамерлану и Александру) являются владѣтелями обширныхъ государствъ, благодаря своимъ подвигамъ, на тѣхъ смотрятъ съ особеннымъ уваженіемъ». «Дай Богъ, чтобъ слова ваши были справедливы!» сказалъ Аталыкъ.

Потомъ онъ продолжалъ: «Другой англичанинъ прибылъ въ Яркандъ; вы знаете кто онъ таковъ?»—«Я встрѣтилъ одного англичанина въ Тибетѣ—отвѣчалъ я—онъ просилъ, чтобы я взялъ его съ собою, но я сказалъ ему, что я не могу этого сдѣлать, такъ какъ я просилъ у Аталыка позво-

ленія войти въ его страну только для себя самого».—«Хорошо, сказалъ онъ, какой бы ни прибылъ англичанинъ, онъ будетъ моимъ дорогимъ гостемъ».

За симъ я былъ отпущенъ. Я задыхался почти подъ тяжестью трехъ платьевъ, которыя были надѣты на меня одно сверхъ другаго: всѣ они были подарены Аталыкомъ сегодня послѣ обѣда. Таковъ обычай страны. Я забылъ сказать, что Аталыкъ, когда я вошелъ и сталъ надѣвать новое платье, пожелалъ мнѣ «мубаракъ», т. е. счастья.

Я старался дать одно изъ этихъ почетныхъ платьевъ сиркару, который принесъ мнѣ мои подарки, но онъ рѣшительно отказался принять что либо, говоря, что Аталыкъ отрѣзалъ бы ему голову, еслибъ онъ принялъ малѣйшій подарокъ отъ михмана (гостя). Я уговаривалъ его, чтобъ онъ постарался получить позволеніе отъ Аталыка.

Кашгаръ. Среда, 7-го апрѣля.—Аталыкъ уѣхалъ сегодня рано утромъ въ Янгъ-Хиссаръ. Сарда встрѣтилъ одного литейщика орудій, который сообщилъ ему нѣкоторыя свѣденія, которыхъ я такъ добивался, относительно предполагаемаго Джонсономъ «Нана Сахиба». Магометъ-Али, который прежде командовалъ хотенской пѣхотой, находится теперь въ старомъ Кашгарѣ, съ небольшимъ военнымъ отрядомъ. Онъ патанецъ и былъ признанъ такимъ другими патанцами, а потому конечно и не былъ никогда индусомъ. Кромѣ него тамъ находится другой хотенскій офицеръ, который дѣйствительно индусъ по происхожденію. Онъ браминъ по имени Кангія, котораго Джума зналъ за туземнаго агента въ Ладакѣ, прежде него поселившагося въ Хотенѣ. Онъ торговалъ отъ хозяина между Ладакомъ и Яркандомъ. Онъ перешелъ въ мусульманскую вѣру, когда китайское владычество

прекратилось въ Хотенѣ и ему было ввѣрено Габибулахъ-Ханомъ командованіе какимъ-то отрядомъ. Настоящее его имя—Исламъ и онъ живетъ въ старой урдѣ (дворцѣ), который составляетъ главное мѣстопребываніе махараджскихъ друзей Сарды. По этому онъ, навѣрное, не «Нана-Сахибъ». Я забылъ сказать, что прежде онъ былъ сипай у Сиковъ, но бѣжалъ въ Ладакъ послѣ второй нашей сикской войны. Первый то и есть очевидно тотъ человѣкъ, о которомъ упоминаетъ Джоксонъ, такъ какъ названіе и родъ службы подходятъ. По всему вѣроятію не было двухъ начальствовавшихъ Мухамедъ-Али во всей хотенской арміи.

Другъ Сарды говоритъ, что нѣтъ прежнихъ бунтовщиковъ въ службѣ Аталыка—Хази. Литейщикъ былъ въ началѣ въ Хотенѣ; когда же Хотенъ палъ, онъ проживалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Яркандѣ, а теперь здѣсь. Онъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ сообщеніе со всѣми индійскими офицерами и потому долженъ знать хорошо. Онъ разсказываетъ о нихъ совершенно иначе.

Я получилъ замѣтку Гейварда, гдѣ говорится, что такъ какъ мнѣ дозволено уѣхать, между тѣмъ какъ ничего не сказано о его отъѣздѣ, то онъ заключаетъ, что они намѣрены удержать его. Мнѣ непріятно сказать, что это подтверждается гнуснымъ слухомъ, который дошелъ сегодня до одного изъ моихъ слугъ. Ему говорили, что я ѣду обратно въ Индію вмѣстѣ съ посланнымъ отъ Аталыка—Хази, Гейвардъ же останется какъ бы заложникомъ до его возвращенія.

Я тотчасъ далъ Джумѣ приказаніе отправиться къ джемадару дадъ-хва, который, кажется, имѣетъ нѣкоторое вліяніе, и притомъ человѣкъ чувствительный и любезный. Джума долженъ ему объяснить, что до тѣхъ поръ пока англичанинъ

будетъ задержанъ противъ воли, нечего ожидать ничего хорошаго отъ посольства; и если они не позволятъ Гейварду уѣхать, то будутъ напрасны всѣ старанія Аталыка войти въ сношенія съ нашимъ правительствомъ.

Апрѣля 8-го.—Джемадаръ дадъ-хва прислалъ мнѣ сказать, въ отвѣтъ, что Гейвардъ и Мирза будутъ отосланы вмѣстѣ со мною изъ Янгъ-Хиссара.

ГЛАВА XVI.

Изъ Кашгара обратно въ Яркандъ.

Видъ горъ.—Тюркская араба.—Прощальное свиданіе съ Аталыкомъ.—Подарки для королевы.—Народонаселеніе Ярканда.—Наказаніе за воровство. — Конина. — Золото Хотена. — Наказаніе за невѣрные вѣсы. — Казнь. — Приготовленіе къ отъѣзду. — Отъѣздъ въ Тибетъ вмѣстѣ съ Гейвардомъ.

Изъ Кашгара до Іепчангъ. Пятница, апрѣля 9-го.—Мы отправились въ десять часовъ утра. Большая часть прислуги и багажъ помѣстились въ двухъ арабахъ (туземныя телѣги). Погода была очень дурная. Сиркаръ провожалъ меня на небольшомъ разстояніи отъ крѣпости, и затѣмъ прощался со мною. Меня далѣе проводятъ: одѣтый въ красномъ іазавалъ, депутаты сиркара, Абдулла Ахундъ и юзбаши со своими людьми. Въ Іепчангѣ мы нашли готовый завтракъ, для приготовленія котораго былъ посланъ впередъ махрамбаши. Я съ Сардою отправился на холмъ, откуда имѣли прекрасный видъ на Какшаль и Карантахскіе холмы, равно и на громадную горную цѣпь съ снѣжною вершиною. Между тѣмъ пріѣхали и наши арабы. Араба есть кибитка съ двумя громадными колесами, одна лошадь въ оглобляхъ и двѣ въ припряжку съ веревками, идущими отъ оси черезъ желѣзныя кольца, укрѣпленныя въ оглобляхъ.

Я еще разъ отправился осмотрѣть окрестныя горы. Пшеница и ячмень уже выросли на нѣсколько дюймовъ вышины. Въ иныхъ мѣстахъ пахарь работаетъ съ двумя быками, запряженными въ плугъ. Пустыя тыквы наколены на деревьяхъ, близъ домовъ, для черныхъ дроздовъ съ желтымъ клювомъ. Они хорошо поютъ; лѣтомъ они, говорятъ, становятся темно-синими. Тюрки называютъ ихъ кара-куч-качъ. Мнѣ сказали, что индійское зерно здѣсь рождается самъ шестьдесятъ четыре. Пшеница и ячмень меньше, а рисъ вовсе не растетъ. Я видѣлъ также нѣсколько татарскихъ тачекъ, которыя очень легки и удобны.

Нѣкоторыя изъ деревьевъ почти обросли листьями. Рѣки почти сухи, потому что изъ нихъ выпускали воду посредствомъ каналовъ для орошенія земли. Надъ одною рѣкою строится рѣка по распоряженію Аталыка. Въ срединѣ рѣки сдѣланы два быка, которые состоятъ изъ досокъ, соединенныхъ желѣзными скрѣпами и внутри ихъ наполнили большими камнями.

Янгъ-Хиссаръ. Воскресенье, апрѣля 11-го.—Я провелъ болѣе пріятный день, чѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Мы какъ бы вступили опять въ міръ послѣ долгаго заключенія. Мы живемъ въ мечети, снаружи у самыхъ воротъ крѣпости, между послѣдней и городомъ, находящимся на разстояніи четверти мили отъ мечети. Вездѣ видна дѣятельность и необыкновенное движеніе.

Въ понедѣльникъ, 12-го апрѣля, меня позвали къ Аталыку. Онъ сидѣлъ въ комнатѣ у окна. Какъ обыкновенно, я долженъ былъ сѣсть противъ него. Онъ сказалъ мнѣ, что намѣревается послать со мною саяда съ высокимъ чиномъ, и что мы отправимся какъ только абрикосы начнутъ цвѣсти,

такъ какъ въ это время дороги открываются. Изъ Ярканда, Сахидуллы, Тибета и Кашмира ему будутъ посылать гонцевъ, чтобы извѣстить его объ успѣхѣ нашего путешествія. Затѣмъ онъ спросилъ меня: «Послать ли мнѣ письмо къ махараджи въ Кашмирѣ? что вы объ этомъ думаете?» Я старался отклонить отвѣтъ, но такъ какъ онъ на этомъ настоялъ, то я отвѣтилъ: «Какъ вамъ угодно; но мнѣ кажется, что для великихъ царей не прилично писать письма къ данникамъ. Онъ вдругъ повернулъ разговоръ, сказавъ: «Это все что я хотѣлъ знать: я пошлю съ вами человѣка, который будетъ въ вашемъ распоряженіи, и вы его пошлете назадъ изъ Кашмира, когда захотите». Затѣмъ онъ спрашивалъ меня: слѣдуетъ ему держать въ Кашмирѣ купца для сообщенія свѣденій, какъ онъ дѣлалъ до сихъ поръ. Я отвѣчалъ: конечно, и я надѣюсь, что вы въ скоромъ времени будете имѣть также представителя въ Лахорѣ, для взаимныхъ сообщеній. Все это я высказалъ ему только послѣ долгой нерѣшительности, сказавъ ему, что эти предметы выше моихъ знаній, и что онъ лучше сдѣлаетъ, если будетъ руководствоваться своимъ собственнымъ умомъ. Но онъ все поставилъ на дружескую ногу, говоря: «Вы все знаете объ Индустанѣ и пр., и какая польза имѣть друга, если онъ не хочетъ дать совѣтъ по дѣламъ ему извѣстнымъ?» Затѣмъ мы много говорили о величіи малики сахибъ (англійской королевы), которая какъ солнце грѣетъ все то, на что падаетъ его лучи (Здѣсь переводчикъ нѣсколько запутался, потому что индійцы считаютъ солнце врагомъ, а тѣнь главнымъ блаженствомъ жизни; а потому онъ передалъ слова Аталыка въ смыслѣ: какъ солнце бросаетъ тѣнь на людей!). Аталыкъ прибавилъ, что онъ считаетъ себя недостойнымъ быть другомъ такой великой королевы, но онъ на-

дѣется, что она ему позволитъ грѣться въ ея лучахъ. Онъ желаетъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ англичанами, такъ какъ онъ окруженъ непріятелями и завистливыми властями.

Онъ опять началъ говорить о своей дружбѣ ко мнѣ. Я отвѣчалъ, что мое сердце лежитъ къ нему, и что я разскажу моимъ соотечественникамъ о его расположеніи ко мнѣ и хорошемъ пріемѣ. Онъ сказалъ: посылайте ко мнѣ почаще кого нибудь изъ вашихъ слугъ,—мунши или другаго; пишите мнѣ о вашемъ здоровьи, и я васъ буду извѣщать о себѣ; просите все что вамъ нужно изъ нашей страны, все будетъ къ вашимъ услугамъ. Я отвѣчалъ, что я это непремѣнно сдѣлаю, и пр.

Во все время этого разговора онъ былъ любезнѣе обыкновеннаго, постоянно улыбаясь, и наклоняясь ко мнѣ фамиліярно часто говорилъ со мною лично по персидски, повторяя послѣ каждой фразы «макулъ, Ша сахибъ» (поняли вы Ша?). Наконецъ послѣ чая, на меня надѣли халатъ, и Аталыкъ благосклонно прощался со мною, взявъ мою руку въ обѣ свои руки и желая мнѣ благополучно добраться до дома подъ покровительствомъ Бога. Затѣмъ съ распростертыми руками онъ совершилъ аравійскую молитву за мою безопасность на дорогѣ, и погладивъ себѣ лице и бороду воскликнулъ Алла-хо-акберъ. Переводчикъ Хуламъ Кадиръ былъ посланъ со мною на квартиру, чтобы составить списокъ подарковъ для англійской королевы.

Я былъ вынужденъ сказать Хуламу Кадиру, что вещи, свойственныя этой странѣ и не объемистыя, были бы всего приличнѣе для подарковъ, и онъ составилъ списокъ тузем-ныхъ произведеній—шелковыя матеріи и пр. Онъ ушелъ, обѣ-

щавъ скоро вернуться, но онъ болѣе не являлся и мы отправились въ путь.

Страна, которую мы прошли, была какъ садъ: всѣ деревья были покрыты листьями, а фруктовые сады въ цвѣтахъ.

Въ Ярканде меня помѣстили въ мой прежній домъ, и тотчасъ послѣ прибытія меня угостили дастаръ-ханомъ съ дюжиною теплыхъ блюдъ. Послѣ этого я отправился съ визитомъ къ дадъ-хва и былъ имъ принятъ очень любезно, со многими выраженіями радости свиданія и сожалѣнія, что не могъ видѣть меня въ Кашгарѣ. По поводу моего пребыванія въ Кашгарѣ онъ мнѣ разсказалъ слѣдующую басню:

«Саломонъ, который понималъ языкъ всѣхъ созданій, однажды слышалъ какъ царь червей предостерегалъ своихъ подданныхъ отъ его (Саломона), приказавъ имъ держаться вдали отъ него, не то онъ ихъ задавитъ. Саломонъ потребовалъ царя червей къ себѣ и спрашивалъ его о причинѣ такого дурнаго представленія. Царь червей отвѣчалъ: Если бы они приблизились къ тебѣ, о Саломонъ, и увидѣли тебя, они никогда болѣе не будутъ почитать меня!»

Я смѣялся и отвѣчалъ, что хотя Аталыкъ-Хази выказалъ мнѣ много дружбы и доброты, но дадъ-хва мой первый другъ въ этой странѣ и потому имѣетъ преимущество въ моемъ расположеніи. Послѣ длиннаго разговора въ этомъ родѣ я сказалъ, что я счелъ долгомъ посѣтить его послѣ долгаго отсутствія, но болѣе не желаю отвлечь его отъ занятій. Нѣтъ, нѣтъ, отвѣчалъ онъ, я только жалѣю, что вы рѣдко ко мнѣ ходите. На это я отвѣчалъ, что онъ это говоритъ изъ вѣжливости, но гость самъ долженъ понимать, что не слѣдуетъ долго отрывать хозяина отъ дѣла. Этотъ отвѣтъ ему понравился. При уходѣ я и мунши получили неизбѣжные халаты,

и тотчасъ послѣ того Ташъ-Ходжа принесъ еще платья и проч.

Яркандъ. Пятница, апрѣля 16-го. — Юзбаши сообщилъ мнѣ сегодня утромъ, что дадъ-хва получилъ извѣстіе, что мой караванъ прибылъ въ Шахидуллу.

Меня посѣтили двое гудди. Они говорятъ, что кашмирцы увѣрены, что я съ своею партіею никогда не вернусь изъ Кашгара, точно также и индусскіе купцы. Они разсказали мнѣ исторію одного индуса, который недавно перешелъ въ мусульманство, и затѣмъ жаловался, что онъ этимъ ничего не выигралъ, онъ даже осмѣлился сказать дадъ-хва, что ожидалъ деньги и пр. Дадъ-хва сказалъ ему: ступай принеси мѣшокъ для денегъ. Пока тотъ ушелъ за мѣшкомъ, дадъ-хва дѣлалъ разысканія, по которымъ оказалось, что этотъ человѣкъ уже прежде исповѣдовалъ исламъ въ Бадахши, но отступилъ отъ этой вѣры, а теперь также объявилъ, что сдѣлается опять индусомъ, такъ какъ ничего не выигралъ отъ обращенія въ мусульманство. Дадъ-хва велѣлъ его схватить и съ тѣхъ поръ ничего объ немъ не слыхали. Не извѣстно убили его или нѣтъ.

Апрѣля 21-го.—Гуддискіе купцы провели сегодняшній вечеръ съ моими гуддискими слугами. Они всѣ согласны въ томъ, что въ Яркандѣ столько же жителей, сколько въ Амритсарѣ, хотя первый городъ занимаетъ меньше пространства. Они говорятъ, что на дорогѣ между Каргалыкомъ и Гумою есть степь безъ воды, тридцати миль ширины. Шесты, поставленные на разстояніи тридцати или сорока ярдовъ, обозначаютъ дорогу, которая иначе стала бы незамѣтною послѣ песчаной бури. По ту сторону Гумы, у каждой станціи есть селенія съ обработанными полями. Хотенъ, говорятъ гуд-

дискіе купцы, содержитъ 125 мечетей. Земля тамъ болѣе обработана, чѣмъ въ Ярканде. Въ городѣ много садовъ. Горъ не видно. Внутри старая стѣна съ четырмя воротами. Новая стѣна снаружи, выстроенная въ четырнадцать дней Хаджи Хабибуллахомъ. Въ Кіріи шесть золотыхъ рудокопенъ. Въ провинціи Хотенѣ еще шесть городовъ, изъ которыхъ Ильчи самый большой.

Гуддискій купецъ, въѣзжая въ городъ Хотенъ, сказалъ своему мусульманскому слугѣ, чтобы тотъ сѣлъ на лошадь, а онъ самъ пойдетъ пѣшкомъ. Слуга отвѣчалъ ему, чтобы онъ не безпокоился, что никто ему ничего не сдѣлаетъ, если поѣдетъ верхомъ въ городѣ. Такимъ образомъ онъ продолжалъ ѣздить верхомъ; но вскорѣ послѣ того андиджаны начали кричать: индіецъ, индіецъ! Наконецъ они подошли къ нему и спросили его кто онъ и откуда? Онъ отвѣтилъ: я индіецъ и ѣду изъ Ярканда по дѣламъ. Послѣ чего они спросили есть ли у него слуга? Да, сказалъ онъ, вотъ сзади. Въ такомъ случаѣ, сказали андиджане другъ другу, схватимъ слугу и отведемъ его къ хази. Индіецъ чужестранецъ и потому не знаетъ здѣшняго правила, что индіецъ не можетъ ѣздить верхомъ по улицамъ, но его слуга мусульманинъ долженъ былъ ему сказать объ этомъ, а потому долженъ быть за это наказанъ. «Я тотчасъ спрыгнулъ съ лошади, сказалъ гудди, и на силу упросилъ освободить моего слугу».

Золото составляетъ правительственную монополію, и частное лице не можетъ вывозить его изъ Хотена.

Апрѣля 28-го я получилъ записку отъ Гейварда, въ которой онъ выражаетъ удовольствіе относительно дружескаго прощанія съ Аталыкомъ.

Яркандъ. Пятница 30-го апрѣля.—Джума привелъ

лошадь, которую продавали и я ее купилъ за куру (17 ф.). Затѣмъ пришелъ пенджабаши и настоялъ на томъ, чтобы я отдалъ лошадь назадъ, говоря отъ имени дадъ-хва, что онъ очень огорченъ тѣмъ, что Ша сахибъ купилъ лошадь, въ то время когда вся его конюшня къ моимъ услугамъ. Я велѣлъ отвѣчать, что двое изъ моихъ друзей просили меня купить для нихъ лошадей въ Яркандѣ, оттого я и купилъ. Онъ опять прислалъ ко мнѣ сказать, что я могу выбрать какихъ угодно лошадей какъ для себя, такъ для моихъ друзей. Я послалъ сказать дадъ-хва, что у насъ обычай не разставаться съ подарками, полученными отъ уважаемаго друга. Такъ если бы дадъ-хва далъ мнѣ даже тысячу лошадей, какъ же я могъ бы отдать другому хоть одну изъ нихъ? Этотъ отвѣтъ, по видимому, смущалъ его, потому что я не получилъ на это никакого возраженія, хотя пенджибаши настоятельно просилъ муншй уговорить меня отказаться отъ лошади, такъ какъ для дадъ-хва неприлично, чтобы его гость что нибудь купилъ.

Сегодня меня навѣстилъ Хуламъ Кадиръ и сказалъ, что Аталыкъ прислалъ его изъ Янгъ-Хиссара справиться о моемъ здоровьи. Онъ говоритъ, что Аталыкъ еще разъ пошлетъ ко мнѣ съ тою же цѣлью, но его или другаго — это онъ не знаетъ.

Пенджабаши, взглянувъ на письмо, написанное мнѣ Аталыкомъ, говоритъ, что привѣтъ «саламъ алейкумъ», которымъ оно заключается, есть самая высшая честь, такъ какъ Аталыкъ пишетъ это только равнымъ себѣ.

Мая перваго.—Сегодня юзбаши привелъ ко мнѣ Махумеда Азима, который пріѣхалъ изъ Янгъ-Хиссара съ пись-

момъ отъ Аталыка въ отвѣтъ на мое письмо и передалъ мнѣ нѣсколько платьевъ.

Сарда говоритъ, что онъ каждый день видитъ на базарѣ дѣвушку пятнадцати или шестнадцати лѣтъ, у которой недавно отрѣзали правую руку за воровство. Она принуждена сидѣть въ публичномъ мѣстѣ съ открытою рукою, а рана не завязана, по приказанію начальства или по ея собственной волѣ. Сегодня жаръ, должно быть, усилилъ боль, потому что она нагребла песокъ, облила его водою и въ эту смѣсь сунула обрѣзанную руку въ то время когда она лежала на боку и грѣлась на солнце.

Яркандъ. Среда, 5-го мая.—Говорятъ, что Аталыкъ-Хази не доволенъ шахаваломъ по поводу веденія дѣлъ въ Сариколѣ, гдѣ возникли новые безпорядки. Онъ два раза ударилъ брату шахавала въ лице и сказалъ, что шахавалъ воображаетъ себя королемъ, а его (Аталыка) его визиремъ. Шахавалъ принялъ это такъ горячо къ сердцу, что онъ теперь не выходитъ изъ дома.

Яркандъ, 11-го мая.—Утромъ явился юзбаши съ лошадью, посланною мнѣ отъ дадъ-хва, такъ какъ онъ слышалъ, что я хочу купить лошадь, и онъ счелъ бы недостаткомъ гостепріимства, если бы не послалъ мнѣ ее.

При другомъ визитѣ юзбаши я спросилъ его о моемъ отъѣздѣ и представилъ ему безпокойство моихъ друзей вслѣдствіе моего долгаго отсутствія. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что дороги еще непроходимы отъ накопленія на нихъ воды, и притомъ посѣщеніе великаго короля динъ-і-ислама (магометанскаго вѣроисповѣданія) не можетъ быть совершаемо въ торопяхъ; у нихъ привыкли обсуживать дѣла съ «маслахатъ, маслахатъ» (съ совѣщаніемъ и совѣтомъ). Они не могутъ отослать меня

въ такое время, когда я могъ бы потерять на дорогѣ всѣхъ моихъ лошадей. Затѣмъ онъ изобразилъ мнѣ восторгъ моихъ пріятелей, когда увидятъ меня дома возвратившимся здоровымъ, радость лорда паши, и заключилъ представленіемъ военнаго танца, которымъ будутъ праздновать мое возвращеніе. Онъ насмѣшилъ мнѣ довольно, чтобы продолжать мои жалобы, а этого только онъ и хотѣлъ.

Пенджабаши разсказываетъ мнѣ, что лошаки не разводятся въ этой странѣ, съ тѣхъ поръ какъ отсюда выселились китайцы. По видимому это запрещено строгими правилами мусульманства, потому что лошади—халалъ (чисты), а ослы харамъ (нечисты). Лошади собственно для пищи не держатся, но если какая нибудь лошадь сломила себѣ ногу, или другимъ образомъ сдѣлалась неспособною къ ѣздѣ, то ее откармливаютъ на убой для пищи. Конина считается роскошнымъ блюдомъ и употребляется преимущественно бегами и знатными лицами. Для дадъ-хва и его главныхъ офицеровъ по временамъ убивается лошадь. Вообще изъ его кухни ежедневно накармливаютъ около тысячи человѣкъ: ясаваловъ, махрамовъ, стражей и пр.

Яркандъ. Суббота, 15-го мая.—Слуги мои видѣли сегодня, какъ по улицамъ вели мужчину и женщину и три человѣка сѣкли ихъ розгами, а хази слѣдовалъ за ними верхомъ, наблюдая за наказаніемъ. Такимъ образомъ ихъ отвели до мѣста казни, гдѣ имъ прорѣзали горло.

Юзбаши сегодня показывалъ мнѣ какъ русскіе снимаютъ шляпу, когда входятъ въ комнату, а когда мунши ему сказалъ, что у англичанъ тотъ же обычай, то его это очень удивило.

Яркандъ, 16 мая.—Сарда видѣлъ сегодня какъ нака-

зывали мясника за употребленіе невѣрныхъ вѣсовъ. Вѣсы были привязаны къ его затылку, плечи обнажены и такимъ образомъ его вели по улицамъ, а за нимъ слѣдовали хази съ его людьми, которые били его кнутами. Въ этой странѣ всѣ вѣсы устроены по системѣ безмѣна.

Ярканд̀ъ, 23 мая.—Чумару сообщаетъ мнѣ любопытный обычай здѣшнихъ купцовъ. Подъ названіемъ далалджи (маклерство), извѣстная маленькая сумма всегда отдается при заключеніи торговой сдѣлки. Эта сумма дается не спеціальному маклеру, но всякому услужливому лицу, который помогалъ при сдѣлкѣ. Когда совершается торгъ, проходящіе обыкновенно останавливаются и вмѣшиваются въ дѣло, высказывая свое мнѣніе, какъ это дѣлается обыкновенно на востокѣ; но тамъ это дѣлается даромъ, здѣсь же берутъ часть маклерства, иногда только какую нибудь мѣдную монету. Такимъ образомъ, человѣкъ опытный въ торговыхъ дѣлахъ, съ хорошимъ языкомъ и живымъ характеромъ, можетъ себя почти обезпечить, прохаживая по улицамъ и помогая при продажѣ и покупкѣ вещей. Джума такимъ путемъ наживаетъ каждый день два или три танги, когда онъ идетъ на базаръ.

Я въ послѣднее время былъ нездоровъ. Узнавъ объ этомъ дадъ-хва прислалъ мнѣ лекарства, приготовленныя имъ самимъ. Онъ считаетъ себя большимъ хакимъ (ученымъ).

Ярканд̀ъ. Пятница, 2 мая.—Юзбаши объявилъ мнѣ, что мы послѣ завтра уѣзжаемъ изъ Ярканда. Гейвардъ писалъ мнѣ, что онъ также уѣдетъ въ тотъ же день. Началась суматоха приготовленій къ отъѣзду.

Я отправился видѣть дадъ-хва послѣ намазъ-и-дигаръ (вторая молитва послѣ обѣда). Когда я его спросилъ что онъ

желаетъ получить отъ меня изъ Индіи, онъ отвѣтилъ, что онъ только солдатъ и потому можетъ желать ничто другое какъ оружіе. «Ваше имя и ваша дружба, сказалъ онъ, врѣзаны въ мое сердце какъ на камнѣ, такъ что ни вѣтеръ, ни дождь не могутъ ихъ стереть, и только смерть можетъ разрушить надпись».

Яркандъ. Суббота, 29 мая.—Мы наняли у аргуна девять лошадей до Ладака. Юзбаши принесъ подарки: два куска табара (шелкъ), пару сапоговъ, сахаръ и пр. Онъ сказалъ, что дадъ-хва завтра утромъ будетъ занятъ, и потому лучше прощаться съ нимъ сегодня черезъ мунши. Мунши пошелъ и отдалъ ему мой револьверъ какъ прощальный подарокъ. Дадъ-хва сказалъ ему, что онъ мой другъ и потому проситъ у меня на память мой собственный карманный ножъ, и мой компасъ. Я тотчасъ послалъ ему обѣ вещи. Главная цѣль его была, чтобы завладѣть моимъ компасомъ. Но онъ не зналъ, что у меня остался еще другой компасъ.

Послѣ обѣда Джума получилъ ударъ отъ одного ярканд-скаго муллы, котораго онъ хотѣлъ обмануть. Джума притворялся смертельно больнымъ и былъ принесенъ въ постели къ воротамъ дадъ-хва; послѣдній рѣшилъ, что Джума долженъ заплатить ему долги, а тотъ долженъ вылечить раны Джумы.

Къ намъ присоединился Гейвардъ и мы отправились черезъ Каракорамъ въ Тибетъ, протерпѣвъ разныя трудности и опасности мучительнаго путешествія.

ГЛАВА XVII.

Очеркъ характеристики Туркестана.

Мостъ святаго въ Кашгарѣ.—Рѣки и потоки. — Величина города Ярканда.—Обороны Ярканда и Кашгара.—Улицы и базары.—Дичь.—Поваренное искуство.—Покупка и продажа.—Монета.—Воспитаніе.—Судопроизводство. — Способы наказанія. —Военноплѣнные.—Ремесленники и работники.—Армія.—Цѣна съѣстнымъ припасамъ.—Цѣна земли.—Подати.—Климатъ.—Песчаныя бури. — Землетрясеніе.—Минеральные продукты: нефритъ, мѣдь, свинецъ, желѣзо и золото.—Мѣры разстоянія.

На половинѣ дороги между крѣпостью и старымъ городомъ Кашгаръ (разстояніе пяти миль), черезъ рѣку Кизиль ведетъ мостъ на восьми плашкотахъ, выстроенный Аталыкомъ Хази.

У самыхъ воротъ города течетъ большая рѣка Туманъ, съ мостомъ на пятидесяти пяти плашкотахъ, также выстроеннымъ теперешнимъ правителемъ; прежде на этомъ мѣстѣ былъ паромъ. Затѣмъ тамъ еще шесть потоковъ, изъ которыхъ самый отдаленный носитъ имя Хазрата Апака, алтарь котораго поставленъ на берегу этого потока.

Прежде на этомъ мѣстѣ былъ очень старый мостъ, выстроенный самимъ святымъ, древнимъ королемъ восточнаго Туркестана; онъ былъ ужъ до того старъ, что по немъ было опасно ходить. Никто не смѣлъ его снять или строить но-

вый; многія святотатственныя лица, которыя взяли для своего собственнаго употребленія куски дерева съ этого моста, были, какъ гласитъ преданіе, убиты сверхъестественнымъ мщеніемъ святаго. Одинъ положилъ бревно въ огонь, и оно тотчасъ распало на щепки, изъ которыхъ одна проникла въ мозгъ виновнаго и убила его. Другой исправилъ крышу своего дома брусомъ, взятымъ отъ святаго моста, но онъ тотчасъ выпалъ ему на голову и убилъ его. Такъ старый мостъ остался нетронутымъ.

Когда Аталыкъ началъ исправлять свои новыя владѣнія, это затрудненіе привело его въ недоумѣніе. Какъ построить безопасный мостъ, не затрогивая суевѣрія своихъ подданныхъ? Аталыкъ вывернулся превосходно: Онъ принесъ въ жертву на алтарѣ Хазрата Апака десять верблюдовъ, десять быковъ и десять овецъ, затѣмъ, примиривъ такимъ образомъ святаго, онъ собственноручно снялъ съ моста первое бревно, среди восклицаній Аллахо-акберъ (Богъ великъ). Всѣ его вельможи и офицеры взяли остальныя доски и въ торжественной процессіи отнесли ихъ на алтарь, гдѣ ихъ расположили какъ посвященныя дрова, для того, чтобы не были осквернены употребленіемъ на домашнія нужды. Избавивъ себя такимъ образомъ отъ старой вредной постройки, онъ навелъ на ея мѣстѣ новый мостъ.

Окружность Ярканда заключаетъ въ себѣ около четырехъ англійскихъ миль, а домовъ въ немъ до 25000, а жителей можно полагать не менѣе 75000, если даже считать только три лица на каждый домъ.

Новый городъ или крѣпость гораздо меньше (около 1000 ярдовъ); въ немъ живетъ болѣе богатый и управляющій классъ. Я полагаю, что въ немъ не менѣе 80000 жителей.

Кашгаръ, какъ увѣряютъ мои слуги, гораздо больше Ярканда.

Крѣпость или Янгъ-Шаръ Кашгара, находящаяся около пяти миль на югѣ отъ города, имѣетъ въ длину около тысячи, а въ ширину восемь сотъ ярдовъ.

Отъ единственныхъ входныхъ воротъ въ срединѣ сѣверной стѣны тянется широкій базаръ во всю ширину крѣпости до запертыхъ воротъ въ южной сторонѣ. Около ста ярдовъ отъ входныхъ воротъ, по лѣвой сторонѣ центральной улицы, есть широкое открытое мѣсто передъ дворцомъ, который образуетъ южную и восточную стороны сквэра.

Укрѣпленія Ярканда и Кашгара состоятъ изъ стѣнъ вышиною въ тридцать и сорокъ футовъ. Стѣны выстроены изъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ и покрытыхъ глиною. У основанія онѣ отъ тридцати до сорока футовъ толщины, къ верху постепенно съуживаются до шестнадцати футовъ; на верху идетъ улица двѣнадцати футовъ ширины, между двумя парапетами, пронизанными ружьями.

Улицы или базары городовъ имѣютъ въ ширину отъ десяти до пятнадцати футовъ, а надъ нѣкоторыми выстроены крыши для защиты отъ солнечныхъ лучей. Разные базары опредѣлены для различныхъ товаровъ и носятъ названія послѣднихъ.

Города снабжаются водою водоемами, которые наполняются каналами. Лѣтомъ въ каждой улицѣ продается ледъ. Шербетъ со льдомъ пьютъ много.

Дичь, замороженная, получается зимою изъ горъ.

Превосходный хлѣбъ приготовляется посредствомъ пара, выдѣляемаго изъ кипящей воды, кладя хлѣбъ въ сосуды съ продыравленными днами. Въ подобныхъ же сосудахъ варятъ разныя вкусныя кушанья, особенно такъ называемые тюр-

ками «манту», состоящихъ изъ маленькихъ шариковъ начинки, заключенныхъ въ тѣсто съ мясною жижою. Они дѣйствительно очень вкусны.

Торгъ ведется на базарахъ очень тихо и съ помощью пальцевъ. Продавецъ, покупатель и всѣ услужливые помощники, которые никогда не преминуютъ являться въ такихъ случаяхъ, засучиваютъ свои длинные рукава и дѣлаютъ свои предложенія по пальцамъ, говоря столько сотенъ—выставляя соотвѣтствующее число пальцевъ; столько десятковъ—выставляя опять пальцы, столько единицъ—опять соотвѣтствующее число пальцевъ. Они кажется полагаютъ, что предложеніе получаетъ значеніе только когда его дѣлаютъ такимъ образомъ [1]).

При расчетѣ испытываютъ нѣкоторыя затрудненія вслѣдствіе неудобства размѣнной деньги. При размѣнѣ серебряной куру или ямбу (около 17 ф.) получаютъ 1100 танги. Но сама танга есть мѣдная монета и состоитъ изъ двадцати пяти маленькихъ мѣдныхъ пластинокъ съ дырою въ серединѣ, называемыхъ «дахчинъ». А количество тангъ, равняющееся цѣнности серебрянному слитку (куру), имѣетъ огромный вѣсъ. Я однажды послалъ размѣнять одинъ куру, и мой слуга, чтобы доставить домой полученныя мелкія деньги, долженъ былъ нанимать осла.

Я полагаю, что это неудобство причина тому, что здѣсь очень мало продается на наличныя деньги, а большею частью берутъ въ долгъ или промѣняютъ товары.

Я замѣчаю, что единица мѣры «алчинъ» ровняется рус-

---

[1]) Марко Поло также упоминаетъ объ этомъ.

скому аршину. Это служитъ доказательствомъ торговаго успѣха русскихъ въ здѣшней странѣ, такъ какъ отъ нихъ заимствовали даже единицу мѣры.

Что касается до воспитанія, то при каждой мечети есть элементарная школа. Для учениковъ болѣе зрѣлыхъ лѣтъ (отъ 15—20 лѣтъ) въ Яркандѣ существуютъ коллегіи, въ числѣ пятидесяти или шестидесяти. Въ каждой могутъ быть обучены среднимъ числомъ около ста молодыхъ людей. Каждая коллегія имѣетъ свои земли, отъ которыхъ получаетъ доходы на покрытіе издержекъ, а потому сами ученики платятъ очень незначительную сумму. Но ихъ учатъ только читать и писать, повторять коранъ (иногда и понимать смыслъ его), и кто очень силенъ въ этихъ познаніяхъ записывается въ «мулла».

Съ тѣхъ поръ какъ пришли Аталыкъ съ своими андиджанами начали требовать строгаго соблюденія правилъ ислама, по системѣ Бухары святаго. Кази, или религіозный судья, со своими спутниками, постоянно расхаживаетъ по улицамъ. Въ рукахъ у нихъ особый родъ широкой, кожаной плети съ короткою деревянною рукояткою, и съ этимъ орудіемъ они бьютъ всякого мужчину, идущаго безъ турбана, и женщинъ безъ вуали. Всякій кто ихъ видитъ издали бѣжитъ отъ нихъ, изъ опасенія, чтобы они не нашли у него чего либо въ безпорядкѣ.

Кази наказываетъ также за извѣстные безчестные поступки. Мой слуга видѣлъ, какъ мы уже выше разсказали, какъ по базару вели человѣка съ вѣсами, привязанными къ его затылку. Одинъ изъ спутниковъ кази билъ его плетью по обнаженнымъ плечамъ, а другой шелъ впередъ, провозглашая

причину наказанія, заключавшуюся въ томъ, что виновный мясникъ употреблялъ невѣрные вѣсы.

Болѣе важные случаи подлежатъ вѣденію кази калана (верховный судья), который засѣдаетъ въ Яркандѣ въ дворцѣ дадъ-хва. Его рѣшенія утверждаетъ дадъ-хва, особенно смертные приговоры.

Въ Кашгарѣ Аталыкъ самъ творитъ судъ и дѣлаетъ разныя постановленія. Каждое утро, около восьми или девяти часовъ, къ нему являются всѣ офицеры, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе. Онъ сидитъ на возвышенномъ мѣстѣ въ крытой галлереѣ, и офицеры подходятъ къ нему по пяти и привѣтствуютъ его (саламъ), а онъ монотонно отвѣчаетъ «о алейкумъ азъ саламъ». Нижніе чины и большая часть гарнизона подходятъ по двадцати или тридцати къ наружнымъ воротамъ дворцовой площади, и привѣтствуютъ Аталыка издали. Послѣ этой церемоніи онъ принимаетъ просьбы.

Затѣмъ Аталыкъ обыкновенно отправляется къ воротамъ крѣпости, гдѣ всякій изъ его подданныхъ можетъ обратиться къ нему лично. Они могутъ говорить съ нимъ на полной свободѣ, но горе тому кто злоупотребляетъ этою свободою и осмѣливается безпокоить его величество съ пустяками или ложными жалобами.

Въ тюрьму сажаютъ на неопредѣленное время. Имена заключенныхъ періодически предъявляются тюремщикомъ Аталыку, для произношенія надъ ними приговора. Аталыкъ тогда приказываетъ выпустить тѣхъ, задержаніе которыхъ онъ считаетъ достаточнымъ наказаніемъ. За мелкое воровство отрѣзываютъ руку; болѣе важныя преступленія наказываются смертью. Одинъ изъ патанскихъ офицеровъ, находящихся на службѣ въ Кашгарѣ, утверждаетъ, что когда Ата-

лыкъ полагаетъ, что его люди становятся слишкомъ независимыми (мастъ, какъ выражаются афганцы), то онъ разрѣзываетъ нѣсколькимъ горло и разбросаетъ ихъ тѣла тамъ и сямъ, чтобы внушить другимъ покорность и страхъ.

Главными совѣтниками Аталыка два старика: Хайдеръ Бегъ Дадъ-хва и Наръ Колъ. Но обыкновенно онъ ни съ кѣмъ не совѣтуется. Послѣ этихъ двухъ стариковъ слѣдуютъ четыре визиря, называемые: Исмаилъ Бегъ Тура, Камилъ Бегъ Тура, Саядъ Тура и Икбалъ Бегъ Тура. Они всѣ принадлежатъ къ семейству Ходжи, прежняго владѣтеля восточнаго Туркестана. Къ этому же семейству принадлежатъ также Бузургъ Ханъ, котораго Аталыкъ изгналъ, и Вале Ханъ, убитый имъ.

Послѣ визирей въ чинѣ слѣдуютъ пенсадбаши [1]), затѣмъ офицеры, называемые умра, за нимъ юзбаши и пр. Мингбаши [2]) и Лашкарбаши (начальники арміи), назначаются, кажется, только во время войны.

Я увѣренъ, что Аталыкъ-Хази никогда не убиваетъ военно-плѣнныхъ, за исключеніемъ политическихъ преступниковъ (какъ напр. мятежный начальникъ въ Сариколѣ). Казнь обыкновенно заключается въ повѣшеніи для воровъ (при значительномъ воровствѣ); другимъ преступникамъ, осужденнымъ на смерть, разрѣзываютъ горло посредствомъ длиннаго остроконечнаго ножа, который прокалывается съ затылка до передней части шеи и потомъ производится имъ разрѣзъ.

Относительно военно-плѣнныхъ, кажется, не совсѣмъ вѣрно

---

1) Номинально: начальникъ пятисотъ.
2) Начальникъ тысячи (номинально).

то что я выше сказалъ. Такъ напр. китайцы, не желавшіе принять мусульманскаго вѣроисповѣданія, были убиты. Такихъ, говорятъ, было около 40000 человѣкъ, считая какъ военныхъ, такъ и статскихъ. Правда, что только часть этихъ несчастныхъ пала подъ мечемъ Аталыка, а именно гарнизонъ Янгъ-Шара, Кашгара и можетъ быть Маралбаши. Остальные были предварительно убиты тунганцами и народомъ.

Въ управленіи страною участвуютъ преимущественно андиджаны. Губернаторы Аксу, Кашгара, Янгъ-Хиссара, Ярканда, Поскіяма, Гумы и Санджу принадлежатъ къ этой націи; въ Каргалыкѣ же и Хотенѣ они яркандцы, но визирь въ Хотенѣ андиджанъ.

Народъ не находится подъ тираническимъ гнетомъ. Здѣсь нѣтъ вынужденной работы въ пользу правительства, той барщины, которая безчеститъ Кашмиръ и даже англійскіе горные округи въ Пенджабѣ. Всѣ правительственныя работы въ восточномъ Туркестанѣ производятся солдатами, даже постройка домовъ, рытіе каналовъ и пр. Въ Кашгарѣ, близъ моего дома, было большое заведеніе, въ которомъ работали портные; они всѣ были солдаты, и каждое утро выходили на ученіе. Если требуется экстренной работы, то нанимаютъ людей безъ принужденія, и они регулярно получаютъ за свою работу отъ одной до двухъ танга въ день (10—20 копѣекъ). За хорошую плату здѣшніе работники исполняютъ свою обязанность очень добросовѣстно, независимо отъ того присутствуетъ ли хозяинъ при работѣ или нѣтъ.

Армейскіе офицеры получаютъ свое жалованіе изъ доходовъ отъ домовъ или деревень. Солдаты получаютъ по одной тангѣ въ день и содержатся на счетъ Аталыка. Ихъ лошади также принадлежатъ ему. Кромѣ того какъ офицеры, такъ

и солдаты часто получаютъ подарки (платья, сапоги и т. п.), особенно когда ихъ употребляютъ на какое нибудь дѣло.

Съѣстные припасы дешевы. Мука продавалась весною 1869 г. по 90 фулъ за чаракъ (около 26 фунтовъ за 30 коп.). Въ Пенджабѣ она рѣдко дешевле 30 к. за 18 фунтовъ. Говорятъ, что во время владычества китайцевъ мука была втрое дешевле.

Махрамбаши говоритъ, что подать собирается отъ земледѣльцевъ натурою, десятую долю съ произведенія. Съ этою цѣлью въ каждой деревни помѣщается сиркаръ или сборщикъ, который собираетъ и сберегаетъ казенный хлѣбъ. Этимъ сиркарамъ Аталыкъ отдаетъ приказанія подъ собственною печатью въ такой формѣ:—1000 чараковъ пшеницы такому-то юзбаши, 500 такому-то, 300 такому-то махрамбаши и т. д. Это составляетъ ихъ годовое жалованье, согласно чину. Когда запасъ какого нибудь сиркара истощается, онъ представляетъ объ этомъ рапортъ главному сиркару въ Кашгарѣ. Я спросилъ махрамбаши притѣсняютъ ли сиркары народъ? Онъ смѣялся и говорилъ: «если бы они это дѣлали, земледѣльцы задали бы имъ хорошую трепку, и они не смѣли бы жаловаться объ этомъ Аталыку, потому что онъ бы ихъ убилъ за такія проказы». Затѣмъ онъ прибавилъ, что подъ владычествомъ китайцевъ была большая тираннія — тогда брали четверть произведеній. Я разсказалъ ему, что въ Кашмирѣ подать отдается на откупъ и что отъ земледѣльца отнимаютъ отъ двухъ третей до трехъ четвертей произведеній его земли. Онъ поднялъ руки съ ужасомъ и выбранилъ кафира махараджа. Другой подати въ Кашгарѣ нѣтъ. Внутренняя торговля и производство не обложены податью. Но берется та-

моженная пошлина, одна сороковая часть, со всѣхъ товаровъ и скота, ввозимыхъ въ страну.

О климатѣ и пр. Махумедъ Омаръ сообщилъ мнѣ слѣдующее: Зима продолжается три мѣсяца, и сорокъ дней очень холодно; лѣто также три мѣсяца, и сорокъ дней очень жарко. Пшеница сѣется въ октябрѣ и ноябрѣ, скотъ съѣдаетъ первые отпрыски, которые опять вырастаютъ послѣ зимы. Весною сѣятъ болѣе пшеницы. Все зрѣетъ въ одно время, но то что сѣяно прежде лучше. Въ жаркое лѣто всѣ живутъ въ садахъ и по берегамъ рѣкъ; разъѣзжаютъ въ телѣгахъ.

Я замѣтилъ, что песчаные бури въ Туркестанѣ различны отъ индійскихъ. Въ Индіи песокъ или пыль приносится вѣтромъ изъ далекихъ мѣстъ. Въ Туркестанѣ вѣтеръ начинается безъ пыли и только послѣ нѣкотораго времени воздухъ наполняется пескомъ и землею изъ сосѣднихъ мѣстностей.

Іепчангъ, деревня между Кашгаромъ и Янгъ-Хиссаромъ, потерпѣлъ нѣсколько землетрясеній. Толчки продолжались восемь мѣсяцевъ (восемь или десять разъ въ день), и кончились весною 1868 г.

Самое цѣнное произведеніе восточнаго Туркестана былъ нефритъ. Каменоломни находятся недалеко отъ Балакчи, по правой рукѣ (сѣверной стороны) берега рѣки Каракаша, въ горахъ Куэнъ Луэнъ.

Изъ другихъ минеральныхъ произведеній восточнаго Туркестана главныя: мѣдь, желѣзо, свинецъ и золото. Мѣдь находятъ близъ Аксу, желѣзо получается въ Кизилѣ-Тахѣ (красныя горы), на западъ отъ Ярканда, и обработывается въ деревняхъ Тоблокъ Кизиль и др., на югѣ отъ Янгъ-Хиссара.

Свинецъ добывается въ нѣкоторыхъ долинахъ близъ Сариколя, гдѣ рѣка Яркандъ вытекаетъ изъ горъ.

Хотенъ, извѣстенъ своимъ золотомъ, котораго есть нѣсколько рудъ подъ горами близъ Кирiи, къ востоку отъ Хотена. Эти руды вѣроятно соединены съ тѣми, которыя находятся на востокъ отъ Рудока и Гортока и которые недавно посѣщалъ одинъ изъ «пундитовъ» маiора Монгомери. Золото добывается здѣсь въ видѣ песка, смѣшаннаго съ кусками, которые имѣютъ неправильную форму и величиною не больше боба.

Я пытался опредѣлить точную длину разстоянiя, которое названо «ташъ» или по персидски «фарсахъ» (парасангъ) или «сангъ» (Послѣднее есть только переводъ тюркскаго «ташъ», такъ называемаго — отъ камней, которые кладутъ по бокамъ дороги для отмѣчанiя разстоянiя).

Я скоро открылъ, что ташъ гораздо длиннѣе обыкновеннаго персидскаго фарсаха, которое равняется только тремъ съ половиною милямъ. Но онъ вѣроятно скорѣе мѣра времени, чѣмъ мѣра пространства, подобно Stunde (часъ) швейцарцевъ.

На равнинахъ восточнаго Туркестана путешественники ѣздятъ легкою рысью, отъ того и число милей, сдѣланныхъ въ часъ, больше, чѣмъ въ Персiи. Дѣйствительно, когда туркестанцы ѣздятъ по гористымъ мѣстамъ, то ташъ короче пространствомъ.

Туземные говорятъ, что ташъ равняется 12000 шагамъ. На дорогѣ между Каргалыкомъ и Яркандомъ, гдѣ разстоянiя отмѣчены столбами, я заставлялъ моихъ людей, нѣсколько разъ, измѣрять ташъ какъ пѣшкомъ, такъ и верхомъ. Пѣшкомъ они сосчитали въ немъ 11000 шаговъ, что̀ равняется

почти пяти милямъ. Верхомъ они сосчитали 5740 иноходныхъ шаговъ. Галтонъ (Art of Travel) считаетъ 950 иноходныхъ шаговъ лошади на милю. Такимъ образомъ ташъ должно равняться шести милямъ. Но иноходный шагъ лошади укорачиваетъ ея ходъ. А потому полагаю, что ташъ около пяти милей, — разстояніе, которое мы обыкновенно дѣлали въ часъ.

ГЛАВА XVIII.

Женскіе наряды.

Головной уборъ. — Рогъ. — Тюника.—Капотъ.—Обувь.—Косы.—Украшенія.—Краска для щекъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ объ одеждѣ женщинъ, такъ какъ наряды мужчинъ уже извѣстны читателю.

Зимою женщины носятъ маленькую шляпку porc-pie съ мѣховою опушкою; она надѣвается надъ бѣлымъ головнымъ уборомъ, котораго одинъ конецъ опускается на лобъ, другой на спину, а остальные два конца по плечамъ. Весь остальный женскій нарядъ состоитъ изъ длинныхъ платьевъ, безъ таліи, надѣтыхъ другъ на друга и достигающихъ лодыжекъ.

Но лѣтомъ нарядъ женщинъ болѣе самообразенъ. Самый обыкновенный головной нарядъ похожъ на ламповый шаръ, помѣщенный на заднюю часть головы. Онъ большею частью бѣлаго цвѣта, но въ богатомъ классѣ его дѣлаютъ изъ шелка или парчи. Дома, или въ обращеніи съ нисшимъ классомъ,

женщины носятъ на тѣлѣ нѣчто въ родѣ капота нашихъ дамъ. Подъ нимъ видны шаровары, концы которыхъ обыкновенно вышиты или состоятъ изъ окрашенной матеріи, большею частью красной. Ноги обуты сапогами изъ красной кожи съ высокими каблуками и голенищами, доходящими до колѣнъ. Но если дама высшаго круга выходитъ изъ дома, то она надъ всѣмъ этимъ надѣваетъ длинное платье изъ черной лощенной матеріи, съ длинными рукавами, закрывающими даже кончики пальцевъ. На передней части головы помѣщенъ рогъ, сдѣланный изъ многихъ складокъ каленкора или другой матеріи. На этомъ рогѣ виситъ тюника изъ цвѣтнаго муслина съ рукавами и пр., служащая мантильею. Лице закрыто маленькою четыреугольною вуалью, завязанною вокругъ головы. Такимъ образомъ всѣ части яркандскаго прекраснаго пола закрыты, подобно шелковичному червю въ коконѣ.

Волосы туркестанки завязываютъ въ двѣ косы, которыя висятъ на спинѣ. Иногда онѣ ихъ увеличиваютъ искуственно. Волосы покупаютъ въ Яркандѣ по хорошей цѣнѣ. Когда мой мунши, носившій въ Индіи свои волосы кудрями, передъ вступленіемъ въ Яркандъ, сбрилъ себѣ волосы, согласно обычаю правовѣрныхъ мусульманъ, и бросилъ ихъ, то люди моего каравана сказали ему, что онъ могъ бы получить за нихъ въ Яркандѣ хорошія деньги. Искуственныя косы продаются на всѣхъ базарахъ.

Украшеніями туркестанки пользуются мало, такъ какъ это имъ запрещено религіею. Золотыя вещи вовсе не позволены имъ носить; но у нихъ есть серебрянныя и другія украшенія, сдѣланныя не безъ вкуса.

Яркандскія дамы считаютъ варварствомъ обычай индійскихъ женщинъ прокалывать себѣ носъ для колецъ. Но онѣ не

прочь употреблять краски для своихъ щекъ. На базарахъ продаются съ этою цѣлью крашеная хлопчатая бумага, которая слегка помоченная, при трепіи ею щеки, даетъ цвѣтъ, имѣющій натуральный видъ даже на европейскомъ лицѣ.

КОНЕЦЪ.

Z.C.P. - N.Ver '